

ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ПРАВО

У ч р е д и т е л ь:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – *Д. А. Ендовицкий*, д-р экон. наук, проф. Заместители председателя – *Ю. А. Бубнов*, д-р филос. наук, проф.; *Д. В. Костин*, д-р физ.-мат. наук, доц. Координатор – *Н. М. Близняков*, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: *В. Г. Артюхов*, д-р биол. наук, проф.; *В. Н. Глазьев*, д-р ист. наук, проф.; *А. С. Кравец*, д-р филос. наук, проф.; *А. А. Кретов*, д-р филос. наук, проф.; *С. А. Куропан*, д-р геогр. наук, проф.; *А. Д. Савко*, д-р геол.-минерал. наук, проф.; *А. А. Сирота*, д-р техн. наук, проф.; *Ю. Н. Старилов*, д-р юрид. наук, проф.; *В. В. Тулупов*, д-р филос. наук, проф.; *С. А. Шабров*, д-р физ.-мат. наук, доц.; *А. И. Шашкин*, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – *Ю. Н. Старилов*, д-р юрид. наук, проф. Заместители главного редактора – *О. С. Рогачёва*, д-р юрид. наук, доц.; *Ю. Б. Носова*, канд. юрид. наук, доц. Ответственный секретарь – *О. Н. Шеменёва*, д-р юрид. наук, доц. Члены редколлегии: *А. И. Абдуллин*, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет); *Ю. В. Агibalов*, канд. экон. наук, доц. (РАНХиГС при Президенте РФ, Воронежский филиал); *М. О. Баев*, д-р юрид. наук, проф.; *О. Ю. Бакаева*, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия); *О. В. Баулин*, д-р юрид. наук, проф.; *К. Беше-Головко*, доктор права (Университет Монпелье, Франция), доц. (Европейский Гуманитарный Университет в г. Вильнюсе, Литва); *П. Н. Бирюков*, д-р юрид. наук, проф.; *Т. М. Бялкина*, д-р юрид. наук, проф.; *А. Н. Вылегжанин*, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации); *Й. Денпе*, доктор права, международный эксперт GIZ (г. Эшборн, Германия); *Д. В. Зотов*, канд. юрид. наук, доц.; *Т. Д. Зражевская*, д-р юрид. наук, проф.; *С. Д. Князев*, д-р юрид. наук, проф. (Конституционный Суд, г. Санкт-Петербург); *С. Кодама*, доктор права, проф. (Университет Миэ, Япония); *Н. А. Лопашенко*, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия); *Е. Б. Лупарев*, д-р юрид. наук, проф. (Кубанский государственный университет); *Н. Л. Лютов*, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)); *А. В. Малько*, д-р юрид. наук, проф. (Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)); *С. П. Матвеев*, д-р юрид. наук, доц.; *В. А. Мецереяков*, д-р юрид. наук, проф. (Центральный филиал Российского государственного университета правосудия); *Е. И. Носырева*, д-р юрид. наук, проф.; *К. К. Панько*, д-р юрид. наук, проф.; *С. В. Передерин*, д-р юрид. наук, проф.; *Р. А. Подопригора*, д-р юрид. наук, проф. (Каспийский университет, г. Алматы, Республика Казахстан); *М. В. Сенцова (Карасёва)*, д-р юрид. наук, проф.; *Ю. В. Сорокина*, д-р юрид. наук, проф.; *В. В. Трухачёв*, д-р юрид. наук, проф.; *Л. В. Туманова*, д-р юрид. наук, проф. (ТвГУ, г. Тверь); *Н. А. Шишкин*, заместитель Генерального прокурора РФ, канд. юрид. наук; *Л. Этель*, д-р юрид. наук, проф., ректор Университета в г. Белосток (Польша)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия: Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28322 от 08.06.2007

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук, утвержденный ВАК

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (Группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки)

Адрес редакции и издателя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1,
Воронежский государственный университет.
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Право».
E-mail: vestnik_pravo@law.vsu.ru
Тел./факс: 8 (473) 255-07-19

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: LAW

Founder:

**Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»**

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL:

Chairman – *D. A. Yendovitsky*, dr of economic sciences, prof. Deputy chairmen – *Yu. A. Bubnov*, dr of philosophical sciences, prof.; *D. V. Kostin*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof. Coordinator – *N. M. Bliznyakov*, cand. of physical and mathematical sciences, associate prof. Members of editorial board: *V. G. Artyukhov*, dr of biological sciences, prof.; *V. N. Glazyev*, dr of historical sciences, prof.; *A. S. Kravets*, dr of philosophical sciences, prof.; *A. A. Kretov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Kurolap*, dr of geographical sciences, prof.; *A. D. Savko*, dr of geological and mineralogical sciences, prof.; *A. A. Sirota*, dr of technical sciences, prof.; *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof.; *V. V. Tulupov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Shabrov*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof.; *A. I. Shashkin*, dr of physical and mathematical sciences, prof.

EDITORIAL COMMITTEE OF SERIES:

Editor in chief – *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof. Deputy editors in chief – *O. S. Rogacheva*, dr of legal sciences, associate prof.; *Yu. B. Nosova*, cand. of legal sciences, associate prof. Executive secretary – *O. N. Shemeneva*, dr of legal sciences, associate prof. Members of editorial committee: *A. I. Abdullin*, dr of legal sciences, prof. (Kazan (Privolzhsky) Federal University); *Yu. V. Agibalov*, cand. of economic sciences, associate prof. (Voronezh branch of RANEPa); *M. O. Baev*, dr of legal sciences, prof.; *O. Yu. Bakaeva*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *O. V. Baulin*, dr of legal sciences, prof.; *K. Beshe-Golovko*, dr of law (Montpellier University, France), associate prof. (European Humanities University, Vilnius, Lithuania); *P. N. Birukov*, dr of legal sciences, prof.; *T. M. Byalkina*, dr of legal sciences, prof.; *A. N. Vylegzhanin*, dr of legal sciences, prof. (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation); *J. Deppe*, dr of law, international expert GIZ (Eshborn, Germany); *D. V. Zotov*, cand. of legal sciences, associate prof.; *T. D. Zrazhevskaya*, dr of legal sciences, prof.; *S. D. Knyazev*, dr of legal sciences, prof. (Constitutional Court, St. Petersburg); *S. Kodama*, dr of law, prof. (University Mie, Japan); *N. A. Lopashenko*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *E. B. Luparev*, dr of legal sciences, prof. (Kuban State University); *N. L. Lyutov*, dr of legal sciences, associate prof. (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSUA)); *A. V. Malko*, dr of legal sciences, prof. (Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)); *S. P. Matveev*, dr of legal sciences, associate prof.; *V. A. Meshcheryakov*, dr of legal sciences, prof. (Central branch of the Russian State University of Justice); *E. I. Nosyreva*, dr of legal sciences, prof.; *K. K. Panko*, dr of legal sciences, prof.; *S. V. Perederin*, dr of legal sciences, prof.; *R. A. Podoprigora*, dr of legal sciences, prof. (Caspian Public University, Almaty, Kazakhstan); *M. V. Sentsova (Karaseva)*, dr of legal sciences, prof.; *Yu. V. Sorokina*, dr of legal sciences, prof.; *V. V. Trukhachev*, dr of legal sciences, prof.; *L. V. Tumanova*, dr of legal sciences, prof. (Tver State University); *N. A. Shishkin*, deputy of General Prosecutor of the Russian Federation, cand. of legal sciences; *L. Etel*, dr of legal sciences, prof., rektor of the University in Bialystok (Poland)

Registered by Federal Service for Supervisions of Mass Media and Cultural Heritage Protection. Registration certificate ПИИ № ФС77-28322 of 08.06.2007

The journal is included in the List of Peer-reviewed Scientific Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Legal sciences (Group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences; 5.1.2. Public law (state legal) sciences; 5.1.3. Private law (civilistic) sciences; 5.1.4. Criminal law sciences; 5.1.5. International legal sciences)

Editorial committee address: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Voronezh State University.
Editorial committee of «Proceedings of VSU. Series law»
E-mail: vestnik_pravo@law.vsu.ru
Tel./fax: 8 (473) 255-07-19

© Voronezh State University, 2024

© Desing, original-model. Publishing house of the Voronezh State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Зражевская Т. Д.** Конституционные идеологемы: обновление содержания на рубеже эпох..... 6
- Сагандыков М. С.** Влияние возраста на реализацию гражданами свободы труда:
конституционное и антидискриминационное законодательство зарубежных стран 12
- Корнева Т. С.** Содержание принципа гласности организации и деятельности прокуратуры
в современных условиях 21

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Ливенцев Д. В.** Восточные награды в государственно-правовом статусе
русской правящей династии 29

ЦИФРОВИЗАЦИЯ. ЦИФРОВОЕ ПРАВО. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

- Лескина Э. И.** Информационная безопасность несовершеннолетних в аспекте
функционирования цифровой образовательной среды..... 37
- Жирнова Н. А., Солдаткина О. Л.** К вопросу о правовом режиме обезличенных
персональных данных 44

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Осипян Б. А.** Правомерное понятие гражданско-правовой ответственности и санкций
в современном российском гражданском праве..... 52
- Аргунов А. В.** Разработка теории гражданских процессуальных правоотношений
во Франции 64
- Горшенев М. А.** Кризис доверия как фактор, влияющий на доказывание
в делах о несостоятельности (банкротстве) 73
- Селиванова Е. С., Дмитриева О. В.** Трансформация имущественных отношений и деликтной
ответственности в условиях цифровизации общества и применения искусственного интеллекта..... 80
- Кочетков А. В.** Приказное производство в арбитражном процессе 93
- Кудинова М. В.** Основы и порядок определения компетенции государственных судов
и составов арбитражей по разрешению международных коммерческих споров 102

Каримуллина А. Р. Конфиденциальность как принцип примирительных процедур	110
Орлов А. В. Мировая юстиция сегодня: о «перезревшей» необходимости процессуально-правового реформирования и его основных направлениях	115

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Передерин С. В. Состояние и тенденции развития дифференциации правового регулирования наемного труда	118
Гусакова Ю. С., Лиликова О. С. Специфические черты судебной практики как источника трудового права Российской Федерации	128
Васюков В. В. Организационные принципы социальных процедур	134

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Тищенко С. В., Кирсанова А. В. Зарубежный опыт правового регулирования лесных отношений	140
Галицкая Н. В. Характерные особенности системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности в России	146
Мухтарова О. С. Рассмотрение арбитражными судами дел об оспаривании постановлений административных органов о привлечении к административной ответственности некоммерческих организаций	153

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Шайхразиев В. Э. О понижении очередности удовлетворения требований залогового кредитора в практике Верховного Суда Российской Федерации	161
Николаев А. В. Роль внутреннего правила «лицо, имеющее фактическое право на доход» в международных налоговых отношениях	167

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

Маркунцов С. А. Об «искажениях» в криминологической характеристике транспортной (автотранспортной) преступности	176
Семенчук В. В., Ларичев В. Д. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности при реализации полномочий налоговых органов по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах	184

Информация

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей	196
--	-----

CONTENTS

STATE AUTHORITY. LEGISLATIVE PROCESS. CONSTITUTIONAL LAW. PUBLIC MANAGEMENT. LOCAL SELFGOVERNMENT

Zrazhevskaya T. D. Constitutional ideologemes: renewal of content at the turn of eras	6
Sagandykov M. C. Impact of age on citizens' realization of freedom of labor: constitutional and anti-discriminatory legislation of foreign countries.....	12
Korneva T. S. Content of the principle of transparency of the organization and activity of the prosecutor's office in modern conditions	21

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Liventsev D. V. Oriental awards in the state-legal status of the Russian ruling dynasty	29
--	----

DIGITAL LAW. ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Leskina E. I. Information security of minors in the aspect of the operation of the digital educational environment.....	37
Zhirnova N. A., Soldatkina O. L. On the issue of the legal regime of depersonalized personal data	44

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Osipian B. A. The legitimate concept of civil liability and sanctions in modern Russian civil law.....	52
Argunov A. V. Development of the theory of civil procedural legal relations in France	64
Gorshenev M. A. Crisis of confidence as a factor influencing proof in insolvency (bankruptcy) cases.....	73
Selivanova E. S., Dmitrieva O. V. Transformation of property relations and tort liability in the conditions of digitalization of society and application of artificial intelligence	80
Kochetkov A. V. Writ proceedings in arbitration process.....	93
Kudinova M. V. Grounds and procedure for determining the competence of state courts and arbitral tribunals to resolve international commercial disputes	102
Karimullina A. R. Confidentiality as a principle of conciliation procedures.....	110
Orlov A. V. Justice of the peace today: about the «overripe» need for procedural and legal reform and its main directions.....	115

LABOR LAW

Pederin S. V. State and development trends of differentiation of legal regulation of hired labor	118
Gusakova Yu. S., Lilikova O. S. Specific features of judicial practice as a source of labor law of the Russian Federation	128
Vasyukov V. V. Organizational principles of social procedures	134

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

Tishchenko S. V., Kirsanova A. V. Foreign experience in the legal regulation of forest relations.....	140
Galitskaya N. V. Characteristic features of the system of administrative and legal provision of food security in Russia.....	146
Mukhtarova O. S. Consideration by commercial courts of cases on challenging decisions of administrative bodies on bringing non-profit organisations to administrative responsibility.....	153

BUSINESS LAW

Shaikhraziev V. E. Reduction of the priority of satisfying the claims of the secured creditor in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation	161
Nikolaev A. V. The roles of the domestic rule «the person who has the actual right to income» in international tax relations	167

CRIMINAL LAW. CRIMINAL PROCESS. CRIMINALISTICS

Markuntsov S. A. On the «distortions» in the criminological characterisation of transport (road transport) criminality.....	176
Semenchuk V. V., Larichev V. D. Features of using of the results of operative-investigative activity in the implementation of powers of the tax authorities to control and supervise compliance with legislation on taxes and fees	184

Information

Requirements to the materials directed to an editorial board of the journal for publication	198
---	-----

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

УДК 342.41

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/6-11>

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ: ОБНОВЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Т. Д. Зражевская

Воронежский государственный университет

CONSTITUTIONAL IDEOLOGEMES: RENEWAL OF CONTENT AT THE TURN OF ERAS

T. D. Zrazhevskaya

Voronezh State University

Аннотация: в контексте анализа идеологической функции государства в статье рассматривается применение идеологем как формы идеологической установки, позволяющей эффективно воздействовать на массовое сознание. Анализируются позитивные и негативные факторы использования конституционных идеологем, в том числе в качестве основы формирования единства осознания обществом траектории развития, а также как фактор психологической ориентации личности в сложной (переломной) общественно-политической обстановке. Некоторые идеологемы, внесенные в Конституцию России поправками 2020 г., стратегиями, доктринами, концепциями, интерпретируются правоприменителями неоднозначно из-за отсутствия единства системы, выражающей национально-государственную идеологию страны. Обосновывается необходимость научной разработки тезауруса идеологем, раскрывающих сущность традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России с целью укрепления правосознания, консолидации их деятельности в будущих преобразованиях, формирования единства гражданского общества.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, идеологическая функция, идеологемы, традиционные ценности, правосознание, образ государства, гражданское общество, национально-государственная идеология.

Abstract: in the context of analyzing the ideological function of the state, the article examines the use of ideologemes as a form of ideological attitude that allows one to effectively influence mass consciousness. Positive and negative factors in the use of constitutional ideologies are analyzed, including as the basis for the formation of a unified society's awareness of the development trajectory, as well as a factor in the psychological orientation of the individual in a complex (turning point) socio-political situation. Some ideologies introduced into the Russian Constitution by the 2020 amendments, strategies, doctrines, and concepts are interpreted ambiguously by law enforcers due to the lack of unity of the system expressing the national-state ideology of the country. The need for the scientific development of a thesaurus of ideologies that reveals the essence of traditional values as moral guidelines that shape the worldview of Russian citizens with the aim of strengthening legal consciousness, consolidating their activities in future transformations, and forming the unity of civil society is substantiated.

Key words: Constitution of the Russian Federation, ideological function, ideologemes, traditional values, legal consciousness, image of the state, civil society, national-state ideology.

Идеологическая функция – одна из важнейших функций государства. Одним из методов реализации данной функции является применение идеологем, исследованием которых занимаются преимущественно философская, политологическая, историческая, социологическая и лингвистическая науки. Использование идеологем – эффективное средство управления массовым сознанием, поскольку их краткость, эмоциональная окрашенность, легкая запоминаемость создают у большинства населения иллюзию понимания сложного социального явления. Особенно это ярко проявилось с распространением цифровых технологий в системе государственного и общественного управления.

1. Идеологемы наиболее эффективно используются в политике: «железный занавес», «сам факт существования социализма с его участием и доктринами воспринимался идеологами капитализма как угроза всему миру – такова была их главная политическая идеологема»¹.

В науке под идеологемой понимают особый тип многоуровневого концепта, в структуре которого актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах. Определения идеологемы довольно разнообразны, но в целом все ученые сходятся во мнении, что это некоторые символы, знаки или иные лексические единицы, которые выражают суть идеологии или общественного сознания. Идеологемы в праве символизируют идеологические установки – относительно обособленные идеи, принципы, ценности, стратегические цели и задачи, исходящие от государства и закрепленные в законодательстве, которые конструируют в проектируемом будущем образ государства, его внутреннее социально-политическое состояние, а также конкретные государственно значимые количественные и качественные показатели. Не иметь идеологического содержания государственная деятельность не может, так как это приведет к хаосу².

¹ См.: Глазунова Н. И. Размышления по поводу холодной войны и политических вызовов в адрес России // Международное публичное и частное право. 2021. № 6. С. 2–14.

² См.: Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен : определение и классификация //

Идеологемы постепенно включаются в текст Конституции. Об этом свидетельствуют одобренные на общероссийском голосовании поправки к Конституции России³, которые расширили объем идеологем, выражающих конкретные государственные идеологические установки современного общества. Такие идеологемы, как защита своего суверенитета и территориальной целостности, память предков, государственное единство, патриотизм, социальный патронаж, имеют признание у широких масс российских граждан. Практика показала противоречивость абсолютного запрета на конституционном уровне (ст. 13) государственной идеологии: государство вынуждено в той или иной форме (стратегий, концепций) вводить идеологические установки, определяющие устои и образ государства сегодня и в будущем, стратегические цели и задачи публичной власти, что свойственно любой общественно-политической системе. Однако «стыдливое замалчивание» идеологической составляющей правовых институтов привело к вольному трактованию и искажению смысла даже таких идеологем, как «демократия», «права человека», «правовое государство», «свобода», «гуманизм», «справедливость», «власть народа», «интернационализм», «равенство (равноправие)». Недостаточное внимание к конституционным идеологемам приводит к тому, что их употребление в контексте противоречивых идеологий наполняется различным содержанием. Эти значения не закреплены за словом непосредственно (о чем, в частности, свидетельствуют словарные дефиниции), а существуют на правах речевых смыслов, что позволяет их искажать в интересах правоприменителя. Такова, например, в речевых смыслах идеологема «демократия», которая применяется в западном мире, позволяя любое нарушение норм международного и внутригосударственного права представлять как «защиту» данной высшей идеологической ценности. Отсюда – важность создания тезау-

Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 34 ; Бредихин А. Л. Идеологемы, мифологемы и идеологические установки в идеологической функции государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 9. С. 16–19.

³ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

руса идеологем, используемых в конституционно-правовом регулировании.

2. Идеологемы важны не только для развития правовой системы; они играют объединяющую роль в обществе и государстве, формируют идейное единство и осознание обществом траектории развития. В переходные периоды общества, когда ломаются общепризнанные ценности и нормы морали, идеологемы необходимы как фактор психологической ориентации личности, так как влияют на сакральные ценности человека, его эмоциональную, глубинную, интеллектуальную сущность. Неправильное толкование и, соответственно, восприятие идеологем ведут к слою сложившейся в обществе системы ценностей. Ярким примером может служить восприятие обществом идеологемы «свободы», содержание которой зависит от уровня политической системы, экономического развития государства и мировоззренческих позиций индивида. Например, и сейчас понимание «свободы слова» колеблется от возможности критиковать любые действия власти до «ответственности за оскорбление власти» (ст. 20.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации).

Идеологемы, отражая развитие идеологических установок, постоянно наполняются новым смыслом. Особенно остро сегодня встает значение идеологем, включенных в содержание ст. 67 Конституции России («память предков», «подвиг народа»), когда западные страны откровенно фальсифицируют всю историю России и события на Украине. Содержательное наполнение новых конституционных идеологем («воспитание патриотизма и гражданственности», «премущественность в развитии Российского государства») дает направление совершенствования правовых институтов, а главное – консолидирует граждан, позволяя осознать целостную систему ценностей государства и общества не только на современном этапе, но и в долгосрочной перспективе.

Поправки в Конституцию РФ (в ст. 75, 75.1 и 114) добавили наполнение в раскрытии идеологемы «социальное государство». В противоположность коммунистической идеологеме «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям» государство отошло от патерналистского функционала и перевело идеологему в рамки целенаправленной помощи уязвимых групп (детей, инвалидов, пенсионеров).

Социальное государство направлено на формирование механизма, обеспечивающего защиту достоинства граждан и уважение человека труда, оптимальные условия трудоустройства граждан для самостоятельного создания материальных и духовных благ, исключая иждивенчество.

Большой скачок в развитии содержания идеологем дал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, утвердивший Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁴. Впервые дано легальное определение традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство. Их уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России, помимо обеспечения в отраслевом законодательстве, требует отражения и в идеологемах.

3. Отмечая определенную мифологическую содержательность конституционных идеологем, ученые выделяют их особую черту: разделяемость членами социума общих представлений о своем происхождении и принципах существования; связывание событий прошлого с современностью с целью легитимации конституционного политического порядка⁵; стремление к обеспечению суверенитета и неприкосновенности территорий. Такие совместные усилия консолидируют граждан на осознанный выбор поведения и участие в преобразовании перспективных целей и задач в будущем. Поэтому идеологемы, поддержанные населением, оказывают стимулирующее влияние на формирование конституционно-правовых институтов, выступая непосредственной формой народовластия.

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁵ См.: Барциц И. Н. Конституционная мифология : возникновение, предназначение и практика применения (Часть 1) // Государство и право. 2018. № 12. С. 58 ; Костогрызов П. И. «Мнимые величины» в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 6.

Такой путь, например, прошла идеологема «институты гражданского общества». Эти институты первоначально не были включены в Конституцию России, но благодаря активности населения развивались и воплотились в текущем законодательстве, а идеологема стала конституционной благодаря поправке (ч. 1 п. е.1 ст. 114 Конституции РФ).

Аналогична идеологема государственной национальной политики, сложность применения которой состоит в необходимости достижения двух разнонаправленных, но диалектически взаимообусловленных целей: а) упрочение гражданского единства; б) сохранение этнокультурного разнообразия. Налицо сложность, во-первых, категориального и операционального освоения самого понятия «российская нация», во-вторых, отождествления его с конституционным понятием «многонациональный народ РФ». Поскольку многие исследования и мониторинги последних лет, как и декларации руководства страны, фиксируют упрочение российской гражданской идентичности, снижение остроты межэтнических отношений, деактуализацию этнополитической конкуренции, нейтрализацию рисков ксенофобии и национализма⁶, то введение идеологем «культурная самобытность» и «культурная идентичность» в текст ст. 69 Конституции РФ способствует укреплению межнациональных отношений.

4. В процессе применения идеологемы возможно не только их развитие, но и падение – в случае утраты доверия населения. Так, эксплуатация идеологемы «партия власти» при отрицательной оценке эффективности деятельности ее представителей (особенно губернаторов) вызывает утрату ее общественного признания. Поэтому важно закреплять в законодательстве только те идеологемы, которые продуктивны и консолидируют общество.

5. Таким образом, идеологическая функция государства побуждает к закреплению в Конституции РФ тех идеологем, которые играют важную роль в сплочении нации и формировании единого гражданского общества. К при-

знакам конституционных идеологем относятся: 1) отражение взаимосвязи прошлого, настоящего и перспективы будущего; 2) поддержание подавляющим большинством социума; 3) воздействие на сознание, волю и поведение людей; 4) побуждение к совершению (или воздержанию от) определенных действий, имеющих цель – позитивное развития российского государства и общества.

Сегодня перед наукой конституционного права встает задача⁷ системно увязать, «кодифицировать» идеологические нормы Конституции России и отдельные стратегии, доктрины, концепции, выражающие национально-государственную идеологию страны. Развита национально-государственная идеология есть средство осознания народом самого себя как целостной коллективной личности, его социально-политического самоопределения. Ее сила не только и не столько в конституционном закреплении, сколько в улавливании и выражении в ней глубинных запросов людей, а также в ее способности доходить не только до сознания, но и до чувств людей, выработки стойкого чувства общероссийского единства. Идеологемы как элементы общенациональной идеологии, которые формируют правосознание, способны это реализовать наиболее эффективно. При этом идеологемы, в том числе закрепленные конституционно, не могут применяться как обязывающие людей к определенному идеологическому, мировоззренческому выбору.

Наука конституционного права, опираясь на достигнутые результаты исследований гуманитарных наук, должна разработать тезаурус идеологем, используемых в конституционно-правовом регулировании. В Основном законе необходимо отражение перспектив развития социально-политической системы страны, идейных основ государственной и общественной жизни. А поскольку каждая конституция закрепляет свою систему общественных ценностей, воплощающую историческое развитие общественно-политического строя данного государства, постольку и нацелена на воспитание мировоззрения каждого члена общества. Конституционное право

⁶ См.: Аставацатурова М. А. Идеологемы государственной национальной политики РФ в практико-прикладном измерении // Реализация государственной национальной политики : опыт города Москвы и регионов России : [сборник] / Правительство Москвы, Департамент нац. политики и межрегион. связей г. Москвы, Московский дом национальностей. М., 2019. С. 43–44.

⁷ См.: Кокотов А. Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 11–23 ; Его же. Конституция России 1993 года как правовая основа выбора страной цивилизационного пути // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 5–6.

каждого гражданина – выбирать или не выбирать из идеологического многообразия государственную идеологию. Поскольку идеологемы касаются всех глав Конституции, необходимо ускорить принятие федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании», который обеспечит возможность пересмотра 1 и 2 глав (включив идеологемы как элементы общенациональной идеологии в соответствующие разделы). Конституция РФ нуждается в дополнении важнейших конституционных институтов идеологемами, что привлечет население к целостному системному восприятию и осознанию традиционных ценностей. Научный подход к раскрытию сущности содержания идеологем и механизмов их воздействия на правосознание позволит членам гражданского общества сформировать мировоззрение, отражающее концепт государственной идеологии России.

Библиографический список

Аствацатурова М. А. Идеологемы государственной национальной политики РФ в практико-прикладном измерении // Реализация государственной национальной политики : опыт города Москвы и регионов России : [сборник] / Правительство Москвы, Департамент нац. политики и межрегион. связей г. Москвы, Московский дом национальностей. М. : МДН, 2019. С. 43–44.

Барциц И. Н. Конституционная мифология : возникновение, предназначение и практика применения (Часть 1) // Государство и право. 2018. № 12. С. 58.

Бредихин А. Л. Идеологемы, мифологемы и идеологические установки в идеологической функции государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 9. С. 16–19.

Глазунова Н. И. Размышления по поводу холодной войны и политических вызовов в адрес России // Международное публичное и частное право. 2021. № 6. С. 2–14.

Кокотов А. Н. Конституция России 1993 года как правовая основа выбора страной цивилизаци-

онного пути // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 5–6.

Кокотов А. Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 11–23.

Костогрызов П. И. «Мнимые величины» в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 6.

Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен : определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 34.

References

Astvatsaturova M. A. Ideologemes of the state national policy of the Russian Federation in a practical and applied dimension // Implementation of state national policy : the experience of the city of Moscow and regions of Russia : [collection] / Moscow Government, Department of National. politics and interregion. connections of the city of Moscow, Moscow House of Nationalities. Moscow : MDN, 2019. P. 43–44.

Bartsits I. N. Constitutional mythology : emergence, purpose and practice of application (Part 1) // State and law. 2018. No. 12. P. 58.

Bredikhin A. L. Ideologemes, mythologemes and ideological attitudes in the ideological function of the state // State power and local self-government. 2021. No. 9. P. 16–19.

Glazunova N. I. Reflections on the Cold War and political challenges to Russia // International public and private law. 2021. No. 6. P. 2–14.

Kokotov A. N. The Russian Constitution of 1993 as the legal basis for the country's choice of a civilizational path // Constitutional and municipal law. 2018. No. 12. P. 5–6.

Kokotov A. N. The Constitution of Russia and ideology // Current problems of Russian law. 2023. No. 12. P. 11–23.

Kostogryzov P. I. «Imaginary quantities» in constitutional law // Constitutional and municipal law. 2021. No. 8. S. 6.

Malysheva E. G. Ideologeme as a linguocognitive phenomenon : definition and classification // Political linguistics. 2009. No. 4. P. 34.

Воронежский государственный университет
Зражевская Т. Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина

Voronezh State University
Zrazhevskaya T. D., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law named after Professor V. S. Osnovin

E-mail: tzrazhevskaya@yandex.ru

E-mail: tzrazhevskaya@yandex.ru

Поступила в редакцию: 02.12.2024

Received: 02.12.2024

Для цитирования:

Зражевская Т. Д. Конституционные идеологемы: обновление содержания на рубеже эпох // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 6–11. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/6-11>

For citation:

Zrazhevskaya T. D. Constitutional ideologemes: renewal of content at the turn of eras // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 6–11. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/6-11>

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТА НА РЕАЛИЗАЦИЮ ГРАЖДАНАМИ СВОБОДЫ ТРУДА: КОНСТИТУЦИОННОЕ И АНТИДИСКРИМИНАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. С. Сагандыков

*Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)*

IMPACT OF AGE ON CITIZENS' REALIZATION OF FREEDOM OF LABOR: CONSTITUTIONAL AND ANTI-DISCRIMINATORY LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

M. S. Sagandykov

South Ural State University (National Research University)

Аннотация: на основе анализа тестов конституций зарубежных стран, трудового и специального антидискриминационного законодательства ряда государств Европы и США, судебной практики выявлены особенности применения принципа запрещения дискриминации при реализации гражданами свободы труда и права на труд в зависимости от возраста. Сделан вывод, что отношение в законодательстве и судебной практике к возрасту как к признаку дискриминации отличается от подходов к другим дискриминационным основаниям. Реалии современного рынка труда требуют изменения подходов к политике в области защиты граждан от дискриминации по возрастному признаку как в зарубежных странах, так и в России.

Ключевые слова: запрещение дискриминации, свобода труда, возраст, конституция.

Abstract: on the basis of the analysis of constitutions of foreign countries, labor and special anti-discriminatory legislation of some states of Europe and the USA, judicial practice the peculiarities of application of the principle of prohibition of discrimination in realization by citizens of freedom of labor and the right to work depending on age are revealed. It is concluded that the attitude in legislation and judicial practice to age as a ground of discrimination differs from approaches to other discriminatory grounds. The realities of the modern labor market require changes in approaches to policy in the field of protection of citizens from discrimination on the basis of age, both in foreign countries and in Russia.

Key words: prohibition of discrimination, freedom of labor, age, constitution.

Реализация закрепленной в конституциях многих стран, в том числе в ст. 37 Конституции РФ, свободы труда напрямую связана с запрещением дискриминации, прежде всего, при приеме на работу. На данное обстоятельство обращается внимание во многих исследованиях конституционно-правового и трудово-правового харак-

тера¹, а также в ряде решений Конституционного Суда РФ².

¹ См., например: Федин В. В. Соотношение принципа свободы труда и права на труд // Lex Russica. 2004. Т. LXIII. № 2. С. 428; Новикова О. И. Соотношение принципов свободы труда и запрещения дискриминации в сфере труда // Актуальные проблемы российского права 2009. № 2. С. 258.

² См., например: По жалобе гражданина Арнольда Альберта Павловича на нарушение его конституцион-

Слово «дискриминация» используется в английском языке с XVII в. для понимания и объяснения предвзятого отношения к индивидуумам, основанного на их расе, поле, цвете кожи или любой социально нежелательной идентичности индивида³.

Дискриминация, по мнению английского исследователя С. Гуси, имеет место, когда дискриминатор мотивирован предрассудками. Предрассудки возникают, когда один человек действует исходя из убеждения, что другой заслуживает меньшего уважения, чем остальные, из-за его принадлежности к той или иной социальной группе. Например, женщина, находящаяся в декретном отпуске, в долгосрочной перспективе может иметь более низкую производительность труда по сравнению с мужчинами. Использование работодателем данного факта как основания для дискриминации по признаку беременности, поскольку беременность имеет значение при максимизации прибыли, является примером неуважительной дискриминации, укрепляющей сексистскую идею о том, что на женщине лежит непропорционально большое бремя репродуктивной функции. При этом некоторые обобщения не обязательно неуважительны. Например, предположение, что женщинам могут понадобиться отдельные спортивные соревнования из-за физиологических различий между мужчинами и женщинами⁴.

Также и в случае с дискриминацией по возрастному признаку. Дифференцирование по возрасту может унижать человека, быть направлено на уменьшение социальной ценности группы работников определенного возраста⁵. Г. Марголис, Дж. Браун, определяя феномен неоправданных ограничений прав пожилых работников, говорят о процессе «систематического стереотипирования и дискриминации людей на том основании, что они являются старыми»⁶.

ных прав положениями статьи 12 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» : определение Конституционного Суда РФ от 7 июня 2011 г. № 767-О-О. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116839/ (дата обращения: 23.11.2023).

³ См.: Suresh G. Discrimination // The Encyclopedia of Crime and Punishment. 2015. P. 1–6.

⁴ См.: Goosey S. Is age discrimination a less serious form of discrimination? // Legal Studies. 2019. Issue 39, no. 3. P. 541.

⁵ См.: Goosey S. Op. cit. P. 542.

⁶ Elder Law Portfolio Series / ed. by H. Margolis, J. Braun. N. Y., 2004. P. 10.

Дискриминация по возрасту на рынке труда может приобретать различные формы: прямая дискриминация (выражена в непосредственном ограничении прав лица на основании его возраста, например, получение более низкой заработной платы или увольнение), косвенная дискриминация (внешне законная политика работодателя, допустим, предъявление профессиональных требований, оказывает негативный эффект только для лиц пожилого возраста) или преследование (посягательство на достоинство человека и создание враждебной, унижительной и оскорбительной среды)⁷.

Т. А. Васильева напоминает, что запрещение дискриминации по возрастному признаку относится ко второму поколению прав на равное обращение и до сих пор не является приоритетом в борьбе за равенство граждан на национальном и международном уровне⁸.

С. Дж. Адамс приводит достаточно распространенную точку зрения в США, в соответствии с которой дискриминация по возрасту никогда не считалась такой же серьезной проблемой, как расовая и половая дискриминация. Анализ рынка труда показывает, что «пожилые работники находятся в хорошем положении по сравнению с молодыми. Их заработная плата значительно выше, а уровень безработицы, как правило, ниже»⁹. Возможно, именно по этой причине нельзя утверждать, что возрастная дискриминация или защита равноправия граждан по возрастному признаку, в том числе при реализации ими свободы труда, находят должное отражение в конституциях зарубежных стран. В том или ином виде они закреплены в конституциях лишь нескольких государств.

Так, в европейских странах прямое запрещение дискриминации по возрастному основанию содержится в конституциях Сербии 2006 г. (ст. 21), Швейцарии 1999 г. (п. 2 ст. 8), Финляндии 1999 г. (§ 6), в также в одном из Конституционных актов Великобритании – Акте о Шотландии

⁷ См.: Stypinska J., Turek K. Hard and soft age discrimination : the dual nature of workplace discrimination // European Journal of Ageing. 2017. Issue 14, no. 1. P. 50.

⁸ См.: Васильева Т. А. Борьба с дискриминацией по признаку возраста как необходимая составляющая современной социальной политики // Труды Ин-та государства и права Рос. академии наук. 2013. № 1. С. 191–192.

⁹ Adams S. J. Age discrimination legislation and the employment of older workers // Labour Economics. 2004. No. 11. P. 220–221.

1998 г. (Приложение 5 к ст. 30, ст. L 2). Кроме того, в соответствии со ст. 59 Конституции Португалии 1976 г. трудящиеся имеют различные права в области трудовой деятельности, охраны труда, защиты от безработицы независимо от «возраста, пола, расы, гражданства, места происхождения, вероисповедания, политических или идеологических убеждений».

Не сильно отличается ситуация с конституционным запрещением дискриминации на конституционном уровне и в других частях света. В Америке такие нормы содержатся в Конституционном акте Канады 1982 г. (Приложение В, ст. 15. (1) «Право на равенство»), в ст. 89 Конституции Венесуэлы. Конституция Бразилии называет возраст в числе признаков гражданина, наличие которого не лишает его права на «содействие благосостоянию» (ст. 3).

Анализ основных законов азиатских стран позволил выявить несколько конституций, в которых в том или ином виде закреплены интересующие нас нормы о возрастной дискриминации или равноправии: Конституция Монголии 1992 г. (ст. 14), Конституция Мальдивских островов 2008 г. (ст. 17), Конституция Таиланда 2007 г. (ст. 30), Конституция Армении 1995 г. в ред. 2015 г. (ст. 29), Конституция Кыргызстана 2010 г. (ст. 16). Кроме конституций Армении и Кыргызстана, запрет дискриминации или подтверждение равенства граждан по возрастному признаку не указаны больше ни в одной из конституций стран бывшего СССР.

Приведенные выше немногочисленные примеры конституций, содержащих исследуемые в настоящей работе положения, относятся, преимущественно, к концу XX – началу XXI в., тогда как конституции, принятые раньше, за исключением португальской, подобных норм не содержат.

Указанным выше фактам отсутствия необходимого конституционного закрепления запрещения дискриминации по возрастному признаку в целом и в сфере труда в частности способствовало содержание международно-правовых документов в области прав человека, на которые должно ориентироваться национальное право. Возраст, как дискриминационный признак, не указан ни в ст. 26 Международного Пакта о гражданских и политических правах, ни в п. 2 ст. 2 Международного Пакта о социальных, экономических и культурных правах, запрещающих дискриминацию. В Конвенции

№ 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25 июня 1958 г. на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ), в ст. 1 которой и определено понятие дискриминации, названы разные дискриминационные признаки (раса, цвет кожи, пол, религия, политические убеждения, национальная принадлежность, социальное происхождение), но не возраст.

Снова обратим внимание на время принятия указанных документов – середина XX в. Возможно, считает М. А. Риэкиннен, к периоду, когда составлялись названные выше международные договоры, проблема старения населения не была столь сильно выражена¹⁰. Однако сегодня она очевидна, а в научной литературе появилось понятие «старение персонала»¹¹.

Вместе с тем отсутствие прямого конституционного запрета дискриминации по возрасту в некотором смысле компенсируется тем, что в большинстве конституций зарубежных стран перечень дискриминационных признаков не является закрытым благодаря формулировке «и по иным причинам»¹² или положениям, подобным ей. В связи с этим во многих странах Европы и США принято специальное антидискриминационное законодательство либо соответствующие нормы содержатся в кодифицированных источниках трудового права. Однако отношение законодателя и правоприменителя к возрасту как к дискриминационному признаку более сложное по сравнению с другими основаниями дискриминациями, такими как пол, раса, национальность, сексуальная ориентация и др.

В ряде стран Европейского союза было усилено антидискриминационное законодательство после принятия Директивы Совета ЕС № 2000/78/ЕС «О создании общих стандартов в поддержку равноправия в сфере занятости и труда» от 27 ноября 2000 г.¹³ Директива содей-

¹⁰ См.: Риэкиннен М. А. Участие престарелых граждан в экономической, социальной и культурной жизни (в контексте международно-правовых обязательств РФ) // Рос. юрид. журнал. 2011. № 2 (77). С. 19–28. С. 23.

¹¹ См., например: Майер Е. В. Систематизация исследований по вопросам старения персонала: дефиниции и специфика использования в организации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Экономика и управление. 2014. № 2. С. 27–32.

¹² См., например: ст. 1 Конституции Королевства Нидерландов.

¹³ Директива Совета Европейского Союза № 2000/78/

ствуется установлению общих рамок для борьбы с дискриминацией по различным признакам, включая возраст¹⁴.

В Италии соответствующее законодательство укреплено в 2003 г. Финляндия внесла поправки в свой уголовный кодекс в 1995 г., чтобы сделать дискриминацию по возрасту незаконной, а также в 2004 г. был принят новый Закон о недискриминации. Антидискриминационные законы были приняты в Испании, Польше, Румынии, Бельгии и других странах. В целом, по крайней мере, 25 стран в Европе имеют законодательство, запрещающее дискриминацию по возрасту¹⁵. Например, во Франции дискриминация по возрастному признаку запрещена на уровне Трудового кодекса (ст. L1132-1)¹⁶.

В то же время обязательный возраст выхода на пенсию также сохраняется во многих европейских странах. После достижения такого возраста в отношении гражданина, как правило, уже не действуют законы о дискриминации по возрастному признаку¹⁷.

Достаточно серьезное развитие законодательства в сфере борьбы с дискриминацией получило в Великобритании, что во многом связано с нехваткой рабочей силы в стране и повышением пенсионного возраста в 2007 г.¹⁸ Так, в 2011 г. были приняты «Правила о равенстве в области занятости (отменяющие положения пенсионного возраста)», в соответствии с которыми, в частности, запрещаются какие-либо ограничения права на труд граждан в возрасте до 65 лет¹⁹.

В Соединенных Штатах озабоченность по поводу плохого обращения с пожилыми ра-

ботниками привела к принятию Закона о дискриминации по возрасту в области занятости (далее – ADEA) 1967 г. Закон направлен на сокращение произвольного использования возраста в качестве критерия при принятии решений о приеме на работу. До принятия ADEA в некоторых штатах существовало аналогичное законодательство²⁰. В своей первоначальной форме ADEA был похож на существующие законы штатов, поскольку запрещал использовать возраст в качестве произвольного критерия при принятии решений об увольнении и приеме на работу. Он запрещал дискриминацию по возрасту для лиц в возрасте 40–65 лет. Более конкретные проблемы были решены в 1978 г., когда поправка к ADEA увеличила минимально допустимый возраст обязательного выхода на пенсию до 70 лет. В 1986 г. обязательный выход на пенсию был запрещен для всех возрастов²¹.

Анализ судебной практики стран Европы и США показывает, что в процессе реализации свободы труда защитить гражданам свое право на равное обращение по признаку возраста гораздо сложнее, чем по другим основаниям.

Т. А. Постовалова обращает внимание на такую особенность: «Различия в отношении в связи с возрастом могут быть оправданы при определенных обстоятельствах и поэтому требуют особых норм, которые могут изменяться в соответствии с ситуацией в государствах-членах. Поэтому важно отличать обращение, оправданное, в частности, легитимной политикой трудоустройства, условиями рынка труда и задачами профессионального обучения, от дискриминации, которая должна быть запрещена»²². Этот вывод находит свое отражение и в законодательстве, и в судебной практике.

Так, А. Хабибуллин отмечает, что Закон Германии о равном обращении²³, с одной стороны, существенно расширяет возможности антидискриминационной политики работодателя, с другой – содержит правила, позволяющие работодателю различное отношение к работникам различных возрастных групп, обосновывая это объективностью, уместностью и законностью

ЕС «О создании общих стандартов в поддержку равноправия в сфере занятости и труда» от 27 ноября 2000 г. URL: <https://base.garant.ru/2564485/> (дата обращения: 09.12.2023).

¹⁴ См.: Gyulavári T. Age discrimination : recent case law of the European Court of Justice // ERA Forum. 2013. No. 14. P. 378.

¹⁵ См.: Lahey J. N. International Comparison of Age Discrimination Laws // Research on Aging. 2010. Issue 32, no. 6. P. 688.

¹⁶ Code du travail. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006072050/LEGISCTA000006160704/#LEGISCTA000006160704 (дата обращения: 09.12.2023).

¹⁷ См.: Lahey J. N. Op. cit. P. 692–693.

¹⁸ См.: Чезганова О. Развитие законодательства о запрете трудовой дискриминации пожилых в Великобритании // Сравнительное трудовое право. 2014. Вып. 11. С. 48.

¹⁹ См.: Чезганова О. Указ. соч. С. 48–49.

²⁰ См.: Adams S. J. Op. cit. P. 219.

²¹ См.: Adams S. J. Op. cit. P. 223.

²² Постовалова Т. А. Право Европейского союза : краткий курс : учеб. пособие. М., 2017.

²³ Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz. URL: <https://dejure.org/gesetze/AGG> (дата обращения: 09.12.2023).

цели, причем перечень таких ситуаций открытый²⁴. Среди этих исключений имеются такие, которые в нашей стране, на наш взгляд, могли бы расцениваться как дискриминация. Например, работодатель может установить «максимальный возраст для приема на работу на основе конкретных требований к обучению для конкретной работы или необходимости соответствующего периода работы до выхода на пенсию» (п. 3 ст. 10). Предусмотрена также возможность увольнения работника по достижении пенсионного возраста (п. 3 ст. 10).

В целом похожий подход применяется и в Трудовом кодексе Франции, в силу чего граница между дискриминацией и дифференциацией по возрастному признаку явно не выражена. Как и немецкий закон, Трудовой кодекс разрешает устанавливать предельный возраст для трудоустройства исходя из времени, требуемого для подготовки к исполнению трудовых обязанностей, а также в связи с разумностью периода, оставшегося для выхода на пенсию (ст. L1133-2).

Неоднозначный подход к дискриминации продемонстрирован и в судебной практике зарубежных стран.

Суды Великобритании и Суд Европейского союза (CJEU) часто рассматривают дискриминацию по возрасту как менее серьезную форму дискриминации. Это выражается в нежелании судов осуществлять строгий контроль при оценке того, является ли в том или ином случае дифференциация по возрасту объективно необходимой. Кроме того, ряд судей утверждали, что дискриминацию по возрасту следует понимать как отличную от других форм дискриминации²⁵.

В соответствии с п. 13 (2) Закона о равенстве 2010 г. дифференцированное обращение в Соединенном Королевстве не является дискриминацией по признаку возраста, если такое обращение выступает «соразмерным средством достижения законной цели» (*proportionate means of achieving a legitimate aim*). Статья 14 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод обеспечивает осуществление прав ЕКПЧ «без дискриминации» по признакам, включая возраст, за исключением случаев,

когда дифференцированное обращение соразмерно законной цели²⁶.

Другими словами, как указывает С. Гуси, от судей в Великобритании требуется, чтобы они оценивали пропорциональность дифференцирующих норм, проверяя, насколько установленные ограничения по возрастному признаку важны и необходимы, чтобы обосновать неравное отношение к людям, исходя из их возраста, достигает ли оспариваемая дифференциация баланса между правовыми ценностями, на которые осуществляется воздействие с помощью дифференцирующих норм²⁷. Так, в рамках дела *Seldon v Clarkson Wright and Jakes*²⁸, рассмотренного Верховным Судом Великобритании в 2012 г., судья Lady Hale отметила, что существуют аргументы, чтобы утверждать, что дискриминация по возрасту является «другой» (*different*). По мнению судьи, «возраст различен... не “двоичный” по своей природе (мужчина или женщина, черный или белый, гей или гетеросексуал)». Возраст и эффект от него меняются на протяжении жизни, а значит, молодые люди со временем получают преимущества, которыми обладают возрастные работники, допустим, доплаты к заработной плате за стаж работы. Пожилые работники, напротив, уже получили в свое время выгоду от дифференциации правового регулирования, например, получили и сохранили работу, имели возможность развивать карьеру, в результате того, что рабочие места освобождались в связи с достижением работниками обязательного пенсионного возраста. Природа возраста такова, что люди могут испытывать преимущества и недостатки, связанные с различными возрастными группами. Другими словами, дифференцирование по возрасту совместимо с равенством граждан, если его рассматривать с позиции всей жизни. Суд, таким образом, на основании этого считает, что Закон о дискриминации разрешает пропорциональное прямое дифференцирование по возрасту, но запрещает или разрешает в очень узком диапазоне обстоятельств подобное обращение по другим основаниям²⁹. По существу, такой же вывод был сделан в рамках рассмотрения другого спора. Судья

²⁶ См.: Goosey S. Op. cit. P. 534.

²⁷ См.: Goosey S. Op. cit. P. 535.

²⁸ Сайт Верховного Суда Соединенного Королевства. URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2010-0201.html> (дата обращения: 12.11.2023).

²⁹ См.: Goosey S. Op. cit. P. 536.

²⁴ См.: Хабибуллин А. Развитие законодательства Германии о запрете трудовой дискриминации пожилых // Сравнительное трудовое право. 2014. Вып. 11. С. 54–55.

²⁵ См.: Goosey S. Op. cit. P. 533.

пришел к выводу, что возрастная дифференциация отличается от других, более значимых, таких как пол и раса³⁰.

Известный американский ученый-юрист Ричард Познер в одной из работ использует интересную, но не бесспорную, на наш взгляд, аргументацию, обосновывая особенности дифференциации по возрасту тем фактом, что она, в отличие от других форм, непосредственно связана с профессиональными характеристиками работника. Возрастные ограничения важны работодателю, поскольку во многих случаях позволяют достаточно простым образом определиться с выбором работника. Дискриминация по возрасту вызвана не безосновательным предубеждением работодателя относительно пожилых работников, а требованием рынка труда. Более того, по мнению Познера, запрет на использование работодателями возрастных различий может привести к увеличению затрат на оплату труда, что скорее всего скажется на молодых работниках³¹.

Таким образом, резюмирует С. Гуси, обязательный пенсионный возраст может быть направлен на перераспределение возможностей от пожилых людей, которые уже испытали сравнительно благоприятные возможности трудоустройства в молодом возрасте³². В российской правовой системе, в том числе в практике Конституционного Суда РФ и судов общей юрисдикции такой аргументации не встретишь.

Такое же неоднозначное отношение к дискриминации работников по возрастному признаку можно встретить и в практике судов США, связанной с применением ADEA. Наиболее показательным является рассмотренное Верховным Судом США дело *Gross v. FBL Financial Services, Inc.* 2009 г., в котором истец требует признать его понижение в должности нарушающим запрещение дискриминации в соответствии с ADEA³³.

Основной смысл решения суда по этому делу сводится к необходимости для работника доказать, что возраст является исключительным

фактором, непосредственно влияющим на неблагоприятное для него решение работодателя. В свою очередь, на работодателя не перекладывается бремя доказывания того факта, что его действия имели бы место независимо от возраста работника, даже если работник представил некоторые доказательства, свидетельствующие о влиянии возраста на принятие работодателем оспариваемого решения³⁴.

Другими словами, возраст должен быть признан судом не просто одним из мотивов при принятии работодателем решения в отношении работника, а единственным, исключительным основанием. И доказать данный факт должен работник, что, очевидно, сделать ему будет крайне трудно.

Таким образом, в зарубежных правовых системах можно наблюдать две тенденции, в некотором смысле противоречащие друг другу.

С одной стороны, все большее число стран усиливает национальное законодательство по борьбе с возрастной дискриминацией, в том числе при реализации гражданами свободы труда и права на труд. Следствием этой политики является увеличение количества обращений в суд граждан, считающих, что их право на труд было нарушено по дискриминационным причинам³⁵. Авторами в результате анализа антидискриминационного законодательства и практики его применения в различных штатах США определена закономерность, что возрастная дискриминация, выявленная в исследовании авторов, слабее в штатах с более строгими законами о запрете возрастной дискриминации³⁶. Указанные факты демонстрируют явные проблемы, имеющиеся в сфере трудовых отношений в связи с соблюдением принципа равноправия на основании возрастного критерия.

С другой стороны, и законодательство, и судебная практика зарубежных стран по-прежнему

³⁰ R (Carson) v Secretary of State for Work and Pensions // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200506/ldjudgmt/jd050526/cars-1.htm> (дата обращения: 08.12.2023).

³¹ См.: Posner R. Employment discrimination : age discrimination and sexual harassment // International Review of Law and Economics. 1999. Issue 19, no. 4. P. 421.

³² См.: Goosey S. Op. cit. P. 537.

³³ Gross v. FBL Financial Services, Inc., 557 U.S. 167 (2009). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/557/167/> (дата обращения: 08.12.2023).

³⁴ См.: Marchiondo L. A., Gonzales E., Williams L. J. Trajectories of Perceived Workplace Age Discrimination and Long-Term Associations With Mental, Self-Rated, and Occupational Health // J Gerontol B Psychol Sci Soc Sci. 2019. Issue 74, no. 4. P. 661.

³⁵ См.: Чезганова О. Указ. соч. С. 47.

³⁶ См.: Neumark D., Burn I., Button P. Is It Harder for Older Workers to Find Jobs? New and Improved Evidence from a Field Experiment // Journal of Political Economy. 2018. Issue 127, no. 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/328054867_Is_It_Harder_for_Older_Workers_to_Find_Jobs_New_and_Improved_Evidence_from_a_Field_Experiment (accessed: 01.12.2023).

му являются отражением общего подхода, выраженного в скупости конституционных положений о запрещении дискриминации по признаку возраста. Примеры соответствующих правовых норм и материалов судебной практики были приведены выше.

Россию сближает с большинством стран тот факт, что в Конституции РФ 1993 г. также о возрасте в разрезе обеспечения принципа равноправия (ст. 19) не говорится. Специальное антидискриминационное законодательство в нашей стране отсутствует, но в ст. 3 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) возраст в качестве одного из признаков дискриминации назван, а каких-либо специальных оговорок, связанных с особенностями применения данного положения, как, например, в Трудовом кодексе Франции, закон не содержит. Нет в трудовом законодательстве и каких-либо пределов для заключения трудовых договоров, кроме специфической категории работников – ректора вуза, проекторов и руководителей филиалов, чей возраст пребывания в должности ограничен семьюдесятью годами (ст. 332.1 ТК РФ).

В то же время усилия государства по ограждению граждан от влияния их возраста на возможность заключать трудовые договоры трудно назвать системными. После проведения пенсионной реформы в законодательстве появились дополнительные меры, направленные на защиту трудовых прав граждан предпенсионного возраста, в том числе уголовно-правового характера (ст. 144.1 Уголовного кодекса РФ). Вместе с тем в содействии реализации права на труд и свободы труда нуждаются и пенсионеры, тогда как предоставленная работодателю возможность заключать с ними срочные трудовые договоры (абз. 3 ч. 2 ст. 59 ТК РФ) говорит об уменьшении их трудовых гарантий по сравнению с другими работниками, несмотря на то что Конституционный Суд РФ с этим тезисом не согласен³⁷.

Россия уже сейчас сталкивается с серьезной проблемой нехватки кадров для развития экономики. По словам Президента РФ В. В. Путина, к 2030 г. дефицит квалифицированных кадров

составит около 3 млн человек³⁸. Вместе с повышением пенсионного возраста на пять лет указанный фактор существенным образом увеличит роль возрастных работников в российской экономике, что потребует от государства мер по обеспечению их трудовых прав, в том числе в аспекте недопустимости дискриминации по признаку возраста. Выявленные в настоящем исследовании проблемы и противоречия законодательства и судебной практики в ряде зарубежных стран могли бы быть использованы при совершенствовании российского законодательства, практики его применения как Конституционным Судом РФ, так и судами общей юрисдикции.

Библиографический список

Васильева Т. А. Борьба с дискриминацией по признаку возраста как необходимая составляющая современной социальной политики // Труды Ин-та государства и права Рос. академии наук. 2013. № 1. С. 191–214.

Майер Е. В. Систематизация исследований по вопросам старения персонала : дефиниции и специфика использования в организации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Экономика и управление. 2014. № 2. С. 27–32.

Новикова О. И. Соотношение принципов свободы труда и запрещения дискриминации в сфере труда // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 254–260.

Постовалова Т. А. Право Европейского союза : краткий курс : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017.

Ризккинен М. А. Участие престарелых граждан в экономической, социальной и культурной жизни (в контексте международно-правовых обязательств РФ) // Рос. юрид. журнал. 2011. № 2 (77). С. 19–28.

Федин В. В. Соотношение принципа свободы труда и права на труд // Lex Russica. 2004. Т. LXIII, № 2. С. 411–435.

Хабибуллин А. Развитие законодательства Германии о запрете трудовой дискриминации пожилых // Сравнительное трудовое право. 2014. Вып. 11. С. 50–58.

Чезганова О. Развитие законодательства о запрете трудовой дискриминации пожилых в Великобритании // Сравнительное трудовое право. 2014. Вып. 11. С. 43–49.

Adams S. J. Age discrimination legislation and the employment of older workers // Labour Economics. 2004. No. 11. P. 219–241.

³⁷ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Амурского городского суда Хабаровского края о проверке конституционности положения статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 378-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 6. 2007.

³⁸ См.: Путин предупредил о дефиците квалифицированных кадров к 2030 году. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/11/2019/5dbc6df69a7947f792ab10a3> (дата обращения: 10.11.2023).

Elder Law Portfolio Series / ed. by H. Margolis, J. Braun. N. Y., 2004. 3784 p.

Goosey S. Is age discrimination a less serious form of discrimination? // Legal Studies. 2019. Issue 39, no. 3. P. 533–549.

Gyulavári T. Age discrimination : recent case law of the European Court of Justice // ERA Forum. 2013. No. 14. P. 377–389.

Lahey J. N. International Comparison of Age Discrimination Laws // Research on Aging. 2010. Issue. 32, no. 6. P. 679–697.

Marchiondo L. A., Gonzales E., Williams L. J. Trajectories of Perceived Workplace Age Discrimination and Long-Term Associations With Mental, Self-Rated, and Occupational Health // J Gerontol B Psychol Sci Soc Sci. 2019. Issue. 74, no. 4. P. 655–663.

Neumark D., Burn I., Button P. Is It Harder for Older Workers to Find Jobs? New and Improved Evidence from a Field Experiment // Journal of Political Economy. 2018. Vol. 127, no. 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/328054867_Is_It_Harder_for_Older_Workers_to_Find_Jobs_New_and_Improved_Evidence_from_a_Field_Experiment

Posner R. Employment discrimination : age discrimination and sexual harassment // International Review of Law and Economics. 1999. Issue. 19, no. 4. P. 421–446.

Stypinska J., Turek K. Hard and soft age discrimination : the dual nature of workplace discrimination // European Journal of Ageing. 2017. Issue. 14, no. 1. P. 49–61.

Suresh G. Discrimination // The Encyclopedia of Crime and Punishment. 2015. P. 1–6.

References

Vasilieva T. A. Combating discrimination on the basis of age as a necessary component of modern social policy // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2013. № 1. P. 191–214.

Mayer E. V. Systematization of research on staff ageing: definitions and specifics of use in the organization // Vestnik of Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2014. No 2. P. 27–32.

Novikova O. I. Correlation of the principles of freedom of labor and prohibition of discrimination in the field of labor // Actual problems of Russian law 2009. No. 2. P. 254–260.

Postovalova T. A. Law of the European Union : Short course : textbook. Moscow : Prospect, 2017.

Riekkinen M. A. Participation of elderly citizens in economic, social and cultural life (in the context of international legal obligations of the Russian Federation) // Russian Law Journal. 2011. No. 2 (77). P. 19–28.

Fedin V. V. Correlation of the principle of freedom of labor and the right to work // Lex Russica. 2004. Vol. LXIII, No. 2. P. 411–435.

Khabibullin A. Development of German legislation on the prohibition of labor discrimination of the elderly // Comparative Labor Law. 2014. Issue 11. P. 50–58.

Chezganova O. Development of legislation on the prohibition of labor discrimination of the elderly in the UK // Comparative Labor Law. 2014. Issue 11. P. 43–49.

Adams S. J. Age discrimination legislation and the employment of older workers // Labour Economics. 2004. No. 11. P. 219–241.

Elder Law Portfolio Series / ed. by H. Margolis, J. Braun. N. Y., 2004. 3784 p.

Goosey S. Is age discrimination a less serious form of discrimination? // Legal Studies. 2019. Issue 39, no. 3. P. 533–549.

Gyulavári T. Age discrimination: recent case law of the European Court of Justice // ERA Forum. 2013. No. 14. P. 377–389.

Lahey J. N. International Comparison of Age Discrimination Laws // Research on Aging. 2010. Issue. 32, no. 6. P. 679–697.

Marchiondo L. A., Gonzales E., Williams L. J. Trajectories of Perceived Workplace Age Discrimination and Long-Term Associations With Mental, Self-Rated, and Occupational Health // J Gerontol B Psychol Sci Soc Sci. 2019. Issue. 74, no. 4. P. 655–663.

Neumark D., Burn I., Button P. Is It Harder for Older Workers to Find Jobs? New and Improved Evidence from a Field Experiment // Journal of Political Economy. 2018. Vol. 127, no. 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/328054867_Is_It_Harder_for_Older_Workers_to_Find_Jobs_New_and_Improved_Evidence_from_a_Field_Experiment

Posner R. Employment discrimination: age discrimination and sexual harassment // International Review of Law and Economics. 1999. Issue. 19, no. 4. P. 421–446.

Stypinska J., Turek K. Hard and soft age discrimination : the dual nature of workplace discrimination // European Journal of Ageing. 2017. Issue. 14, no. 1. P. 49–61.

Suresh G. Discrimination // The Encyclopedia of Crime and Punishment. 2015. P. 1–6.

Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)

Сагандыков М. С., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, трудового права

E-mail: sagandykovms@susu.ru

Поступила в редакцию: 02.11.2024

Для цитирования:

Сагандыков М. С. Влияние возраста на реализацию гражданами свободы труда: конституционное и антидискриминационное законодательство зарубежных стран // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 12–20. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/12-20>

South Ural State University (National Research University)

Sagandykov M. C., Candidate of Sciences (Law), Head of Department of Theory of State and Law, Labor Law Department

E-mail: sagandykovms@susu.ru

Received: 02.11.2024

For citation:

Sagandykov M. C. Impact of age on citizens' realization of freedom of labor: constitutional and anti-discriminatory legislation of foreign countries // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 12–20. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/12-20>

СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Т. С. Корнева

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
Прокуратуры Российской Федерации*

CONTENT OF THE PRINCIPLE OF TRANSPARENCY OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN MODERN CONDITIONS

T. S. Korneva

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*

Аннотация: статья посвящена изучению особенностей принципа организации и деятельности прокуратуры. Автором предпринята попытка выделить указанные особенности и на их основе получить представление о содержании изучаемого принципа. Исследование проведено на основе общенаучного, сравнительного, структурно-функционального методов. По результатам исследования предложено авторское определение принципа гласности организации и деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: принцип гласности, информирование, состояние законности, обязательный характер, ограничение, ответственность.

Abstract: the article is devoted to the study of the peculiarities of the principle of organization and activities of the prosecutor's office. The author has made an attempt to highlight these features, on the basis of which to obtain an idea of the content of the principle being studied. The study was conducted on the basis of general scientific, comparative, structural and functional methods. Based on the results of the study, the author's definition of the principle of transparency of the organization and activities of the prosecutor's office was proposed.

Key words: principle of transparency, information, state of legality, mandatory nature, limitation, liability.

Важной составляющей организации и деятельности прокуратуры является принцип гласности. «Гласный» означает «доступный для общественного ознакомления и обсуждения», «гласность» – «открытое и полное информирование всего населения о любой общественно значимой деятельности и возможность ее свободного и широкого обсуждения»¹.

Согласно положениям ст. 4 Закона РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры действуют гласно в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства

Российской Федерации об охране прав и свобод граждан, а также законодательства Российской Федерации о государственной и иной специально охраняемой законом тайне.

Поскольку принципы являются основой для организации и деятельности прокуратуры, понимание содержания принципов, которое необходимо для их реализации, становится ключевым в осуществлении надзора и иных функций прокуратуры. Федеральный закон о прокуратуре не содержит положений, раскрывающих содержание принципа гласности, тогда как данный принцип играет важную роль в организации и деятельности прокуратуры.

В соответствии с положениями ст. 4 Закона о прокуратуре органы прокуратуры призваны

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 347.

© Корнева Т. С., 2024

информировать федеральные органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также население о состоянии законности. В силу требований Закона о прокуратуре сообщение о назначении и освобождении прокуроров от должности публикуется в печати (ст. 12, 12.1, 15). Генеральная прокуратура выпускает специальные издания (ст. 1).

Принцип гласности организации и деятельности прокуратуры находит свое отражение в приказах Генерального прокурора от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию», от 17 мая 2018 г. № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью», от 31 мая 2011 г. № 153 «Об организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности органов и организаций прокуратуры» (вместе с «Инструкцией о порядке обеспечения доступа к информации о деятельности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации»), от 23 марта 2004 г. № 4 «О создании официального представительства Генеральной прокуратуры Российской Федерации в сети “Интернет”».

Во исполнение указанных приказов в органах прокуратуры созданы специальные структурные подразделения или помощники прокурора, отвечающие за пропаганду права, связь со средствами массовой информации, организующие эту работу на местах².

В соответствии с требованиями закона и ведомственных нормативных актов в целях реализации принципа гласности прокуратура призвана систематически информировать население о состоянии законности и правопорядка, о рассмотрении уголовных дел, вызвавших общественный резонанс, о прокурорских проверках, в процессе которых вскрыты многочисленные нарушения законов, предоставлять сведения о наиболее актуальных результатах рассмотрения обращений граждан, выполнять иные полномочия, направленные на реализацию принципа гласности³.

² См.: Бессарабов В. Г., Хуторецкая Е. Ю. Цели, задачи и принципы правотворческой деятельности прокуратуры Российской Федерации // Право и политика. 2003. № 11 (47). С. 36

³ См.: Бессарабов В. Г., Кашаев В. А. Защита Российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. М., 2007, С. 46–47.

Представители средств массовой информации регулярно приглашаются для освещения работы коллегий органов прокуратуры, совещаний, проводимых Генеральной прокуратурой Российской Федерации и прокуратурами субъектов Российской Федерации. Регулярными становятся интервью работников прокуратуры, встречи «за круглым столом», пресс-конференции прокуроров и следователей, в газетах, радио и телевидении, даются материалы о лучших прокурорско-следственных работниках⁴.

Творческое направление взаимодействия со СМИ заключается в оригинальной разработке и выпуске собственными силами информационных материалов о делах и людях прокуратуры, брошюр, книг через доступные каналы СМИ. Это тематические сюжеты в различных программах местных телекомпаний, прямые теле- и радио-эфир со специалистами пресс-службы, информационного центра и ответственными работниками прокуратуры, участие в организации конкурсов для средств массовой информации. Кроме того, специалистами пресс-центров в сотрудничестве с заинтересованными общественными объединениями разрабатываются и выпускаются специальные материалы по профилактике правонарушений. В целях реализации принципа гласности прокурорскими работниками осуществляется правовое просвещение как пропаганда действующего законодательства, что содействует воспитанию законопослушной гражданской позиции, формированию положительного образа органов прокуратуры и ее сотрудников в общественном сознании⁵.

По мнению ученых, в целях повышения общественного доверия прокуратуре нужно стремиться к большей открытости ее деятельности для общества, ясности стратегии и практических действий по борьбе с преступностью и нарушениями законности. Повышение информированности населения о работе прокуратуры с акцентом на ее правозащитную деятельность будет способствовать правовому просвещению и формированию правовой культуры общества,

⁴ См.: Бессарабов В. Г. Прокуратура в условиях становления российской политической системы. М., 1998. С. 51–52.

⁵ См.: Пантелеев Б. Н. Взаимодействие органов российской прокуратуры с общественностью и средствами массовой информации (правовые и организационные аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 15–16.

более реалистичному восприятию людьми осуществляемого противодействия преступности, а тем самым усилению и более успешной реализации антикриминального потенциала общественного правосознания⁶.

С изменением государственного устройства в стране по мере накопления практического опыта и с развитием технологий полномочия прокурорского работника по реализации принципа гласности становятся всё разнообразнее. Можно сказать, что они совершенствуются каждый день.

Сегодня информация о деятельности органов прокуратуры Российской Федерации распространяется через официальные сайты органов прокуратуры с доменными именами www.genproc.gov.ru, генпрокуратура.рф, прокуратура.рф Российской Федерации в сети «Интернет», информационные агентства, печать, радио, телевидение.

Прокурорскими работниками ведутся телеграмм-каналы, страницы в социальной сети Вконтакте, где также освещаются достижения прокуроров в ходе осуществления своей профессиональной деятельности.

Генеральной прокуратурой разработано официальное мобильное приложение для граждан и бизнесменов. С его помощью, как и с помощью сайта, можно отправить сообщение на прямую линию для предпринимателей или жалобу о нарушении прав, в том числе несовершеннолетних, уведомить об экстремизме, а также записаться на прием в органы прокуратуры.

Пользователи, имеющие учетную запись на портале государственных услуг Российской Федерации, могут также направить обращение при помощи мобильного приложения.

В официальном мобильном приложении предусмотрены следующие полезные сервисы: Единый реестр проверок; Сводный план проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; Сводный план проверок органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их должностных лиц; Часто задаваемые вопросы.

Также в приложении можно найти образцы заявлений и документов и контактную информацию с привязкой к геолокации. Кроме того, в мобильном приложении можно знакомить с

актуальными новостями о деятельности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации и получать push-уведомления.

Важной вехой в совершенствовании информационного обеспечения органов и организаций прокуратуры Российской Федерации, которое способствует реализации принципа гласности, стало утверждение Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 г. (далее – Концепция).

Концепция направлена на формирование среды электронного взаимодействия с учетом потребностей граждан, бизнеса и государства в своевременном получении качественных и достоверных сведений на основе преимущественного использования единой инфраструктуры электронного правительства, внедрения сервисной модели, применения российских информационно-телекоммуникационных технологий и средств защиты информации.

Важными элементами Концепции является обеспечение открытости, доступности и достоверности статистических данных для граждан и юридических лиц на основе внедрения органами прокуратуры и предоставления пользователям современных цифровых сервисов; обеспечение участников взаимодействия средствами доверенных цифровых дистанционных коммуникаций; повышение прозрачности информационного сопровождения процессов надзорной деятельности с соблюдением принципа обеспечения законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях; обеспечение доступа граждан и организаций к открытой информации о деятельности органов прокуратуры, а также информации, непосредственно затрагивающей их права и свободы, с учетом принципа экстерриториальности; повышение уровня общего доверия граждан к деятельности органов прокуратуры.

В целях формирования и развития единой цифровой среды доверия Концепцией предусмотрены автоматизированная информационная система обработки обращений граждан и юридических лиц; разработка и внедрение механизмов и технологий реализации доверенных цифровых дистанционных коммуникаций участников взаимодействия экосистемы органов прокуратуры, обеспечивающих удаленное подтверждение личности для совершения юридически

⁶ Совет Европы и европейские правовые стандарты, гарантирующие свободу СМИ : семинар от 14–15 октября 1998 г. М., 1999. С. 105.

значимых действий; обеспечение равного статуса различных способов идентификации и аутентификации физических и юридических лиц; равное с очно-бумажными взаимодействиями правовое признание в гражданско-правовых взаимодействиях; обеспечение доступа граждан и организаций к открытой информации о деятельности органов прокуратуры, а также информации, непосредственно затрагивающей их права и свободы, на основе развития функциональных возможностей ФГИС ЕРП и предоставления цифровых сервисов на едином портале государственных услуг в режиме «единого окна»; создание единого внешнего портала органов прокуратуры и обеспечение его интеграции с внутренним порталом для предоставления услуг статистики населению и организациям; участие в обеспечении доступа граждан и юридических лиц к создаваемой системе повышения грамотности населения в сфере информационной безопасности, медиапотребления и использования интернет-сервисов; организация доступа граждан и юридических лиц к информационному ресурсу в случаях использования их персональных данных, а также возможность отказа от такого использования; внедрение стандарта раскрытия информации, в том числе в форме открытых данных, раскрытия данных по умолчанию в деятельности органов прокуратуры с соблюдением принципа обеспечения законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях.

Таким образом, реализация Концепции позволит органам прокуратуры соблюдать принцип гласности с учетом современного развития общества и информационных технологий, которые стали неотъемлемой его частью. Это, в свою очередь, способствует осуществлению своевременного и качественного прокурорского надзора.

Все приведенные автором примеры полномочий по реализации принципа гласности говорят о значимости данного принципа для организации и деятельности прокуратуры.

Положения ст. 38 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» содержат требования, согласно которым граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления,

организаций, общественных объединений, их должностных лиц.

Государственные органы, органы местного самоуправления, организации, общественные объединения, их должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности средствами массовой информации по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах.

Редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц.

Отказ в предоставлении запрашиваемой информации возможен, только если она содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну.

Многими учеными требования законов о необходимости предоставления органами власти информации населению о своей деятельности рассматривается как принцип информационной открытости, тогда как, по мнению автора, данные положения закона для организации и деятельности прокуратуры являются одной из сторон принципа гласности.

Именно реализуя принцип гласности, прокуратура регулярно информирует местные органы власти о состоянии законности, результатах своей работы. Информация о деятельности прокуратуры должна быть понятна, актуальна, объективна, распространяться оперативно, быть доступной максимально возможному количеству людей и через множество источников.

Ограничение принципа гласности возможны лишь в случае опасности разглашения сведений, содержащих государственную, служебную, коммерческую или иную, охраняемую законом тайну⁷. Таким образом, не вся информация, ставшая известной в ходе осуществления прокурорской деятельности, может разглашаться прокурором, освещаться в СМИ.

Говоря об ограничениях, Н. Китаев отмечает, что они являются нормативными, определяются конституционными требованиями, нормами федерального законодательства и означают невозможность рассекречивания сведений,

⁷ См.: Бессарабов В. Г., Хуторецкая Е. Ю. Цели, задачи и принципы правотворческой деятельности прокуратуры Российской Федерации. С. 36.

составляющих служебную, государственную и иную тайну⁸.

В связи с этим принцип гласности российской прокуратуры основывается на положениях ряда статей, включенных в гл. 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина». Положения ст. 4 Федерального закона о соблюдении государственной и иной охраняемой законом тайне при осуществлении надзора отражают требования ст. 23, 24, 29, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Приказ Генерального прокурора от 17 мая 2018 г. № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» также устанавливает ограничения полномочий прокурора при реализации принципа гласности (п. 1.2, 1.4).

Так, не допускается ограничение прав и свобод в сфере получения информации, в частности, права свободно любым законным способом искать и получать информацию, а также права знакомиться с собираемыми органами государственной власти и их должностными лицами сведениями, документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы гражданина, если иное не предусмотрено федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» предусмотрено неразглашение сведений, относящихся к государственной тайне. Под государственной тайной в соответствии с положениями Закона понимаются защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации.

Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» защищает служебную тайну в области обороны; Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» предусмотрена защита персональных данных (любой информации, относящейся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональ-

ных данных)); федеральные законы от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» и от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливают обязательное соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральными законами.

Во исполнение требований главы 3 Федерального закона о прокуратуре на прокуратуру возложена обязанность по осуществлению надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Однако в связи со спецификой деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, надзор за данными органами осуществляется с учетом положений ст. 21 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствии с которыми прокуроры, осуществляющие надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, обеспечивают защиту сведений, содержащихся в представленных им документах и материалах.

При осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия прокурор также призван соблюдать принцип недопустимости разглашения данных предварительного расследования. В соответствии с уголовно-процессуальным законом разглашение указанных сведений допустимо, если это не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Неразглашению подлежат и сведения о частной жизни несовершеннолетнего правонарушителя и потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя.

В целях обеспечения в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации выполнения требований Закона Российской Федерации «О государственной тайне» и иных нормативных правовых актов прокурорским работникам, в чьи должностные обязанности входит работа со сведениями, составляющими государственную тайну, оформляется допуск к указанной работе. Статьей 40.1 Федерального закона о прокуратуре предусмотрено ограничение при приеме на службу в органы проку-

⁸ Кутаев Н. Гласность и рассекречивание тайн // Законность. 1996. № 2. С. 52.

ратуры – как отказ от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, если исполнение служебных обязанностей по должности, на которую претендует лицо, связано с использованием таких сведений.

Наряду с ответственностью прокурорского работника за несоблюдение принципа гласности при осуществлении своих полномочий законодателем предусмотрена и ответственность за нарушение пределом исследуемого принципа.

Так, в соответствии с положениями п. «д» ст. 43 Законом о прокуратуре служба в органах и организациях прокуратуры прекращается при увольнении прокурорского работника за разглашение сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну.

Кроме того, за указанные нарушения требований Закона сотрудники могут быть привлечены к административной ответственности в соответствии со ст. 13.14 КоАП РФ, согласно которой разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 500 до 1000 руб.; на должностных лиц – от 4000 до 5000 руб.

Кроме ограничений принципа гласности, касающихся запрета разглашения сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, исследуемый принцип ограничивается и необходимостью соблюдения прокурорским работником этических норм не только при осуществлении своей служебной деятельности, но и вне работы.

В соответствии с приказом от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» прокурорский работник обязан воздерживаться от публичных высказываний, суждений и оценок в отношении деятельности органов, организаций прокуратуры и их руководителей, если это не входит в его служебные обязанности; а участвуя в социальных сетях и форумах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» – не допускать

обсуждений деятельности государственных органов и их должностных лиц, высказываний в некорректной и грубой форме с использованием нецензурной лексики, размещения фото-, видео- и текстовых материалов, способных нанести ущерб репутации прокурорского работника или авторитету органа прокуратуры.

Таким образом, в связи с расширением видов полномочий прокурора по информированию граждан страны о состоянии законности и по освещению своей деятельности у прокурорского работника появляется больше возможностей реализовать в своей организации и деятельности принцип гласности. В то же время увеличилась опасность нарушить принцип гласности в связи с его ограничениями в деятельности и организации и деятельности прокуратуры.

Автор приходит к выводу, что принцип гласности в организации и деятельности прокуратуры имеет ряд особенностей.

Гласность организации и деятельности прокуратуры реализуется как информационная открытость надзорного органа, под которой понимается возможность каждого гражданина получить информацию о деятельности надзорного органа и его организации. В силу закона прокуратура не может скрывать результаты своей деятельности, вся деятельность должна быть прозрачной. Граждане должны получать доступ к интересующей их информации об организации и деятельности прокуратуры.

Иной особенностью принципа гласности в организации и деятельности прокуратуры является обязывающий характер информировать общество о состоянии законности, своих достижениях по ее укреплению. То есть деятельность прокурора по реализации данного принципа должна быть не только пассивной, когда он не препятствует гражданам получать информацию о надзорном органе, но сама прокуратура должна активно информировать население о состоянии законности и правопорядке.

Кроме того, информирование общества о состоянии законности должно отвечать критериям полноты и объективности.

Четвертой стороной принципа гласности в организации и деятельности прокуратуры является его ограничение невозможностью разглашения сведений, находящихся под защитой государства.

Несоблюдение всех особенностей принципа гласности организации и деятельности проку-

ратуры, как непредставление сведений по запросу граждан, так и разглашение сведений, не подлежащих разглашению, влечет ответственность, предусмотренную законами Российской Федерации.

Указанные особенности принципа составляют его содержание, которое является ключевым при реализации принципа в организации и деятельности прокуратуры, в связи с чем принцип гласности организации и деятельности прокуратуры можно определить как:

- открытое и полное информирование федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также населения о состоянии законности и правопорядка, об организации прокуратуры;

- обязанность органов прокуратуры информировать о состоянии законности и правопорядка;

- предоставление достоверной и выверенной информации о результатах деятельности прокуратуры по осуществлению надзора, уголовного преследования и иных функций;

- пропаганда права и правовое воспитание населения;

- неразглашение сведений, находящихся под защитой государства в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации об охране прав и свобод граждан, а также законодательства Российской Федерации о государственной и иной специально охраняемой законом тайне.

Библиографический список

Бессарабов В. Г. Прокуратура в условиях становления российской политической системы. М., 1998.

Бессарабов В. Г., Кашаев В. А. Защита Российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. М. : Городец, 2007.

Бессарабов В. Г., Хуторецкая Е. Ю. Цели, задачи и принципы правотворческой деятельности прокуратуры Российской Федерации // Право и политика. М., 2003. № 11 (47).

Китаев Н. Гласность и рассекречивание тайн // Законность. 1996. № 2.

Пантелеев Б. Н. Взаимодействие органов российской прокуратуры с общественностью и средствами массовой информации (правовые и организационные аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1992.

Совет Европы и европейские правовые стандарты, гарантирующие свободу СМИ : семинар от 14–15 октября 1998 г. М., 1999.

References

Bessarabov V. G. The prosecutor's office in the conditions of the formation of the Russian political system. Moscow, 1998.

Bessarabov V. G., Kashaev V. A. Protection by the Russian Prosecutor's Office of the rights and freedoms of man and citizen. Moscow : Gorodets, 2007.

Bessarabov V. G., Khutoretskaya E. Yu. Goals, objectives and principles of law-making activities of the prosecutor's office of the Russian Federation // Law and Politics. 2003. No. 11 (47).

Kitaev N. Glasnost and declassification of secrets // Legality. 1996. No. 2.

Panteleev B. N. Interaction of the Russian prosecutor's office with the public and the media (legal and organizational aspects) : cand. legal sci. abstr. dis. ... Moscow, 2004. P. 15–16

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow : Az, 1992.

Council of Europe and European legal standards guaranteeing freedom of the media : Seminar, October 14–15, 1998. Moscow, 1999.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации

Корнева Т. С., старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: Tatyana_korneva_84@mail.ru

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Korneva T. S., Senior Lecturer of the Department of General Humanitarian and Socio-economic Disciplines

E-mail: Tatyana_korneva_84@mail.ru

Поступила в редакцию: 27.03.2024

Received: 27.03.2024

Для цитирования:

Корнева Т. С. Содержание принципа гласности организации и деятельности прокуратуры в современных условиях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/21-28>

For citation:

Korneva T. S. Content of the principle of transparency of the organization and activity of the prosecutor's office in modern conditions // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/21-28>

УДК 3.340.155

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/29-36>

ВОСТОЧНЫЕ НАГРАДЫ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ

Д. В. Ливенцев

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

ORIENTAL AWARDS IN THE STATE-LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN RULING DYNASTY

D. V. Liventsev

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I

Аннотация: анализируется значимость наград Османской империи, Персии, Бухарского эмирата в государственно-правовом статусе российской императорской фамилии, уделяется внимание отечественной истории восточной внешней политики и отношений со странами Востока. На основе обобщения научной и справочной литературы и с учетом исторического опыта награждений представителей российской правящей династии показана роль наград стран Востока в рамках государственно-правового статуса императорской фамилии.

Ключевые слова: турецкие ордена, персидские награды, бухарские знаки отличия, орденский статут, пожалование, высшая степень, государственно-правовой статус, правящая династия, императорская фамилия, император Павел I, император Александр I, император Николай I, император Александр II, император Александр III, император Николай II.

Abstract: the significance of awards of the Ottoman Empire, Persia, and the Bukhara Emirate in the state and legal status of the Russian imperial family is analyzed, attention is paid to the national history of Eastern foreign policy and relations with the countries of the East. Based on the generalization of scientific and reference literature and taking into account the historical experience of awarding representatives of the Russian ruling dynasty, the role of awards from the countries of the East within the framework of the state-legal status of the imperial family is shown.

Key words: Turkish orders, Persian awards, Bukhara insignia, order statute, award, highest degree, state legal status, ruling dynasty, imperial family, Emperor Paul I, Emperor Alexander I, Emperor Nicholas I, Emperor Alexander II, Emperor Alexander III, Emperor Nicholas II.

Члены императорской правящей фамилии в XIX – начале XX вв. имели по сравнению со своими подданными особый юридический статус. Прежде всего, они подчинялись главе правящего дома, т. е. императору¹. Именно император содержал представителей великокняжеского дома до их совершеннолетия². Собственно перед им-

ператором члены великокняжеского дома несли юридическую ответственность, так как они полностью находились в юрисдикции царя. В случае правонарушения только император мог возложить наказание на члена правящей династии³.

¹ См.: Gavrilova L. M. Foreign orders of the Russian emperors in the collection of the Moscow Kremlin museums. Moscow, 2019. 412 p.

² См.: Кодан С. В., Владимирова Г. Е. Закрепление в Своде Основных государственных законов Российской

© Ливенцев Д. В., 2024

империи 1832–1892 гг. издания правового статуса членов императорского дома // Юридические исследования. 2014. № 5. С. 38–68.

³ См.: Ливенцев Д. В. Социальная ценность института юридической ответственности российской императорской фамилии в истории российской государственности // Основные тенденции развития современного права : проблемы теории и практики : материалы V Национальной науч.-практ. конф. Казань, 2021. С. 8–11.

Каждой ветви императорской правящей фамилии полагалось:

- 1) личное имущество;
- 2) ежегодная денежная сумма на содержание;
- 3) штат прислуги;
- 4) значительные государственные должности⁴.

Всё вышеназванное определяло внутрироссийский государственно-правовой статус правящей династии⁵.

В то же время государственно-правовой статус российского императорского дома имел свою реализацию и на международном уровне, т. е. во взаимоотношениях с различными странами мира⁶, в частности речь идет об иностранных наградах, пожалованных русским императорам главами зарубежных государств⁷. Причем данный обычай награждения российских императоров иностранными наградами только развивался в XIX – начале XX в.⁸

На протяжении XIX – начала XX в. представители российской правящей династии неоднократно награждались орденами стран Востока, что являлось подтверждением их высокого государственно-правового статуса. В первую очередь подобное положение вещей касалось непосредственно императоров, при этом нельзя забывать о значении восточного направления в отечественной внешней политике. Естественно награждения восточными орденами в какой-то мере отражали международную ситуацию в данном мировом регионе в XIX – начале XX в.

Данный исторический период ознаменовался русско-турецкой войной 1806–1812 гг., рус-

ско-турецкой войной 1828–1829 гг., Крымской войной 1853–1856 гг., русско-турецкой войной 1877–1878 гг., русско-персидской войной 1804–1813 гг. и русско-персидской войной 1826–1828 гг.⁹ Нельзя забывать о Первой мировой войне, где Россия и Турция противостояли друг другу во враждебных военно-политических блоках, и о длительном процессе покорения государственных образований в Средней Азии.

Военное противостояние с Османской империей в XIX – начале XX в. нашло свое отражение в российской наградной системе. 13 июня 1810 г. Александр I учредил две награды за взятие османской крепости Базарджик во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Награда имела следующую иерархию:

- 1) золотой крест «За взятие Базарджика» для офицерского корпуса российской армии;
- 2) медаль «За взятие приступом Базарджика» для нижних чинов российской армии¹⁰.

В царствование императора Николая I указом от 1 октября 1829 г. вводится медаль «За турецкую войну 1828–1829 гг.», предназначенная для следующих лиц:

- 1) всех участвовавших в боях военнслужащих нижних чинов;
- 2) всех нестроевых нижних чинов сопровождавших воинские подразделения;
- 3) участников народного ополчения¹¹.

Царствование Александра II также ознаменовалось новой наградой, связанной с напряженными отношениями с Османской империей – медалью «За русско-турецкую войну 1877–1878 гг.». Данная медаль, учрежденная 17 апреля 1878 г., жаловалась следующим лицам:

- 1) серебряная медаль – участникам обороны Шишкинского перевала в Болгарии, осады крепости Баязет и штурма крепости Карс на Кавказе;
- 2) бронзовая медаль:
 - военнслужащим от солдата до генерала;
 - чинам морского ведомства;
 - чинам милиции;
 - болгарским ополченцам;
 - болгарским добровольцам;
 - священнослужителям;
 - военным чиновникам;

⁹ См.: Rogers J. M. Empire of the Sultans : Ottoman art from the Khalili. London, 2002. 304 p.

¹⁰ См.: Изотова М. А., Царев Т. Б. Полная энциклопедия орденов и медалей России. М., 2008. С. 102–103.

¹¹ См.: Там же. С. 124–125.

⁴ См.: Василенко С. А. Императорская фамилия в России конца XIX – начала XX вв. Имущественное положение и общественная деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 22 с.

⁵ См.: Потрашков С. В. Награды России : история и символика наград. Военные и гражданские ордена, медали, знаки. Наградные знамена и оружие. Иностранные награды в истории России. М., 2009. 285 с.

⁶ См.: Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. 1. 448 с.

⁷ См.: Бугромеев В. П. Символ власти : флаги, гербы, правители, награды, деньги всех стран и времен : иллюстрированный энциклопедический справочник. М., 2006. 571 с.

⁸ См.: Степаненко Р. Ф. Особенности процессов преобразования в России начала XX века : проблемы общей теории права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3. С. 94–99.

- гражданским чиновникам;
- военным медикам¹².

Императоры Александр III и Николай II не вводили специальных знаков отличия, связанных с новыми русско-турецкими войнами и конфликтами. Однако не будем забывать, как уже упоминалось ранее, что Турция во время Первой мировой войны выступила против России в рядах Тройственного союза. Получается, что самым влиятельным государством и противником России в XIX – начале XX в. в восточном регионе была именно Османская империя.

Одной из главных турецких наград был орден Османие, утвержденный в 1862 г. султаном Абдул-Азизом¹³. Скрупулезный статут ордена содержал 23 пункта по отбору претендентов на пожалование награды и ее последующему ношению в общественных местах¹⁴. Надо отметить, что упомянутый знак отличия пользовался наибольшим уважением у турецких военнослужащих¹⁵. Орден включал четыре степени, высшая из которых предназначалась для глав иностранных государств¹⁶.

Степени ордена Османие располагались еще и по количеству человек, награжденных данным знаком отличия:

- 1) первая степень – 50 кавалеров;
- 2) вторая степень – 200 кавалеров;
- 3) третья степень – 100 кавалеров;
- 4) четвертая степень – 2000 кавалеров.

Еще одной высокой турецкой наградой являлся орден Меджидие, который учредил в 1852 г. султан Абдул Мехид¹⁷. Своим статутом награда во многом повторяла французский орден Почетного легиона. Орден имел пять степеней с высшей для руководителей зарубежных стран¹⁸. Знак отличия массово выдавался османским офицерам в период Первой мировой войны и был отменен с созданием в 1923 г. Турецкой республики.

Степени ордена Меджидие тоже ограничивались по количеству человек, награжденных данным знаком отличия:

- 1) первая степень – 50 кавалеров;
- 2) вторая степень – 150 кавалеров;
- 3) третья степень – 800 кавалеров;
- 4) четвертая степень – 3000 кавалеров;
- 5) пятая степень – 6000 кавалеров.

Помимо этих знаков отличия в 1878 г. султан Абдул Хамид II учредил орден Отличия Османской империи.

Среди российских императоров в XIX – начале XX в. Павел I османских наград не имел. Его преемник император Александр I, в царствование которого состоялась русско-турецкая война 1806–1812 гг., также не был отмечен высшими турецкими наградами. Николай I удостоился медали «За турецкую войну 1828–1829 гг.»¹⁹, произошедшую в период его царствования. Нельзя забывать и начавшуюся при нем Крымскую войну (1853–1856 гг.)²⁰.

Завершение Крымской войны и русско-турецкая война 1877–1878 гг. не помешали императору Александру II получить две высшие степени турецких орденов Меджидие и Османие.

Высшей степени турецких орденов Османие и Отличия Османской империи удостоился император Александр III, несмотря на его активное участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и награждение за боевые действия румынскими высшими орденами «Звезда Румынии»²¹ и крестом «За переход через Дунай»²². Более того, именно за упомянутую войну с Турцией в 1877–1878 гг. цесаревич и будущий император удостоился наградного георгиевского золотого оружия «За храбрость»²³.

Император Николай II 9 августа 1884 г. удостоился высшей степени ордена Османие, хотя во время Первой мировой войны Российская империя и Турция воевали на стороне враждебных военно-политических блоков Антанты и Тройственного союза.

Другим восточным соседом России являлась Персия, войны с которым велись в 1804–1813 и 1826–1828 гг. Надо сказать, что внешнеполитическое противостояние России и Персидского шахства в полной мере отразилось в россий-

¹² См.: Там же. С. 152–153.

¹³ См.: Выхорь С. С. Иностранные награды на Российском Императорском флоте. Воронеж, 2016. С. 74.

¹⁴ См.: Розанов О. Н. Азия и Африка в Первой мировой войне. М., 2016. С. 203–204.

¹⁵ См.: Гусев И. Е. Ордена, медали и наградные знаки от Петра I до современности. М., 2015. 159 с.

¹⁶ См.: Безруков М. П., Турковский А. Г. Награды государств мира. Тула, 2013. С. 207–208.

¹⁷ Выхорь С. С. Указ. соч. С. 71.

¹⁸ Безруков М. П., Турковский А. Г. Указ. соч. С. 204.

¹⁹ Изотова М. А., Царев Т. Б. Указ. соч. С. 125.

²⁰ Дуров В. А. Русские награды XVIII – начала XX в. М., 1997. 159 с.

²¹ Кононенко В. В. Чины и награды Российской империи. Ростов н/Д., 2000. 86 с.

²² Философов И. Ю. Знаменитые награды Европы: ордена и медали. Ростов н/Д., 2010. 478 с.

²³ См.: Гусев И. Е. Указ. соч. С. 63.

ской наградной системе, особенно в первой половине XIX в.

При императоре Александре I 16 июля 1804 г. учреждается медаль «За взятие Ганджи» – крепости на Кавказе во время русско-персидской войны 1804–1813 гг. Награды удостоились все участники военной кампании независимо от чина²⁴.

За войну с Персией 1804–1813 гг. для 50 наиболее отличившихся казаков император Александр I 29 августа 1804 г. ввел медаль «За храбрость, оказанную в сражении с персами». Из награжденных лиц получили:

- 1) золотую медаль – двое казачьих старшин;
- 2) серебряную медаль – 48 казаков²⁵.

Интересной наградой стала учрежденная императором Александром I 18 июля 1810 г. медаль «За храбрость (с арабской надписью)», которая специально предназначалась для представителей кавказских горских племен, отличившихся во время русско-персидской войны 1804–1813 гг.²⁶ Следующий император Николай I не посвятил русско-персидской войне 1826–1828 гг. какого-либо отдельного знака отличия. Однако участников упомянутой военной кампании активно награждали «за храбрость». Сама медаль «За храбрость» предназначалась для иноверцев, сражавшихся на стороне России в русско-персидской войне 1826–1828 гг., и имела две степени:

- 1) золотая медаль «За храбрость»;
- 2) серебряная медаль «За храбрость»²⁷.

В 1808 г. персидский шах Фетх Али учредил орден Льва и Солнца²⁸. Награда предназначалась для собственных подданных и иностранцев. Орден Льва и Солнца имел пять степеней с высшей степенью для руководителей зарубежных держав.

Несмотря на боевые действия в первой половине XIX в., ордена Льва и Солнца удостоились следующие российские подданные:

- 1) военачальник А. П. Ермолов;
- 2) военачальник И. Ф. Паскевич;
- 3) дипломат и литератор А. С. Грибоедов.

Последний погиб на государственной службе, занимая должность российского посла в Персии²⁹.

Степени ордена Льва и Солнца не имели фиксированного количества человек, награжденных данным знаком отличия. Они располагались в иерархии следующим образом:

- 1) первая степень – Большой крест ордена Льва и Солнца;
- 2) вторая степень – Большой офицерский знак ордена Льва и Солнца;
- 3) третья степень – Командорский знак ордена Льва и Солнца;
- 4) четвертая степень – Офицерский знак ордена Льва и Солнца;
- 5) пятая степень – Кавалерский знак ордена Льва и Солнца.

В орденском статуте персидской награды Льва и Солнца еще была предусмотрена и отдельная медаль к знаку отличия.

Наиболее престижную персидскую награду представлял собой орден Августейшего портрета. В 1856 г. подобную регалию в честь захвата афганской провинции Герат учредил персидский шах Насир Шах-уд-дин Каджар. Знак отличия был выполнен в виде высокохудожественного портрета правителя Персии, обрамленного драгоценными камнями. Первоначально носить портрет имел право только сам шах в торжественных случаях или во время религиозных праздников. Позднее орденом Августейшего портрета стали одаривать руководителей иностранных государств.

В XIX – начале XX в. долгое время российские императоры не имели среди своих наград высшего персидского ордена. Без персидской награды остались императоры Павел I, Александр I и Николай I. Только император Александр II получил высшую степень ордена Льва и Солнца. Будущий император Александр III 15 декабря 1869 г. получил персидский орден Августейшего портрета, такого же знака отличия 9 августа 1884 г. удостоился будущий император Николай II.

Особенное место среди наград для правящего российского императорского дома занимали знаки отличия государственных образований в Средней Азии в XIX в., когда российская империя расширяла свое влияние в данном регионе, изначально враждебном по отношению к русскому государству. В 1870-х гг. под российский протекторат были по очереди приведены:

- 1) Хивинское ханство;
- 2) Кокандское ханство;
- 3) Бухарский эмират.

²⁴ См.: Изотова М. А., Царев Т. Б. Указ. соч. С. 87–88.

²⁵ См.: Там же. С. 89.

²⁶ См.: Там же. С. 103–104.

²⁷ См.: Там же. С. 121–122.

²⁸ См.: Безруков М. П., Турковский А. Г. Указ. соч. С. 68–69.

²⁹ См.: Там же. С. 117–118.

Российское государство уничтожило в Средней Азии пережитки традиционных отношений, включавших рабовладельческий строй, и получило новые рынки сбыта товаров. Более того, Россия опередила планы Великобритании по экспансии в этом регионе.

Взаимоотношения с Хивинским, Кокандским ханствами и Бухарским эмиратом в 1860–1870-х гг. нельзя назвать дружественными. Россия в течение XIX в. старалась уничтожить среднеазиатские рабовладельческие государства, неоднократно тревожащие границы и вводящие в рабство подданных. Подобная внешнеполитическая ситуация нашла отражение в российской наградной системе.

В начале 22 июля 1873 г. император Александр II пожаловал всем участникам Хивинского похода от солдата до генерала медаль за «Хивинский поход», затем последовала аналогичная награда 26 ноября 1876 г. «За покорение ханства Кокандского. 1875–1876 гг.»³⁰. Причем наград за оба изнурительных похода русской армии по пустыне с последующим покорением Хивинского и Кокандского ханств удостоились практически все участники военной экспедиции:

- 1) военнослужащие;
- 2) добровольцы из местных жителей;
- 3) священнослужители;
- 4) моряки Аральской флотилии;
- 5) моряки Красноводского отряда;
- 6) военные медики;
- 7) военные чиновники;
- 8) гражданские чиновники.

Немного другая ситуация сложилась с награждением за штурм туркменской крепости Геок-Тепе в 1881 г. По распоряжению императора Александра II от 19 февраля 1881 г. серебряные медали «За взятие Геок-Тепе» вручили непосредственно участникам штурма, а все некомбатанты удостоились бронзового знака отличия³¹.

Наконец, 14 июля 1896 г. император Николай II, подводя итоги покорения среднеазиатского региона, пожаловал медаль «За походы в Средней Азии. 1853–1895 гг.». Награда вручалась следующим образом:

- 1) серебряная медаль – военнослужащим, принимавшим участие в боевых действиях;
- 2) бронзовая медаль – некомбатантам, уча-

ствовавшим в военных походах.

Поскольку отношения России с государствами Средней Азии во второй половине XIX – начале XX в. были достаточно напряженными, власти Средней Азии не спешили награждать российских правителей своими высшими орденами. В XIX в. императоры Павел I, Александр I и Николай I остались без среднеазиатских знаков отличия.

Императору Александру II, присоединившему всю Среднюю Азию³², от покоренных правителей был пожалован орден Благородной Бухары, который имел восемь степеней отличия, включая высшую для правителей зарубежных государств. Орденские степени награды Благородной Бухары располагались в следующем порядке:

- 1) первый высшая степень – Золотая звезда с бриллиантами;
- 2) вторая высшая степень – Золотая звезда с алмазами;
- 3) первая золотая степень;
- 4) вторая золотая степень;
- 5) третья золотая степень;
- 6) первая серебряная степень;
- 7) вторая серебряная степень.

Данный знак отличия был учрежден эмиром Музаффаром ад-Дином в 1881 г., незадолго до трагической смерти Александра II³³. Однако уже император Александр III не удостоился ни одного среднеазиатского ордена. Нужно отметить, что до 1893 г. орден Благородной Бухары, как и другие среднеазиатские награды, запрещалось носить российским государственным служащим. Также существовали среднеазиатские награды, которые долгое время не украшали мундир русских царей. Например, орден Бухарской короны³⁴, учрежденный эмиром Абдалахадом в 1886 г., и орден Солнца Александра, принятый в 1894 г. в память об императоре Александре III.

Следующий российский император Николай II был удостоен буквально всех среднеазиатских знаков различия:

- 1) 14 ноября 1885 г. – ордена Благородной Бухары с бриллиантами;

³² См.: Ajni S. Bukhara: reminiscences. M., 1986. 389 с.

³³ См.: Carrère d'Encausse H. Réforme et révolution chez les musulmans de l'Empire russe, Bukhara 1867–1924. Paris, 1966. 313 p.

³⁴ См.: Becker S. Russia's protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge, 1968. 418 p.

³⁰ См.: Изотова М. А., Царев Т. Б. Указ. соч. С. 150–152.

³¹ См.: Там же. С. 156–157.

2) 3 декабря 1893 г. – ордена Бухарской короны с бриллиантами;

3) 30 мая 1898 г. – ордена Солнца Александра³⁵.

Собственно до правления императора Николая II в среднеазиатском регионе продолжали существовать серьезные сепаратистские настроения, стимулируемые Великобританией. При Николае II Средняя Азия территориально закрепились за Российской империей. Практически императоров Александра II и Николая II высшими государственными орденами награждали так называемые зависимые правители, находящиеся как минимум под российским протекторатом, а практически входящие со своими странами в российское государство. Надо отметить и позднее время учреждения ордена Бухарской короны и ордена Солнца Александра, позволявшее наградить исключительно императора Николая II. Однако тот же орден Солнца Александра утверждался в память об Александре III, что свидетельствует о зависимости среднеазиатских государственных образований от власти российской правящей династии в XIX – начале XX в.

Русские чиновники, офицеры армии и флота никогда не гордились бухарскими наградами и считали их забавным эпизодом в своей профессиональной карьере³⁶, тем более что фактически их вручали такие же подданные российского императора.

Естественно многие из орденов Османской империи, Персии и Бухарского эмирата выдавались их подданным за участие в войнах против России. Для Османской империи речь идет:

- 1) о русско-турецкой войне 1806–1812 гг.;
- 2) русско-турецкой войне 1828–1829 гг.;
- 3) крымской войне 1853 – 1856 гг.;
- 4) русско-турецкой войне 1877–1878 гг.;
- 5) Первой мировой войне.

Наиболее распространенной у турецких военнослужащих наградой являлся орден Меджидие.

Персидский орден Льва и Солнца был пожалован подданным шаха за участие против российского государства:

- 1) в русско-персидской войне 1804–1813 гг.;
- 2) русско-персидской войне 1826–1828 гг.

Со значительной долей вероятности можно утверждать, что подданных Бухарского эмирата

награждали в 1860–1870-х гг. за участие в боевых действиях против российских войск более низкими степенями ордена Благородной Бухары.

Практически ничего нельзя сказать об орденах и медалях Хивинского и Кокандского ханств. Скорее всего данные рабовладельческие государства Средней Азии не имели на момент присоединения к России иерархичной наградной системы.

Таким образом, российские императоры на протяжении XIX – начала XX в. как правители иностранных государств могли быть удостоены следующих высших наград Османской империи, Персии и Бухарского эмирата:

- 1) первая степень ордена Османские;
- 2) первая степень ордена Меджидие;
- 3) большой крест ордена Льва и Солнца;
- 4) золотая звезда с бриллиантами ордена Благородной Бухары;
- 5) орден Бухарской короны с бриллиантами;
- 6) орден Солнца Александра.

Однако в случае с Бухарским эмиратом речь шла о награде от правителя территории, со второй половины XIX в. политически и экономически зависимой от российского императора.

Если подвести итог награждений российских императоров орденами стран Востока, то складывается следующая картина.

Император Александр II:

- 1) орден Меджидие (Турция);
- 2) первая степень ордена Османские (Турция);
- 3) первая степень – Большой крест ордена Льва и Солнца (Персия).

Император Александр III:

- 1) первая степень Отличия Османской империи (Турция);
- 2) первая степень ордена Османские (Турция);
- 3) орден Августейшего портрета (Персия);
- 4) Золотая звезда с бриллиантами ордена Благородной Бухары (Бухарский эмират).

Император Николай II:

- 1) первая степень ордена Османские (Турция);
- 2) орден Августейшего портрета (Персия);
- 3) золотая звезда с бриллиантами ордена Благородной Бухары (Бухарский эмират);
- 4) орден Бухарской короны с бриллиантами;
- 5) орден Солнца Александра.

Итак, награды стран Востока в государственно-правовом статусе российской императорской фамилии отражают всю неоднозначность международной политики в XIX – начале XX в. Нельзя не отметить, что практически

³⁵ См.: Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПб., 1993. 193 с.

³⁶ См.: Выхорь С. С. Указ. соч. С. 78.

до императора Александра II Османская империя, Персия и государственные образования в Средней Азии не спешили награждать российских правителей высшими знаками отличия. Именно в царствование Александра II происходит переломный момент в данном вопросе, связанный с окончательным утверждением Российской империи как мировой державы. Знаковым является награждение императора Николая II всеми высшими орденами Персидского шахства, Османской империи и Бухары. Это свидетельствует об окончательном закреплении позиций Российской империи на южном внешнеполитическом направлении в XIX – начале XX в.

Таким образом, награды стран Востока в государственно-правовом статусе российской императорской фамилии в исследуемый исторический период представляли прежде всего подтверждение официального статуса непосредственного влияния царского дома на международную политику. Именно поэтому награждение знаками отличия восточных государств правителей России в XIX – начале XX вв. стало отражением реального места страны на южном направлении политики.

Библиографический список

- Безруков М. П., Турковский А. Г. Награды государств мира. Тула, 2013. 404 с.
- Бугромеев В. П. Символ власти : флаги, гербы, правители, награды, деньги всех стран и времен : иллюстрированный энциклопедический справочник. М., 2006. 571 с.
- Василенко С. А. Императорская фамилия в России конца XIX – начала XX в. Имущественное положение и общественная деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 22 с.
- Выхорь С. С. Иностранные награды на Российском Императорском флоте. Воронеж, 2016. 128 с.
- Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. 1. 448 с.
- Гусев И. Е. Ордена, медали и наградные знаки от Петра I до современности. М., 2015. 159 с.
- Гусев И. Е. Ордена и медали. Популярный иллюстрированный гид. М., 2021. 192 с.
- Дуров В. А. Русские награды XVIII – начала XX в. М., 1997. 159 с.
- Изотова М. А., Царев Т. Б. Полная энциклопедия орденов и медалей России. М., 2008. 432 с.
- Кодан С. В. Владимиров Г. Е. Закрепление в Своде Основных государственных законов Российской империи 1832–1892 гг. издания правового ста-

туса членов императорского дома // Юридические исследования. 2014. № 5. С. 38–68.

Кононенко В. В. Чины и награды Российской империи. Ростов н/Д., 2000. 86 с.

Ливенцев Д. В. Социальная ценность института юридической ответственности российской императорской фамилии в истории российской государственности // Основные тенденции развития современного права : проблемы теории и практики : материалы V Национальной науч.-практ. конф. (г. Казань, 26 февраля 2021 г.). Казань, 2021. С. 8–11.

Потрашков С. В. Награды России : история и символика наград. Военные и гражданские ордена, медали, знаки. Наградные знамена и оружие. Иностранные награды в истории России. М., 2009. 285 с.

Розанов О. Н. Азия и Африка в Первой мировой войне. М., 2016. 248 с.

Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПб., 1993. 193 с.

Степаненко Р. Ф. Особенности процессов преобразования в России начала XX века : проблемы общей теории права // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3. С. 94–99.

Философов И. Ю. Знаменитые награды Европы : ордена и медали. Ростов н/Д., 2010. 478 с.

Ajmi S. Bukhara: reminiscences. M., 1986. 389 с.

Becker S. Russia's protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge, 1968. 418 p.

Carrère d'Encausse H. Réforme et révolution chez les musulmans de l'Empire russe, Bukhara 1867–1924. Paris, 1966. 313 p.

Gavrilova L. M. Foreign orders of the Russian emperors in the collection of the Moscow Kremlin museums. M., 2019. 412 p.

Rogers J. M. Empire of the Sultans : Ottoman art from the Khalili. London, 2002. 304 p.

References

- Bezrukov M. P., Turkovsky A. G. Awards of the states of the world. Tula, 2013. 404 p.
- Bugromeev V. P. Symbol of power: flags, coats of arms, rulers, awards, money of all countries and times: illustrated encyclopedic reference. Moscow, 2006. 571 p.
- Vasilenko S. A. The imperial surname in Russia of the late XIX – early XX centuries. Property status and social activity : diss. abstr. cand. histor. sci. St. Petersburg, 2007. 22 p.
- Vykhov S. S. Foreign awards in the Russian Imperial Navy. Voronezh, 2016. 128 p.
- Gradovsky A. D. The beginnings of Russian state law. St. Petersburg, 1875. Vol. 1. 448 p.

Gusev I. E. Orders, medals and awards from Peter the Great to the present. Moscow, 2015. 159 p.

Gusev I. E. Orders and medals. Popular illustrated guide. Moscow, 2021. 192 p.

Durov V. A. Russian awards of the XVIII – early XX centuries. Moscow, 1997. 159 p.

Izotova M. A., Tsarev T. B. The complete encyclopedia of orders and medals of Russia. Moscow, 2008. 432 p.

Kodan S. V., Vladimirova G. E. Consolidation of the legal status of members of the Imperial House in the Code of Basic State Laws of the Russian Empire in 1832–1892 // *Legal Studies*. 2014. No. 5. P. 38–68.

Kononenko V. V. Ranks and awards of the Russian Empire. Rostov on Don, 2000. 86 p.

Liventsev D. V. The social value of the Institute of Legal responsibility of the Russian Imperial Family in the history of Russian statehood // *Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice : materials of the V National Scientific and Practical Conference (Kazan, February 26, 2021)*. Kazan, 2021. P. 8–11.

Potrashkov S. V. Awards of Russia : the history and symbolism of awards. Military and civil orders, medals, badges. Award banners and weapons. Foreign awards in the history of Russia. Moscow, 2009. 285 p.

Rozanov O. N. Asia and Africa in the First World War. Moscow, 2016. 248 p.

Spassky I. G. Foreign and Russian orders before 1917. St. Petersburg, 1993. 193 p.

Stepanenko R. F. Features of transformation processes in Russia at the beginning of the twentieth century: problems of the general theory of law // *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 3. P. 94–99.

Philosophers I. Y. Famous awards of Europe: orders and medals. Rostov on Don, 2010. 478 p.

Ajni S. Bukhara: reminiscences. M., 1986. 389 p.

Becker S. Russia's protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge, 1968. 418 p.

Carrère d'Encausse H. Réforme et révolution chez les musulmans de l'Empire russe, Bukhara 1867–1924. Paris, 1966. 313 p.

Gavrilova L. M. Foreign orders of the Russian emperors in the collection of the Moscow Kremlin museums. Moscow, 2019. 412 p.

Rogers J. M. Empire of the Sultans: Ottoman art from the Khalili. London, 2002. 304 p.

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Ливенцев Д. В., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры юридических дисциплин

E-mail: liva2006@yandex.ru

Поступила в редакцию: 17.04.2024

Для цитирования:

Ливенцев Д. В. Восточные награды в государственно-правовом статусе российской правящей династии // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/29-36>

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I

Liventsev D. V., Doctor Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Legal Disciplines Department

E-mail: liva2006@yandex.ru

Received: 17.04.2024

For citation:

Liventsev D. V. Oriental awards in the state-legal status of the Russian ruling dynasty // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2024. № 4 (59). P. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/29-36>

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Э. И. Лескина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

INFORMATION SECURITY OF MINORS IN THE ASPECT
OF THE OPERATION OF THE DIGITAL
EDUCATIONAL ENVIRONMENT

E. I. Leskina

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Аннотация: цифровизация общественных отношений, повсеместное внедрение информационных технологий, распространение Интернета приводят к трансформации самих отношений и роли субъектов таких отношений и новым вызовам и угрозам информационной безопасности. Несовершеннолетние являются одной из целевых групп по деструктивному влиянию, психологическому манипулированию, опасности последствий для социальных связей и взаимодействий. Соответственно, формирующийся пласт правового обеспечения информационной безопасности детей начинает находить свою реализацию в виде образовательных проектов, внеурочной деятельности, мероприятий для родителей и т. д. Вместе с тем вопросы защиты персональных данных несовершеннолетних остаются пока за пределами детальной правовой регламентации, что приводит к возможным неблагоприятным последствиям не только в области неправомерных посягательств, но и в рамках полезных ресурсов. Цель настоящей статьи состоит в постановке проблем и выработке путей их разрешения в сфере обработки персональных данных несовершеннолетних и их родителей (законных представителей) в связи с функционированием ФГИС «Моя школа». Отмечаются и требующие разрешения на законодательном уровне вопросы обработки персональных данных несовершеннолетних. В работе использованы методы как эмпирического (анализ и синтез, индукция и дедукция, систематизация), так и теоретического (методы построения и исследования объекта исследования и методы построения и оправдания теоретического знания) уровней, сравнительно-правовой, исторический методы.

Ключевые слова: персональные данные, несовершеннолетние, информационная система, цифровая образовательная среда, согласие на обработку, принцип минимизации, цифровизация, цифровой профиль.

Abstract: digitalization of social relations, widespread introduction of information technology, and the spread of the Internet lead to a transformation of the relationships themselves, the role of subjects, such relationships and new challenges and threats to information security. Minors are one of the target groups for destructive influence, psychological manipulation, and the danger of consequences for social connections and interactions. Accordingly, the emerging layer of legal support for children's information security is beginning to find its implementation in the form of educational projects, extracurricular activities, events for parents, etc. At the same time, issues of protecting the personal data of minors still remain outside the scope of detailed legal regulation, which leads to possible adverse consequences not only in the area of unlawful attacks, but also within the framework of useful resources.

The purpose of this article is to pose problems and develop ways to resolve them in the field of processing personal data of minors and their parents (legal representatives) in connection with the functioning of the FSIS «My School». Issues regarding the processing of personal data of minors that require resolution at the legislative level are also noted. The work uses methods of both empirical (analysis and synthesis, induction and deduction, systematization) and theoretical (methods of constructing and studying the object of study and methods of constructing and justifying theoretical knowledge) levels, comparative legal, historical methods.

Key words: personal data, minors, information system, digital educational environment, consent to processing, principle of minimization, digitalization, digital profile.

Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних является одной из важнейших задач государства, поскольку формирование здоровой личности, обеспечение ее прав немыслимы без состояния защищенности в информационном пространстве. Согласно статистическим исследованиям знакомство с интернетом дети в России начинают в среднем в 2–3 года, в 5 лет многие свободно ориентируются в игровом и развлекательном виртуальном пространстве. С 12 лет дети в среднем проводят онлайн 6 часов ежедневно¹.

В связи с этим видится обоснованным принятие в 2023 г. Концепции информационной безопасности детей², главная цель которой состоит в защите несовершеннолетних от информационных угроз и рисков в цифровой среде. Это вполне согласуется с положением несовершеннолетних в качестве приоритета государственной политики России, а потому безопасность детей рассматривается в контексте национальной безопасности государства³. Видится, что указанная Концепция носит ограждающий от определенной информации характер, дополняя и развивая положения Закона о защите несовершен-

нолетних от информации⁴. Объединение усилий государства и родительского сообщества, уроки цифровой грамотности для школьников, просветительские мероприятия для родителей, поддержка социально значимых проектов в этой области – всё это, безусловно, важно для формирования навыков, способных противодействовать угрозам информационной безопасности.

Однако понятие информационной безопасности несовершеннолетних является комплексным и включает не только обеспечение защищенности в информационном поле⁵, но и от различных видов угроз. Одним из важных факторов обеспечения информационной безопасности детей должны быть условия по защите персональных данных несовершеннолетних, меры по противодействию их необоснованной обработки, в том числе накоплению. Концепция указывает на задачу по защите персональных данных несовершеннолетних в сети Интернет. Более того, одним из показателей оценки информационной безопасности детей является количество обучающихся и педагогических работников, охваченных обучающими уроками по вопросам защиты персональных данных. В связи с этим хотелось бы рассмотреть угрозы, связанные с функционированием цифровой образовательной среды.

В 2020–2022 гг. в 15 субъектах Российской Федерации был запущен эксперимент по внедрению цифровой образовательной системы⁶. В 2023 г. к информационной системе «Моя школа» подключили все общеобразовательные учреждения страны. Система объединяет такие

¹ См.: Лебедева Н. Каждый третий подросток проводит онлайн треть своей жизни. URL: <https://rg.ru/2019/02/13/kazhdyj-tretij-podrostok-provodit-onlajn-tret-svoej-zhizni.html> ; Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100 %. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426

² Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305050026?index=1>

³ См.: Дугенец А. С., Павлова Л. В. Государственное регулирование обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних как составляющая национальной безопасности России // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 20–25.

⁴ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (в ред. от 28.04.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.

⁵ См.: Дугенец А. С., Павлова Л. В. Указ. соч.

⁶ О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды : постановление Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2040 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50 (ч. V). Ст. 8240.

сервисы, как электронный дневник, журнал, расписание, психологическая служба, организация питания, обмен учебными материалами, облако для загрузки и хранения файлов и т. д.

В аспекте обработки персональных данных ФГИС «Моя школа» подразумевает:

- ведение учета обучающихся и их родителей (законных представителей), работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность (подп. «о» п. 5⁷);
- формирование и ведение реестров, содержащих данные об учениках, их родителях (законных представителях) (подп. «п» п. 5);
- управление профилями пользователей (подп. «и» п. 5).

Конечно, указанные положения могут вызывать и вызывают беспокойство родителей (законных представителей) обучающихся в аспекте обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних, должного уровня защиты их персональных данных. Родители обращаются в министерства образования субъектов Российской Федерации, в частности, с просьбой разъяснить вопросы добровольности регистрации в системе, аспекты, касающиеся защищенности персональных данных детей. Ответы, например Министерства образования Саратовской области, содержат положения, что данные всех детей обезличены и видны только в электронном дневнике, а защита персональных данных обеспечивается «на самом высоком уровне»⁸. Внедрение цифровой образовательной среды еще в фазе эксперимента вызывало не только обсуждение, но и обжалование отдельных положений соответствующего законодательства законными представителями несовершеннолетних⁹.

⁷ О федеральной государственной информационной системе «Моя школа» и внесении изменения в подпункт «а» пункта 2 Положения об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме : постановление Правительства РФ от 13 июля 2022 г. № 1241. URL: <https://docs.cntd.ru/document/351182921#7DQ0KD>

⁸ Справочная информация Министерства образования Саратовской области от 13 февраля 2023 г. по информационно-коммуникационной платформе «Сферум».

⁹ Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2021 г. № АКПИ21-32, Апелляционное определение Апелля-

В системе «Моя школа» осуществляется обработка персональных данных участников образовательных отношений. Одной из функций системы «Моя школа» является обеспечение защиты информации, обрабатываемой в такой системе. В приложении к Положению о федеральной государственной информационной системе «Моя школа» среди необходимых для обработки в рамках системы «Моя школа» персональных данных обучающегося значатся идентификатор учетной записи в единой системе идентификации и аутентификации, региональной системе образования, фамилия, имя, отчество, дата рождения, пол и деперсонализированные идентификаторы. В отношении родителей обучающегося это реквизиты документа, подтверждающего полномочия, дата рождения, адрес электронной почты, фамилия, имя, отчество и идентификатор учетной записи в единой системе идентификации и аутентификации.

Вместе с тем вход в систему осуществляется через портал «Госуслуги», при этом «Моя школа» запрашивает такие права: в отношении родителя (законного представителя) – право на просмотр данных свидетельства о рождении, даты рождения, пола, данных о документе, удостоверяющем личность, номера мобильного телефона, фамилии, имени и отчества, адреса электронной почты, СНИЛС; в отношении обучающегося – СНИЛС, даты рождения, пола, фамилии, имени, отчества, свидетельства о рождении.

Таким образом, отдельные сведения, доступ к которым запрашивается для входа в систему, являются избыточными и не предусмотрены действующим законодательством.

Учащиеся старше 14 лет, имеющие паспорт гражданина РФ, регистрируются во ФГИС «Моя школа» самостоятельно. Для этого необходимо создать и активировать учетную запись на портале «Госуслуги». Для обучающихся младше 14 лет также обязательна учетная запись на портале «Госуслуги», которую проводит родитель (законный представитель). При этом обязательно иметь российское свидетельство о рождении, а значит, дети с иными документами, обучающиеся на территории России, лишены возможности пользоваться ресурсами центральной образовательной системы. Лишены возможности пользоваться сервисами «Моя школа» и лица,

ционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 августа 2021 г. № АПЛ21-269. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не давшие согласие на обработку персональных данных. Причем указанные ограничения распространяются не только на такие сервисы, как электронный дневник, что было бы логично. Доступ же оказывается невозможен к библиотеке материалов, обучающим видео, тренажерам, интерактивному контенту, урокам и т. д. Насколько является обоснованным ставить в зависимость ознакомление с образовательными ресурсами с предоставлением прав на обработку достаточно широкого перечня персональных данных как их родителей, так и законных представителей? Легально закреплено, что система «Моя школа» должна обеспечивать информационную поддержку граждан при реализации образовательных программ, повышение доступности цифрового образовательного контента, электронных образовательных ресурсов. Однако по факту данные цели и задачи поставлены в зависимость от формальных условий.

Не так давно существовала проблема ограничения права обучающихся на образование в случае отсутствия согласия на обработку своих персональных данных при прохождении ГИА¹⁰. Через несколько лет после выявления указанной проблемы лицам, отказавшимся дать согласие на обработку персональных данных, была организована иная возможность государственной итоговой аттестации без внесения персональных данных в информационные системы¹¹.

В целом правомерность предоставления согласия на обработку данных самим несовершеннолетним, даже достигшим 14 лет, вызывает сомнения.

Безусловно, само законодательство о персональных данных не изобилует подробным регулированием вопросов обеспечения конфиденциальности персональных данных несовершеннолетних¹². Так, Закон о персональных данных не устанавливает возраст, с которого несовершеннолетний вправе давать согласие на обработку

его персональных данных. На основании этого некоторые суды делают вывод о том, что несовершеннолетние в принципе не могут давать такого согласия¹³. Положения ГК РФ сами по себе не дают оснований для вывода о возможности несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет к самостоятельной даче согласия на обработку персональных данных. В тех случаях, когда такие лица вступают в допускаемые для них соглашения, обработка их персональных данных в необходимом объеме будет возможна, например, на основании п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона о персональных данных (обработка персональных данных, необходимая для заключения и (или) исполнения договора, стороной или выгодоприобретателем которого является субъект персональных данных)¹⁴. Согласно ст. 8(1) GDPR если ребенок еще не достиг возраста 16 лет, то обработка персональных данных в связи с предоставлением информационных цифровых сервисов, имеющих направленность на таких лиц, является правомерной, только если согласие было дано или одобрено лицом, обладающим родительской ответственностью в отношении ребенка¹⁵.

В целом считаем избыточной указанную систему авторизации и соответствующего накопления персональных данных несовершеннолетних и их родителей (законных представителей).

Далее в системе говорится, что отозвать согласие на обработку данных возможно в настройках личного кабинета Госуслуг. Вместе с тем сам личный кабинет системы «Моя школа» не предусматривает такого функционала. К сожалению, Закон о персональных данных не содержит схожего с GDPR положения, согласно которому процедура отзыва не должна быть более обременительной, чем процедура дачи согласия.

¹³ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 июля 2020 г. по делу № 16-2185/2020 ; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 14 сентября 2017 г. по делу № А70-2034/2017.

¹⁴ Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021.

¹⁵ Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Некоторые проблемы использования автоматизированных информационных систем в сфере образования // Информатика и образование. 2016. № 1. С. 50–54.

¹¹ Вариант № 2 Рекомендаций, утв. Письмом Рособнадзора от 12 марта 2019 г. № 10-188. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Ковалева Н. Н. Структурирование данных, обрабатываемых субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. 2022. № 6 (149). С. 279–282.

С точки зрения информационной безопасности несовершеннолетних считаем избыточным 30-дневный срок, установленный ч. 5 ст. 21 Закона о персональных данных, в отношении операторов для прекращения обработки персональных данных, осуществляемой на основании ранее данного согласия, и уничтожение таких данных в отношении интернет-платформ, подобным ФГИС «Моя школа». Оператор получает уведомление об отказе через портал Госуслуг, и, например, срок в три рабочих дня будет вполне разумным для прекращения обработки персональных данных обучающихся и их законных представителей.

Созданию электронной образовательной среды будет сопутствовать появление цифровых профилей обучающихся. С помощью сервиса системы «Моя школа» будет происходить поэтапное накопление сведений, касающихся успеваемости, интересов, предметных предпочтений, посещения кружков, успехов в спорте, культуре, замечаний учителей и других данных. Но здесь цифровые портфолио детей могут стать аналогами «плохих» кредитных историй. Дети потеряют право на ошибку, возможность начать обучение заново, с нуля. Всё это может повысить тревожность школьников и их родителей, формировать гонку за рейтингом. Безусловно, аккумулирование таких объемов информации приводит к дополнительным рискам посягательств на информационную безопасность. Само понятие цифрового профиля не является полностью определенным и бесспорно признанным ни в законодательстве, ни в научной литературе¹⁶. Возникает и множество вопросов, связанных с созданием цифровых профилей в отношении несовершеннолетних. Насколько этично будет использовать такие данные, где граница этичного доступа к персональным данным детей и их родителей, каково соотношение риска и пользы от создания таких профилей и иные вопросы, которые традиционно возникают в дата-этике¹⁷.

¹⁶ См.: *Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалева А. В.* Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // *Правоприменение*. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19.

¹⁷ См.: *Этика и «цифра»* – кратко о главном. Робот-врач, робот-учитель, робот-полицейский : социальные риски и отраслевые этические вызовы : аналит. записка к т. 2 докл. «Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий». М., 2020. 124 с.

Итак, считаем, что концепция обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних должна быть более всеобъемлющей и включать вопросы обеспечения минимизации в обработке персональных данных несовершеннолетних, обеспечивать доступность образовательных сервисов, тем более являющихся государственными, вне зависимости от аккумулирования персональных данных обучающихся и их родителей. Функционирование ФГИС «Моя школа» должно учитывать положения законодательства о персональных данных, а в отдельных случаях (например, при ознакомлении с видеоуроками, книгами) не ставить необходимость дачи согласия на обработку персональных данных несовершеннолетними и их законными представителями в качестве необходимого условия пользования ресурсами. Считаем, что срок прекращения обработки персональных данных учащихся и их законных представителей в случае отзыва согласия на обработку персональных данных должен быть сокращен до 3 рабочих дней.

Несовершеннолетние являются одной из наиболее уязвимых категорий в информационном пространстве. Психологические манипуляции в Интернете, мошенничество, вовлечение в асоциальные и деструктивные группы – это и многое другое вызывает необходимость в принятии мер обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних на государственном уровне. То есть нивелирование рисков, связанных с причинением информацией вреда¹⁸, является лишь одним из составляющих понятия информационной безопасности несовершеннолетних. Поскольку понятие информационной безопасности несовершеннолетних служит видовым по отношению к понятию информационной безопасности, то считаем, что можно предложить следующее понятие информационной безопасности несовершеннолетних. Это состояние защищенности несовершеннолетних от внутренних и внешних информационных угроз (в том числе от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию), при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод несовершеннолетних, их безопасное фи-

¹⁸ См.: *Прудникова Л. Б., Шенин В. М., Глейberman Н. С.* Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2022. № 7. С. 7–9.

зическое, психическое, духовное, нравственное развитию.

Не следует забывать, что среди национальных целей, утвержденных Президентом РФ, названо создание не только современной, но и безопасной цифровой образовательной среды¹⁹. Защита персональных данных детей – важный элемент обеспечения информационной безопасности. Угрозы утечки данных, доступ данных для мошеннических действий, психологических манипуляций как с самими несовершеннолетними, так и с их родителями (законными представителями). Как справедливо отмечает Н. Н. Ковалева, деобезличивание и дезагригирование персональных данных детей способны привести к негативным последствиям на протяжении всей последующей жизни несовершеннолетних, и по мере развития технологий такие риски будут только возрастать²⁰. Возможности цифровизации, доступности образования в электронном виде вне зависимости от географического положения и состояния здоровья должны реализоваться при условии максимального нивелирования рисков возникновения угроз в информационной сфере. Меры по обеспечению защиты персональных данных детей должны носить упреждающий характер. Соответственно, необходимо обеспечить минимизацию в сборе и накоплении сведений о детях. Формируемые годами персональные данные несовершеннолетних будут создавать больше рисков, чем представлять возможностей и благ.

Связь уровня защиты персональных данных с уровнем обеспечения информационной безопасности отмечена в нормативно-правовых актах, в целом нематериальное понимание сущности персональных данных, свойственное российской правовой традиции, свидетельствует о тесной взаимосвязи таких сведений с состоянием защищенности личности. Формирование навыков в области цифровой грамотности достигается не выборочными уроками, а активным внедрением базовых понятий и закреплением их на практике. То есть ограничение в накоплении персональных данных несовершеннолетних приведет не только к снижению угроз в области кибербезопасности, но и прямому приме-

ру, как нужно действовать, каким образом распоряжаться доступом к своим персональным данным для детей.

Таким образом, информационная безопасность несовершеннолетних – важная задача, стоящая перед государством. Здесь происходит не просто защита личных данных, но посредством информации передаются традиции, формируется личность гражданина нашей страны. Отдельные сведения, доступ к которым запрашивается для входа в образовательные системы, являются избыточными, а избыточные сведения в эпоху больших данных служат фактором, посягающим на информационную безопасность, которые будут создавать риски на многие годы вперед.

Библиографический список

Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Некоторые проблемы использования автоматизированных информационных систем в сфере образования // Информатика и образование. 2016. № 1. С. 50–54.

Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалева А. В. Цифровой профиль понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19.

Дугенец А. С., Павлова Л. В. Государственное регулирование обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних как составляющая национальной безопасности России // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 22–25.

Ковалева Н. Н. Структурирование данных, обрабатываемых субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. 2022. № 6 (149). С. 279–282.

Лебедева Н. Каждый третий подросток проводит онлайн треть своей жизни. URL: <https://rg.ru/2019/02/13/kazhdyy-tretij-podrostok-provodit-onlajn-tret-svoej-zhizni.html>

Савельев А. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2021.

Прудникова Л. Б., Шеншин В. М., Глейberman Н. С. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 7. С. 7–9.

Этика и «цифра» – коротко о главном. Робот-врач, робот-учитель, робот-полицейский : социальные риски и отраслевые этические вызовы : аналит. записка к т. 2 докл. «Этика и “цифра” : этические проблемы цифровых технологий». М. : РАНХиГС, 2020. 124 с.

¹⁹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

²⁰ См.: Ковалева Н. Н. Указ. соч.

References

Amelin R. V., Channov S. E. Some problems of using automated information systems in the field of education // Informatics and Education. 2016. No. 1. P. 50–54.

Vinogradova E. V., Polyakova T. A., Minbaleev A. V. Digital profile concept, regulatory mechanisms and implementation problems // Law enforcement. 2021. Vol. 5, No. 4. P. 5–19.

Dugenets A. S., Pavlova L. V. State regulation of ensuring the information security of minors as a component of Russia's national security // Administrative law and process. 2023. No. 5. P. 22–25.

Kovaleva N. N. Structuring data processed by subjects of the system for preventing neglect and juvenile delinquency // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 6 (149). P. 279–282.

Lebedeva N. Every third teenager spends a third of his life online. URL: <https://rg.ru/2019/02/13/kazhdyj-tretij-podrostok-provodit-onlajn-tret-svoej-zhizni.html>

Savelyev A. I. Scientific and practical article-by-article commentary on the Federal Law «On Personal Data». 2nd edition, revised and expanded. Moscow : Statute, 2021.

Prudnikova L. B., Shenshin V. M., Gleiberman N. S. Information and information security as attributes of civil society (a brief overview of the relationship) // State power and local self-government. 2022. No. 7. P. 7–9.

Ethics and «digital» – briefly about the main thing. Robot doctor, robot teacher, robot policeman : social risks and industry ethical challenges : analyst. note to volume 2 of the report. «Ethics and “digital”: ethical problems of digital technologies». М. : RANEPА, 2020. 124 p.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Лескина Э. И., кандидат юридических наук, доцент департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права
E-mail: elli-m@mail.ru

Поступила в редакцию: 25.10.2024

Для цитирования:

Лескина Э. И. Информационная безопасность несовершеннолетних в аспекте функционирования цифровой образовательной среды // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 37–43. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/37-43>

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Leskina E. I., PhD in Law, Associate Professor of the Department of Digital Technology Law and Biolaw
E-mail: elli-m@mail.ru

Received: 25.10.2024

For citation:

Leskina E. I. Information security of minors in the aspect of the operation of the digital educational environment // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 37–43. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/37-43>

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ ОБЕЗЛИЧЕННЫХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Н. А. Жирнова, О. Л. Солдаткина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ON THE ISSUE OF THE LEGAL REGIME OF DEPERSONALIZED PERSONAL DATA

N. A. Zhirnova, O. L. Soldatkina

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Аннотация: статья посвящена актуальной в свете тенденций по созданию «регуляторного рая» для разработчиков систем искусственного интеллекта проблеме установления эффективного правового режима для обезличенных персональных данных. В данном сегменте законодательства сегодня происходят изменения, не все из которых можно назвать удачными. Вместе с этим от решения указанной проблемы напрямую зависит успех развития перспективной отрасли по созданию искусственного интеллекта. В ходе исследования авторы проводят разработку каждого из элементов правового режима обезличенных персональных данных, сделав акцент на необходимость принятия мер по охране информации. Кроме того, в статье исследуются подходы к решению обозначенной проблемы в других странах и даются некоторые рекомендации по изменению законодательной и правоприменительной практики в сфере оборота обезличенных персональных данных. **Ключевые слова:** правовой режим, правовое регулирование персональных данных, персональные данные, обезличенные персональные данные, анонимизированные данные.

Abstract: the article is devoted to the problem of establishing an effective legal regime for depersonalized personal data, which is relevant in light of the trends to create a «regulatory paradise» for developers of artificial intelligence systems. Changes are taking place in this segment of legislation today, not all of which can be called successful. At the same time, the success of the development of a promising industry for the creation of artificial intelligence directly depends on how the problem is solved. In the course of the study, the authors develop each of the elements of the legal regime, focusing on taking measures to protect information. In addition, approaches to solving the problem in other countries are studied and some recommendations are given for changing the attitude to the concept of depersonalized personal data.

Key words: legal regime, legal regulation of personal data, personal data, depersonalized personal data, anonymized data.

Сегодня одной из актуальнейших проблем является необходимость установления «правил игры» для общественных отношений, складывающихся с участием искусственного интеллекта. Однако в России, да и в большинстве стран мира, в настоящий момент ситуацию, сложившуюся в сфере нормативно-правового регулирования вышеуказанного феномена, нельзя признать адекватной требованиям и вызовам цифровизации. При этом российские законодатели

заявляют о полной поддержке разработчиков искусственного интеллекта и создании для них в России «регуляторного рая»¹, без уточнения, что для этого нужно.

¹ См., например: Чернышенко : Экономический эффект от внедрения ИИ составил более триллиона рублей // Парламентская газета. 2024. 13 мая. URL: <https://www.pnp.ru/politics/chernyshenko-ekonomicheskii-effekt-ot-vnedreniya-ii-sostavil-bolee-trilliona-rublei.html?ysclid=ltzx0ass61360640966> (дата обращения: 14.08.2024).

Еще в 2006 г. вице-президент американской Ассоциации рекламодателей (Association of National Advertisers) Майкл Палмер подтвердил и развил мысль бизнесмена Клайв Хамби о сходстве данных и топлива: «Данные похожи на сырую нефть. Оно полезно, но в необработанном виде непригодно для использования»². Эта метафора не теряет своей актуальности и сегодня, хотя у нее есть и критики: эксперты писали и о том, что аналогия между данными и нефтью не работает, что данные могут быть токсичными или даже «мусорными»³.

Несмотря на красочность и ненаучный стиль приведенных высказываний, в них есть определенный смысл: искусственному интеллекту требуются данные для обучения – и чем объемнее и качественнее будет выборка, тем лучше будут результаты обучения. В ряде случаев такая необходимость вступает в конфликт с конфиденциальностью отдельных видов информации, например персональных данных. Компромиссом в данной сфере является использование для обучения искусственного интеллекта обезличенных персональных данных. В силу сказанного никакой «регуляторный рай» в сфере искусственного интеллекта невозможен без установления грамотного правового режима обезличенных персональных данных, так как именно они занимают особое место в структуре так называемых «больших данных» (Big Data), являющихся, в свою очередь, критично важными для обучения искусственного интеллекта.

Прежде чем говорить о составляющих правового режима обезличенных персональных данных, следует определиться с нашим подходом к пониманию правового режима.

Анализ научных источников показывает, что, с одной стороны, тема научных режимов достаточно разработана⁴, с другой – понятие часто используется как само собой разумеющееся. В целом, термин можно считать устоявшимся, а нюансы его определения зависят от того, в рамках какого направления правоведения он

рассматривается. Так, Г. С. Беляева только среди общетеоретических подходов к дефиниции анализируемого юридического феномена выделяет три основных, а также некоторый интеграционный⁵. Поскольку рассматриваемый вопрос относится к информационному праву, близкому по природе к административному праву, в рамках нашего исследования стоит ориентироваться на мнение представителей указанных разделов правоведения.

Д. Н. Бахрах писал, что «правовой режим – это официально установленный особый порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования»⁶ (что перекликается в целом с общетеоретическим инструментальным подходом).

Выделим дефиницию Н. Н. Ковалевой для более узкого понятия «правовой режим информационных ресурсов», определяемого как «возможность совершения или несовершения с объектом права определенных действий, влекущих известный юридический результат»⁷. Данный вариант определения правового режима представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, персональные данные по природе являются информационным ресурсом. Во-вторых, у определения в работах Н. Н. Ковалевой есть развитие – отмечаются составляющие правового режима информационных ресурсов:

- 1) порядок документирования информации;
- 2) положения о доступе к информационным ресурсам в зависимости от их категорий;
- 3) принятие мер по охране информации (способы охраны и порядок их применения)⁸.

Таким образом, если констатировать наличие всех трех составляющих, то можно с уверенностью утверждать, что правовой режим того или иного вида информационного ресурса установлен. В целом, поскольку на правовом поле основной единицей информации является

² Palmer M. Data is the New Oil // Ana.blogs.com. 2006. November, 3. URL: https://ana.blogs.com/maestros/2006/11/data_is_the_new.html (дата обращения: 14.08.2024).

³ См.: Jason James. Data as the new oil : the danger behind the mantra. URL: <https://enterpriseproject.com/article/2019/7/data-science-data-can-be-toxic> (дата обращения: 14.08.2024).

⁴ Поиск по запросу «правовой режим» (период с 2014 по 2024 г.) только в названиях исследований на платформе e-library дает в результате 6456 публикаций.

⁵ См.: Беляева Г. С. Правовой режим : понятие и признаки // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 281–293.

⁶ Бахрах Д. Н. Административное право : учебник. М., 2011. С. 410.

⁷ Ковалева Н. Н. Информационное право : учеб. пособие. М., 2010. С. 38.

⁸ См: Там же.

ся документ, подход Н. Н. Ковалевой можно распространить на любой вид рассматриваемой в юридической науке информации, в том числе и на обезличенные персональные данные, что и поможет разработать их научно обоснованный правовой режим.

Под обезличенными персональными данными в российском законодательстве понимаются персональные данные, подвергнутые процедуре обезличивания, а под обезличиванием – «действие, в результате которого становится невозможным определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных»⁹.

Документирование информации в самом общем виде можно определить как процесс создания документа, т. е. «придание» информации свойств документа¹⁰, по сути, фиксирование (запись) информации на материальный носитель, присвоение необходимых реквизитов и т. д. Правила документирования информации, являющейся предметом исследования, зафиксированы в целом ряде документов: Приказе Роскомнадзора от 5 сентября 2013 г. № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных»¹¹, Приказе МВД России от 14 ноября 2017 г. № 852 «Об утверждении Правил работы с обезличенными данными в случае обезличивания персональных данных в Министерстве внутренних дел Российской Федерации»¹² и т. п., а также в локальных нормативных актах конкретной организации, посвя-

щенных обработке персональных данных вообще и обезличенных в частности (Парольная политика, Правила резервного копирования, Правила доступа в помещения и т. д.).

Следующая составляющая правового режима информационных ресурсов – выработка правил доступа к ним¹³. Представляется, что в случае с обезличенными персональными данными имеет значение множество факторов, в том числе способы их сбора и анализа, а также – самое главное – методы и приемы, позволяющие на их основе построить эффективные технологические решения. И «особо тонкое» место здесь лежит именно в сфере сбора данных. Данные собираются разными способами, в том числе в сети Интернет. И неправильный правовой режим обезличенных данных может стать «серьезным препятствием на пути развития искусственного интеллекта»¹⁴.

Наконец, третья составляющая правового режима информационных ресурсов – принятие мер по охране информации, в нашем случае – обезличенных персональных данных.

Несмотря на то что данные носят обезличенный характер, это не меняет их правовую природу, а именно – принадлежность к конфиденциальной информации, т. е. такой информации, доступ других лиц к которой ограничен в соответствии с действующим законодательством или по воле обладателя такой информации (последнее актуально для коммерческой тайны, например). И данное обстоятельство, по мнению ряда экспертов¹⁵, серьезно препятствует развитию систем искусственного интеллекта, так как обезличенные персональные данные составляют весьма весомую часть в составе «больших данных».

⁹ О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3451 (далее – Закон № 152-ФЗ).

¹⁰ Документ – материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения (ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 1. Ст. 1).

¹¹ Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных : приказ Роскомнадзора РФ от 5 сентября 2013 г. № 996 // Рос. газета. 2013. 18 сент.

¹² Об утверждении Правил работы с обезличенными данными в случае обезличивания персональных данных в Министерстве внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 14 ноября 2017 г. № 852 // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). 2018. 15 янв.

¹³ В соответствии с нормами ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448) доступ к информации – это возможность получения информации и ее использования.

¹⁴ Ковалева Н. Н., Жирнова Н. А. Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта // Журнал рос. права. 2024. Т. 28, № 7. С. 109–121.

¹⁵ См., например: Гаврилюк А. Бизнес просит депутатов не усложнять работу с обезличенными данными // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/505257-biznes-prosit-deputatov-ne-usloznat-rabotu-s-obezlicennymi-dannymi?ysclid=Izwr51t2ac604118895> (дата обращения: 15.08.2024).

Обращаясь к способам защиты персональных данных, содержащимся в российском (и не только) законодательстве, следует отметить, что центральное место здесь занимает такое условие их обработки, как наличие согласия на то субъекта персональных данных (ч. 1 ст. 6 Закона № 152-ФЗ), при этом закон допускает обработку персональных данных без согласия субъекта в статистических или иных исследовательских целях, при условии обязательного обезличивания этих данных в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 6 Закона № 152-ФЗ.

В силу прямого указания закона такая обработка не должна использоваться в целях продвижения товаров, работ, услуг на рынке путем осуществления прямых контактов с потенциальным потребителем с помощью средств связи, а также в целях политической агитации (ст. 15 Закона № 152-ФЗ). Подчеркнем также, что это основание не распространяется на специальные категории персональных данных.

Основной вопрос состоит в том, что многие исследования и разработки ведут коммерческие организации, что несомненно хорошо понимают и законодатели. Государство делает шаги навстречу бизнесу, но важно, чтобы эти шаги были максимально эффективными при соблюдении баланса между необходимостью технологического развития и защитой прав граждан – речь идет об изменениях в законопроекте «О персональных данных», уточняющих порядок обработки персональных данных. Сам законопроект был внесен в Госдуму еще в 2020 г. и принят в первом чтении в 2021 г. Как следует из текста пояснительной записки, главный аспект – создание единого государственного хранилища персональных данных, которое должны быть реализовано в формате Государственной информационной системы.

В дальнейшем законопроект был существенно переработан и в результате работы был принят Федеральный закон от 30 июля 2024 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных” и Федеральный закон “О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»¹⁶ (далее – Закон № 233-ФЗ).

¹⁶ О внесении изменений в Федеральный закон

Новый закон, по задумке его авторов, призван обеспечить доступ бизнес-структур (прежде всего, разработчиков искусственного интеллекта) к данным россиян «для развития технологий» и при этом призван исключить возможность установления личности человека по этой информации. В соответствии с положениями данного нормативного акта необходимые массивы (наборы) данных будут формироваться для конкретных случаев, определить которые еще предстоит Правительству РФ. Работа с массивами данных будет осуществляться в специальной государственной информационной системе (далее – ГИС), имеющей закрытый контур.

Спроектированное регулирование критиковалось представителями бизнес-сообщества еще на этапе законопроекта: акцент делался на то, что реализация закона потребует значительных государственных затрат, а получившаяся ГИС будет уязвима в случае диверсий. Кроме того, эксперты высказывают опасения относительно рисков монополизации государством работы с данными, отсутствия обмена обезличенными персональными данными и датасетами на их основе и т. д.

Закон вступает в силу 1 сентября 2025 г., нельзя исключить и возможность внесения изменений. Более того, в законе речь идет об экспериментальном правовом режиме, поэтому интересно рассмотреть разные варианты данного регулирования.

Однако думается, что корень проблемы лежит, прежде всего, в области подхода к тому, что именно следует понимать под обезличенными данными – от этого будет напрямую зависеть и третья составляющая правового режима.

Представляется, что приведенная ранее имеющаяся в отечественном законодательстве конструкция относительно процесса обезличивания не является удачной, так как оставляет любые данные, полученные таким образом, персональными. Такой вариант не упрощает сбор информации для обучения искусственного интеллекта,

«О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных” : федер. закон от 30 июля 2024 г. № 233-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33, ч. 1. Ст. 4929.

оставляя ситуацию по сути такой же, как и была до принятия Закона № 233-ФЗ. Рассмотрим практику разных стран по решению данного вопроса.

США

В США отсутствует единый национальный закон о персональных данных, что в целом характерно для системы общего права: сфера защиты персональных данных здесь регулируется сложной совокупностью законов как федерального уровня, так и уровня отдельных штатов. Подходы к тому, что именно считать обезличенными данными, также разные.

Медицинские данные

Закон о переносимости и подотчетности медицинского страхования 1996 г. (Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996)¹⁷ определяет понятие de-identified data (неидентифицируемые данные) следующим образом: «Информация о состоянии здоровья, которая не идентифицирует личность и в отношении которой нет разумных оснований полагать, что она может быть использована для идентификации личности». При этом деидентификация может быть обратимой, если субъект, деидентифицирующий данные, создает ключ, сопоставляющий замаскированные значения с прямыми идентификаторами.

Образование

Федеральный закон о праве на неприкосновенность частной жизни в сфере образования (Family Educational Rights and Privacy Act, FERPA)¹⁸ определяет, что данные деидентифицируются, если для любого набора квазиидентификаторов, которые есть у сущности в наборе данных, в наборе данных есть по крайней мере четыре других лица с тем же набором квазиидентификаторов. Таким образом, если набор данных содержит ваш пол, дату рождения и почтовый индекс (и никаких других квазиидентификаторов), то в наборе данных должно быть по крайней мере четыре других записи с вашими такими же характеристиками.

Законодательство штатов Калифорния – CCPA/CPRA и CalOPPA

¹⁷ Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996. URL: <https://aspe.hhs.gov/reports/health-insurance-portability-accountability-act-1996> (дата обращения: 14.08.2024).

¹⁸ Family Educational Rights and Privacy Act (20 U.S.C. § 1232g; 34 CFR Part 99). URL: <https://www2.ed.gov/policy/gen/guid/fpco/ferpa/index.html> (дата обращения: 14.08.2024).

Закон штата Калифорния о конфиденциальности потребителей (California Consumer Privacy Act, CCPA)¹⁹ был принят в 2018 г., но уже в 2020 г. был принят Закон Калифорнии о правах на конфиденциальность 2020 г. (California Privacy Rights Act of 2020, CPRA)²⁰, существенно расширивший CCPA, предоставив потребителям больший контроль над своими личными данными и создавая Калифорнийское агентство по защите конфиденциальности (CPPA, далее – Агенство). Именно CPRA сделал законодательство Калифорнии о конфиденциальности данных наиболее полным в США.

CCPA определяет «обезличенную информацию» как «данные, которые не могут обоснованно идентифицировать, соотносить, описывать, ассоциировать или быть связаны, прямо или косвенно, с конкретным потребителем» и прямо исключает такую информацию из перечня персональной информации.

CCPA (CPRA) рассматривает информацию, которая не может обоснованно идентифицировать конкретного потребителя, как деидентифицированную информацию. Оговорка заключается в том, что организация должна внедрить бизнес-процессы и технические меры безопасности, которые предотвратят ее повторную идентификацию.

В Колорадо, Коннектикуте, Делавэре, Флориде, Индиане, Айове, Монтане, Нью-Джерси, Орегоне, Теннесси, Техасе, Юте, Вирджинии персональные данные включают информацию, которая связана с идентифицированным или идентифицируемым лицом – резидентом конкретного штата или домохозяйством. Обезличенные данные, ставшие общедоступными персональные данные, персональные данные о лицах, действующих в контексте трудоустройства чаще всего не входят в сферу применения законодательства.

Такое разнообразие в терминологии и средствах обезличивания для российского законодательства не очень подходит в силу своей технологичности.

GDPR

Согласно параграфу 5 ст. 4 Общего регламента по защите персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR) псевдонимизация – это «обработка персональных данных таким об-

¹⁹ California Consumer Privacy Act. URL: <https://theccpa.org/> (дата обращения: 18.06.2024).

²⁰ California Privacy Rights Act of 2020. URL: <https://thecpra.org/> (дата обращения: 18.06.2024).

разом, что их больше невозможно отнести к конкретному субъекту данных без использования дополнительной информации, при условии, что такая дополнительная информация хранится отдельно, и в отношении нее приняты технические и организационные меры, предотвращающие ее отнесение идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу».

Технически псевдонимизация данных (определение дано в ст. 4(5) GDPR) означает замену любой информации, которая может быть использована для идентификации личности, псевдонимом или, другими словами, значением, которое не позволяет напрямую идентифицировать личность. Но такие данные остаются персональными данными, т.е. использование псевдонимизации не подразумевает отказ от каких-либо иных мер защиты персональных данных. Целями процесса являются снижение рисков для соответствующих субъектов данных и помощь контролерам и процессорам данных в выполнении их обязанности по защите персональных данных.

В отличие от псевдонимизации, которая повышает защиту данных, но по-прежнему оставляет их персональными, анонимизация делает данные анонимными, т.е. не персональными.

В соответствии с преамбулой 26 GDPR, принципы защиты персональных данных не применяются в отношении анонимной информации, а именно информации, которая не относится к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу, а также в отношении персональных данных, предоставленных достаточно анонимно, чтобы субъект данных не мог быть идентифицированным.

GDPR не применяется в отношении обработки анонимной информации, в том числе в статистических или исследовательских целях.

Если попытаться провести аналогию с российским законодательством, то обезличивание персональных данных по своему содержанию соответствует псевдонимизации, а не анонимизации. В связи с этим международный эксперт Сергей Воронкевич (Минск) поясняет, что «анонимизация по GDPR подразумевает невозможность установить личность индивида даже при наличии дополнительных сведений. Например, если вы не можете узнать человека по фотографии, но у вас есть Интернет и доступ к поиску по картинкам Google, то данное изображение представляет собой не анонимную, а псевдонимную

информацию»²¹. Как видим, российский концепт «обезличивание» по природе близок к европейской анонимизации.

Несмотря на то что ЕС нельзя назвать страной с самым «дружелюбным» для развития искусственного интеллекта законодательством, но именно GDPR по праву считается одним из самых проработанных актов, посвященных теме персональных данных, в мире. Многие озвученные в GDPR подходы находят отражение в законах других стран. В подтверждение можно привести опыт Китая, традиционно упоминаемого в числе лидеров по развитию цифровых технологий²². Закон Китайской Народной Республики о защите личной информации (Personal Information Protection Law of the People's Republic of China, PIPL)²³, принятый на 30-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 20 августа 2021 г., содержит аналогичное GDPR разделение анонимизированной информации на 2 категории:

– де-идентификация – обработка персональной информации, которая гарантирует невозможность идентификации конкретного физического лица без использования дополнительной информации (соответствует европейской «псевдонимизации»);

– анонимизация – обработка персональной информации таким образом, чтобы сделать невозможным выделение конкретного физического лица и невозможность восстановления данных.

В российском законодательстве аналог анонимизации же отсутствует, что, учитывая опыт других государств, представляется упущением и должно быть исправлено.

²¹ Садовников Д. Обезличивание персональных данных в России и в Европе : когда данные перестают быть персональными? // zakon.ru. 2021. 11 мая. URL: https://zakon.ru/blog/2021/11/05/obezlichivanie_personalnyh_dannyh_v_rossii_i_v_evrope_kogda_dannye_perestayut_byt_personalnymi (дата обращения: 18.06.2024).

²² См., например: Россия вошла в топ-20 стран по развитию цифровых технологий // Роспатент. 2023. 18 янв.

²³ См.: Personal Information Protection Law of the People's Republic of China // Translation: Personal Information Protection Law of the People's Republic of China – Effective Nov. 1, 2021. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-personal-information-protection-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-nov-1-2021/> (дата обращения: 18.06.2024).

Таким образом, в российском законодательстве (желательно федерального уровня) необходимо ввести разные понятия в зависимости от целей, например, следующим образом.

Обезличенные персональные данные – персональные данные, в отношении которых произведены действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации или программных средств определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных. Цель – защищать конфиденциальность субъектов данных.

Анонимизированные данные – данные, в отношении которых произведены действия, в результате которых становится абсолютно невозможным определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных. Цель – вывести часть информации из-под действия закона о персональных данных для обеспечения того самого «регуляторного рая» для компаний, занимающихся развитием искусственного интеллекта.

Библиографический список

Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. 702 с.

Беляева Г. С. Правовой режим : понятие и признаки // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 281–293.

Ковалева Н. Н. Информационное право : учеб. пособие. М. : Дашков и Ко, 2010. 352 с.

Ковалева Н. Н., Жирнова Н. А. Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 7. С. 109–121.

Садовников Д. Обезличивание персональных данных в России и в Европе : когда данные перестают быть персональными? // *Zakon.ru*. 2021. 11 мая. URL: https://zakon.ru/blog/2021/11/05/obezlichivanie_personalnyh_dannyh_v_rossii_i_v_evrope_kogda_dannye_perestayut_byt_personalnymi

Palmer M. Data is the New Oil // *Ana.blogs.com*. 2006. November, 3. URL: https://ana.blogs.com/maestros/2006/11/data_is_the_new.html

Smith M. D., Waldo J. Anonymity, De-Identification, and the Accuracy of Data // *Harvardonline*. 2023. August, 28. URL: <https://www.harvardonline.harvard.edu/blog/anonymity-de-identification-accuracy-data>

References

Bakhrakh D. N. Administrative Law of Russia : textbook. 5th ed., revised. and add. M. : Eksmo, 2010. 702 p.

Belyaeva G. S. Legal regime : concept and features // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2021. Vol. 25, No. 1. P. 281–293.

Kovaleva N. N. Information law : textbook. Moscow : Dashkov i Ko, 2010. 352 p.

Kovaleva N. N., Zhirnova N. A. Problems of ensuring the confidentiality of personal data when using artificial intelligence systems // *Journal of Russian Law*. 2024. Vol. 28, No. 7. P. 109–121.

Sadovnikov D. Depersonalization of personal data in Russia and Europe : when does data cease to be personal? // *Zakon.ru*. 2021. May 11. URL: https://zakon.ru/blog/2021/11/05/obezlichivanie_personalnyh_dannyh_v_rossii_i_v_evrope_kogda_dannye_perestayut_byt_personalnymi

Palmer M. Data is the New Oil // *Ana.blogs.com*. 2006. November, 3. URL: https://ana.blogs.com/maestros/2006/11/data_is_the_new.html

Smith M. D., Waldo J. Anonymity, De-Identification, and the Accuracy of Data // *Harvardonline*. 2023. August, 28. URL: <https://www.harvardonline.harvard.edu/blog/anonymity-de-identification-accuracy-data>

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Жирнова Н. А., кандидат юридических наук, доцент департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права

E-mail: natalyazhirnova79@mail.ru

Солдаткина О. Л., кандидат юридических наук, доцент департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права

E-mail: buzum@mail.ru

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Zhirnova N. A., Candidate of Law, Associate Professor of School of Digital Law and Bio-Law of the Law Faculty

E-mail: natalyazhirnova79@mail.ru

Soldatkina O. L., Candidate of Law, Associate Professor of School of Digital Law and Bio-Law of the Law Faculty

E-mail: buzum@mail.ru

Поступила в редакцию: 08.10.2024

Received: 08.10.2024

Для цитирования:

Жирнова Н. А., Солдаткина О. Л. К вопросу о правовом режиме обезличенных персональных данных // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/44-51>

For citation:

Zhirnova N. A., Soldatkina O. L. On the issue of the legal regime of depersonalized personal data // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/44-51>

ПРАВОМЕРНОЕ ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И САНКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Б. А. Осипян

THE LEGITIMATE CONCEPT OF CIVIL LIABILITY AND SANCTIONS IN MODERN RUSSIAN CIVIL LAW

В. А. Osipian

Аннотация: посредством тщательного анализа микро- и макроструктуры и содержания понятия гражданско-правовой ответственности и санкций наглядно представлена определенная система действующей в российском гражданском праве гражданско-правовой ответственности взаимно связанных и ответственных субъектов гражданского права, законодательно и договорно наделенных определенными субъективными правами и обязанностями, должное и своевременное осуществление которых упорядочивает процессы гражданского оборота и способствует установлению и поддержанию устойчивого и развивающегося режима договорной дисциплины и экономического порядка в обществе.

Ключевые слова: система гражданско-правовой ответственности, субъекты гражданского права, субъективные права и обязанности, договорная дисциплина и экономический порядок.

Abstract: through a thorough analysis of micro- and the macro-structure and the content of the concept and the notion of civil liability and sanctions, a certain system of civil liability in the modern Russian civil law of mutually related and responsible subjects of the civil law, legally and contractually endowed with certain subjective rights and obligations, the proper and timely implementation of which regulates the processes of civil turnover and contributes to the establishment and maintenance of sustainable and developing process and regime of contractual discipline, and economic order in society, is clearly presented.

Key words: the system of civil law liability, subjects of the civil law, subjective rights and obligations, contractual discipline and economic order.

В свете общей теории гражданского права гражданско-правовая ответственность в своей сущности представляет собой действительную способность или пригодность субъекта гражданского права для дачи должного ответа своему контрагенту, а также, при необходимости, суду за правомерность или противоправность своих действий, которые могли нарушить права и законные интересы предполагаемой потерпевшей стороны¹.

¹ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 207–223 ; Юридическая ответственность : проблемы теории и практики : сборник статей. Уфа, 2006 ; Осипян Б. А. Основание и система правовой ответственности и наказания : различие поня-

Для верного и плодотворного подхода к рассмотрению такого важного для общей и гражданско-правовой теории понятия, как правовая, или юридическая ответственность, прежде всего необходимо напомнить, что само ключевое слово и юридическое понятие «ответственность» происходит от коренного русского слова «ответ», «отзыв» или «эхо доброй совести»² разумного человека (Homo Sapiens).

тий «imputatio», «indictare», «sanctio», «poena» // Современное право. 2007. № 5. С. 77–85.

² Осипян Б. А. Правовое значение действия доброй совести человека // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 10–18 ; Его же. Роль правосознания и доброй совести российских судей при выявлении истинной и полной картины рассматриваемых уголовных дел и вынесении правомерных и целесообразных решений и приговоров // Судебная власть и уго-

Следовательно, любая, будь то духовно-нравственная, правовая, личная или общественная, ответственность, ответственное восприятие, разумение и поведение разумных людей, а также созданных и руководимых ими юридических лиц (общественных учреждений, организаций и образований) или национального государства всегда проистекают из надлежащего сознания свободы человека, его свободной, правомерной и доброй воли, так как там, где наличествует не-свобода, неволя и противоправное принуждение, там могут быть только проявление и действие личной, групповой или коллективной безответственности, самовольного и безответственного законодательства, правосудия, а также случаи совершения правонарушения и преступления³.

Представляется, что наиболее близко к широкому понятию правовой ответственности стоит позиция тех известных российских правоведов, которые усматривают в понятии правовой ответственности «особую обязанность» дать отчет в своих действиях и поступках⁴. В этом контексте юридической ответственностью, в частности гражданско-правовой, представляется фактическая правовая способность конкретного субъекта права сознать и дать отчет и вытекающая из этой способности (правосубъектности – правоспособности и дееспособности⁵) соответствующая юридическая обязанность взаимосвязанных субъектов гражданских правоотношений по соблюдению и исполнению предписаний надлежащей идеи права и правомерного закона – обязанность воздерживаться от совершения правонарушений, от злоупотребления своими субъективными правами в ущерб прав других лиц, а в случаях совершения правонарушения, злоупотребления своими правами и неисполнения своих обязанностей подвергнуться и претерпеть

санкционированные законом меры государственного принуждения, взыскания, возмещения, штрафа, неустойки, пени и прочего предусмотренного законом взыскания и наказания. Однако словосочетание «претерпеть меры государственного принуждения» означает не что иное, как «быть привлеченным к правовой ответственности» в случае безответственного нарушения норм правомерного и целесообразного государственного закона.

Правовым или законодательным основанием для принудительного привлечения того или иного правонарушителя к установленной законом норме гражданско-правовой ответственности является конкретное гражданско-правовое отношение между взаимосвязанными и взаимодействующими субъектами российского гражданского права и законодательства. Конкретная мера или норма российского гражданского законодательства предусматривает определенный факт, или состав гражданского правонарушения, а также необходимые и достаточные условия, которые служат поводом и основанием для порождения и надления конкретных субъектов гражданского права определенной системой, или комплексом уравновешенных взаимных гражданских прав и обязанностей.

Что касается правового смысла, содержания и научного определения понятия «юридическая санкция», то в отличие от понятий «гражданско-правовая ответственность» (*imputatio, civil liability, accountability or responsibility*) и «привлечение к правовой ответственности» (*indictare*), заимствованных из латинского языка, русское слово «санкция» происходит от латинского термина *sancta*, т. е. «святой», «чистый», и означает правомерное и целесообразное средство для очистительного, или отбеливающего, сглаживающего юридического воздействия на искаженное правосознание и противозаконное поведение правонарушителя или преступника⁶. С юридическими санкциями тесно связаны также такие известные юридические понятия, как взыскание, воздаяние и наказание (*poena*) и исполнение наказания (*poenitencia*), т. е. конечное «покаяние» привлеченного к правовой ответ-

ловный процесс. 2018. № 2. С. 254–263 ; Его же. Правовая охрана и защита интеллектуальных прав в российском гражданском праве // Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 16–25.

³ См.: Макуев Р. Х. Правовые отношения, правонарушения и юридическая ответственность. М., 2003 ; Осибян Б. А. Основание и система правовой ответственности... С. 77–85.

⁴ См.: Осибян Б. А. Критерии правомерного различия понятий и составов гражданского правонарушения (деликта), дисциплинарного проступка, административного правонарушения и преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4. С. 14–24.

⁵ См.: Шепель Т. В. Особенности гражданско-правовой ответственности причинителя вреда с психическим расстройством. Кемерово, 2005. С. 182.

⁶ См.: Осибян Б. А. Определение понятия и основания гражданского правоотношения и правонарушения // Гражданин и право. 2021. № 12. С. 81–89 ; Ответственность за правонарушения в сфере предпринимательства по гражданскому, административному и уголовному законодательству. М., 2010.

ственности и в достаточной мере справедливо наказанного правонарушителя или преступника.

В гражданско-правовом смысле понятие «юридическая санкция», разумеется, существенно отличается по своему смыслу, содержанию и целевому предназначению от дисциплинарно-правовых, административно-правовых и уголовно-правовых санкций (взысканий и наказаний) той своей особенностью, что гражданско-правовая санкция изначально и в основном имеет частноправовой характер, или материально-восстановительный характер и предназначение, т. е. гражданско-правовые санкции имеют правомерную цель восстановления нарушенных частных или субъективных прав участников гражданских правоотношений; они применяются при нарушении внедоговорных и договорных гражданско-правовых отношений, а также имеют цель справедливого и своевременного материально-правового возмещения правонарушителем-должником причиненного физического, морального и материального вреда потерпевшим лицам-кредиторам⁷.

Как и вся система права и законодательства, юридическая ответственность проистекает из идеи духовной и социальной свободы каждого психически здорового человека и имеет своим основанием внутреннюю и внешнюю свободу его воли. Поэтому следует сразу отметить, что без свободы воли субъекта (т. е. в случаях психической болезни или внешнего принуждения субъекта) норма, устанавливающая ту или иную правовую ответственность данного субъекта, не может действовать, и потому данное лицо как не имеющее способность для проявления своей свободной воли и, стало быть, вину, не может быть неправомерно привлечено к юридической ответственности и тем более принудительно подвергнуто воздействию законодательных санкций⁸.

⁷ См.: Осипян Б. А. Критерии правомерного различия понятий и составов гражданского правонарушения (деликта)...; *Его же*. Правомерное и целесообразное различие разных видов юридической ответственности физических, должностных и юридических лиц // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 16–22; *Его же*. Правовая ответственность и санкции за причинение физического, материального и морального вреда и убытков // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2020. № 2. С. 26–32.

⁸ См.: Stern A. W., Sabella J. J. Survey of remedies in securities transactions // Conducting Due Diligence. New York, 2000.

Важным принципом законодательного установления юридической ответственности является характерное (качественное) и объемное (количественное) соответствие (симметрия, баланс) определенных прав и обязанностей, которые установлены для определенных субъектов права и образуют меру его ограниченной свободы в конкретных правоотношениях и обстоятельствах. В этом смысле можно сказать, что юридическая (правовая) ответственность есть конкретная и в то же время общеобязательная мера (единица измерения) в праве (*est modus in jus*⁹) и потому не может быть установлена на основе выдуманного права или невозможной для исполнения данным субъектом обязанности. Как видим, законодательно закрепленные для конкретного субъекта права реальные права и обязанности в каждом компоненте правовой ответственности должны взаимно уравниваться.

Гражданско-правовая ответственность немыслима без принципа определенного равновесия, баланса или симметрии гарантированных прав и контролируемых обязанностей, которые устанавливаются на правовых субъектах нормами законодательства. Целостная структура гражданско-правовой ответственности состоит из законодательно закрепленных и гарантированных силой государственного принуждения прав конкретных правовых субъектов, которые представляют собой реальность их возможного и целесообразного поведения; законодательно установленных и подлежащих государственному контролю их обязанностей, которые представляют собой реальность их должного поведения, и, наконец, из определенного законом самого субъекта, который имеет определенные возрастные или организационно-правовые (устав, положение) качества и связанный с ними комплекс полномочий (прав и обязанностей), которые в широком смысле образуют действующую систему гражданско-правовой ответственности.

Меры гражданско-правовой ответственности образуют собой конкретные совокупности, или мини-системы законодательно закрепленных определенных прав и обязанностей каждо-

⁹ См.: Осипян Б. А. Дух правометрии, или основание межеврологии права. М., 2009. 656 с.; *Его же*. Правомерное и целесообразное различие разных видов юридической ответственности...; *Его же*. Правовая ответственность и санкции...

го субъекта гражданских правоотношений, которые содержатся в отдельных нормах или положениях действующего российского гражданского законодательства. Вместе с этим по причине взаимосвязанности и взаимодействия субъектов гражданского права эти меры гражданско-правовой ответственности, сопрягаясь и действуя между собой, сами составляют некую мегасистему гражданско-правовой ответственности, в которой смежные права и обязанности каждой минисистемы переплетаются, сращиваются и уравниваются правами и обязанностями другой или нескольких подобных минисистем, которые определяют правовое положение, или статус каждого соучастника гражданских правоотношений, в зависимости от характера и цели соответствующих положений действующего российского законодательства и гражданско-правового договора¹⁰. Иными словами, система гражданско-правовой ответственности представляет собой совокупность взаимосвязанных, уравниваемых (сбалансированных) и смежных частных прав и обязанностей субъектов гражданского права, которые правомерно и целесообразно (с личной пользой, организационной и материальной выгодой для себя) взаимодействуют друг с другом на основании положений действующего законодательства и условий заключенных гражданско-правовых договоров. При этом каждый конкретный субъект гражданского права имеет свойственные ему гражданские права и обязанности, которые составляют определенную норму или состав гражданско-правовой ответственности (субъект – право – обязанность), которая представляет собой клеточку, или ячейку, многосторонней и многомерной правовой ответственности всех участников гражданских правоотношений как между собой (горизонтальная ответственная взаимосвязь), так и перед государством-законодателем (вертикальная ответственная взаимосвязь) в тех случаях, когда само государство не выступает в качестве частного и процессуально равноправного участника гражданских правоотношений, но только как надлежащий и высший законодательный и судебный орган публичной вла-

сти, правосудия и общественного управления¹¹. В этом смысле нам представляется, что правомерная и целесообразная совокупность, или система гражданско-правовой ответственности и субъективных гражданских прав (как необходимых средств возможного правомерного поведения) и обязанностей (как образцов необходимого и должного поведения), всех равноправных участников гражданских правоотношений должны находиться под законодательным контролем и регулированием государства и суда как органов публичной власти, которые изначально предназначены и правомочны гарантировать исполнение требований гражданского законодательства посредством применения к правонарушителям законодательно санкционированного принуждения с целью своевременного и справедливого восстановления нарушенного права, а также возмещения потерпевшим лицам вреда и убытков.

Как правило, в горизонтальном и широком понимании системы гражданско-правовой ответственности эти субъективные взаимные гражданские права и обязанности равноправных субъектов гражданского права соответствуют друг другу по общему принципу – право кредитора предполагает соответствующую обязанность должника, или обязанность должника-правонарушителя порождает соответствующую обязанность правонарушителя-должника. Например, в случаях причинения вреда правонарушитель-должник приобретает и несет обязанность, а потерпевшее лицо – кредитор получает право требовать полного или справедливого возмещения причиненного вреда и убытков в соответствии с предписаниями закона¹². А в случаях нарушения закона и правомерных условий заключенного гражданско-правового договора правонарушитель-должник приобретает и несет обязанность возмещения, а другая, потерпевшая, сторона договора получает законное право восстановления причиненных ей материальных убытков и упущенной материальной выгоды.

¹¹ См.: Красавчикова Л. О. Понятие и система личных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994. С. 5 ; Осипян Б. А. Актуальные проблемы заключения...

¹² См.: Суханов Е. А. Ответственность государства по гражданско-правовым обязательствам. Гражданское право России. М., 2008. С. 475–487 ; Осипян Б. А. Право как проявление совершенного закона свободы и ответственности человека // Вопросы правоведения. 2012. № 3. С. 65–80 ; Его же. Правовая ответственность и санкции...

¹⁰ См.: Осипян Б. А. Трансформация права в закон : духовные, научные и практические аспекты // Государство и право. 2006. № 8. С. 43–50 ; Его же. Актуальные проблемы заключения и изменения гражданско-правовых договоров в российском законодательстве // Право и экономика. 2008. № 9. С. 84–87.

Гражданско-правовая ответственность как таковая представляет собой живую клетку действующего российского гражданского законодательства, средоточие законно определенного субъективного и частного права, из которого складывается весь организм умеренной, уравновешенной, или сбалансированной, ответственной свободы всего гражданского общества и всех его действующих субъектов как его составных частей. В этом аспекте гражданско-правовая ответственность выражается в способности каждого субъекта гражданских правоотношений разумно и правомерно воздерживаться или добросовестно совершать любые юридически значимые (правозначимые) деяния (действия и бездействия) и адекватно отвечать за их соответствие духу и букве действующего гражданского права и законодательства. Благодаря законодательно установленной норме и системе норм гражданско-правовой ответственности практически осуществляется охрана и защита конкретных гражданских прав и обязанностей, а также действие всей системы гражданского права, правопорядка и сложившихся правоотношений между различными физическими и юридическими лицами, а также государством в целом.

В действующей системе гражданско-правовой ответственности гражданские права каждого человека, физического или юридического лица ограничены соответствующими им надлежащими основными обязанностями, составляющими и налагающими на него определенную законом гражданско-правовую ответственность. То же самое относится и к свободе и праву публично выражения своих мыслей, которая не может стать возможностью оскорбления или клеветы, лжесвидетельства или иного способа нанесения вреда другому имеющему правоохраняемое абсолютное достоинство человеку. Как известно, такие правонарушения и преступления законодательно предусмотрены положениями действующего уголовного, административного и гражданского права.

В действующей системе гражданско-правовой ответственности, образно выражаясь, каждое данное законом каждому субъекту гражданских правоотношений частное право соразмерно (пропорционально) обязывает, равно как каждая законодательно вмененная физическому или юридическому лицу обязанность управомочивает каждого ответственного субъекта

гражданского права и законодательства. Например, на основании ст. 209, 210 и ч. 3 ст. 235 и 239 «Отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка, на котором оно находится» Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) законодательно гарантированное государством частное право собственности (право владения, пользования и распоряжения своим имуществом, скажем, земельным участком) порождает у собственника соответствующую обязанность надлежащего содержания принадлежащего ему на основе права собственности недвижимого имущества или его использования по его правомерному и целевому предназначению.

В более общем контексте система гражданско-правовой ответственности представляет собой предусмотренную положениями действующего российского гражданского законодательства правомерную и целесообразную целостность, или совокупность, упорядоченных правоотношений определенных правовых субъектов, которая законодательно устанавливается в соответствующих нормах и институтах действующего российского законодательства и условиях заключенного гражданско-правового договора (контракта¹⁵) в форме триединого состава (субъект – право – обязанность), или компонента субъективных юридических прав и обязанностей, которые в конечном счете осуществляются и исполняются в процессе взаимозависимых связей сообщающихся и совместно действующих субъектов гражданского права.

Система гражданско-правовой ответственности представляет собой правомерную и целесообразную взаимосвязь и взаимодействие конкретных прав и обязанностей определенных субъектов гражданских правоотношений, при которых смежные права и обязанности этих субъектов гражданского права образуют нормальный, устойчивый и динамичный гражданско-правовой порядок и оборот, которые позволяют всем вовлеченным в этот оборот субъектам права действовать в соответствии с требованиями норм действующего законодательства или заключенных между ними договоров, а также подвергаться соответствующим законодательным и договорным санкциям в случаях злоупотребления своими законными правами или на-

¹⁵ См.: Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2001.

рушения возложенных или добровольно взятых на себя обязательств¹⁴.

В системе законодательно установленной гражданско-правовой ответственности законодательно предусмотренное юридическое право собственности одного лица соответствует юридической обязанности всех иных лиц, не являющиеся собственниками в отношении данного имущества, воздерживаться от каких-либо противоправных и незаконных посягательств на чужую вещь против свободной и ответственной (автономной) воли, ведома и согласия собственника относительно его имущества и его прав беспрепятственного владения, пользования и распоряжения своим имуществом по своему собственному усмотрению, т. е. своевластно, независимо от интересов и от иной воли других лиц.

По вполне обоснованному мнению известного российского правоведа Р. О. Халфиной для гарантии эффективности действия системы правовой ответственности «необходимо так сконструировать модель правоотношений, чтобы обеспечить заинтересованность участников в поведении, предусмотренном нормой»¹⁵. Такая заинтересованность сообщающихся правовых субъектов возможна только тогда, когда их отношения, законодательно определяемые их взаимными правами и обязанностями, построены на принципах солидарной пользы и личной выгоды или невыгоды (на достаточных стимулах правопослушания и рисках правонарушения), целесообразной координации и активизации их правомерных действий, правильного сочетания субординационных и координационных (государственно-административных и гражданско-правовых) отношений, из которых складывается общая система правовой ответственности в конкретном государстве.

В системе гражданско-правовой ответственности в соответствии со ст. 393 «Обязанность должника возместить убытки» ГК РФ причиненные убытки должны иметь причинную связь, или закономерные последствия с фактом нарушенного гражданско-правового обязательства, так как в противном случае не может быть и речи о реальном действии системы гражданско-правовой ответственности, как единичной и прямой, так и многочисленной, многозвенной и опосре-

дованной, если дело касается заключенных многосторонних гражданско-правовых договоров.

Для примера представим, что некое цементно-производственное предприятие (производитель) по личной вине своих работников отдела снабжения или по вине работников управления железной дороги (перевозчик) своевременно не поставило определенного договором качества и количества цемента другому соседнему предприятию (заказчик) согласно договору о поставке, и по этой причине последнее (исполнитель) не смогло вовремя и в намеченный срок выполнить взятые на себя договорные обязательства и выполнить работы по строительству какого-то молочного цеха на третьем предприятии (производитель), которое в свою очередь вынуждено сорвало сроки поставок молочной продукции следующему звену многочисленных оптовых покупателей, которые в свою очередь нарушили сроки продажи этой готовой молочной продукции множеству других предприятий розничной торговли (продавцы) для нужд конечных потребителей. В этих довольно не простых случаях мы наблюдаем взаимосвязанные многочисленные звенья целой и длинной цепочки, или системы многих составов гражданско-правовой ответственности и правонарушений взаимосвязанных и смежных субъектов гражданского права, которые находятся друг с другом в определенных законодательных и договорно-правовых взаимоотношениях.

В этой связи естественно и законно возникает весьма злободневный вопрос о наиболее правомерном и целесообразном применении требований и санкций ст. 401 «Основания ответственности за нарушение обязательства», ст. 402 «Ответственность должника за своих работников», ст. 403 «Ответственность должника за действия третьих лиц» и ст. 1081 «Право регресса к лицу, причинившему вред» ГК РФ, т. е. порядка и очередности предъявления так называемых регрессных исков целого ряда взаимосвязанных участников гражданских правоотношений с точки зрения оптимального (в более короткие сроки и с наименьшими материальными издержками) производства гражданского правосудия, а также соблюдения договорной дисциплины и поддержания нормального гражданского оборота и правопорядка¹⁶.

¹⁴ См.: Власова А. В. Структура субъективного гражданского права. Ярославль, 1998. С. 7.

¹⁵ Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М., 1988.

¹⁶ См.: Михайлова Е. В. Процессуальная форма защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации. М., 2017. С. 6.

В системе гражданско-правовой ответственности, когда сразу несколько, например три и более, взаимосвязанных правами и обязанностями сторон задействованы в выполнении какого-то одного дела, одна из сторон, которая не выполнила своего договорного обязательства надлежащим образом и в срок по вине (неправомерного действия или бездействия) третьей стороны, должна нести гражданско-правовую ответственность и возместить причиненный вред потерпевшей стороне договора. Например, согласно постановлению Пленума ВАС РФ от 19 апреля 1999 г. № 5 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета» было указано на особую ответственность банка, который вовремя не исполнил поручения своего клиента по причине ненадлежащей работы третьей стороны – службы почты или связи, которая не выполнила своих уставных обязательств по обеспечению надежного и оперативного сообщения или передачи своим клиентам необходимой информации.

Как известно, по количеству и кругу должников, а также по характеру их гражданских обязательств гражданско-правовая ответственность может быть солидарной, долевой и субсидиарной. В тех случаях, когда на стороне должника, который не исполнил или не совсем надлежаще и своевременно исполнил свой долг или обязательство, находятся несколько физических или юридических лиц (несколько содолжников¹⁷), то гражданско-правовая ответственность может быть трех основных видов: солидарной (по принципу «все вместе»), долевой (по принципу «каждый за себя») либо субсидиарной (по принципу «дополнения»).

При солидарной ответственности должников («один за всех и все за одного») кредитор вправе требовать исполнения долга как от всех должников совместно, так и от любого из них отдельно, как полностью, так и в части оставшегося долга, на основании ч. 2 ст. 98, ч. 1 ст. 322 «Солидарные обязательства» и ст. 323 «Права кредитора при солидарной обязанности» ГК РФ. Примеры солидарной гражданско-правовой ответственности представлены также в ч. 3 ст. 60, ч. 2 ст. 98 «Создание акционерного общества», ч. 3 ст. 559

¹⁷ Например, ст. 1080 «Ответственность за совместно причиненный вред» ГК РФ предусматривает порядок действия солидарной гражданско-правовой ответственности в случаях причинения вреда.

«Договор продажи предприятия», ст. 562 и 657 «Права кредиторов при аренде предприятия» ГК РФ. Примером для солидарной ответственности может стать также основанная на ст. 26 ГК РФ солидарная ответственность родителей (опекунов) возместить вред, который был причинен подопечными им несовершеннолетними детьми в возрасте от 15 до 18 лет, которые не являются самостоятельными и полноценными субъектами гражданского права.

Статья 1080 «Ответственность за совместно причиненный вред» ГК РФ законодательно устанавливает одновременно два вида гражданско-правовой ответственности: солидарную и долевую ответственность за совместно причиненный вред¹⁸. При долевой гражданско-правовой ответственности («каждый должник за свою и в пределах своей доли») каждый из должников отвечает перед кредитором соразмерно или пропорционально своей доли долга или обязанности, т. е. его вклада в общее дело, установленной в положениях закона или заключенного гражданско-правового договора (например, договора простого товарищества) в соответствии с ч. 1 ст. 1047 «Ответственность товарищей по общим обязательствам» ГК РФ.

При субсидиарной, т. е. дополнительной или запасной, гражданско-правовой ответственности¹⁹ кроме основного или главного должника имеется также дополнительный, или запасной, содолжник, который служит гарантией для полной уплаты имеющегося долга подобно случаям солидарной гражданско-правовой ответственности. Примеры долевой гражданско-правовой ответственности даны в ч. 1 ст. 75 «Ответственность участников полного товарищества по его обязательствам», ч. 2–3 ст. 399 «Субсидиарная ответственность» ГК РФ и других положениях действующего российского гражданского законодательства.

¹⁸ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 18 октября 2012 г. (в ред. от 26.05.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве : постановление Верховного Суда РФ № 53 от 21 декабря 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Шепель Т. В. Особенности гражданско-правовой ответственности причинителя вреда с психическим расстройством. Кемерово, 2005. С. 182.

Соответствующие положения ГК РФ унавливают также одновременное сочетание нескольких видов гражданско-правовой ответственности: как солидарной ответственности, так и субсидиарной ответственности, при которой, например, участники полного товарищества несут ответственность как солидарно, так и дополнительно (субсидиарно), если имеется явный недостаток имущества и денежных средств у основного должника. Такой случай предусмотрен, например, ч. 3 ст. 56 «Ответственность юридического лица» ГК РФ. В соответствии с постановлением Пленумов Верховного Суда РФ и ВАС РФ № 6/8 от 1 июля 1996 г.²⁰ должник только после письменного уведомления основного кредитора и после его отказа отвечать в разумный срок вправе обратиться со своим законным требованием к субсидиарному должнику, если у основного должника к тому моменту нет достаточных денежных средств для полного погашения неуплаченного долга²¹.

Система гражданско-правовой ответственности имеет свои законодательные и правоприменительные принципы и механизм действия. В контексте действия системы гражданско-правовой ответственности в целях успешного законодательного установления и судебного определения и применения тех или иных норм, мер и видов гражданско-правовой ответственности законодатель прежде всего обязан учитывать существенные правовые и организационно-функциональные различия конкретных физических и юридических лиц как равноправных субъектов гражданского права, а также правильно выбрать соответствующие правомерные и целесообразные гражданско-правовые способы (санкции) для надежной защиты их законных прав и интересов.

²⁰ О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 6/8 от 1 июля 1996 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9 ; Вестник ВАС РФ. 1996. № 9; О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета : постановление Пленума ВАС РФ от 19 апреля 1999 г. № 5 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 7. С. 7.

²¹ См.: Богданова Е. Е. Субсидиарная ответственность в гражданском праве Российской Федерации. Белгород, 2000 ; Краснова С. А. Теоретические основы квалификации гражданско-правовых способов защиты // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 8.

Следует заметить, что основными правомерными целями, принципами и направлениями действия (функциями) оптимальной системы гражданско-правовой ответственности являются информационно-воспитательная, интроспективная (т. е. активизирующая и координирующая) и сигнализационная цель и функция, которые придают поведению взаимодействующих субъектов российского гражданского права характер правомерности и законности, правовой сообразности и функциональной целесообразности.

Поэтому в первой главе ГК РФ среди прочих краеугольных и важных установок российского гражданского права и законодательства необходимо установить такие правомерные цели, принципы и функции гражданско-правовой ответственности, как цель предупреждения и пресечения гражданско-правовых нарушений (деликтов), равно как нарушений договорных правоотношений посредством повышения уровня гражданско-правового сознания субъектов гражданского права и усиления законодательно унавливаемых мер гражданско-правовой ответственности, существенного увеличения размера соответствующих санкций за умышленные, повторные или систематические нарушения положений действующего российского гражданского законодательства и заключаемых гражданско-правовых договоров. Представляется, что такой подход вполне соответствует общему духу и конкретному содержанию ст. 6 «Применение гражданского законодательства по аналогии», ст. 10 «Пределы осуществления гражданских прав», ст. 12 «Способы защиты гражданских прав», ст. 14 «Самозащита гражданских прав» и, наконец, ст. 1065 «Предупреждение причинения вреда» ГК РФ. Более того, такая мера привлечения правонарушителя-должника к гражданско-правовой ответственности может быть применена также независимо от факта причинения кредитору вреда и убытков или их отсутствия в качестве определенной внедоговорной (установленной законом) или договорной (установленной в положениях заключенного договора) мерой привлечения правонарушителя-должника к установленной законом гражданско-правовой ответственности с применением к нему соответствующих санкций за нарушение условий заключенного договора²².

²² См.: Андреев Ю. Н., Золотарев А. П. О мерах гражданско-правовой ответственности : теоретические

Другой мерой принудительного привлечения правонарушителей к гражданско-правовой ответственности может служить, например, безответственное и виновное нарушение перевозчиком своих договорных обязательств. Статья 111 Транспортного устава железных дорог Российской Федерации²³ устанавливает, что за неправомерную просрочку доставки груза управление железной дороги может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности и обязано будет добровольно или по решению арбитражного суда полностью уплачивать установленные законодательством соответствующие пени в размере 9 % от размера платы за перевозку груза (продукции или товаров) за каждые сутки незаконной просрочки (нарушения установленного договором срока) такой доставки.

В системе гражданско-правовой ответственности нередко применяется право предъявления так называемых регрессных исков. К примеру, ст. 1081 «Право регресса к лицу, причинившему вред» ГК РФ устанавливает, что юридическое лицо (скажем, автобусный парк), которое возместило вред, причиненный работающим его водителем автобуса вследствие нарушения последним правил дорожного движения, вправе обратно требовать в порядке регрессного иска от водителя-правонарушителя полный размер выплаченного возмещения причиненного им вреда, если иной размер не установлен законом. Дело в том, что потерпевшие в результате случившегося дорожно-транспортного происшествия лица имеют процессуальное право предъявлять соответствующие иски в суд на данную транспортную организацию, в которой по найму работает нарушивший право водитель маршрутного автобуса. В подобных случаях нам представляется, что для необходимого и существенного сокращения судебных расходов и времени гражданского судопроизводства нужно пересмотреть систему гражданско-правовой ответственности и дать потерпевшим лицам альтернативную судебную-процессуальную возможность обращения

в суд с иском о возмещении причиненного им вреда, т. е. как в отношении транспортной организации, так и в отношении самого причинившего вред водителя автобуса по своему усмотрению²⁴. Подобный пример предусмотрен ч. 2 ст. 1095 ГК РФ, которая дает возможность потерпевшим лицам обратиться с исками о возмещении причиненного им вреда как к производителю, так и к продавцу купленных некачественных товаров независимо от того, кто является непосредственным виновником совершенного правонарушения.

В системе и процессе обязательственных правоотношений взаимосвязанные субъекты гражданского права должны либо совершить определенные правомерные и целесообразные действия друг для друга, либо полностью воздерживаться от совершения каких-либо противозаконных и вредных действий. Например, при договоре аренды жилого помещения арендодатель (кредитор), с одной стороны, обязан передать во владение и пользование принадлежащее ему на праве собственности имущество (активное обязательство), равно как и воздержаться от совершения каких-либо иных противоправных и вредных действий (пассивное обязательство), которые могли бы помешать арендатору (должнику) свободно и беспрепятственно использовать данное жилое помещение по своему предназначению. К примеру, по ст. 454 ГК РФ по договору купли-продажи продавец и покупатель имеют соответствующие права и обязанности к друг другу: продавец имеет законное право требовать принятие товара и обязанность своевременной оплаты за переданный товар, а покупатель имеет законное право требовать передачи ему товара за уплаченные им деньги по указанной в договоре цене товара.

Простое многостороннее правомерное соглашение или договор между несколькими субъектами гражданского права о какой-то совместной деятельности представляет собой своеобразную систему гражданско-правовой ответственности. Например, согласно ст. 1041 ГК РФ договор простого товарищества, равно как и любая другая многосторонняя гражданско-правовая сделка или иной многосторонний договор, сам по себе уже образует систему соответствующих взаимных субъективных, частных граждан-

аспекты // Известия Юго-Западного гос. ун-та. 2018. № 1 (76). С. 175–181.

²³ Транспортный устав железных дорог Российской Федерации от 8 января 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2. Ст. 218 ; Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации : федер. закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ (в ред. от 07.07.2003) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 2. Ст. 170.

²⁴ См.: Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 144–146.

ских прав и обязанностей (договорных обязательств) между соответствующими субъектами гражданского права, произвольное нарушение которых дает всем участникам этих согласованных правоотношений и совместной экономической и хозяйственной деятельности право требовать от правонарушителя или правонарушителей (нарушителей условий заключенного договора) справедливого и своевременного возмещения причиненных им материальных убытков.

В системе гражданско-правовой ответственности важную роль играют правомерные способы защиты и самозащиты гражданских прав и законных интересов. В этом контексте представляется, что ст. 12 «Способы защиты гражданских прав» ГК РФ неправомерно, неконституционно и нецелесообразно как бы исчерпывает перечень всех видов защиты гражданских прав конечной оговоркой «иными способами, предусмотренными законом», несмотря на то, что ст. 45 Конституции РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, а также устанавливает, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом».

Установленные законом правоохранительные и правоприменительные процессы и сроки принудительного привлечения нарушителей гражданских прав к гражданско-правовой ответственности (*indictare*) представляет собой законодательное и правоприменительное предоставление конкретному юридически вменяемому или подзаконному (так сказать, «подответственному») субъекту гражданского права и законодательства возможность добровольно или принудительно дать ответ на вопрос о соответствии его поступков и деяний (действия или бездействия) норме законодательно установленной и действующей гражданско-правовой ответственности (*imputatio*) и в случае неудачи подвергнуться воздействию соответствующих гражданско-правовых санкций (*sanction*) с целью полного и справедливого восстановления нарушенного субъективного права, возмещения причиненного вреда и убытков и, наконец, поддержания нормального гражданского оборота и порядка.

Система гражданско-правовой ответственности может и должна действовать в определенном пространстве и времени и в разных случаях совершения тех или иных гражданских правонарушений должны быть определены законо-

дательством сроки исковой давности для правомерной и целесообразной защиты, самозащиты и своевременного восстановления нарушенных гражданских прав, справедливого возмещения причиненного физического, морального и материального вреда и убытков, поскольку сроки предъявления гражданско-правовых исков относительно разных правонарушений, естественно, не могут быть слишком долгими и неразумными для действенного гражданского судопроизводства и судебной защиты законных прав и интересов всех субъектов российского гражданского права и законодательства²⁵.

Библиографический список

Андреев Ю. Н., Золотарев А. П. О мерах гражданско-правовой ответственности : теоретические аспекты // Известия Юго-Западного гос. ун-та. 2018. № 1 (76). С. 175–181.

Богданова Е. Е. Субсидиарная ответственность в гражданском праве Российской Федерации. Белгород, 2000. С. 3–5.

Власова А. В. Структура субъективного гражданского права. Ярославль : Яр. гос. ун-т, 1998. С. 7.

Красавчикова Л. О. Понятие и система личных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994. С. 5.

Краснова С. А. Теоретические основы квалификации гражданско-правовых способов защиты // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 8.

Михайлова Е. В. Процессуальная форма защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации. М., 2017. С. 6.

Осипян Б. А. Актуальные проблемы заключения и изменения гражданско-правовых договоров в российском законодательстве // Право и экономика. 2008. № 9. С. 84–87.

Осипян Б. А. Духовно-правовые истоки, цели и принципы действия современного договорного права (часть первая) // Актуальные вопросы экономики, управления и права : сборник науч. трудов. 2022. № 4. С. 32–47.

Осипян Б. А. Контракт как добровольный, свободный и ответственный совместный путь договаривающихся сторон, ведущий к реализации идеи права // Гражданское право. 2011. № 3. С. 34–41.

²⁵ См.: Чирков А. П. Ответственность в системе права. Калининград, 1996 ; Осипян Б. А. Духовно-правовые истоки, цели и принципы действия современного договорного права (часть первая) // Актуальные вопросы экономики, управления и права : сборник науч. трудов. 2022. № 4. С. 32–47.

Осипян Б. А. Критерии правомерного различия понятий и составов гражданского правонарушения (деликта), дисциплинарного проступка, административного правонарушения и преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4. С. 14–24.

Осипян Б. А. Определение понятия и основания гражданского правоотношения и правонарушения // Гражданин и право. 2021. № 12. С. 81–89.

Осипян Б. А. Основание и система правовой ответственности и наказания : различие понятий «imputatio», «indictare», «sanctio», «poena» // Современное право. 2007. № 5. С. 77–85.

Осипян Б. А. Ответственность за неисполнение и неправомерное расторжение гражданских договоров // Право и экономика. 2007. № 11. С. 36–42.

Осипян Б. А. Правовая ответственность и санкции за причинение физического, материального и морального вреда и убытков // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 26–32.

Осипян Б. А. Правомерное и целесообразное различие разных видов юридической ответственности физических, должностных и юридических лиц // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2018 № 1. С. 16–22.

Осипян Б. А. Трансформация права в закон : духовные, научные и практические аспекты // Государство и право. 2006. № 8. С. 43–50.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 207–223.

Портникова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М. : Юрайт, 2018. С. 145–159.

Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2001. С. 317.

Суханов Е. А. Ответственность государства по гражданско-правовым обязательствам. Гражданское право России. М. : Статут, 2008. С. 475–487.

Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М., 1988. С. 76.

Чирков А. П. Ответственность в системе права. Калининград, 1996. С. 8.

Шепель Т. В. Особенности гражданско-правовой ответственности причинителя вреда с психическим расстройством. Кемерово, 2005. С. 182.

Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сборник статей. Уфа, 2006. С. 192.

Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 144–146.

References

Andreev Yu. N., Zolotarev A. P. On measures of civil liability : theoretical aspects // Proceedings of the Southwestern State University. 2018. No. 1 (76). P. 175–181.

Bogdanova E. E. Subsidiary liability in the civil law of the Russian Federation. Belgorod, 2000. P. 3–5.

Vlasova A. V. The structure of subjective civil law. Yaroslavl : YarGU, 1998. P. 7.

Krasavchikova L. O. The concept and system of personal rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation. Yekaterinburg, 1994. P. 5.

Krasnova S. A. Theoretical foundations of qualification of civil law methods of protection // Journal of Russian Law. 2011. No. 2. P. 8.

Mikhailova E. V. Procedural form of protection of subjective civil rights, freedoms and legitimate interests in the Russian Federation. Moscow, 2017. P. 6.

Osipian B. A. Actual problems of concluding and changing civil law contracts in Russian legislation // Law and economics. 2008. No. 9. P. 84–87.

Osipian B. A. The spiritual and legal origins, goals and principles of modern contract law (part 1) // Topical issues of economics, management and law : a collection of scientific papers. 2022. No. 4. P. 32–47.

Osipian B. A. Contract as a voluntary, free and responsible joint path of the contracting parties leading to the realization of the idea of law // Civil law. 2011. No. 3. P. 34–41.

Osipian B. A. Criteria for the lawful distinction of concepts and compositions of a civil offense (tort), disciplinary offense, administrative offense and crime // Legal science and law enforcement practice. 2016. No. 4. P. 14–24.

Osipian B. A. Definition of the concept and grounds of civil law relations and offenses // Citizen and law. 2021. No. 12. P. 81–89.

Osipian B. A. The basis and system of legal responsibility and punishment : the distinction between the concepts of "imputatio", "indictare", "sanctio", "poena" // Modern law. 2007. No. 5. P. 77–85.

Osipian B. A. Responsibility for non-fulfillment and unlawful termination of civil contracts // Law and economics. 2007. No. 11. P. 36–42.

Osipian B. A. Legal liability and sanctions for causing physical, material and moral harm and losses // «Black holes» in Russian legislation. 2020. No. 2. P. 26–32.

Osipian B. A. Legitimate and expedient distinction between different types of legal liability of individuals, officials and legal entities // «Black holes» in Russian legislation. 2018. No. 1. P. 16–22.

Osipian B. A. Transformation of law into law : spiritual, scientific and practical aspects // State and law. 2006. No. 8. P. 43–50.

Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. Moscow, 1998. P. 207–223.

Portnikova O. A. The problem of abuse of subjective civil law. Moscow : Yurayt, 2018. P. 145–159.

Romanets Yu. V. The system of contracts in the civil law of Russia. Moscow, 2001. P. 317.

Sukhanov E. A. Responsibility of the state for civil obligations. The civil law of Russia. Moscow : Statute, 2008. P. 475–487.

Khalfina R. O. Law as a means of social management. Moscow, 1988. P. 76.

Chirkov A. P. Responsibility in the legal system. Kaliningrad, 1996. P. 8.

Shepel T. V. Features of the civil liability of the harm-doer with a mental disorder. Kemerovo, 2005. P. 182.

Legal responsibility : problems of theory and practice. Collection of articles. Ufa, 2006. P. 192.

Yarkov V. V. Legal facts in the mechanism of implementation of the norms of civil procedural law. Yekaterinburg, 1992, P. 144–146.

Осипян Б. А., кандидат юридических наук,
доцент, адвокат
E-mail: artos5@mail.ru

Поступила в редакцию 05.09.2024

Для цитирования:

Осипян Б. А. Правомерное понятие гражданско-правовой ответственности и санкций в современном российском гражданском праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 52–63. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/52-63>

Osipian B. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Lawyer
E-mail: artos5@mail.ru

Received: 05.09.2024

For citation:

Osipian B. A. The legitimate concept of civil liability and sanctions in modern Russian civil law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 52–63. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/52-63>

РАЗРАБОТКА ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ ВО ФРАНЦИИ

А. В. Аргунов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DEVELOPMENT OF THE THEORY OF CIVIL PROCEDURAL LEGAL RELATIONS IN FRANCE

A. V. Argunov

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: в статье анализируется история научной разработки понятия гражданского процессуального правоотношения во Франции. Отмечается, что ввиду исторически сложившихся особенностей французской цивилистики немецкие теории о публично-правовой природе гражданского процесса не имели большого успеха во Франции. Приводятся дискуссии по вопросу о правовой природе гражданских процессуальных отношений, делается вывод о том, что до настоящего времени общего доктринального подхода к решению этой проблемы не выработано.

Ключевые слова: гражданский процесс, гражданское процессуальное правоотношение, инстанция, инстанционная связь, гражданское процессуальное право Франции.

Abstract: the article analyzes the history of scientific development of the concept of civil procedural legal relation in France. It is noted that due to the historically developed features of French civilistics, German theories on the public-law nature of civil procedure did not have great success in France. Discussions on the question of the legal nature of civil procedural relations are given, it is concluded that to date no general doctrinal approach to the solution of this problem has been developed.

Key words: civil procedure, civil procedural legal relationship, instance, instance relationship, civil procedural law of France.

Широко известно, что правовая культура очерчивает рамки или границы для восприятия и проблематизации юридических явлений. Представления о процессуальных отношениях также зависят от многих факторов: правосознания и правопонимания, сложившихся практик, системы образования, истории правовых учений и др. В рамках данной статьи мы попытаемся разобраться в специфике подхода к процессуальным отношениям, сложившимся во французской доктрине гражданского процесса, проследим историю доктринальной разработки этого понятия.

Исторически сложившейся чертой французской юридической культуры является отнесение гражданского процессуального права к частным отраслям права. Сегодня французские процессу-

алисты, пошедшие еще в начале XX в. по пути немецких и итальянских коллег, считают гражданский процесс публичной отраслью права, но традиции не исчезают бесследно. Они выражаются, например, в специализации правоведов (гражданский процесс относится к *Droit civil*, а не к *Droit publique*), а также в особенностях мышления французских ученых, сводящихся, наверное, к более охотному восприятию процесса как частного дела (и права) сторон¹.

В отличие от французских коллег, российские процессуалисты, в большинстве своем, наотрез откажутся причислить право, регулирующее особенности проведения процедуры медиации, к процессуальному праву, а отношения сторон с медиатором посчитать гражданскими процес-

¹ См. также: Аргунов А. В. Принципы гражданского процесса Франции : между прошлым и будущим. М., 2023. С. 7–8.

суальными. Сам собой напрашивается вопрос: почему же? Может быть, это полуторавековое развитие одной немецкой идеи в России дает о себе знать?² Без судьи нет и не может быть процессуальных отношений, этот тезис представляется многим из нас безупречным. Возможно, мы просто не можем выйти за рамки своей юридической культуры, сложившихся представлений, определенного круга доктрин? В качестве примера приведем некоторые суждения французских авторов по вопросу о существовании процессуальных отношений в рамках медиации.

В отношении судебной медиации сомнений у французских ученых немного – они являются процессуальными отношениями. Примиритель в этом отношении уподобляется лицу, содействующему осуществлению правосудия, и ничем принципиально не отличается от, например, судебного эксперта³. Такое отношение (между сторонами и примирителем) называется Ксавье Лагардом «полюбовным» (*amiable*)⁴. Так что, возможно, бывают и полюбовные процессуальные отношения.

В отношении же несудебной медиации вопрос решается, как правило, иначе. Однако и здесь некоторые авторы видят специфическое процессуальное отношение. Действительно, если процессуальное отношение существует прежде всего между сторонами и ввиду наличия между ними спора, а задачей суда является его разрешение или урегулирование (т. е. примирение сторон), то чем принципиально отличается процедура медиации? Тут имеется спор, имеется беспристрастное «третье» лицо – медиатор, имеется цель урегулирования спора и имеется набор процедурных или процессуальных (делаем различие в терминах ввиду российской традиции, во Франции ее нет) правил. Да, принципы деятельности иные, да принуждения со стороны медиатора, властеотношения тут нет, но это и не является также главной чертой процессуального (инстанционного) правоотношения⁵.

² Речь идет, конечно, об идее видеть в процессе публично-правовое отношение.

³ См.: *Lagarde X. La resolution amiable des differends, un lien processuel dans l'instance // Du lien d'instance aux liens processuels. Actes des 6es rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris, 2016. P. 43–51.*

⁴ Ibid. P. 44.

⁵ См.: *Brouard-Gallet C. La resolution amiable des differends: un lien processuel sans instance // Du lien d'instance aux liens processuels. Actes des 6es rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris, 2016. P. 25–41.*

Прежде чем перейти к детализации французского подхода к проблеме процессуальных правоотношений, позволим себе небольшое терминологическое уточнение. Оно касается понятия инстанции (*l'instance*) в гражданском процессе. Дело в том, что именно этот термин обозначает во Франции основное (между сторонами) процессуальное правоотношение.

Слово «инстанция» полисемичное, согласно юридическому словарю под редакцией одного из «отцов» Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) Франции 1975 г. Жерара Корню оно имеет три значения: 1) производство, ведущееся в суде определенного уровня, фаза процесса (первая инстанция, вторая и т. д.)⁶; 2) последовательность действий и сроков для их совершения в рамках производства, от возбуждения до окончания (приостановление инстанции, окончание инстанции и т. д.); 3) юридическая ситуация сторон в деле, юридическая связь сторон, источник прав и обязанностей (инстанционная связь или инстанционное отношение, *lien d'instance*)⁷. Довольно часто в юридических текстах слово «инстанция» фигурирует в первом значении. Когда же речь идет именно о правоотношении, это обычно уточняется путем добавления слова «связь» (*lien*).

Итак, между какими субъектами и в какой момент, по мнению французских ученых, возникает инстанционное отношение? Оказывается, на протяжении долгого времени французские юристы полагали, и до настоящего времени некоторые продолжают эту традицию, что оно возникает исключительно между сторонами спора, переданного на рассмотрение в суд. При этом возникает процессуальное отношение еще до появления в нем фигуры судьи, поскольку исковое производство возбуждается путем направления истцом специальной повестки ответчику (*l'assignation*) через судебного пристава. Именно в момент получения ответчиком повестки и возникает процессуальное правоотношение между сторонами⁸.

⁶ В русском языке за словом «инстанция» закрепилось только первое значение.

⁷ См.: *Normand J., Cadiet L., Amrani Mekki S. Théorie générale du procès. Paris, 2010. P. 365–366.*

⁸ Момент возникновения процессуального правоотношения определяется так и современными авторами. См., например: *Ferrand F. L'évolution du lien d'instance d'appel // Du lien d'instance aux liens processuels 1975–2015. Actes des 6èmes rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris, 2016. P. 98.*

Каковы же исторические и культурные предпосылки такого взгляда на процессуальное правоотношение? Во Франции в конце Средних веков, как и во многих других европейских странах, гражданское судопроизводство приняло форму римско-канонического процесса. Эта форма видоизменялась со временем, но в целом ее первоначальный облик сохранился⁹. Конечно, юридический понятийный аппарат был заимствован из Свода Юстиниана, однако зачастую от понятий остались только «оболочки» – термины. Смыслы в них были вложены юристами Средних веков и Нового времени разные.

Так произошло, по всей видимости, с понятием «*iudicio contrahi*», упомянутым в 15-й книге Дигест, в одном из отрывков из работы Ульпиана «Комментарии к эдикту»¹⁰. Во-первых, этот отрывок стал общим местом ссылок ученых, считавших, что при рассмотрении дела в суде возникает договорное отношение между сторонами. Во-вторых, как отмечают современные авторы, произошло это скорее всего из-за неправильного понимания глоссаторами римского термина «контракт» (*contrahere, contractus*), приравнивания его к соглашению (*conventio*). Так, Елена ди Бернардо пишет: «римляне считали контракт двусторонней юридической сделкой, порождающей обязательства: хотя они знали, что соглашение присуще контрактам, они никогда не приравнивали контракт к соглашению. Фактически контракт представлял собой лишь источник обязательства, типичный элемент которого выражался в обязанности (*contrahi obligationem re, verbis, litteris consensu*), а не в совпадении воли сторон»¹¹. Из этого следует, что римляне скорее

всего не считали процессуальное отношение договорным, возникшим по добровольному согласию сторон, при совпадении воли каждой, но лишь такой связью лиц, которая порождает для них обязанности (исполнить судебное решение).

Глоссаторы Ацо и Аккурций истолковали этот отрывок в том смысле, что *contrahere iudicio* следует приравнять к *contrahere sententia*, т. е. решению суда как договору. Но ясно, что решение суда не является двусторонним актом, выражающим согласованную волю истца и ответчика, поэтому они решили считать судебное решение квазидоговором. Для данной конструкции не обязательно совпадение воли двух лиц, но вследствие акта возникает обязательство (*obligatio iudicati*)¹².

Бартолиус (Бартоло из Сассоферрато) обратил внимание на то, что договорный характер можно обнаружить не в решении суда, а в акте засвидетельствования спора (*litis contestatio*). Именно в силу договора литисконтестации стороны принимают на себя обязанности исполнить судебное решение. Договорная концепция литисконтестации была включена также в каноническую доктрину, прежде всего благодаря труду Фелинуса Сандеуса (*Felinus Sandeus*)¹³. Этот автор приписывал контестации спора эффект договорного определения предмета спора, за которым следовала невозможность изменения его параметров¹⁴.

Итак, неточное понимание источников римского права привело к тому, что отношения сторон в рамках канонического и гражданского судопроизводства стали рассматриваться как основанные на соглашении сторон о передаче их конфликта на рассмотрение судьи с обязательством принять его решение. Засвидетельствование спора оказалось источником частных прав и обязанностей, а решение суда – имеющим квазидоговорную природу.

Все эти теории в полной мере разделялись и французскими цивилистами Старого режима.

Позднейшее развитие данных идей привело к тому, что процесс стал представляться делом исключительно сторон, как последовательная смена договорных отношений (что отразилось во французском языке – первая инстанция, т. е. первое отношение, вторая инстанция, т. е. второе отношение, основанное на своем договоре –

⁹ Подробнее об истории гражданского процесса Франции см.: Аргунов А. В. Указ. соч. С. 16–59.

¹⁰ На латыни: *nam sicut in stipulatione contrahitur cum filio, ita iudicio contrahi: proinde non originem iudicii spectandam, sed ipsam iudicati velut obligationem*. В переводе на русский: ибо как посредством стипуляции заключается контракт с подвластным сыном, так и гражданским процессом устанавливается договорное правоотношение. Следовательно, надо обращать внимание не на основание возникновения судебного разбирательства, но на само судебное решение как на обязательство. Цит. по: Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. 2-е изд. М., 2008. Т. III. С. 306–307.

¹¹ *Bernardo Di E. La natura contrattuale della litiscontestatio classica e la teoria del contratto giudiziaro. Gli albori della concezione pubblicistica del processo e della funzione sociale della giustizia // Vergentis. Revista de Investigación de la Cátedra Internacional Conjunta Inocencio III. 2018. № 7. P. 158.*

¹² *Ibid. P. 160.*

¹³ *Felinus Maria Sandeus (1444–1503), итальянский юрист-канонист, доктор in utroque iure.*

¹⁴ *Bernardo Di E. Op. cit. P. 160–161.*

обмене жалобой и возражением на нее). Также из этого понимания прямо следует восприятие процесса в качестве практического следствия материального субъективного права, инструмента его защиты.

Логику французских ученых XIX столетия можно описать следующим образом. Иск – «боевое состояние гражданского права»¹⁵, гражданский процесс – фаза в развитии гражданского правоотношения. Природа процесса договорная или квазидоговорная (эти идеи суть развитие римской *litis contestatio*)¹⁶. Поэтому отношение между сторонами процесса тоже частное, а не публичное. Суд в данное отношение не вступает, он осуществляет свои полномочия в силу того, что обязан это делать на основании закона. Именно вследствие этого (а не ввиду некоего принципа диспозитивности, ставшего вдруг принципом публичного права) стороны могут распоряжаться данным отношением зачастую лишь по общему согласию: истец вправе отказаться от процесса при наличии согласия ответчика.

Вплоть до начала XX в. французские ученые оставались на этих позициях. Как писал в 1927 г. Анри Визюз, ознакомивший цивилистов данной страны с понятием публичного процессуального правоотношения, последние совершенно не знают немецких и итальянских процессуальных доктрин (теории иска, теории правосудия и теории процессуальных отношений). Не разработанная теория процессуальных предпосылок, нет понимания природы и элементов процессуального отношения¹⁷.

Только с 30-х гг. XX столетия французы начинают осваивать немецкие теории, причем, что любопытно, они приходят к ним через итальянских авторов (прежде всего через работы

Джузеппе Кьовенда¹⁸). Как отмечает современный процессуалист Эманнуэль Жёлан, в течение XX в. теория процессуального отношения постепенно завоевала своих сторонников, но всегда находилось немало ученых, которые считали ее непонятной, бесполезной, загадочной¹⁹. До сего дня во Франции практически нет специальных исследований процессуальных правоотношений, а на страницах учебников, курсов или даже научных статей обзор темы обычно составляет всего несколько страниц с неизменными ссылками на немецкие теории²⁰.

Интересный обзор дискуссий по вопросу о юридической природе процессуального отношения приведен в классическом учебнике по гражданскому процессу, написанном разработчиками ГПК Франции Жераром Корню и Жаном Фуайе в 1958 г.²¹ Отвечая на вопрос, является ли суд участником процессуального отношения, они пишут следующее: все авторы согласны в том, что стороны являются его субъектами. А вот признавать это отношение имеющим публично-правовую природу и считать государство или судью его участником, не стоит. Суд обязан рассмотреть и разрешить спор не в силу обязанностей перед сторонами, а в силу закона, ввиду наличия у суда соответствующих полномочий. Поэтому процессуальное или инстанционное отношение возникает только между сторонами и природа его – частноправовая.

По вопросу о правовой природе процессуального отношения также указывают следующее: французская традиция приравнивает это отношение к контракту между сторонами и видит в инстанции объект права собственности или совместной собственности сторон. Альтернативная точка зрения была у последователей Бартолиуса: ученые считали это отношение возникающим из квазиконтракта. Однако в последнее время (это 1958 г.!) данный подход все

¹⁵ Определение Демоломба 1854 г. Подробнее об истории теории иска во Франции см.: *Halperin J.-L., Niboyet M.-L. Agir en justice : la distinction de la substance et de la procédure // Itinéraires d'histoire de la procédure civile. Regards français. Dir. L. Cadet, S. Dauchy, J.-L. Halpérin. Paris, 2014. P. 5–28.*

¹⁶ Указанная точка зрения на природу процесса является во Франции традиционной. Однако сегодня ее мало кто поддерживает, считая инстанционное отношение возникающим в силу закона, не имеющим договорной природы. Среди современных сторонников договорной или квазидоговорной природы этого отношения называются Франсуа Терре (F. Terre), Жорж Видеркер (G. Wiederker).

¹⁷ См.: *Vizioz H. Observations sur l'étude de la procédure civile // Études de procédure. Paris, 2011. P. 45–47.*

¹⁸ Giuseppe Chiovenda. Прежде всего речь идет о его работе «*Saggi di diritto processuale civile*» (1903).

¹⁹ См.: *Jeuland E. L'avenir des liens procéduraux: le lien procédural numérique // Du lien d'instance aux liens processuels. Actes des 6es rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris, 2016. P. 142.*

²⁰ Нам удалось найти сведения только об одной диссертации, посвященной понятию инстанции, к сожалению, нам она в данное время недоступна. См.: *Vinh-Dalmaïs M.-P. La notion d'instance. Villeneuve d'Ascq : Presses universitaires du Septentrion, 2000.*

²¹ См.: *Cornu G., Foyer J. Procédure civile. 3e ed. Paris, 1996. P. 432–434.*

более критикуется. В частности, Тиссье в 1909 г. писал, что не надо путать процессуальный договор (о подсудности, мировое соглашение и др.) с договорной природой самого процессуального отношения. На это ему возражали: вопрос терминологии не имеет значения. Тиссье отвечал: отношение между сторонами процесса нельзя приравнять к договору, ибо не в силу соглашения они становятся участниками процесса, а в силу закона. Закон ставит ответчика в положение ответчика, а не его собственная воля, поэтому это не договорное отношение, а возникающее в силу закона. Возражение: это ничего не доказывает. Закон иногда предполагает обязанности и в договорном отношении, которые стороны на себя по своей воле и явно не принимали: добросовестность, гарантии и др. Далее позицию Тиссье защищал в 1913 г. Наке, который писал, что договорная природа процессуального отношения – это миф, ибо здесь нет совпадения воли сторон. Кроме того, в современном процессе нет четко выделенного момента *litis contestatio*, не признается новация материального правоотношения. Ему возражали: почему же судебная практика продолжает говорить о том, что ответчик «принимает на себя процесс», т. е. в его свободном распоряжении продолжают находиться процессуальные эксцепции, он может возражать против компетенции суда, а может согласиться с ней и сразу заявить возражения по существу. Значит, его воля также имеет значение. А оставление иска без рассмотрения по соглашению сторон? Отношение, связывающее истца и ответчика, не может быть окончательно без последствия потери самого материального права по свободному волеизъявлению только одной стороны, поэтому французское право признает необходимость волеизъявления ответчика²².

Кроме того, авторы учебника указывают, что аргументы сторонников договорной природы процессуального отношения в основном сводятся к следующему: оставление иска без рассмотрения возможно только по обоюдному согласию; пределы законной силы судебных решений, их относительность являются продолжением относительности самого договорного процессуального отношения сторон; вопросы ничтожности

судебного решения зависят от ничтожности процессуального отношения, а последняя определяется по правилам гражданского права. Тезис о договорной природе процессуального правоотношения поддерживался не только учеными XIX столетия. Например, его сторонником был знаменитый цивилист Жан Карбонье. Судебная практика еще в 1950-х ссылалась на договорную природу отношения при решении ряда вопросов.

В заключение этого обзора будущие разработчики ГПК Франции пишут, что «ничто не совершенно», и ставят точку. Свою позицию ни в 1958 г., ни в 1996 г. (а мы ссылаемся на третье издание учебника от 1996 г.) знаменитые французские процессуалисты, получается, так и не сформировали.

Известно, что ко времени начала «рецепции» теории публичного процессуального отношения во Франции основные дебаты вокруг нее в Германии уже отшумели. Последняя (перед проникновением идеи во Францию) книга по теме была написана немецким ученым Джеймсом Гольдшмидтом в 1925 г. и посвящена как раз критике теории процессуальных правоотношений²³. Может быть, по этой причине, а может в силу своей юридической традиции, французы не слишком увлеклись столь абстрактной идеей, а также не восприняли «бюловский» подход к процессуальным отношениям.

Многие сегодня склоняются к мысли, что процессуальное правоотношение возникает как между сторонами, так и между сторонами и судом, причем каждый момент развития этого правоотношения представляет из себя юридическую ситуацию («наследие» Гольдшмидта). Можно встретить и утверждения в стиле Йозефа Колера: процессуальное отношение возникает между сторонами, существует оно под эгидой, руководством суда, но суд не является его участником²⁴.

Несмотря на различие во мнениях, французские процессуалисты неизменно признают, что процессуальное отношение возникает между сторонами спора²⁵. Но все же оно независи-

²³ См.: *Goldschmidt J. Der Prozess als Rechtslage. Eine Kritik des Prozessualen Denkens. Berlin-Heidelberg, 1925.*

²⁴ О концепции Й. Колера см.: *Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса : субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 2016. С. 617.*

²⁵ Среди обязанностей сторон друг перед другом называются обязанности совершения процессуальных действий в определенные сроки, добросовестность (напри-

²² В нашем праве это сохраняется в виде необходимости получения согласия ответчика на оставление иска без рассмотрения в случае повторной неявки истца (ст. 222 ГПК РФ).

мо от материального правоотношения, ставшего предметом спора, и может прекратиться без изменения последнего (в силу ст. 385, 395 ГПК Франции можно отказаться от процесса с согласия ответчика без отказа от иска, процесс «прекращается», что подобно нашему оставлению без рассмотрения). Некоторые авторы этим и ограничиваются, другие (следует признать, что их большинство) включают в данное отношение суд или государство, но ничего дополнительно не поясняют.

До настоящего времени имеются дискуссии о том, когда же возникает инстанционное правоотношение²⁶. Так, если разделять процессуальные отношения на два вида: одно – стороны с судом, а другое – только между сторонами, то можно обнаружить такую схему: истец вызывает посредством повестки ответчика через судебного пристава (один из способов подать исковое заявление во Франции) или подает заявление сразу в суд – здесь еще нет инстанционного правоотношения между сторонами, а есть только отношение с судом или государством. Ответчик может не вступить в спор по существу и ограничиться заявлением процессуальных возражений (эксцепций). Если эксцепции будут удовлетворены, тогда инстанционного отношения между сторонами не возникнет, ибо это отношение имеет предметом материально-правовой спор, а не вопросы предпосылок процесса, подсудности, например. Значит, в процессе присутствуют два вида отношений: 1) по вопросам самого процессуального отношения в российском понимании; 2) по вопросам предпосылок и условий этого отношения – оно возникает между судом и сторонами. А вот отношение между сторонами без участия суда возникает позже и предметом его является существо спора. Такое отношение возникает после того, как ответчик сделал первое заявление по существу спора, оно, скорее, материально-правовое или инстанционное.

Инстанционное отношение, по сути, отражает возникновение между сторонами спора по существу, готовность его разрешить в суде и принять судебное решение. В этой логике вполне уместным представляется умозаключение о том, что инстанционное правоотношение (меж-

мер, обязанность вовремя раскрыть доказательства, представить по требованию стороны письменные доказательства).

²⁶ См.: *Jeuland E. Droit processuel*. Paris, 2007. P. 430–431.

ду сторонами) существует только в исковом процессе (где имеются спор и стороны) и отсутствует, например, в делах добровольной юрисдикции, особом производстве (*matiere gracieuse*).

Интересная точка зрения на существо инстанционного правоотношения (связи) высказана современным процессуалистом Э. Желаном. В своих рассуждениях он исходит из необходимости различения юридического правоотношения и юридической связи²⁷.

1. Понятия связи и отношения не юридические, их трудно определить через иные юридические понятия. Скорее, они пришли из философии. Но в юриспруденции нечто, что отражает те же смыслы, появляется довольно рано, уже у римлян – *vinculum juris*. Причем этимология этого понятия такова – ранее должников связывали веревкой или цепями, т. е. обязательство буквально понималось как связанность. Отсюда произошло французское слово «lien» – связь (веревка). Одна из глосс к Институциям Юстиниана, называемая «туринская глосса», гласит: «Волов связывают за рога, а людей – за слова».

2. Связь как приближение и объединение чего-то, подобно соединению двух вещей – плохая идея, она не учитывает свободу человека. Человек, вступая в связь с другим человеком, должен сначала признать инаковость другого, здесь имеется скорее разрыв между людьми, чем приближение. Римское понятие связи слишком жестоко – оно человека превращает в предмет, имеет коннотации власти и подчинения.

3. Связь создается между людьми только при признании их различия, это сначала размежевание между ними. Сын должен сначала отличить себя от отца, чтобы познать, что он сын, а отец – отец, т. е. чтобы была между ними связь. Связь рождается из различия, ибо там где люди безразличны друг другу, связей не образуется.

4. Можно разработать определение юридической связи: это признаваемое правом состояние взаимного признания между субъектами, имеющее одновременно элемент привязанности, сохраняющееся во времени. В юридической связи должно быть два элемента – привязанность и дистанция, основанная на различии между людьми. В отличие от отношения (*rapport*), имеющего лишь элемент объединения и не имеющего элемента различия, мыслимо

²⁷ Подход автора изложен по: *Jeuland E. L'énigme du lien de droit // Revue juridique de la Sorbonne – Sorbonne law review*. 2020. № 1. P. 144–171.

как отношение между человеком и вещью, связь (lien) может быть только между людьми и включает в себя различие и объединение. Например, вместо договорного отношения предпочтительнее говорить о договорной связи.

Из этих положений Э. Желан вывел следующие следствия для процессуального права²⁸.

1. Следует говорить не о процессуальном правоотношении, а об инстанционной связи.

2. Эта связь отражает разделение людей, но предполагает их объединение в рамках процедуры. Отсюда четко определенные процессуальные роли, оторванность этих ролей от тех, которые люди играют в обычной жизни за пределами процедуры.

3. Конфликт возникает из-за слишком тесного «приближения» людей, между ними возникает «трение». Например, люди хотят одну и ту же вещь и «сталкиваются лбами» из-за нее.

4. Воссоздание социального мира происходит путем восстановления дистанции между людьми, слишком тесно соприкоснувшихся в конфликте, в рамках процедуры. Процедура принудительно разделяет их, надевая на них процессуальные «маски».

5. Инстанционная связь – это трансформированная материально-правовая связь, трансформация происходит путем установления дистанции между субъектами материально-правовой связи с целью обеспечить возможность диалога

между ними. Причем инстанционная связь заменяет материально-правовую связь, но последняя не исчезает бесследно и может быть восстановлена в своих прежних параметрах.

6. Решением суда инстанционная связь разрывается и появляется новая материально-правовая связь между субъектами, причем эта новая связь является лишь трансформированной первоначальной материально-правовой связью. Ее параметры зафиксированы и определены окончательно судебным решением, и она уже не может стать спорной с точки зрения правопорядка.

Для наглядного объяснения своего подхода Э. Желан приводит следующую ниже таблицу.

Из этого небольшого и неполного обзора можно заключить, что в силу традиции воспринимать процесс с частноправовых позиций, в силу исторических судеб теории процессуального правоотношения французская доктрина вправе смотреть и смотрит на некоторые, кажущиеся нам незыблемыми, положения иначе. Например, некоторые авторы обнаруживают в процессе некое инстанционное отношение, отличное от процессуального отношения с судом, представляющего собой исходное материальное правоотношение в состоянии трансформации, регулируемое процессуальными нормами, которое в итоге превращается в силу вступления в законную силу решения суда в измененное материально-правовое отношение.

Т а б л и ц а

Параметры	Вид связи				
	Первоначальная материально-правовая связь	Инстанционная связь	Связь в рамках исполнения решения	Связи в проверочных инстанциях	Процессуальная связь с судом
Субъекты	Стороны	Стороны и третьи лица	Стороны, заинтересованные субъекты	Стороны	Суд и стороны
Предмет	Обязательство, убытки, правонарушение	Принудительное осуществление права, взыскание убытков, признание нарушения норм права	Резолютивная часть решения	Требования, жалобы, объект первой инстанционной связи	Разрешение спора на основе норм права
Основания, причины, средства	Имущество, факты, элементы правонарушения	Средства права и факта (утверждения и доказательства)	Мотивы решения	Новые средства факта и/или права	Квалификация отношений, интерпретация норм
Нормы, границы регулирования	Нормы материального права, принципы материального права	Нормы процессуального права, принципы процессуального права	Нормы права об исполнении производстве	Нормы процессуального права, регулирующие проверочные инстанции	Нормы права о судостроительстве и судопроизводстве

²⁸ Выводы Э. Желана приводятся по: *Jeuland E. Droit processuel*. P. 430–432.

Такой подход позволяет отнести ряд норм процесса не к публичному праву, а к частному, по-другому смотреть на соотношение диспозитивных и императивных начал процесса, распорядительные процессуальные права, институты подготовки дела к судебному разбирательству и судебного разбирательства и др.

Подводя итог, вернемся к основному тезису: возможность проблематизации определенных тем и нахождения консенсуса по ним в небольшой степени зависит от правовой культуры страны, от исторических судеб доктринальной разработки теории процесса в ней.

Библиографический список

Аргунов А. В. Принципы гражданского процесса Франции : между прошлым и будущим. М. : Городец, 2023.

Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса : субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016.

Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. 2-е изд. М. : Статут, 2008. Т. III.

Bernardo Di E. La natura contrattuale della litiscontestatio classica e la teoria del contratto giudiziario. Gli albori della concezione pubblicistica del processo e della funzione sociale della giustizia // Vergentis. Revista de Investigación de la Cátedra Internacional Conjunta Inocencio III. 2018. № 7.

Brouard-Gallet C. La resolution amiable des differends: un lien processuel sans instance // Du lien d'instance aux liens processuels. Actes des 6es rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris : IRJS, 2016.

Cornu G., Foyer J. Procedure civile. 3e ed. Paris : PUF, 1996.

Goldschmidt J. Der Prozess als Rechtslage. Eine Kritik des Prozessualen Denkens. Berlin-Heidelberg : Springer, 1925.

Ferrand F. L'evolution du lien d'instance d'appel // Du lien d'instance aux liens processuels 1975-2015. Actes des 6èmes rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris : IRJS, 2016.

Halperin J-L., Niboyet M-L. Agir en justice : la distinction de la substance et de la procedure // Itinéraires d'histoire de la procédure civile. Regards français. Dir. L. Cadet, S. Dauchy, J-L. Halpérin. Paris : IRJS, 2014.

Jeuland E. Droit processuel. Paris : L.G.D.J, 2007.

Jeuland E. L'avenir des liens procéduraux: le lien procédural numérique // Du lien d'instance aux liens processuels. Actes des 6es rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris : IRJS, 2016.

Jeuland E. L'énigme du lien de droit // Revue juridique de la Sorbonne – Sorbonne law review. 2020. № 1.

Lagarde X. La resolution amiable des differends, un lien processuel dans l'instance // Du lien d'instance aux liens processuels. Actes des 6es rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris : IRJS, 2016.

Normand J., Cadet L., Amrani Mekki S. Théorie générale du procès. Paris : PUF, 2010.

Vinh-Dalmaïs M-P. La notion d'instance. Villeneuve d'Ascq : Presses universitaires du Septentrion, 2000.

Vizioz H. Observations sur l'étude de la procédure civile // Études de procedure. Paris : Dalloz, 2011.

References

Argunov A. V. Principles of Civil Procedure in France: Between Past and Future. Moscow : Gorodets, 2023.

Vaskovsky E. V. Course of civil procedure: subjects and objects of the process, procedural relations and actions. Moscow : Statute, 2016.

Digests of Justinian : trans. from the Latin / ed. L. L. Kofanov. 2nd ed. Moscow: Statute, 2008. Vol. III.

Bernardo Di E. La natura contrattuale della litiscontestatio classica e la teoria del contratto giudiziario. Gli albori della concezione pubblicistica del processo e della funzione sociale della giustizia // Vergentis. Revista de Investigación de la Cátedra Internacional Conjunta Inocencio III. No. 7. 2018.

Brouard-Gallet C. La resolution amiable des differends: un lien processuel sans instance // Du lien d'instance aux liens processuels. Actes des 6es rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris : IRJS, 2016.

Cornu G., Foyer J. Procedure civile. 3e ed. Paris : PUF, 1996.

Goldschmidt J. Der Prozess als Rechtslage. Eine Kritik des Prozessualen Denkens. Berlin-Heidelberg : Springer, 1925.

Ferrand F. L'evolution du lien d'instance d'appel // Du lien d'instance aux liens processuels 1975-2015. Actes des 6èmes rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris : IRJS, 2016.

Halperin J-L., Niboyet M-L. Agir en justice : la distinction de la substance et de la procedure // Itinéraires d'histoire de la procédure civile. Regards français. Dir. L. Cadet, S. Dauchy, J-L. Halpérin. Paris : IRJS, 2014.

Jeuland E. Droit processuel. Paris : L.G.D.J, 2007.

Jeuland E. L'avenir des liens procéduraux: le lien procédural numérique // Du lien d'instance aux liens processuels. Actes des 6es rencontres de procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris: IRJS, 2016.

Jeuland E. L'énigme du lien de droit // Revue juridique de la Sorbonne – Sorbonne law review. No. 1. 2020.

Lagarde X. La resolution amiable des differends, un lien processuel dans l'instance // Du lien d'instance aux liens processuels. Actes des 6es rencontres de

procédure civile. Dir. L. Flise et E. Jeuland. Paris : IRJS, 2016.

Normand J., Cadiet L., Amrani Mekki S. Théorie générale du procès. Paris : PUF, 2010.

Vinh-Dalmaïs M-P. La notion d'instance. Villeneuve d'Ascq : Presses universitaires du Septentrion, 2000.

Vizioz H. Observations sur l'étude de la procédure civile // Études de procédure. Dalloz: Paris, 2011.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аргунов А. В., кандидат юридических наук, доцент департамента частного права

E-mail: aargunov@hse.ru

National Research University «Higher School of Economics»

Argunov A. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Private Law Department

E-mail: aargunov@hse.ru

Поступила в редакцию: 28.03.2024

Received: 28.03.2024

Для цитирования:

Аргунов А. В. Разработка теории гражданских процессуальных правоотношений во Франции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 64–72. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/64-72>

For citation:

Argunov A. V. Development of the theory of civil procedural legal relations in France // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 64–72. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/64-72>

КРИЗИС ДОВЕРИЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ДОКАЗЫВАНИЕ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

М. А. Горшенев

Воронежский государственный университет

CRISIS OF CONFIDENCE AS A FACTOR INFLUENCING PROOF IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

M. A. Gorshenev

Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена кризису доверия, возникшему в связи со сложившейся судебной практикой рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве), проанализировано влияние судебной практики по делам о несостоятельности (банкротстве) на взаимоотношения контрагентов в гражданском обороте и на судебную практику по общегражданским спорам в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Ключевые слова: фактор доверия в общественных отношениях, дела о несостоятельности (банкротстве), предмет доказывания, бремя доказывания, стандарт доказывания.

Abstract: the article is devoted to the crisis of confidence that has arisen in connection with the established judicial practice of considering insolvency (bankruptcy) cases and separate disputes within the framework of insolvency cases in Russia, the influence of judicial practice in insolvency (bankruptcy) cases on the relationship of counterparties in civil circulation and on judicial practice in general civil disputes in courts of general jurisdiction and in arbitration courts have been analyzed.

Key words: trust factor in public relations, insolvency (bankruptcy) cases, subject of proof, burden of proof, standard of proof.

Право, как действительный регулятор поведения людей, стремится устранить и минимизировать необходимость полагаться на простое доверие, обеспечивая нормативное поведение субъектов гарантиями защиты нарушенных прав со стороны государственной власти. Правовое регулирование общественных отношений увеличивает степень уверенности сторон в соответствии будущего поведения друг друга ожидаемому поведению, а правовая регуляция и нормативная упорядоченность дает сторонам стимул действовать в рамках, установленных правовыми нормами, под страхом предусмотренных законом негативных последствий и санкций.

Реализация указанных правовых гарантий возможна посредством обращения к государственным институтам правоприменения, доверие к которым обеспечивается в том числе нор-

мами процессуального законодательства, регламентирующими их деятельность и порядок взаимоотношений с ними субъектов, обращающихся за защитой или восстановлением нарушенного права.

Таким образом, при наличии подробного нормативного регулирования отношений снижается необходимость проявлять межличностное доверие, поскольку оно заменяется доверием институциональным – выраженным в ожидании от уполномоченного органа адекватных действий, направленных на защиту нарушенных прав и законных интересов, их восстановление.

Не претендуя на исчерпывающее исследование доверия как правовой категории в целом, настоящая статья призвана осветить существующие проблемы доверия, возникающие в процессе рассмотрения судами дел о несостоятельности (банкротстве), порождающие, по мнению автора, кризис доверия, сложившийся в судеб-

ной правоприменительной практике рассмотрения судами указанной категории дел.

Итак, доверие, как гражданско-правовая категория, может быть определено как ожидание соответствия действий контрагентов правовым нормам, регулирующим поведение сторон правоотношения, обычаям делового оборота (на взгляд автора, нормативное закрепление обычая делового оборота как источника современного гражданского права – способ легитимации чрезмерно доверительного поведения участников оборота) и конвенциональным целям правоотношения. Кроме того, к доверию, в гражданско-правовом контексте, относится также и ожидание от суда тех результатов рассмотрения дела, которые соответствуют правовому регулированию, установленному законом.

Лицо, обращающееся в суд за защитой своего права, доверяет суду, ожидая от него правильной правовой квалификации спорного правоотношения, применения норм права и принятия по делу судебного акта, который будет не только законным (принятым при точном соблюдении норм материального и процессуального права¹) и обоснованным (подтвержденным исследованными судом доказательствами всех фактов, имеющих значение для дела, и содержащим исчерпывающие выводы суда относительно этих фактов)², но и справедливым.

Институциональное доверие, оказываемое стороной правоотношения суду при обращении за защитой нарушенного права, в свою очередь сталкивается со встречным доверием (или недоверием), которое суд проявляет к сторонам в судебном процессе. Проблема доверия возникает во время рассмотрения дела в контексте доказывания сторонами обстоятельств, на которые стороны ссылаются в обоснование своей позиции, а также в контексте оценки представленных доказательств судом.

В связи с этим для увеличения степени институционального доверия сторон спора суду важно, чтобы стороны могли сформировать адекватные и основанные на правовых нормах

ожидания, которые окажутся оправданными при вынесении судебного акта.

Однако при анализе конкретных обстоятельств дела, применении правовых норм и принятии решения судья исходит не только из норм права и предполагаемого алгоритма применения этих норм, но опирается и на систему ценностей, присущую судье, как и любому человеку. Среди элементов этой системы можно назвать сознание, правосознание человека, его чувство справедливости³. Судопроизводство и правоприменение осуществляется на основе состязательности сторон и под руководством беспристрастного и независимого судьи⁴.

Каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, при этом доказательства должны отвечать критериям относимости, допустимости⁵, достоверности. Суд же оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности. При этом оценка доказательств судом всегда субъективна, основана на внутреннем убеждении. Верховный Суд РФ в последние годы целенаправленно борется с формальной оценкой судами доказательств, которые представляются сторонами спора⁶. Доказательства не имеют заранее установленной силы⁷ и фактически оцениваются судом не только через призму материального и процессуального права, но и через призму его личного опыта. Личный опыт может

³ См.: *Ширяева К. А.* Справедливое судебное решение в гражданском судопроизводстве // *Администратор суда.* 2022. № 2. С. 27–30. DOI: 10.18572/2072-3636-2022-2-27-30

⁴ См.: *Жилин Г. А.* Правосудие по гражданским делам : актуальные вопросы : монография. М., 2010. С. 29.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 25.12.2023). Ст. 67, 68, 71. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. № 57-КГ20-9-К1, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2020 г. № 64-КГ20-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 25.12.2023). Ст. 71. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О судебном решении : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 (в ред. от 23.06.2015) // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.* 2004. № 2 ; 2015. № 8.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 25.12.2023). Ст. 194. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

включать в себя когнитивные установки или когнитивные искажения, априорные и апостериорные (возникающие в процессе рассмотрения дела) убеждения и восприятие судом самих сторон – логичности и последовательности их поведения – как в спорном правоотношении, так и в судебном процессе.

В связи с этим аналогичный набор доказательств в одном деле может получить положительную оценку суда, в другом споре – отрицательную, а равно одинаковый объем доказательств может быть признан судом достаточным либо недостаточным для подтверждения схожих обстоятельств для разных категорий споров.

Одной из попыток поиска оснований для мотивации разной степени доверия суда в отношении доказательств стала доктрина стандартов доказывания, прошедшая длительный исторический путь в европейских правовых системах⁸, а в российском праве указанная концепция была впервые напрямую упомянута Высшим арбитражным судом в 2014 г., в рамках рассмотрения обособленного спора в деле о банкротстве⁹. За прошедшие 10 лет стандарты доказывания с каждым годом все чаще стали применяться судами всех инстанций, породив в том числе и дискуссию о необходимости их систематизации и нормативного закрепления.

Сегодня наиболее яркие случаи применения судами различных стандартов доказывания (различного подхода судов к оценке одних и тех же доказательств) проявляются в спорах, возникающих при рассмотрении судами дел о несостоятельности (банкротстве).

Сложность и многообразие отношений, возникающих в связи с несостоятельностью должника, динамичное развитие нормативного регулирования, изменчивость и противоречивость судебной практики по банкротным спорам (в сравнении с общегражданскими, экономическими спорами) создают ситуации, в которых судья вынужден разрешать спор в условиях той или иной степени неопределенности не только в отношении права, но и в отношении факти-

ческих обстоятельств. Такая неопределенность вынуждает судью чаще полагаться на внутреннее убеждение при оценке доказательств, проявляя различную степень доверия или недоверия сторонам спора и представленным ими доказательствам.

Обозначенную проблематику в контексте доверия представляется особенно интересным осветить более конкретно на некоторых примерах.

Одной из форм выражения доверия в процессуальном праве и правоприменении являются доказательственные презумпции и обстоятельства, освобождающие от доказывания, такие как преюдиция. При применении преюдиции предполагается, что обстоятельства, установленные судом, являются истинными. В настоящее время правила преюдиции не допускают опровержения преюдициально установленных обстоятельств, поэтому презумпция истинности судебного решения является неопровержимой доказательственной презумпцией¹⁰. При этом нельзя не отметить, что вопрос о соотношении презюмируемого факта с преюдициальным фактом в литературе является дискуссионным¹¹, как и вопрос об отнесении преюдициальных фактов к бесспорным¹².

Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица¹³. Признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение его стабильности и общеобязательности, на исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судебного производства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициаль-

⁸ См.: Козлов М. А. Генезис стандартов доказывания в европейской правовой традиции: краткий исторический очерк // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 105–118.

⁹ См., например: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 мая 2014 г. № 1446/14 по делу № А41-36402/2012 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Мацкевич П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. М., 2020. 239 с.

¹¹ См.: Казанбекова Д. Р. Рассмотрение судами споров, связанных с пенсионным обеспечением : научно-практическое пособие / отв. ред. Е. Е. Уксусова. М., 2014.

¹² См.: Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М., 2004.

¹³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 25.12.2023). Ст. 69. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности¹⁴.

Принцип обязательности судебного акта закреплён и в некоторых положениях Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Например, в п. 10 ст. 16 указано, что разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом, а заявления о таких разногласиях подлежат возвращению без рассмотрения, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром¹⁵. При этом анализ позиций высших судов и судебной практики по делам о несостоятельности (банкротстве) показывает, что указанная презумпция «доверия судебным актам других судов» имеет ограниченное применение в делах о банкротстве и суды зачастую отступают от правил преюдиции, установленных процессуальным законодательством.

В качестве примера можно рассмотреть классическую ситуацию, иллюстрирующую различия в степени доверия, оказываемого судами сторонам при рассмотрении общегражданских споров по взысканию задолженности по договору займа и спорах об установлении требования по договору займа в деле о банкротстве.

Нередки случаи, когда организация или гражданин, находясь в предбанкротном состоянии, предвидя потенциальную возможность банкротства, желая сохранить имущество или активы, создает фиктивную задолженность перед «дружественным» кредитором с целью создания «дружественного претендента на последующее распределение конкурсной массы» в банкротстве, а также сохранения контроля над банкротной процедурой. Самым простым способом создания такой задолженности является подписание сторонами фиктивного договора займа (либо выдача долговой расписки).

В рамках общегражданского искового процесса для удовлетворения требования о взыскании задолженности по договору займа, выполненному в простой письменной форме, суду достаточно будет установить факт передачи денежных средств по договору и неисполнение обязанности по их возврату. При этом в качестве фактов, подтверждающих данные обстоятельства, выступают факт выдачи расписки со всеми необходимыми реквизитами заемщиком, факт ее нахождения во владении займодавца на момент рассмотрения спора¹⁶ или факт перечисления денежных средств на банковский счет заемщика либо внесения их в кассу организации. Как правило, получение такого судебного решения, даже при условии наличия аффилированности должника и кредитора, не составляет особой сложности.

В то же время в рамках дела о банкротстве, для того чтобы признать требование обоснованным и включить его в реестр требований кредиторов, доказывания указанных обстоятельств будет уже недостаточно, как и судебного акта о взыскании указанной задолженности. Как указал Высший Арбитражный Суд РФ, при оценке достоверности факта наличия требования, основанного на передаче должнику наличных денежных средств, подтверждаемого только его распиской или квитанцией к приходному кассовому ордеру, суду надлежит учитывать, среди прочего, следующие обстоятельства: позволяло ли финансовое положение кредитора (с учетом его доходов) предоставить должнику соответствующие денежные средства, имеются ли в деле удовлетворительные сведения о том, как полученные средства были истрачены должником, отражалось ли получение этих средств в бухгалтерском и налоговом учете и отчетности и др.¹⁷

Арбитражные суды при рассмотрении заявления о включении подтвержденной вступившим в законную силу судебным актом задолженности в реестр требований кредиторов зачастую

¹⁴ По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко : постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 25.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 апреля 2016 г. Пункт 1 раздела «Разрешение споров, возникающих из договорных отношений». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве : постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 (в ред. от 21.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вообще не принимают во внимание наличие вступившего в законную силу судебного акта в случаях, когда указанный судебный акт был вынесен при признании иска¹⁸ (т. е. без проверки судом фактических обстоятельств дела), либо в случаях, когда между сторонами спора выявлена аффилированность («дружественный кредитор») и злоупотребление правом¹⁹.

Подразумевается, что суд, рассматривающий вопрос о включении требования в реестр, должен будет самостоятельно устанавливать указанные факты в том случае, если они не были установлены судебным актом, на который ссылается кредитор. Однако на практике суды иногда предлагают сторонам повторно представить доказательства указанных обстоятельств даже в том случае, когда эти доказательства ранее были представлены в предшествовавший судебный процесс.

Интерес представляет и тот факт, что в попытке устранения потенциальной конкуренции судебных актов (ситуаций, когда суд в общегражданском процессе установил факт наличия задолженности, а в деле о банкротстве установил факт ее отсутствия) Высший Арбитражный Суд РФ предоставил возможность «экстраординарного обжалования» судебных актов, на основании которых задолженность была заявлена ко включению в реестр требований кредиторов, предоставив такое право как другим кредиторам, участвующим в деле о банкротстве, так и арбитражному управляющему²⁰. Позже Верховный Суд РФ также указал, что в случае такого экстраординарного обжалования в рамках апелляционного (кассационного) производства проверка обоснованности заявленных кредитором требований осуществляется судом более углубленно по сравнению с обычным исковым гражданским процессом²¹.

¹⁸ См., например: постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2019 г. по делу № А18-1153/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ См., например: постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2019 г. по делу № А63-14787/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 (в ред. от 21.12.2017). Пункт 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 сен-

Указанные разъяснения Верховного Суда РФ повлекли за собой ситуацию, когда на практике суды общей юрисдикции стали проводить «углубленную проверку обоснованности искового заявления» в обычных общегражданских спорах (без какого-либо банкротного элемента) – при взыскании крупных задолженностей либо при наличии подозрений в аффилированности сторон спора, повышая таким образом стандарт доказывания без достаточных оснований, проявляя излишнее недоверие добросовестным сторонам правоотношения.

В практике встречаются и случаи, когда после реализации контролировавшим должника лицом права на экстраординарное обжалование в суде общей юрисдикции (которое не увенчалось успехом) арбитражный суд, рассматривающий вопрос о привлечении этого лица к субсидиарной ответственности, всё равно отверг преюдициальность судебных актов трех инстанций, установивших факт наличия задолженности, не посчитав факт наличия задолженности доказанным²².

В качестве другого примера можно привести ситуацию, когда предметом спора являлось взыскание в общегражданском судопроизводстве задолженности по договору займа, заключенному между обществом (заемщиком) и его учредителем (займодавцем). Предмет доказывания в таком споре будет ограничен определением судом факта заключения договора займа, перечисления заявленных сумм от учредителя обществу, наступлением срока исполнения обязательства и факта одностороннего нарушения обязательств по возврату займа. При этом, в случае последующего банкротства указанного общества, учредителю общества будет недостаточно вступившего в законную силу судебного акта для получения тех же правовых гарантий возврата суммы займа, которые он имел бы при исполнении судебного акта вне банкротной процедуры. Чтобы задолженность общества перед участником была включена в реестр требований кредиторов, необходимо будет также доказывать, что требование участника не вытека-

тября 2018 г. № 305-ЭС18-6622 по делу № А40-177314/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² См., например: постановление 19 Арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2023 г. по делу № А14-20172/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ет из факта его участия в обществе²³ (не имеет корпоративного характера, являя собой способ докапитализации). Судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы выбора конструкции займа, привлечения займа именно от аффилированного лица, предоставления финансирования на нерыночных условиях²⁴. В случае недоказанности кредитором-учредителем указанных обстоятельств его требование будет субординировано.

Рассмотрев этот пример через призму доверия, можно отметить, что катализатором развития института субординации стали очевидные злоупотребления со стороны аффилированных с должником лиц, а не догматические соображения и требования справедливости распределения рисков банкротства должника²⁵.

Таким образом, судьи, регулярно сталкиваясь со злоупотреблениями контролирующих должника лиц и аффилированных с должником кредиторов и контрагентов, могут испытывать на себе когнитивное искажение, связанное со снижением доверия не только к участникам споров в делах о банкротстве, но и к участникам других общегражданских и экономических споров. Указанное недоверие иногда может быть обусловлено когнитивным искажением, называемым «эвристикой доступности» – человек склонен интуитивно оценивать частоту или возможность события по легкости, с которой примеры или случаи приходят на ум, т. е. легче вспоминаются²⁶. Поскольку суды часто имеют дело с про-

blemными и спорными ситуациями, где присутствует элемент злоупотребления (что особенно характерно для споров по делам о банкротстве), указанные искажения могут приводить к неверной дифференциации стандартов доказывания, в том числе негативной тенденции к их занижению или завышению²⁷.

Резюмируя, можно отметить, что вследствие некоторой степени правовой неопределенности, выраженной в недостаточной нормативной регламентации четкой системы стандартов доказывания, возникает кризис доверия как со стороны суда, так и со стороны участников процесса, обусловленный потребностью российской правовой науки в доктринальных общетеоретических подходах к анализу вопросов доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве). Таким образом, очевидной представляется и необходимость выявления и формулирования критериев оценки доказательств и создание моделей стандартов доказывания, равно как и системы распределения бремени доказывания в делах о банкротстве.

Библиографический список

Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М. : Городец, 2004.

Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам : актуальные вопросы : монография. М. : Проспект, 2010.

Казанбекова Д. Р. Рассмотрение судами споров, связанных с пенсионным обеспечением : научно-практическое пособие / отв. ред. Е. Е. Уксусова. М. : Норма, Инфра-М, 2014.

Козлов М. А. Генезис стандартов доказывания в европейской правовой традиции : краткий исторический очерк // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3.

Лухманов М. И. Установление фактической причинной связи в деликте // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 86–132. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-5-86-132

Мацкевич П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. М. : Статут, 2020.

Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин А. И. Понижение в очередности (субординация) требований контро-

²³ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 25.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴ См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. № 308-ЭС17-1556(1) по делу № А32-19056/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин А. И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29 января 2020 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9. Специальный выпуск. С. 3–136.

²⁶ См.: Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М., 2003.

²⁷ См.: Лухманов М. И. Установление фактической причинной связи в деликте // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 86–132.

лирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29 января 2020 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9. Специальный выпуск.

Ширяева К. А. Справедливое судебное решение в гражданском судопроизводстве // Администратор суда. 2022. № 2. С. 27–30. DOI: 10.18572/2072-3636-2022-2-27-30

References

Baulin O. V. Onus probandi in causis civilibus. Moscow : Gorodets, 2004.

Magnum dictionarium psychologicum / eds. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. Moscow : PRIM-EVROZNAK, 2003.

Zhilin G. A. No. Iustitia in causis civilibus: quaestiones currents : monograph. Moscow : Prospekt, 2010.

Kazanbekova D. R. Consideratio iudiciorum controversiarum ad provisionem pensionis pertinentium : ductor scientificus et practicus / ed. E. E. Uksusova. Moscow : Norma, Infra-M, 2014.

Kozlov M. A. Genesim de signis testimoniis iuris traditionis Europae : brevis adumbratio historica // Bulletin of Civil Procedure. 2022. No. 3.

Lukhmanov M. I. Constitutio nexus causalis in maleficio // Bulletin Iuris Civilis. 2021. No. 5. P. 86–132. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-5-86-132

Matskevich P. N. Praejudicium in rebus civilibus et administrativis. Moscow : Statutum, 2020.

Miftakhutdinov R. T., Shaydullin A. I. Reductio in prioritatem (subordinationem) affirmationum moderantium debitoris vel personarum cum eo consociatorum in lege Russiae conturbavit. Commentatio scientifica et practica de Recognitione praxis iudicialis in dirimendis controversiis ad constitutionem pertinentibus in decoctionis processibus calumpniis moderandi debitoris et personarum cum eo consociatorum, approbata. A Praeside RF Virium armatorum 29.01.2020 // Bulletin Iustitiae oeconomicae Foederationis Russicae. Supplementum ad Vestibulum Magazine. 2020. No. 9. Specialis proventus.

Shiryaeva K. A. Decus iudicialis decisionis in iudiciis civilibus // Administratoris curiae. 2022. 2. P. 27–30. DOI: 10.18572/2072-3636-2022-2-27-30

Воронежский государственный университет
Горшенев М. А., аспирант кафедры гражданского права и процесса
E-mail: 79204055455@yandex.ru

Поступила в редакцию: 25.03.2024

Для цитирования:

Горшенев М. А. Кризис доверия как фактор, влияющий на доказывание в делах о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/64-79>

Voronezh State University
Gorshenev M. A., Postgraduate Student of the Civil Law and Procedure Department
E-mail: 79204055455@yandex.ru

Received: 25.03.2024

For citation:

Gorshenev M. A. Crisis of confidence as a factor influencing proof in insolvency (bankruptcy) cases // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/64-79>

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
И ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА***

Е. С. Селиванова

Южный федеральный университет

О. В. Дмитриева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

**TRANSFORMATION OF PROPERTY RELATIONS
AND TORT LIABILITY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION
OF SOCIETY AND APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

E. S. Selivanova

Southern Federal University

O. V. Dmitrieva

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Аннотация: делается вывод, что развитие цифровых технологий создает новые объекты, имеющие весьма специфические признаки имущества, а также о наличии оснований для возникновения субъективных цифровых прав на цифровые объекты и необходимости разграничивать понятия «цифровое право» и «цифровая форма имущественного права». Предлагается выделить самостоятельный тип имущественных отношений – цифровые имущественные отношения. Исследуется вопрос о влиянии цифровых технологий (искусственного интеллекта) на гражданско-правовое регулирование имущественных отношений, вытекающих из деликта (деликтной ответственности). Ставится вопрос не только о возможности признания вещей с включенным в них искусственным интеллектом источником повышенной опасности, но и о признании таким источником самой технологии искусственного интеллекта. Предлагается классификация систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровые имущественные отношения, цифровое право, цифровая форма имущественного права, деликтная ответственность, искусственный интеллект.

Abstract: concluded that the development of digital technologies creates new objects that have very specific features of property, as well as the existence of grounds for the emergence of subjective digital rights to digital objects and, the need to distinguish the concepts of "digital right" and "digital form of property right". It is proposed to distinguish an independent type of property relations – digital property. The question of the influence of digital technologies (artificial intelligence) on the civil law regulation of property relations arising from the tort (tort liability) is explored. The question is raised not only about the possibility of recognizing things with artificial intelligence included in them as a source of increased danger, but also about recognizing artificial intelligence technology itself as such a source. A classification of artificial intelligence systems is proposed.

Key words: digital property relations, digital law, digital form of property law, tort liability, artificial intelligence.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

© Селиванова Е. С., Дмитриева О. В., 2024

Новый этап развития общества характеризуется бурным развитием цифровых технологий, оказывающим влияние на все стороны человеческой жизни. Представляется, что влияние цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) на имущественные отношения в целом является позитивным, поскольку позволяет упростить и ускорить совершение множества сделок, легко зафиксировать права на недвижимость, получить нужную информацию для принятия решений о совершении юридически значимых действий и т. д. При этом, конечно же, возникает целый ряд проблем как высокого теоретического характера (например, о понятии и природе цифрового имущества, его места в системе объектов гражданского права, цифровых правах, их видах и содержании, правовом режиме искусственного интеллекта и др.), так и прикладного, в частности связанных с обеспечением надлежащей защиты имущественных прав участников гражданско-правовых отношений, в которых используются цифровые технологии и технологии ИИ. Все эти проблемы находятся в процессе всесторонней активной разработки и вполне решаемы при проявлении к ним достаточного внимания ученых, практиков и, самое главное, государства.

Рассмотрим влияние цифровых технологий и технологий ИИ на гражданско-правовое регулирование имущественных отношений и деликтной ответственности с целью обоснования в системе гражданско-правового регулирования существования особых цифровых имущественных отношений, а также формирования специального состава правонарушения за вред, причиненный применением технологиями ИИ.

В современной научной литературе пристальное внимание уделяется исследованию вопроса влияния цифровых технологий и технологий ИИ на имущественные отношения, в том числе деликтную ответственность. Обращается внимание на то, что развитие цифровых технологий создает новые объекты, имеющие весьма специфические признаки имущества, предопределяющие особенности их оборотоспособности, наследования, фиксации, защиты прав на них. В частности А. А. Карцхия предлагает развернутую классификацию цифровых прав, в которую включает практически все известные разновидности имущественных прав, в том числе вещные

и даже вытекающие из деликтов¹. М. А. Рожкова приходит к выводу, что процесс цифровизации привел к появлению новых виртуальных объектов, для которых требуется разработка новых правовых режимов, а также доктринальная разработка категории «имущественное право»². Н. А. Петраковым предлагается концепция цифрового имущества³. Отдельным аспектам цифровизации посвящено много научных работ, в том числе и монографических⁴. Возможности трансформации таких категорий, как субъект права, правосубъектность, деликтоспособность, формирование правовых режимов в цифровой среде в отношениях с использованием ИИ исследует в своих работах Е. В. Вавилин⁵. Между тем многие ученые не принимают во внимание то, что правовое регулирование осуществляется в первую очередь с целью удовлетворения разнообразных потребностей участников общественных отношений. Новые потребности этой категории участников, возникшие в результате появления цифровых объектов, требуют создания правовых форм их удовлетворения. При этом невозможно создать эти правовые формы, не вникнув предварительно в то, какие именно новые потребности возникают.

¹ См.: Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 26.

² См.: Рожкова М. А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Право цифровой экономики : ежегодник-антология. 2020. № 16 / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М., 2020. С. 17–18.

³ См.: Петраков Н. А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. 2024. № 1.

⁴ См.: Цифровая экономика : актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2024) ; Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б. Цифровизация гражданского оборота : «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. IV / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М., 2023.

⁵ См.: Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта : формирование новых правовых режимов // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2024).

Так, ранее нами был сделан вывод о существовании трех сфер общественных отношений, в которых присутствуют разные виды потребностей, обусловленные процессом цифровизации⁶. Первая – это сфера реально существующих имущественных отношений, участники которых имеют потребность в использовании цифровых технологий для решения своих естественных имущественных потребностей – совершения обычных гражданско-правовых сделок с использованием цифровой формы, выражения своей воли на совершение иных юридически значимых действий, например, на совершение государственной регистрации права на недвижимость или получения в цифровом виде иных государственных услуг, а также и услуг другого характера – образовательных, транспортных, банковских и пр.

Вторая сфера кардинально отличается от первой тем, что она относится не к объективно существующей, а к вымышленной реальности, которая благодаря цифровым технологиям не просто выглядит очень реалистично, но и является доступной для восприятия любых лиц, а не только создателей, посредством применения специальной техники (компьютеров, очков виртуальной реальности, устройств-тренажеров) или традиционными способами – с помощью аудио- и видео-аппаратуры. Такая вымышленная, но объективизированная для ее восприятия третьими лицами с помощью использования цифровых технологий и гаджетов реальность обычно обозначается терминами «виртуальная реальность», «виртуальный мир», «метавселенная».

В качестве третьей сферы можно выделить область взаимодействия и взаимного влияния друг на друга обеих реальностей – материальной и виртуальной, – и данная сфера представляется самой значительной, но и самой проблематичной. Именно в ней нужно будет решать множество вопросов, например, как соотносятся между собой реальное физическое лицо и аватар внутри метавселенной; как быть с системами ИИ, которые уже стали массово использоваться для беспилотного управления транспортными средствами, летательными аппаратами, в том числе военного назначения; кто поне-

сет ответственность за причинение ими вреда? Как собственнику вещи (например, беспилотного автомобиля), в которой использована система ИИ, осуществлять господство над ней, если эта система сама может принимать решения и потенциально может «отказаться» подчиняться собственнику?

Именно в сфере взаимодействия двух реальностей надо искать правовые механизмы, связывающие правовые конструкции реального и виртуального миров, ибо их пересечение уже состоялось и неизбежно будет расширяться.

Первым шагом для исследования трансформационных процессов имущественных отношений под влиянием цифровизации является исследование категорий «цифровое право» и «цифровой объект» как обязательных элементов последних.

Подходы к определению понятий «цифровое право» и «цифровой объект». Цифровая форма имущественного права

Несмотря на то, что понятие «цифровой объект» отсутствует в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁷, анализ ее содержания позволяет сделать вывод, что она признает существование двух видов того, что обобщенно можно назвать цифровым объектом гражданских прав: «цифровой рубль» и «цифровое право». При этом цифровой рубль рассматривается как разновидность безналичных денег, а они, в свою очередь, рассматриваются как разновидность имущественных прав наряду с цифровыми правами. Таким образом, и цифровой рубль, и цифровое право в соответствии со ст. 128 ГК РФ отнесены к категории «иное имущество, в том числе имущественные права».

Полагаем, что такое определение объектов, связанных с цифровизацией имущественных отношений, не является правильным.

Во-первых, в статье никак не разделены понятия «цифровое право» и «цифровая форма имущественного права», а это принципиально важно, поскольку цифровая форма имущественного права не является новой правовой сущностью, а соответственно самостоятельным объектом.

Во-вторых, если цифровое право рассматривается в ст. 128 ГК РФ исключительно как объект

⁶ См.: Селиванова Е. С., Дмитриева О. В. О влиянии цифровизации общества на содержание и гражданско-правовое регулирование имущественных отношений // Вестник Юридического факультета ЮФУ. 2023. Т. 10, № 2. С. 79.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации : федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ в силу с 12.09.2023). URL: <http://pravo.gov.ru>

права, то в ст. 141.1 ГК РФ, в которой, очевидно, этот объект должен получить максимально подробное определение его особенностей, наоборот, дается крайне неудачная и запутанная его характеристика, поскольку подходы к цифровому праву как к объекту переплетены с подходом к нему как к элементу содержания гражданского правоотношения (а именно к субъективному праву как мере возможного поведения управомоченного лица).

Конечно, из известных имущественных прав права обязательственного типа по своей природе могут быть как объектом, так и элементом содержания гражданского правоотношения, но не одного и того же правоотношения одновременно. Если имущественное право требования выступает, например, как предмет договора купли-продажи, то его роль в данном правоотношении – быть объектом другого имущественного права, а именно права требования покупателя о его передаче, обращенного к продавцу. В приведенной конструкции одинаковые по своей обязательственной природе права выступают в разных ипостасях, одно – в качестве объекта данного правоотношения, а другое – в качестве меры возможного поведения управомоченного лица.

Однако в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ устанавливается, что «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и *иные права...*». Что же может подразумеваться в законе под иными правами? В первую очередь, думается, это исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, которые подобно обязательственным правам являются имущественными и оборотоспособными, в силу чего могут выступать объектом гражданского оборота. При этом существуют также имущественные права, не обладающие качеством оборотоспособности, – вещные, неотделимые от своего объекта (вещи), что предопределяет их неспособность быть самостоятельным объектом гражданского правоотношения, а также имущественные права, неразрывно связанные с личностью участника правоотношения, как договорного, так и внедоговорного (деликтного) характера.

Учитывая, что ст. 141.1 ГК РФ не проводит разграничения между такими видами прав, ее формулировка способна ввести в заблуждение относительно того, говорит она о цифровых правах как об объектах правоотношения или как об элементе его содержания (субъективном пра-

ве управомоченной стороны правоотношения). Усиливает впечатление путаницы использование в одном и том же п. 1 ст. 141.1 ГК РФ таких категорий, как содержание и условия осуществления цифрового права (что может относиться к цифровому праву только как к элементу содержания правоотношения), с одной стороны, а с другой – категории распоряжения цифровым правом путем совершения разнообразных сделок с ним (что может относиться к цифровому праву только как к объекту правоотношения). Очевидно, что объект правоотношения нельзя осуществить, но им можно распорядиться, а осуществить можно только субъективное право – элемент содержания правоотношения.

Таким образом, статьи 128 и 141.1 ГК РФ нуждаются в серьезной корректировке прежде всего в разделении категории имущественного права, существующего в цифровой форме, и собственно цифрового права как самостоятельной разновидности имущественных прав (если обнаружится такая необходимость), а также объектов этого права.

Обратимся теперь к иным нормам гражданского права, которые потенциально могут помочь в решении данной задачи.

В ст. 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 11.03.2024) выделяют такой вид цифровых прав, как *утилитарные*, к которым отнесены: «1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг»⁸.

Анализ данного положения приводит к выводу, что под термином «утилитарные цифровые права» закон подразумевает обычные права требования в отношении не вымышленных, а существующих в реальной действительности вещей, выполняющихся в ней работ и оказывающихся услуг, а также исключительных прав на созданные в ней же результаты интеллектуальной деятельности. Это обычные права обязательственного типа отличаются от остальных совершенно аналогичных прав только тем, что

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

договор, на основании которого возникают эти права, заключается с помощью цифровых технологий – в информационной системе. Тем более что, как следует из первого условия возникновения утилитарного цифрового права, цифровая форма сделки конкурирует с иными *формами сделки* – нотариальной и требованием ее государственной регистрации.

Таким образом, утилитарное цифровое право – это не особый самостоятельный вид имущественного права, а цифровая форма субъективного права обязательственного типа (права требования) в отношении вещей, работ, услуг, исключительных прав.

В п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» выделен второй вид цифровых прав – *цифровые финансовые активы*, в качестве которых признаются «денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг...»⁹. Анализ данного положения подталкивает нас к выводу, аналогичному сделанному в отношении утилитарных цифровых прав: под новым термином – цифровые финансовые активы – скрывается не что иное, как то же самое, всем давно и хорошо известное право требования (т. е. право обязательственного типа) в отношении рядовых объектов гражданского права – денег, ценных бумаг, вероятно, долей в уставном капитале корпорации и т. п. (того, что обычно относят к сфере финансов и называют финансовыми активами). В законе оно названо цифровым исключительно по причине его существования в цифровой форме, которая предопределяет особенности его осуществления – только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Таким образом, в данном случае под термином «цифровое право – цифровой финансовый актив» также скрывается не самостоятельная имущественная и правовая сущность, а обычное право требования выплатить денежную сумму или подобные ему права.

В качестве общего вывода следует указать, что и сфера существования утилитарных цифровых прав, и сфера, в которой функционируют цифровые финансовые активы – это обычные, существующие в реальной действительности имущественные отношения, участники которых используют цифровые технологии, поскольку такие технологии существуют, являются удобными и доступными для них.

Различие между утилитарными цифровыми правами и цифровыми финансовыми активами заключается только лишь в объекте права требования, принадлежащего управомоченному лицу: для утилитарных прав – это объекты, не относящиеся к финансам, а для цифровых финансовых активов – наоборот, именно они. Следовательно, ни утилитарные цифровые права, ни цифровые финансовые активы не имеют оснований рассматриваться как специфический цифровой объект, а представляют собой цифровую форму имущественных обязательственных (возможно, также сходных с ними корпоративных) прав.

Обратимся теперь к Федеральному закону от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», которым цифровой рубль введен в качестве новой формы российской валюты¹⁰.

Как уже сказано ранее, ст. 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). Согласно п. 1 ст. 140 ГК РФ, рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации. Платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями.

Таким образом, цифровой рубль охарактеризован как разновидность безналичных денежных средств, а они в свою очередь определены как вид более общей объектной единицы – имущественных прав. При этом обращает на себя внимание то, что согласно ст. 128 ГК РФ цифровой рубль не рассматривается в качестве

⁹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

¹⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

цифрового права. При этом по-прежнему остается открытым вопрос, что же подразумевается в ст. 128 ГК РФ под цифровым правом как объектом, поскольку это не утилитарные цифровые права, не цифровые финансовые активы и не цифровой рубль.

Цифровое право как объект и цифровое право на цифровой объект как самостоятельные имущественные и правовые сущности

Имеет ли вообще смысл говорить о цифровом праве как самостоятельном объекте, имеющем отличительные от всех других объектов признаки?

Полагаем, что такой объект может существовать как самостоятельный только внутри цифровой среды, в метавселенной, в которой присутствуют некие – «как бы» имущественные объекты, возможно, аналогичные существующим в реальности, но способные существовать только в цифровой среде, цифровые в прямом смысле. В таком случае можно представить себе существование неких *цифровых прав как на эти объекты, так и таких, которые сами по себе способны быть объектами (аналогично правам обязательственного характера)*. При этом, как уже говорилось выше, пока не вполне ясно, требуется ли вообще правовое регулирование отношений внутри метавселенных или достаточно пользовательского соглашения, определяющего «правила поведения» внутри информационной системы.

Как ни удивительно, но российское право вступило на путь правового регулирования этой сферы, более того, оно дает нам пример такого собственно цифрового объекта. Это цифровая валюта, определяемая в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹ как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей...». Если такой объект есть, то на него, естественно, должны появиться

ся права, ибо создание такого объекта призвано удовлетворить чью-то потребность и интерес. Для такой ситуации использование термина «цифровое право» представляется совершенно адекватным, поскольку как сами эти объекты, так и, соответственно, права на них, существуют только внутри информационной системы, т. е. в виртуальном, цифровом пространстве. В этом пространстве цифровые права имеют собственное наполнение, становятся самостоятельной имущественной сущностью.

Прежде чем перейти к анализу особенностей цифрового права, понимаемого в таком качестве – *как субъективное право на цифровой объект*, – нужно попытаться определить особенности самих цифровых объектов.

Что же такое цифровой объект? Представляется, что можно выделить следующие его признаки:

1) этот объект должен быть идентифицирован как цифровое имущество, поскольку все упоминаемые в ст. 128 ГК РФ цифровые объекты (цифровые права и цифровой рубль) отнесены к имуществу, конкретно – к «иному имуществу»;

2) исходя из того, что законодатель определил такой вид цифрового имущества, как цифровая валюта, через указание на то, что это «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе», полагаем возможным распространить это определение и на другие виды цифрового имущества, которые существуют, например, в играх – цифровое здание, цифровой автомобиль, цифровая собака, цифровое платье, цифровое право требования уплаты цифровой валюты за приобретение цифрового платья и т. п. Очевидно, что в цифровой среде эти виды «имущества» не могут существовать иначе как в виде «цифрового кода или обозначения», а в реально существующих отношениях, наоборот, в таком виде существовать не могут;

3) цифровое имущество должно обладать всеми признаками объекта гражданского права, а именно способностью удовлетворять потребности участников «гражданского оборота» в метавселенной, т. е. иметь потребительную стоимость, а самое главное – быть способным к участию в обороте, т. е. обладать меновой стоимостью. Иначе будет неясно, для чего законодатель ввел понятие «цифровая валюта», если на нее ничего нельзя приобрести внутри цифровой реальности (метавселенной).

¹¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

Рассмотрим теперь, какими могут быть субъективные цифровые права на цифровые объекты.

Можно предположить, что такими же, как и имущественные права в реальной действительности. Приведенный анализ ст. 141.1 ГК РФ, показавший перепутанность в ней двух возможных значений понятия «цифровое право» – как объекта права и как субъективного права на другой объект – дает основание считать, что законодатель, закрепляя, что цифровые права могут быть как обязательственными, так и иными, имеет в виду цифровое право как субъективное право, а не как объект. Поэтому ничто не препятствует признанию того, что права на цифровое имущество могут быть не только обязательственными, но и, например, вещными.

Таким образом, исходя из того, что собственно цифровая среда – виртуальное пространство, метавселенные – в значительной степени копируют объективно существующую реальность (материальный мир), создается возможность применять к объектам в этой среде и правам на них приблизительно те же подходы, которые используются для регулирования отношений в реальной действительности, применяя прием юридической фикции, например, распространяя на цифровое имущество режим реально существующих вещей и иного имущества, придавая содержанию цифровых прав содержание имущественных прав, существующих в реальной действительности, настолько, насколько в этом есть потребность субъектов этой реальности и возможность применить такой подход, с учетом особенностей цифровой реальности.

Если предлагаемая позиция верна, вероятно, появляются основания говорить о возможности выделения такого вида имущественных отношений, как «цифровые имущественные отношения», поскольку ст. 2 ГК РФ после перечисления существующих упоминает некие «другие имущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Тогда, следуя в фарватере предложенной логики: «цифровые имущественные отношения – цифровое имущество – цифровое право на цифровое имущество», – потребуются внесение изменений в ст. 128 ГК РФ, расшифровывающих категорию «иное имущество» следующим образом: «иное имущество, включающее, в том числе: 1) цифровое имущество; 2) имущественные права в бесцифровой

форме; имущественные права в цифровой форме (бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства (в том числе цифровой рубль); оборотоспособные цифровые права».

С помощью такой формулировки, как представляется, не составит труда провести разграничение имущественных прав, существующих в объективной реальности, но имеющих цифровую форму, и собственно цифровых прав как прав, существующих исключительно в цифровой реальности.

Если придерживаться мнения о возможности использовать прием юридической фикции к регулированию имущественных отношений в цифровой среде, распространяя на цифровые права представления о содержании правомочий и видах имущественных прав, существующих в реальной действительности, неизбежно возникнет вопрос о содержании и классификационных характеристиках субъективных цифровых прав.

Наиболее проблемным в этом контексте выглядит «цифровое вещное право», поскольку его объектом является по сути «невещественная» (с точки зрения реального мира) вещь. Однако если иметь в виду, что такая «невещественная» вещь существует внутри такого же «невещественного» – цифрового, виртуального мира, то, вероятно, для осуществления этого права и его защиты нужно будет найти механизмы, например, наложения ареста на цифровую вещь, обращения на нее взыскания по обязательствам обладателя права, осуществления виндикации и т. д.

Возможно, более целесообразным окажется отойти от понятия «вещное право» и именовать его абсолютным имущественным правом на цифровой нематериальный объект¹². Такая же конструкция подойдет и для созданных в цифровой среде результатов интеллектуальной деятельности и соответственно исключительных прав на них. В этой связи интересно отметить, что в цифровой среде вещи и результаты интеллектуальной деятельности, в объективной реальности имеющие принципиальные различия, могут их утратить благодаря особенностям самого цифрового (невещественного) мира.

Потребность в обороте цифровых объектов поставит также вопрос о системе и особенно-

¹² См.: Рожкова М. А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Право цифровой экономики : ежегодник-антология. М., 2020. № 16. С. 62–76. (Анализ современного права/ IP & Digital law).

стях совершения сделок в цифровой среде, особенностях осуществления как самой передачи цифрового объекта, так и прав на него. Решение этого вопроса, скорее всего, пойдет по пути применения приема фикции как наиболее проверенного и удобного. В этом случае у цифровых миров появится полезная функция: их можно будет использовать в качестве «полигона» для проведения социальных экспериментов, тестирования новых правовых норм и пр., что весьма затруднительно, а иногда и небезопасно в реальной действительности. Таким образом, развитие цифровых технологий может привести к созданию «параллельных цифровых миров» со всеми атрибутами реального мира, включая власть и право.

Следует отметить, что не стоит подчинять таким правилам все цифровые миры, поскольку интерес разработчика может заключаться в полете фантазии при создании «своего мира» им самим, а также его пользователями, в обеспечении полной свободы действий внутри него, в психологической разрядке от пребывания в созданной им иной, возможно лучшей, чем реальная, действительности. Миры, не имитирующие социальные отношения, как представляется, не должны подвергаться излишнему вмешательству государства, а регулироваться только пользовательским соглашением.

Влияние цифровых технологий (ИИ) на гражданско-правовое регулирование имущественных отношений, вытекающих из деликта (деликтной ответственности)

Действующее российское законодательство определяет ИИ как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»¹⁵.

Исходя из данного определения, отметим, что ИИ принципиально не может рассматриваться в качестве субъекта права, поэтому считаем неприемлемым говорить о наличии у него какой-либо правосубъектности, а также способности нести ответственность за причинение вреда.

Технологии ИИ в системе объектов гражданских прав относятся к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, в отношении которых применяется правовой режим соответствующих объектов права интеллектуальной собственности. Это такие виды научно-технической продукции, как программы для ЭВМ, базы данных, изобретения, ноу-хау и др. Отдельно такой объект, как ИИ, гражданское законодательство не выделяет. Однако это может создавать сложности в использовании ИИ как сложного объекта, например, по причине существования разных сроков правовой охраны на включенные в него другие результаты интеллектуальной деятельности. Кроме того, в его создании, как и создании результатов интеллектуальной деятельности, входящих в состав ИИ, принимают участие множество субъектов, и нужно найти адекватный способ защиты прав каждого из них.

Технологической основой применения ИИ в различных сферах человеческой деятельности является его интеграция в физические объекты – робототехнические устройства, программно-аппаратные комплексы, киберфизические системы. Это означает, что ИИ в системе гражданско-правового регулирования относится к двум видам объектов гражданских прав: к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и к физическим объектам (вещам), в которые технологии ИИ интегрированы (например, роботы, дроны, беспилотные устройства и др.). Интеграция технологий ИИ в физические объекты придает им новые качественные характеристики, отличные от обычных вещей, даже таких, которые выступают в качестве материального носителя результата интеллектуальной деятельности. Ключевым отличием представля-

та на период до 2030 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

¹⁵ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. 15.02.2024) (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта»

ются такие признаки ИИ, как возможность самообучения и автономность в конкретных условиях, неспособность воспринимать этические и правовые нормы, слабая интерпретируемость алгоритмов, используемых ИИ, минимальная транспарентность (непрозрачность) принятия решений системами ИИ. Соответственно вещи, в которые интегрирован ИИ, могут оказаться способны к неконтролируемым со стороны человека автономным действиям.

Этот вывод является основанием для того, чтобы поставить вопрос о признании вещей с включенным в них ИИ источником повышенной опасности, поскольку материальным признаком любого источника повышенной опасности является его неполная подконтрольность человеку при наличии высокой способности причинить вред. В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» об этом сказано прямо: «источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека»¹⁴. Мнение о возможности признания ИИ источником повышенной опасности высказывают также авторы монографии «Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам»¹⁵.

При этом очевидно, что не каждая вещь с интегрированным в нее ИИ действительно может причинить вред по причине ее неполной подконтрольности человеку. Например, умная колонка, способная подбирать и включать музыку по просьбе владельца, вряд ли может все-речь рассматриваться как источник повышенной опасности прежде всего по причине того, что она: 1) не автономна от своего владельца; 2) не имеет собственных вредоносных свойств¹⁶.

¹⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3. URL: vsrf.ru/documents/news/etfers/1793/

¹⁵ Искусственный интеллект и право : от фундаментальных проблем к прикладным задачам : монография / Д. П. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. М., 2022. С. 91.

¹⁶ При этом нельзя не обратить внимание на то, что сама по себе колонка, не представляющая опасности для окружающих в плане причинения им имущественного вреда, потенциально все же может создавать угрозы иного рода для своего владельца, например, за счет

Однако эксплуатация таких объектов со встроенным ИИ, которые становятся максимально автономными от человека, такие как беспилотные летательные аппараты, беспилотные транспортные средства, автономные системы управления дорожным движением, движением летательных аппаратов, объектов водного транспорта, автономные системы управления технологическими процессами в сфере электро- и атомной энергетики, химической промышленности соответствующего класса опасности, автономные роботы и устройства в сфере медицины и др., несомненно, имеют все основания быть признанными в качестве источников повышенной опасности, поскольку обладают обоими необходимыми для этого признаками: способностью причинять вред, связанной с неполной подконтрольностью человеку (а в перспективе возможно, и полной автономностью от человека). В связи с этим с целью установления для разных видов объектов с ИИ адекватного их свойствам правового режима требуется дифференцированный подход. Для этого представляется необходимым провести классификацию систем ИИ (и их материальных носителей) с целью применения к ним разных гражданско-правовых режимов с привлечением представителей, занимающихся их разработкой.

Можно выделить как минимум два таких вида: 1) объекты, имеющие признаки источника повышенной опасности; 2) объекты, не имеющие таких признаков. Соответственно, по-разному будут решаться вопросы ответственности их владельцев за причинение такими объектами вреда.

Если объект с ИИ не обладает признаками источника повышенной опасности, ответственность за причинение вреда с использованием таких объектов должна наступать по общим правилам о деликтной ответственности (глава 59, ст. 1064 ГК РФ, т. е. при наличии вины причинителя). Поскольку в гражданском праве действует презумпция вины, доказывать ее наличие истцу,

сбора информации о нем и передачи ее неким третьим лицам, способным использовать ее во вред владельцу колонки. Этот вопрос, как представляется, нуждается в специальном исследовании с точки зрения того, что источником повышенной опасности будет являться уже не вещь и не деятельность по ее эксплуатации, а сама технология ИИ. В этом случае вопрос о субъекте ответственности за причинение вреда, связанного с передачей информации о владельце, приобретает еще более острый характер.

пострадавшему от системы ИИ, не нужно (в противном случае он вряд ли когда-нибудь смог бы получить удовлетворение своего требования). Владелец же системы ИИ, особенно являющийся ее непосредственным разработчиком, лучше осведомлен о ее особенностях, в силу чего при отсутствии его вины в нарушении прав другого лица сможет доказать это в суде и освободиться от ответственности.

Иные подходы к ответственности, а именно предусмотренные в ст. 1079 ГК РФ, должны применяться, если объект с ИИ отвечает признакам источника повышенной опасности. Ответственность в данном случае наступает независимо от вины владельца системы ИИ (как и на основании ст. 1095 ГК РФ, устанавливающей ответственность за вред, причиненный потребителю вследствие недостатков товаров работ или услуг, если они содержат в себе ИИ).

Субъектом ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, является его владелец. В соответствии с п. 2 ст. 1079 ГК РФ владельцами признаются лица, владеющих источником повышенной опасности на основании имеющегося у них вещного права, права аренды, по доверенности на право управления транспортным средством и т. п.

Следует обратить внимание на то, что вообще категория владения применяется к таким объектам гражданских прав, как вещи. Обладание вещью, т. е. максимальное хозяйственное господство в отношении вещи позволяет реализовать ее ценность и удовлетворить соответствующие потребности участников гражданских правоотношений. Между тем ИИ представляет собой сложную систему – программно-аппаратные комплексы, киберфизические системы, состоящие из программ для ЭВМ, технологий, имитирующих когнитивные функции человека, и физические объекты, в которые они интегрированы. Пределы господства владельца физического объекта определяются объемом тех прав, которые ему передал правообладатель технологии ИИ. Важным является и то, кто именно владелец исходного кода программы ИИ, кто обеспечивает корректное функционирование программы, является оператором программы, осуществляет ее поддержку. Фактически все перечисленные лица осуществляют в разном объеме управление, влияние на систему ИИ и контроль. Поэтому вопрос о субъектах ответственности должен иметь более простое решение, например, включать в себя ис-

пользование института солидарной ответственности группы лиц, обеспечивающих поддержку систем ИИ, и лиц, их использующих.

Кроме того, важным представляется и вопрос определения размера ответственности за вред, причиненный системами ИИ, являющимися источниками повышенной опасности. Учитывая, что размер ущерба может быть очень существенным, а значимость развития отрасли ИИ весьма велика для современной экономики, полное возмещение вреда (в размере реального ущерба и упущенной выгоды) может оказаться разорительным для причинителей, что подорвет их способность вести дальнейшую деятельность по разработке и внедрению систем ИИ в отрасли экономики, которые в них нуждаются. Поэтому оптимальным представляется распространение на деятельность по созданию и использованию таких систем режима ограниченной ответственности, определяемой в пределах реального ущерба, в соответствии со ст. 400 ГК РФ, вкупе с участием в возмещении вреда государства, подобно тому, как это предусмотрено в ст. 55 и 57 Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» в отношении лиц, которым радиационным воздействием причинены убытки и вред¹⁷. Закон, помимо установления ограниченной ответственности эксплуатирующей организации за причинение ядерного вреда, возлагает дополнительную обязанность по возмещению на государство в целях возмещения такого вреда в полном объеме.

Как вариант решения проблемы возмещения вреда возможно использовать также институт страхования ответственности владельцев систем ИИ подобно страхованию ответственности владельцев автотранспортных средств. Такой вариант уже обсуждается и даже разработан законопроект № 512628-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций” № 258-ФЗ»¹⁸. В нем предлагается установить для владельцев систем ИИ, которые внедряются в оборот в соответствии с экспериментальным правовым режимом («цифровая песочница»), обязательное страхование гражданско-правовой ответственности за причинение вреда здоровью, жизни или имуществу граждан и юридических лиц при реализации экспе-

¹⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48. Ст. 4552.

¹⁸ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/512628-8>

риментального правового режима, в частности при использовании решений, созданных с применением систем ИИ. В данном законопроекте закрепляется обязанность субъектов экспериментальных правовых режимов вести реестр лиц, вступающих с ними в правоотношения, размещать в данном реестре информацию о лицах, которые применяют технологии ИИ, а также вести реестр правообладателей результатов интеллектуальной деятельности. Предлагается создавать комиссии по выявлению обстоятельств, в результате которых применением ИИ был причинен вред, из представителей уполномоченного и регулирующего органов, предпринимательского сообщества, а также иных заинтересованных лиц.

Представляется, что обязательное страхование гражданско-правовой ответственности причинения вреда применением систем ИИ является одним из наиболее эффективных способов минимизации негативных последствий причинения вреда, однако эффективность его будет разной для разных сфер применения систем ИИ. В тех областях, где вероятность применения масштабного вреда (например, экологического) велика, лучше использовать механизм ограниченной ответственности владельца в совокупности с компенсацией остальной части вреда (убытков) со стороны государства из специально созданных фондов. В тех же сферах, где возможный вред не является неподъемным для возмещения, более удобным будет обязательное страхование ответственности владельца систем ИИ.

Учитывая многообразие технологий и систем ИИ, сфер деятельности, в которых они применяются, а также для стабилизации гражданского оборота и обеспечения правовой определенности целесообразным представляется принятие специального нормативного-правового акта, регламентирующего правовой режим и особенности использования технологий и систем ИИ в гражданском обороте.

Гражданское законодательство РФ в части регулирования имущественных отношений, на которые оказало влияние развитие цифровых технологий, имеет два существенных недостатка, мешающих создать адекватную правовую форму их функционирования:

- в нем не разграничены понятия «имущественное право в цифровой форме», а также собственно «цифровое право» в качестве самостоятельной разновидности имущественных прав;

- смешаны представления о цифровом праве как объекте гражданского правоотношения и цифровом праве как элементе содержания гражданского правоотношения, а именно субъективном праве, принадлежащем управомоченному лицу.

Имущественные права в цифровой форме, к которым по действующему законодательству можно отнести утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровой рубль, принадлежат к сфере обычных, существующих в реальной действительности имущественных отношений, участники которых для осуществления этих прав используют цифровые технологии, поскольку такие технологии существуют, являются удобными и доступными для них, поэтому имущественные права в цифровой форме не являются новой имущественной и правовой сущностью, возникшей в процессе цифровизации.

Собственно цифровое право – это право на цифровой объект. И цифровые объекты, и цифровые права на них принадлежат исключительно к сфере цифрового, виртуального пространства (метавселенным) при условии, что внутри этого пространства имитируются общественные (в том числе имущественные) отношения. Цифровой объект является имущественной сущностью, т. е. цифровым имуществом. Он способен существовать только внутри цифрового пространства в виде «цифрового кода или обозначения» и должен обладать свойством оборотоспособности. Оборотоспособное цифровое право является видом цифрового имущества и объектом цифровых имущественных отношений.

Понятие, признаки и виды цифрового имущества должны быть закреплены в законодательстве. На сегодняшний день в законодательстве нашел закрепление один вид цифрового имущества – цифровая валюта.

Содержание и виды цифровых прав на цифровые объекты аналогичны имущественным правам в реальной действительности. Исключение могут представлять вещные и исключительные права, которые в условиях цифровой реальности теряют различия, в связи с чем могут быть объединены общим названием «абсолютное имущественное цифровое право».

Сделанные теоретические выводы обнажают необходимость конкретизации категории «иное имущество», содержащейся в ст. 128 ГК РФ. Предлагаем внести в нее изменения следующие:

го содержания: «иное имущество, включающее в том числе: 1) цифровое имущество; 2) имущественные права в бесцифровой форме; имущественные права в цифровой форме (бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства (в том числе цифровой рубль); оборотоспособные цифровые права».

Статья 141.1 ГК РФ также нуждается в совершенствовании в направлении разделения в ней подходов к цифровому праву как виду цифрового имущества и как к субъективному праву на другие цифровые объекты. Предлагаем сформулировать ее следующим образом.

«1. Цифровыми правами на цифровые объекты признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление таких прав возможно только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

2. Оборотоспособные цифровые права являются цифровым имуществом. Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо.

Распоряжение или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву».

Считаем возможным рассматривать материальные объекты, в которые интегрирован ИИ, в качестве источников повышенной опасности, учитывая наличие у ИИ свойств, способных привести к совершению данным объектом неконтролируемых человеком, автономных действий, в том числе причиняющих вред.

Определение размера и способы возмещения вреда, причиненного ИИ, должны различаться в зависимости от сферы применения материальных объектов с интегрированным ИИ.

В тех сферах, где вероятность применения масштабного вреда (например, экологического) велика, предпочтительно использовать ме-

ханизм ограниченной ответственности владельца в совокупности с возмещением остальной части вреда (убытков) со стороны государства из специально созданных для этой цели фондов. В тех же областях, где возможный вред не является неподъемным для возмещения, более удобным будет применения обязательного страхования ответственности владельца систем ИИ.

Библиографический список

Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта : формирование новых правовых режимов // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6.

Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б. «Цифровизация гражданского оборота» ; «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. IV / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. С. 336.

Искусственный интеллект и право : от фундаментальных проблем к прикладным задачам : монография / Д. П. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. М. : Проспект, 2022. С. 104.

Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

Петраков Н. А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. 2024. № 1.

Рожкова М. А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Право цифровой экономики : ежегодник-антология. М., 2020. № 16. С. 62–76. (Анализ современного права/ IP & Digital law).

Селиванова Е. С., Дмитриева О. В. О влиянии цифровизации общества на содержание и гражданско-правовое регулирование имущественных отношений // Вестник Юридического факультета ЮФУ. 2023. Т. 10, № 2. С. 74–80.

Цифровая экономика : актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

Vavilin E. V. Transformation of civil-law and procedural relations with the use of artificial intelligence : formation of new legal regimes // Herald of civil procedure. 2021. No. 6.

Vasilevskaya L. Y., Poduzova E. B. “Digitalization of civil turnover”; “artificial intelligence” and technolo-

gies of “artificial intelligence” in the mechanism of contractual regulation (civilistic research) : monograph : in 5 vol. Vol. IV / ex. ed. L. Y. Vasilevskaya. Moscow : Prospekt, 2023. С. 336.

Kartskhiya A. A. Civil law model of regulation of digital technologies : dis ... cand. legal. sci. Moscow, 2019.

Artificial intelligence and law : from fundamental problems to applied tasks : monograph / D. P. Kuteynikov, O. A. Izhaev, S. S. Zenin, V. A. Lebedev. Moscow : Prospekt, 2022. P. 91.

Petrakov N. A. The concept of digital property as an object of civil rights // *Civilist*. 2024. No. 1.

Rozhkova M. A. Property rights to new intangible objects in the system of absolute rights // *Digital Economy Law : annual anthology*. 2020. 16. Moscow : Statute, 2020. 442 p.

Selivanova E. S., Dmitrieva O. V. On the impact of digitalization of society on the content and civil law regulation of property relations // *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023. Vol. 10, no. 2. P. 74–80.

Digital economy : current directions of legal regulation : scientific and practical manual // eds. I. I. Kuchеров, S. A. Sinitsyn ; Institute of Law and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. 2021. Access from «ConsultantPlus».

Южный федеральный университет

Селиванова Е. С., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права
E-mail: esselivanova@sfedu.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Дмитриева О. В., кандидат юридических наук, доцент департамента частного права, факультет права

E-mail: prok.dmitriev@yandex.ru

Поступила в редакцию: 31.05.2024

Для цитирования:

Селиванова Е. С., Дмитриева О. В. Трансформация имущественных отношений и деликтной ответственности в условиях цифровизации общества и применения искусственного интеллекта // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 80–92. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/80-92>

Southern Federal University

Selivanova E. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Civil Law Department
E-mail: esselivanova@sfedu.ru

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Dmitrieva O. V., Associate Professor of the Department of Private Law, Faculty of Law
E-mail: prok.dmitriev@yandex.ru

Received: 31.05.2024

For citation:

Selivanova E. S., Dmitrieva O. V. Transformation of property relations and tort liability in the conditions of digitalization of society and application of artificial intelligence // *Proceedings of Voronezh State University*. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 80–92. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/80-92>

ПРИКАЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

А. В. Кочетков

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

WRIT PROCEEDINGS IN ARBITRATION PROCESS

A. V. Kochetkov

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Аннотация: в судебно-арбитражной практике реализации норм института приказного производства выявляются отдельные проблемы, которые требуют научного анализа и предложений по их разрешению. Целью статьи является комплексное исследование проблематики приказного производства в арбитражном процессе и формулирование практически значимых предложений. Автором рассматриваются законодательные новеллы, в том числе изменения «пороговых» значений размера требований, подлежащих разрешению в порядке приказного производства, ограничиваются требования, подлежащие рассмотрению в порядке упрощенного производства, анализируются возвращение и отказ в принятии заявлений о выдаче судебного приказа, отмена судебных приказов. Предлагаются решения для случаев поступления возражений должника по истечении установленного срока, но до вынесения судебного приказа, а также когда заявленное требование и представленные заявителем подтверждающие документы разнятся по сумме в сторону уменьшения. Приводятся аргументы, в том числе статистические данные, подтверждающие востребованность института приказного производства, делается вывод о его эффективности.

Ключевые слова: арбитражный процесс, приказное производство, судебный приказ, исполнительный документ, отмена судебного приказа, эффективность арбитражного процесса.

Abstract: in the judicial and arbitration practice of implementing the norms of the institute of writ proceedings, individual problems are identified that require scientific analysis and proposals for their resolution. The purpose of the article is a comprehensive consideration of the problems of writ proceedings in the arbitration process and the formulation of practically significant suggestions. The author examines legislative changes in the «threshold» values of the size of claims subject to resolution in the order of summary proceedings. He proposes an increase in the corresponding values in cases of collection of mandatory payments and sanctions, limits the claims subject to consideration in the order of simplified proceedings. He also analyzes the return and refusal to accept applications for the issuance of a court order and the cancellation of court orders. Solutions are proposed for cases where the debtor's objections are received after the established period has expired, but before the court order is issued, as well as when the stated claim and the supporting documents submitted by the applicant differ in amount towards a decrease. Arguments are given, including statistical data, confirming the demand for the institution of writ proceedings, and a conclusion is made about its effectiveness.

Key words: arbitration process, writ proceedings, court order, writ of execution, cancellation of court order, effectiveness of arbitration process.

Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» с 1 июля 2016 г. была введена в действие глава 29.1 АПК РФ «Приказное производство».

Приказное производство является еще одним видом (формой) упрощенного судопроизводства в арбитражном процессе наряду с собственно упрощенным производством, процессуальной особенностью которого является за-

ведомое отсутствие спора¹. Введение приказного производства находится в русле тенденций по унификации гражданского и арбитражного процесса (в данном случае – посредством заимствования одного из правовых институтов) и вызвано нецелесообразностью использования иной процессуальной формы для рассмотрения и разрешения по существу определенных так называемых бесспорных и малозначительных требований, как частного, так и публичного характера. Примечательно, что этот перечень значительно уже, чем установлен аналогичным институтом гражданского процессуального права². К указанным требованиям, относятся:

1) требования, которые вытекают из неисполнения или ненадлежащего исполнения договора и основаны на представленных взыскателем документах, устанавливающих денежные обязательства, которые должником признаются, но не исполняются, если цена заявленных требований не превышает семьсот пятьдесят тысяч рублей³;

2) требования, которые основаны на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта, если цена заявленного требования не превышает 750 тыс. руб.;

3) требования о взыскании обязательных платежей и санкций, если общий размер подлежащей взысканию денежной суммы не превышает 100 тыс. руб.

Во всех случаях помимо критерия бесспорности указанные требования должны соответствовать и критерию малозначительности, для чего в АПК РФ установлены «пороговые» значения размера требования. При этом по первым двум категориям дел законодатель значительно повысил размер указанного «порогового» значения, что является одной из новелл данного института⁴. Указанный перечень оснований

для выдачи судебного приказа имеет исчерпывающий характер.

Дела, по которым выдается судебный приказ, необходимо отграничивать от дел, подлежащих рассмотрению в упрощенном производстве. Так, согласно подп. 1 п. 2 ст. 227 АПК РФ в порядке упрощенного производства рассматриваются дела по искам, основанным на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору, за исключением дел, рассматриваемых в порядке приказного производства.

Следовательно, при наличии документов, устанавливающих денежные обязательства, которые должником признаются, но не исполняются, если требования вытекают из договора и если цена заявленного требования не превышает 750 тыс. руб., должна применяться процессуальная форма приказного производства. Если же доказательства бесспорности отсутствуют или имеет место внедоговорное денежное обязательство или сумма требований по договорному обязательству юридических лиц превышает 750 тыс. руб., но меньше 1 млн 200 тыс. руб., – дело подлежит рассмотрению в упрощенном производстве.

В отношении требований, основанных на опротестованном векселе, установлено следующее: если цена заявленного требования не превышает 750 тыс. руб., применяется приказное производство, если свыше 750 тыс. руб. – упрощенное производство. Другое дело, что число соответствующих дел по всей арбитражной системе за год исчисляется несколькими сотнями, при этом в большинстве арбитражных судов таких дел нет вообще либо они носят единичный характер. Поэтому разделение их рассмотрения на два возможных производства, по мнению автора, представляет пример своеобразного мелкотемья со стороны законодателя.

В отношении требований о взыскании обязательных платежей и санкций разграничение осуществлено следующим образом: если цена заявленного требования не превышает 100 тыс. руб., имеет место приказное производство, если от 100 тыс. руб. до 200 тыс. руб. – упрощенное производство, если свыше 200 тыс. руб., – производство по делам, вытекающим из административных и иных публичных правоотношений. Таким образом, одна категория дел – о взыска-

¹ См.: Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

² Статья 122 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

³ В пределах верхнего порога требований должна быть вся сумма долга, как сумма основного долга, так и суммы процентов и неустоек.

⁴ Пункт 21 Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».

нии обязательных платежей и санкций, несмотря на однотипность соответствующих экономических споров, рассматривается в трех различных процессуальных формах в зависимости от размера требования.

В приказном производстве не рассматриваются требования о возмещении убытков, причиненных неисполнением (ненадлежащим исполнением) договора, о компенсации морального вреда, расторжении договора, признании сделки недействительной, привлечении к административной ответственности, требования кредиторов, которые могут быть предъявлены только в рамках дела о банкротстве⁵.

Сама процедура приказного производства не является революционной, так как за образец был взят соответствующий порядок, применяемый в гражданском процессе. Заявление о выдаче судебного приказа подается в арбитражный суд по общим правилам подсудности. Указанное заявление и прилагаемые к нему документы должны соответствовать требованиям к его форме и содержанию согласно ст. 229.3 АПК РФ. В последние годы последовательно увеличивается число заявлений о выдаче судебного приказа, подаваемых в электронном виде – посредством сервиса «Мой арбитр».

На практике иногда возникают вопросы, нужно ли при подаче заявления о выдаче судебного приказа прикладывать доказательства соблюдения претензионного порядка урегулирования спора. Верховный Суд России разъяснил, что принятия мер к досудебному урегулированию до обращения в арбитражный суд с заявлением о выдаче судебного приказа не требуется⁶. Подобный подход представляется логичным, так как заявителем должны быть приложены доказательства отсутствия спора как такового, что исключает необходимость его досудебного урегулирования.

По результатам рассмотрения заявления о выдаче судебного приказа арбитражный суд вы-

носит один из следующих судебных актов: судебный приказ, определение о возвращении заявления о выдаче судебного приказа или определение об отказе в принятии заявления о выдаче судебного приказа⁷.

Арбитражный суд возвращает заявление о выдаче судебного приказа в случае нарушения требований к форме и содержанию заявления о выдаче судебного приказа, а также в случаях, если:

- 1) дело неподсудно данному арбитражному суду;
- 2) не представлены документы, подтверждающие обоснованность требования взыскателя;
- 3) отклонено ходатайство о предоставлении отсрочки, рассрочки уплаты государственной пошлины или об уменьшении ее размера;
- 4) от взыскателя поступило ходатайство о возвращении заявления о выдаче судебного приказа⁸.

Например, арбитражный суд возвращает соответствующее заявление, если в нем не указаны сведения, предусмотренные ст. 229.3 АПК РФ, или, если заявление подано с нарушением правил подсудности, или не представлены документы, подтверждающие наличие обязательства и наступление срока его исполнения.

Кроме того, арбитражный суд возвращает заявление о выдаче судебного приказа:

- если отклонено ходатайство о предоставлении отсрочки, рассрочки, об уменьшении размера государственной пошлины, об освобождении от ее уплаты;
- если требования взыскателя вытекают из неисполнения или ненадлежащего исполнения нескольких договоров, за исключением требований к солидарным должникам, например, к основному должнику и поручителям;
- если в заявлении о выдаче судебного приказа содержатся требования к нескольким должникам, обязательства которых являются долевыми;

⁵ Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

⁶ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

⁷ В соответствии с п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного кодекса Российской Федерации о приказном производстве» определения об оставлении заявления без движения, определения о прекращении производства и об оставлении заявления без рассмотрения в приказном производстве не выносятся.

⁸ Статья 229.3, п. 1 ст. 229.4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

– если сумма, указанная взыскателем, больше суммы, подтверждаемой приложенными документами;

– если выявлены обстоятельства, являющиеся основаниями для оставления искового заявления (заявления) без рассмотрения (п. 1, 4–7 ч. 1 ст. 148, ч. 5 ст. 3 АПК РФ)⁹.

Федеральным законом от 19 декабря 2016 г. № 435-ФЗ приказное производство было дополнено институтом отказа в принятии заявления о выдаче судебного приказа. Это позволило арбитражным судам оперативно и окончательно отсеивать заведомо неприемлемые заявления, тем самым реализуя принцип процессуальной экономии.

Арбитражный суд отказывает в принятии заявления о выдаче судебного приказа в случаях, если:

1) заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в арбитражном суде;

2) имеется вступивший в законную силу принятый по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям судебный акт компетентного суда или решение третейского суда;

3) заявлено требование, не относящееся к делам приказного производства;

4) место жительства или место нахождения должника находится вне пределов Российской Федерации;

5) из заявления о выдаче судебного приказа и приложенных к нему документов усматривается наличие спора о праве¹⁰.

В соответствии с п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного кодекса Российской Федерации о приказном производстве» арбитражный суд также отказывает в принятии заявления о выдаче судебного приказа в случаях:

– если сумма заявленного требования либо общая сумма нескольких требований, указан-

ных в одном заявлении, превышает установленные пределы;

– если наряду с требованиями, предусмотренными ст. 229.2 АПК РФ, заявлены иные требования, не предусмотренные указанной статьей (например, о расторжении договора, взыскании морального вреда);

– если заявлением о выдаче судебного приказа и прилагаемыми к нему документами затрагиваются права и законные интересы иных кроме взыскателя и должника лиц¹¹;

– если выявлены обстоятельства, являющиеся основаниями прекращения производства по делу (ст. 150, ч. 5 ст. 3 АПК РФ).

О возвращении заявления о выдаче судебного приказа или об отказе в его принятии арбитражный суд в течение трех дней со дня поступления этого заявления в суд выносит определение, которое может быть обжаловано¹².

Несмотря на норму, устанавливающую трехдневный срок для вынесения соответствующего определения, как представляется, в случае поступления возражений должника из которых следует, что имеются основания для отказа в принятии заявления о выдаче судебного приказа, соответствующее определение следует выносить, даже если возражения поступили по истечении указанного срока, но до вынесения судебного приказа.

Возвращение заявления о выдаче судебного приказа не является препятствием для повторного обращения взыскателя в арбитражный суд с заявлением к тому же должнику, с тем же требованием и по тем же основаниям после устранения допущенного нарушения. Отказ в принятии заявления о выдаче судебного приказа препятствует повторному обращению в арбитражный суд с заявлением к тому же должнику, с тем же требованием и по тем же основаниям¹³.

¹¹ Наличие солидарных, долевых должников или иных лиц, предоставивших обеспечение, требования к которым не предъявляются в заявлении о выдаче судебного приказа, не является основанием для отказа в принятии такого заявления.

¹² Пункт 4 ст. 229.4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

¹³ Пункт 4 ст. 127.1, п. 2 ст. 229.4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации; пункты 20–21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

⁹ Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

¹⁰ Статья 127.1, п. 3 ст. 229.4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Определение о возвращении заявления о выдаче судебного приказа и определение об отказе в принятии заявления о выдаче судебного приказа могут быть обжалованы в общем порядке (ст. 188 АПК РФ), но в сокращенные сроки. По аналогии со ст. 332 ГПК РФ в соответствии с п. 5 ст. 3 АПК РФ установлен пятнадцатидневный срок на обжалование указанных определений¹⁴. Таким образом, в данном случае речь идет о субсидиарном правоприменении.

В первоначальной редакции главы 29.1 АПК РФ содержалась норма о необходимости вынесения определения о принятии заявления о выдаче судебного приказа к производству, что неоправданно усложняло данную процедуру и не соответствовало природе данной процессуальной формы. Но законодатель быстро скорректировал свою позицию, исключив необходимость вынесения соответствующего определения.

В науке высказывались разные мнения о правовой природе судебного приказа, а именно – является ли судебный приказ актом правосудия или нет¹⁵. Автор полагает, что нужно руководствоваться легальной дефиницией. Так, АПК РФ определяет судебный приказ как судебный акт, вынесенный судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм по требованиям взыскателя, предусмотренным АПК РФ¹⁶. Судебный приказ является одновременно исполнительным документом. Таким образом, судебный приказ имеет двуединую природу, являясь и судебным актом, с соответствующими свойствами законной силы, и исполни-

тельным документом, что призвано ускорить исполнение содержащихся в нем индивидуальных властных предписаний.

Содержание судебного приказа установлено в ст. 229.6 АПК РФ и унифицировано с гражданским процессуальным законодательством (ст. 127 ГПК РФ). Структурно он состоит из вводной, мотивировочной и резолютивной частей; описательная часть в данном правоприменительном акте отсутствует. Так как судебный приказ приобрел статус исполнительного документа, то в нем необходимо указывать данные, обязательные для указания в исполнительных документах. Соответствующие требования закреплены в ст. 13 Федерального закона от 2 сентября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». По своему содержанию указанные требования совпадают с требованиями, предъявляемыми к судебному приказу как судебному акту, и не требуют указания судом дополнительных данных.

Судебный приказ по делам приказного производства выносится арбитражным судом в течение десяти дней со дня поступления заявления о выдаче судебного приказа в арбитражный суд без вызова сторон и без проведения судебного разбирательства¹⁷.

То есть суд исследует изложенные в заявлении о выдаче судебного приказа и приложенных к нему документах сведения в обоснование позиции взыскателя, в том числе доказательства признания долга, и выносит судебный приказ на основании представленных документов. Как таковое прямое признание долга встречается не так часто, но признание долга может следовать и из наличия акта сверки, подписанного уполномоченными лицами сторон и заверенного их печатями, из гарантийного письма и др.

Руководствуясь принципом диспозитивности, требование взыскателя следует рассматривать как признаваемое должником и подлежащее рассмотрению в порядке приказного производства и в том случае, когда заявленное требование и представленные заявителем подтверждающие документы разнятся по сумме в сторону уменьшения. Это, например, может быть связано с сознательным выбором взыскателем ускоренной процедуры защиты даже в ущерб размеру взыскиваемой суммы.

¹⁷ Пункт 2 ст. 229.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

¹⁴ Пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного кодекса Российской Федерации о приказном производстве»

¹⁵ См.: Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве. М., 2010. С. 233–257; Кулик Т. Ю. Приказное производство в арбитражном процессе // Северо-Кавказский юрид. вестник. 2016. № 3. С. 121; Туманов Д. А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 13–20.

¹⁶ Пункт 1 ст. 229.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. См. также: пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

Законодательство не содержит императивной нормы, указывающей на обязательную дату выдачи судебного приказа, а, как было указано выше, устанавливает период – «в течение десяти дней со дня поступления заявления о выдаче судебного приказа в арбитражный суд». Дата определяется в каждом конкретном случае судьей, в производстве которого находится заявление о выдаче судебного приказа.

Между тем в целях минимизации случаев вынесения в дальнейшем дополнительно судебного акта (определения) об отмене судебного приказа в связи с поступившими в адрес суда возражениями должника при определении даты выдачи судебного приказа видится целесообразным вынесение судебного приказа в последний день срока, установленного п. 2 ст. 229.5 АПК РФ.

Судебный приказ выполняется в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, и в двух экземплярах на бумажном носителе. Судебный приказ размещается на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее следующего дня после дня его вынесения.

Копия судебного приказа в пятидневный срок со дня вынесения судебного приказа высылается должнику, который в течение десяти дней со дня ее получения вправе представить возражения относительно исполнения судебного приказа¹⁸.

Судебный приказ подлежит отмене судьей, если от должника (одного из солидарных должников) в установленный срок поступят возражения относительно его исполнения¹⁹.

Определение об отмене судебного приказа не обжалуется. При этом следует отметить безмотивный характер указанных возражений, что вытекает из природы института судебного приказа, которому имманентна бесспорность, хотя данное обстоятельство существенно влияет на число выдаваемых судебных приказов и вызывает неопределенность – будет ли выдан судебный приказ или соответствующему лицу придется обращаться с иском заявлением.

Следует также обратить внимание, что соответствующая отмена судебного приказа – это не отмена судебного акта в порядке пересмотра су-

дом вышестоящей инстанции, а отмена самим судьей в связи с тем, что выяснилось отсутствие бесспорного характера требования. Такая отмена не влияет на показатели качества отправления правосудия судьи, так как отсутствует судебная ошибка.

В определении суда об отмене судебного приказа разъясняется, что заявленное взыскателем требование может быть предъявлено в порядке искового производства либо производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений²⁰.

Если возражения должника относительно исполнения судебного приказа поступят в период, когда судья, принявший судебный приказ, временно отсутствует, например в связи с болезнью, отпуском, командировкой, то так как речь идет о совершении процессуальных действий, не терпящих отлагательства, определение об отмене судебного приказа должно выноситься судьей по взаимозаменяемости.

В случае если возражения должника поступили в суд по истечении установленного срока, они не рассматриваются арбитражным судом и возвращаются определением лицу, которым они были поданы, за исключением случая, если это лицо обосновало невозможность представления возражений в установленный срок по причинам, не зависящим от него²¹. Следовательно, в данном случае законодатель использует более жесткую формулировку соответствующей правовой нормы: должник, подающий ходатайство о восстановлении пропущенного срока на представление возражений, должен обосновать не просто наличие уважительных причин, а доказывать, что соответствующие причины не зависели от него.

Буквальное толкование нормы п. 5 ст. 229.5 АПК РФ позволяет сделать вывод, что арбитражный суд не вправе отменять судебный приказ, если возражения представлены не должником, а иным лицом. При этом в судебной практике встречаются примеры, где в исключительных случаях суды отменяют судебные приказы по заявлениям иных лиц (№ А14-21270/2021, А14-21271/2021, А14-21273/2021). В указанных случаях судебные приказы отменены по заявлениям предполагаемых правопреемников безвестно

¹⁸ Пункт 3 ст. 229.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

¹⁹ Пункт 4 ст. 229.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

²⁰ Пункт 4 ст. 229.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

²¹ Пункт 5 ст. 229.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

отсутствующего (предположительно умершего) лица. Поскольку ординарный порядок отмены судебного приказа, предусмотренный ч. 4 ст. 229.5 АПК РФ, не предполагает проверку обстоятельств правомерности вынесения данного судебного акта, суд посчитал, что он может быть реализован, в том числе заинтересованными лицами (например, наследниками должника), которых непосредственно может затронуть исполнение вынесенного в отношении должника судебного приказа. При этом отмена судебного приказа не лишает взыскателя права на предъявление соответствующих требований в порядке искового производства в компетентный суд.

Если в установленный срок должником не представлены возражения, взыскателю выдается второй экземпляр судебного приказа, заверенный гербовой печатью суда, для предъявления его к исполнению. Данный экземпляр судебного приказа по ходатайству взыскателя может быть направлен судом для исполнения на бумажном носителе или в форме электронного документа. Первый экземпляр судебного приказа остается в материалах дела.

Судебный приказ может быть направлен судом для исполнения в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью²². Указанные нормы, в том числе позволяют снизить временные затраты, связанные с изготовлением исполнительного листа, и ускоряют направление исполнительного документа на исполнение.

Важным изменением, еще более упростившим судопроизводство в соответствующей части стала новая редакция ч. 8 ст. 229.5 АПК РФ, согласно которой судебный приказ приобрел статус исполнительного документа не только в отношении собственно просуженной задолженности, но и в отношении взыскания государственной пошлины в доход бюджета. Это новелла важна с точки зрения процессуальной экономии и уменьшения объема работы сотрудников аппаратов арбитражных судов. Она позволяет изготавливать дополнительный экземпляр судебного приказа с указанием на то, что данный исполнительный документ подлежит исполнению в части взыскания государственной пошлины, и направлять его судом судебному приставу-исполнителю.

Как представляется, указанные изменения должны быть отражены и в локальных актах арбитражных судов, прежде всего в их инструкциях по делопроизводству. К сожалению, Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций) от 25 декабря 2013 г. длительное время не менялась и в ней отсутствует отдельная глава, посвященная особенностям судебного делопроизводства по делам приказного производства.

Согласно п. 1.1. ст. 13 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» в исполнительном документе, содержащем требование о взыскании задолженности по платежам в бюджет, должны содержаться уникальный идентификатор начисления (далее – УИН) и информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов, предусмотренными законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе.

Таким образом, при выдаче судебных приказов арбитражный суд указывает в тексте судебного приказа отдельно УИН по взыскиваемой задолженности (в случаях, когда задолженность взыскивается в доход бюджета) и отдельно УИН для взыскания государственной пошлины в доход бюджета. В арбитражных судах в настоящий момент реализована возможность генерации УИН в электронном виде по запросу суда с целью указания их в судебных приказах, исполнительных листах на взыскание государственной пошлины в доход федерального бюджета.

Судебный приказ вступает в законную силу по истечении срока для представления возражений относительно его исполнения. Судебный приказ может быть обжалован в арбитражный суд кассационной инстанции в общий срок подачи кассационной жалобы и пересмотрен по правилам производства в суде кассационной инстанции (глава 35 АПК РФ) с особенностями, установленными в ст. 288.1 АПК РФ²³. Таким образом, законодатель высказал свою позицию относительно вопроса о наличии у судебного приказа свойств законной силы.

Кассационная жалоба на судебный приказ рассматривается судьей кассационной инстанции единолично и, как правило, без вызова сторон. Но суд может и вызвать лиц, участвующих

²² Пункт 6 ст. 229.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

²³ Пункты 10–11 ст. 229.5 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

в деле, в судебное заседание с учетом характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов кассационной жалобы и возражений относительно кассационной жалобы.

Судебный приказ может быть отменен судом кассационной инстанции только при наличии существенных нарушений норм материального и (или) процессуального права, которые повлияли на исход приказного производства и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов взыскателя или должника. Также судебный приказ может быть отменен, если суд кассационной инстанции усмотрит наличие спора о праве²⁴.

Возможность обжалования судебного приказа в кассационном порядке представляется дискуссионной. При наличии возможности отмены судебного приказа по безмотивному заявлению, что позволяет восстановить статус кво, право на его кассационное обжалование может быть квалифицировано как избыточная процессуальная гарантия. Во всяком случае, данный вопрос может быть вынесен на обсуждение.

Следует обратить внимание на тот факт, что в АПК РФ отсутствует специальное регулирование вопроса возмещения судебных расходов при отмене судебного приказа на основании возражений должника. Видимо, законодатель исходит из того, что судебное разбирательство при вынесении судебных приказов не проводится, следовательно, судебные издержки возникнуть не могут. В то же время, в литературе высказывалось мнение, что «право участника арбитражного процесса на подачу заявления о взыскании судебных издержек не ставится в зависимость от вида процессуального акта, которым завершается рассмотрение дела»²⁵.

Одной из правоприменительных проблем являются случаи подачи так называемыми фирмами-«однодневками» заявлений о выдаче судебных приказов с приложением сфальсифицированных документов. Данное обстоятельство повышает требования, прежде всего, к юридическим службам организаций и предпринимателей, которые должны внимательно отслежи-

вать поступающие в их отношении заявления, а также к надлежащей организации работы как указанных служб, так и подразделений делопроизводства. В противном случае они могут стать жертвами мошенников, использующих судебный приказ как инструмент. В то же время борьба с мошенничеством в экономической сфере выходит за рамки проблематики арбитражного процессуального законодательства.

Следует отметить, что согласно статистическим сведениям, размещенным на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде России, в порядке упрощенного производства в 2023 г. арбитражными судами было рассмотрено 27,95 % всех дел, а в порядке приказного производства – 19,16 % от общего количества рассмотренных дел. Суммарно на упрощенное и приказное производство приходится уже около 47,11 % дел (в абсолютных цифрах это 836 956 дел). С учетом продолжающегося роста нагрузки это является существенным подспорьем для арбитражных судов. Кроме того, есть поле для дискуссии по вопросу расширения сферы применения судебного приказа. В частности, по мнению автора, вполне назрело повышение «порогового значения» для требований о взыскании обязательных платежей и санкций.

Сами арбитражные суды в определенной степени влияют на количество дел, рассматриваемых в приказном производстве. Речь идет о случаях, когда при поступлении тех или иных исковых заявлений судами усматривается бесспорный характер требований, и выносятся определения о возврате в связи с тем, что заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства. Такое основание для возврата было включено в ст. 129 АПК РФ еще в 2016 г.²⁶ и на это указывается в абз. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве».

Другими словами, сами судьи должны последовательно обеспечивать обязательность приказного производства по соответствующим де-

²⁴ Пункты 4, 6 ст. 288.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

²⁵ Божко А. П., Кавкаева Ю. А., Руднева Ю. В., Фадеев А. В. О некоторых проблемах приказного производства // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 3. С. 223.

²⁶ Пункт 9 ст. 3 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти».

лам, что соответствует позиции и законодателя и Верховного Суда России, а также правилам разрешения конкуренции общей и специальной процедур. В науке высказывались критические мнения по поводу самого подхода законодателя к конструированию соответствующих правовых норм²⁷.

Таким образом, институт приказного производства доказал свою востребованность и эффективность в цивилистическом процессе и в арбитражном процессе, в частности. Он призван обеспечить ускоренное, упрощенное и с минимальными ресурсными затратами рассмотрение так называемых бесспорных и малозначительных дел и снизить реальную судебную нагрузку, которая в настоящее время многократно превышает научно обоснованные нормы.

Библиографический список

Божко А. П., Кавкаева Ю. А., Руднева Ю. В., Фадеев А. В. О некоторых проблемах приказного производства // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 3. С. 219–227.

Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве М. : Проспект, 2010. 264 с.

²⁷ См.: Громошина Н. А. О приказном производстве в арбитражном процессе // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 37–40.

Громошина Н. А. О приказном производстве в арбитражном процессе // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 34–40.

Кулик Т. Ю. Приказное производство в арбитражном процессе // Северо-Кавказский юрид. вестник. 2016. № 3. С. 119–124.

Туманов Д. А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России : опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 13–20.

References

Bozhko A. P., Kavkaeva Yu. A., Rudneva Yu. V., Fadeev A. V. On some problems of writ proceedings // Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev. 2019. Vol. 1, No. 3. P. 219–227.

Gromoshina N. A. Differentiation, unification and simplification in civil proceedings. Moscow : Prospect, 2010. 264 p.

Gromoshina N. A. On the order procedure in arbitration proceedings // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2017. No. 3. P. 34–40.

Kulik T. Yu. Writ proceedings in arbitration proceedings // North Caucasian Legal Bulletin. 2016. No. 3. P. 119–124.

Tumanov D. A. Once again about whether a court order is an act of justice, or Reflections on the essence of justice // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2016. No. 9. P. 13–20.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Кочетков А. В., кандидат юридических наук, доцент, и.о. директора Института права и национальной безопасности, председатель Арбитражного суда Воронежской области в отставке, судья 1 квалификационного класса

E-mail: kochetkov@tsutmb.ru

Поступила в редакцию: 18.10.2024

Для цитирования:

Кочетков А. В. Приказное производство в арбитражном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/93-101>

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Kochetkov A. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Acting Director of the Institute of Law and National Security, retired Chairman of the Arbitration Court of Voronezh Region, Judge of the 1st Qualification Class

E-mail: kochetkov@tsutmb.ru

Received: 18.10.2024

For citation:

Kochetkov A. V. Writ proceedings in arbitration process // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/93-101>

ОСНОВЫ И ПОРЯДОК ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДОВ И СОСТАВОВ АРБИТРАЖЕЙ ПО РАЗРЕШЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ СПОРОВ

М. В. Кудинова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

FOUNDATIONS AND PROCEDURE FOR DETERMINING THE COMPETENCE OF STATE COURTS AND ARBITRAL TRIBUNALS TO RESOLVE INTERNATIONAL COMMERCIAL DISPUTES

M. V. Kudinova

National Research University "Higher School of Economics" (Moscow)

Аннотация: в настоящей статье автором исследован комплекс вопросов, связанных с основами и порядком установления компетенции государственных судов и составов арбитражей по разрешению международных коммерческих споров, в частности, проанализированы сущность и признаки пророгационных и арбитражных соглашений, действие принципа «*kompetenz-kompetenz*». Кроме того, автором определены характер и основные направления взаимодействия государственных судов и международных коммерческих арбитражей в ходе рассмотрения и разрешения международных коммерческих споров.

Ключевые слова: компетенция, пророгационное соглашение, арбитражное соглашение, принцип «*kompetenz-kompetenz*», международный коммерческий спор, арбитраж, государственные суды.

Abstract: in present article the author examines issues related to the grounds and procedure for determining the competence of state courts and arbitral tribunals to resolve international commercial disputes, in particular, analyzes the essence and characteristics of jurisdiction agreements and arbitration agreements, operation of the «*kompetenz-kompetenz*» principle. In addition, the author determines the nature and main aspects of interaction between state courts and international commercial arbitration in the process of consideration and resolution of international commercial disputes.

Key words: competence, jurisdiction agreement, arbitration agreement, «*kompetenz-kompetenz*» principle, international commercial dispute, arbitration, state courts.

Международные коммерческие споры традиционно обладают сложной фактурой и могут возникать по ряду причин. Множество из них обусловлено трудностями в коммуникации между сторонами в результате включения дополнительного культурного компонента. Хотя недопонимание возможно в любых деловых отношениях, как внутри страны, так и за рубежом, когда стороны принадлежат разным государствам, риск неудачи в общении значительно возрастает. В контексте международных коммерческих споров особенно важное значение имеет выбор

способа разрешения спора. Данный выбор обусловлен рядом факторов, среди которых можно выделить: характер спора, специфику взаимоотношений между сторонами, особенности правовой культуры, финансовые и временные показатели. В условиях текущей геополитической обстановки особую роль при выборе способа рассмотрения и разрешения спора играют национальности сторон и наличие подсанкционного элемента в структуре правоотношения. Традиционно при выборе органа для рассмотрения потенциального или уже возникшего международного коммерческого спора стороны чаще

всего выбирают между государственными и третейскими судами. Однако даже после такого выбора часто происходит пересечение компетенции данных органов.

Компетенция государственных судов по разрешению международных коммерческих споров

Государственный суд – это традиционный орган защиты нарушенных прав и обеспечения правопорядка внутри государства. Компетенция государственных судов берет свое начало в юрисдикции государства. Юрисдикция представляет собой полномочия государства в силу международного права регулировать или иным образом воздействовать на людей, имущество и обстоятельства и отражает основные принципы государственного суверенитета, равенства государств и невмешательства во внутренние дела¹. Юрисдикция признается ключевым аспектом государственного суверенитета². Юрисдикция государства может быть реализована посредством законодательных, исполнительных или судебных действий. Судебная юрисдикция представляет собой полномочия судов конкретной страны рассматривать дела, в которых присутствует иностранный элемент³.

В области международных коммерческих споров для определения компетентного суда применяются разнообразные критерии, такие как национальность сторон спора и место жительства ответчика, а также иные критерии, например, связь спора с территорией конкретного государства. Кроме того, компетенция государственного суда в отношении конкретного международного коммерческого спора может быть также основана на пророгационном соглашении, согласно которому «конкретное дело может быть отнесено к юрисдикции иностранного государства, хотя по закону оно подсудно местному суду; или, наоборот, дело, которое по закону подсудно иностранному суду, может в силу соглашения сторон быть отнесено к юрисдикции местного суда»⁴.

Пророгационное соглашение заключает в себе собственно пророгационный и дерогаци-

онный эффекты, позволяющие наделить государственный суд конкретной юрисдикции полномочиями на рассмотрение и разрешение спора и выводящие данный спор из сферы компетенции государственного суда иной юрисдикции, соответственно. Такое соглашение может быть заключено как до возникновения спора, так и после него, и часто используется в международных коммерческих отношениях для определения компетенции и процедуры разрешения споров. Пророгационное соглашение может повлиять на выбор форума, процедуру рассмотрения дела, а также применимое право, что делает его важным инструментом в области международного права и коммерции. Однако не следует забывать, что автономия воли сторон при заключении пророгационных соглашений имеет свои ограничения. Например, стороны не могут «выключить» исключительную компетенцию государственных судов посредством заключения пророгационного соглашения⁵.

Компетенция третейских судов по разрешению международных коммерческих споров

Широкое распространение и признанный авторитет в качестве способа разрешения коммерческих споров получил международный коммерческий арбитраж. Действительно, в доктрине широко признается, что в международных коммерческих спорах предпочтительным способом их разрешения является арбитраж⁶. Этот факт подтверждается результатами исследований, в которых отмечается, что большинство сторон выражают предпочтение арбитражному процессу⁷. Данное обстоятельство обусловлено рядом факторов, таких как выбор арбитров сторонами, их специальная квалификация, гибкость процедуры, конфиденциальный характер разбирательства, оперативность процедуры (часто). Однако несмотря на то что арбитраж изначально

⁵ Например, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 06.04.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012 (ч. 1). Ст. 249.

⁶ См.: *Blackaby N., Partasides C., Redfern A.* Redfern and Hunter on International Arbitration (6th ed.). Oxford University Press, 2022, para. 1.01.

⁷ White & Case and Queen Mary University of London, 2018 International Arbitration Survey : the Evolution of International Arbitration, *Charts 1 & 2*. URL: <https://www.whitecase.com/sites/whitecase/files/files/download/publications/qmul-international-arbitration-survey-2018-19.pdf> (дата обращения: 03.05.2024).

¹ *Ryngaert C.* Jurisdiction in International Law (2nd ed.). Oxford University Press, 2015. 262 p.

² *Shaw M.* International Law (9th ed.). Cambridge University Press, 2021. P. 555.

³ *Ibid.* P. 563.

⁴ См.: *Лунц Л. А.* О международной подсудности // Актуальные вопросы советского гражданского права. 1964. № 36. С. 209.

разработан как гибкий и неформальный метод разрешения споров, с течением времени он становится всё более формализованным и приближается к процедуре разрешения спора государственными судами, что приводит к увеличению темпоральных и финансовых издержек. Данный процесс сближения международного коммерческого арбитража и государственных судов в доктрине получил название *юрисптицизации* международного коммерческого арбитража⁸.

При этом в сравнении с разрешением спора государственными судами в рамках арбитражного разбирательства компетенцией по рассмотрению спора обладают не государственные органы, а выбранные или номинированные сторонами арбитры. Состав арбитража, в отличие от государственного суда, получает свои полномочия и компетенцию из арбитражного соглашения⁹. Следовательно, компетенция состава арбитража, т. е. его полномочия, определяются сторонами через положения арбитражного соглашения. Это соглашение не только наделяет компетенцией конкретный арбитраж, но также может ограничивать общие полномочия институционального арбитража, которые закреплены в его правилах и регламентах. Такой результат достигается путем обозначения в арбитражном соглашении только определенных категорий споров, связанных с конкретными видами правовых отношений¹⁰. Позитивным эффектом арбитражного соглашения является надделение состава арбитража компетенцией в отношении международного коммерческого спора. В свою очередь, негативным эффектом арбитражного соглашения выступает исключение компетенции государственных судов в отношении данного спора.

Краеугольным камнем международного арбитража как автономной и эффективной формы разрешения международных споров служит

принцип *«kompetenz-kompetenz»*¹¹. Данный принцип предполагает, что арбитры уполномочены выносить окончательное решение о своей компетенции без последующего пересмотра данного решения каким-либо судом.¹² Общеизвестным является тот факт, что принцип *«kompetenz-kompetenz»* имеет позитивное проявление (наделение арбитров полномочиями по определению собственной компетенции) и негативное проявление (запрет судам вмешиваться в полномочия арбитров по определению компетенции на начальном этапе арбитражного процесса)¹³. Однако есть зона, в которой расходятся взгляды правоприменителей и признанных специалистов в области международного арбитража, и эта зона – **степень** негативного проявления принципа *«kompetenz-kompetenz»*.

Э. Гайяр и Я. Банифатеми, представители французского подхода, раскрывают негативное проявление рассматриваемого принципа следующим образом: «арбитры должны быть первыми (в отличие от единственных) судьями по вопросам своей компетенции, а контроль судов откладывается до стадии подачи иска о приведении в исполнение или отмене арбитражного решения, вынесенного на основании арбитражного соглашения»¹⁴. По их мнению, «суды должны воздерживаться от рассмотрения вопроса о компетенции арбитров до того, как сами арбитры получат возможность сделать это»¹⁵. Из данного правила есть одно исключение, которое применяется французскими судами: если французский суд придет к выводу, что арбитражная оговорка явно не существует или явно ничтожна, он может принять такое решение в самом начале и

⁸ См.: *Trakman L., Montgomery H. The «Judicialization» of International Commercial Arbitration : Pitfall or Virtue? // Leiden Journal of International Law. 2017. Vol. 30. Issue 2. P. 405.*

⁹ См.: *Lillich R. B., Brower C. N. International Arbitration in the 21st Century : Towards 'Judicialisation' and Uniformity? N.Y. : Transnational Publishers, 1994. 302 p.*

¹⁰ См.: *Ерпылева Н. Ю. Международный коммерческий арбитраж : правовые основы функционирования // Международное право. 2013. № 1. С. 1–74. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=545 (дата обращения: 03.05.2024).*

¹¹ См.: *Smit R. H. Separability and Competence-Competence in International Arbitration : Ex Nihilo Nihil Fit? Or Can Something Indeed Come from Nothing? // American Review of International Arbitration. 2002. Vol. 13. P. 19.*

¹² См.: *Gaillard E., Savage J. Gaillard Fouchard Goldman on International Commercial Arbitration. Kluwer Law International, 1999, para. 651.*

¹³ *Gaillard E., Banifatemi Y. Negative Effect of Competence-Competence : The Rule of Priority in Favour of the Arbitrators // Gaillard E., Di Pietro D., Leleu-Knobil N. (eds.) Enforcement of Arbitration Agreements and International Arbitral Awards : The New York Convention in Practice. London : Cameron May, 2008. P. 259–260 ; Bermann G. A. The «Gateway» Problem in International Commercial Arbitration // Yale Journal of International Law. 2012. Vol. 37. Issue 1. P. 16.*

¹⁴ *Gaillard E., Banifatemi Y. Op. cit. P. 259–260.*

¹⁵ *Ibid. P. 260.*

на этом основании отказать сторонам в передаче дела в арбитраж¹⁶. Однако нельзя сказать, что данное исключение вносит существенные ограничения во французский подход к определению степени негативного проявления принципа «*kompetenz-kompetenz*», поскольку стандарт «*арбитражная оговорка явно не существует или явно ничтожна*» является достаточно высоким.

Дж. Берманн, профессор Колумбийского университета, напротив, приходит к выводу, что откладывание проверки компетенции до момента вынесения окончательного арбитражного решения создает значительные проблемы для эффективности арбитражного разбирательства и критикует в этом аспекте позицию Э. Гайяра и Я. Банифатеми. Вместо этого Дж. Берманн рассматривает вопрос определения компетенции состава арбитража в качестве входящего («*gateway issue*») и утверждает, что принцип «*kompetenz-kompetenz*» «не должен препятствовать суду рассматривать оспаривание компетенции состава арбитража до его формирования»¹⁷. Таким образом, подход Берманна к негативно-му проявлению принципа «*kompetenz-kompetenz*» допускает обращение в государственный суд по вопросу компетенции арбитров до формирования состава арбитража, но ограничивает его после этого.

Государства, наделенные правом по своему усмотрению определять границы действия принципа «*kompetenz-kompetenz*», имплементировали в свои правовые системы разные подходы в этой связи. Так, во Франции предполагается не только то, что арбитры наделены полномочиями в отношении определения собственной компетенции, но и то, что судам запрещено принимать участие в оспаривании их компетенции до вынесения окончательного арбитражного решения¹⁸. В отличие от подхода, применяемого французскими судами, в США признается, что арбитры не обладают полномочиями на решение вопроса в отношении своей компетенции, если только стороны не предусмотрели принцип «*kompetenz-kompetenz*» в «ясной и недвусмысленной формулировке»¹⁹.

Действительно в целях достижения более эффективного арбитражного разбирательства представляется целесообразным несколько ограничить негативное проявление принципа «*kompetenz-kompetenz*», найдя баланс между французским и американским подходами. Это может быть достигнуто путем предоставления государственным судам полномочий на рассмотрение возражений в отношении компетенции арбитров до вынесения окончательного решения, одновременно предоставляя сторонам возможность исключить такие полномочия государственного суда в арбитражном соглашении. При этом в случае, если стороны выбрали арбитраж для рассмотрения и разрешения своего спора, и состав арбитража признал свою компетенцию в отношении данного спора это не означает, что процесс рассмотрения спора полностью выходит за пределы внимания государственных судов. Государственные суды по-прежнему остаются вовлеченными в процесс, осуществляя функции контроля и содействия в отношении арбитражного разбирательства.

Взаимодействие государственных судов и третейских судов при разрешении международных коммерческих споров

В отечественной и зарубежной доктрине наличествуют разные позиции по вопросу взаимодействия государственных судов и арбитражей при разрешении международных коммерческих споров. Й. Ван Хутте утверждает, что «арбитражное и судебное разбирательства принадлежат к отдельным мирам со своей собственной компетенцией и конвенциями о правоприменении, которые игнорируют взаимодействие между сферами компетенции арбитража и судов»²⁰. Признанные специалисты в области международного арбитража А. Редферн и М. Хантер квалифицировали отношения между государственными судами и международным коммерческим арбитражем следующим образом: «Отношения между государственными судами и арбитражем колеблются между вынужденным сожительством и настоящим партнерством [...] это не партнерство равных [...] Государственные суды могут существовать без арбитража, но архи-

¹⁶ Cour de Cassation, Chambre civile 1, du 16 mars 2004 // Bulletin. 2004. I. No. 82.

¹⁷ *Bermann G. A.* Op. cit. P. 15.

¹⁸ Cour de cassation, civile, Chambre commerciale, 25 novembre 2008, 07-21.888 // Bulletin. 2008. IV. No. 197.

¹⁹ *First Options of Chicago, Inc. v. Kaplan*, 514 U.S. 938 (1995).

²⁰ *Van Houtte J.* Parallel proceedings before state courts and arbitration tribunals. – Is there a transnational *lis alibi pendens* – exception in arbitration or jurisdiction conventions? // *Karrer P. A.* (ed.) *Arbitral tribunals or state courts : who must defer to whom?* Zurich : ASA-IBA, 2001. P. 53.

траж не может существовать без государственных судов»²¹.

При этом характеристика отношений между международным коммерческим арбитражем и государственными судами как автономных или, например, конкурентных не совсем справедлива. Действительно, государство устанавливает границы арбитража и обеспечивает их соблюдение через свои суды²². Как следствие, арбитражное разбирательство, с учетом соответствующего национального законодательства, подлежит надзору и контролю со стороны государственных судов. Однако государственный суд также играет важную вспомогательную роль в повышении эффективности арбитражного разбирательства. Данный вопрос особенно интересно раскрывается в сравнительно-правовом аспекте, поскольку модели взаимодействия государственных и третейских судов, объем и соотношение их полномочий различаются в зависимости от юрисдикции.

Признавая важность рассматриваемого взаимодействия для целей обеспечения эффективности арбитражного разбирательства, нельзя не отметить, что оно скрывает в себе ряд рисков, которые следует минимизировать, используя разнообразные координационные механизмы такого взаимодействия. Государственные суды играют значимую роль в процессе разрешения спора в международном коммерческом арбитраже, начиная от формирования состава арбитража и заканчивая решением вопроса об отмене арбитражного решения. Непосредственно в ходе рассмотрения международного коммерческого спора государственные суды оказывают значительную поддержку составу арбитража, выполняя такие важные функции, как содействие в получении доказательств и принятии обеспечительных мер. Это обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, состав арбитража часто не обладает полномочиями на осуществление определенных действий, которые могут быть необходимы для эффективного рассмотрения дела. Во-вторых, в силу ограниченных юрисдикционных полномочий состава арбитража принятие решений, затрагивающих интересы третьих лиц, не входит в сферу их компетенции. Наконец, состав арбитража не обладает возможностью обеспечения принудительного исполнения своих реше-

ний, что делает важной роль государственных судов в поддержке и обеспечении эффективности арбитражного процесса.

Содействие государственного суда в получении доказательств является действенным механизмом решения проблемы, связанной с невозможностью сторон и арбитров получить их самостоятельно. Законодательство Германии²³, Франции²⁴ и Англии²⁵ закрепляет полномочия государственных судов на оказание содействия в получении доказательств для целей арбитражного разбирательства, в том числе для иностранного арбитражного разбирательства. Кроме того, практически все правовые системы, за исключением Франции, наделяют арбитров полномочием по своей инициативе направить запрос о представлении доказательств²⁶. При этом в большинстве юрисдикций требуется одобрение состава арбитража для подачи запроса в государственный суд об оказании содействия по вопросу получения доказательств²⁷. Это обстоятельство служит несомненной дополнительной гарантией для международного коммерческого арбитража, укрепляя позицию арбитров в контроле за ходом арбитражного разбирательства.

В части принятия обеспечительных мер в поддержку арбитражного разбирательства основными направлениями взаимодействия государственных судов и составов арбитражей являются принятие решения об обеспечительных мерах и принудительное исполнение арбитражного решения об обеспечительных мерах. Модели определения компетенции суда на принятие обеспечительных мер на основе анализа различных юрисдикций могут быть классифицированы следующим образом: 1) наделение государ-

²³ German Code of Civil Procedure as promulgated on 5 December 2005 // Bundesgesetzblatt (BGBl., Federal Law Gazette). I. P. 3202; 2006. I. P. 431; 2007. I. P. 1781, last amended by Article 1 of the Act dated 10 October 2013 // Federal Law Gazette. I. P. 3786 and Book 10 last amended by Article 1 of the Act dated 5 October 2021 // Federal Law Gazette. I. P. 4607. Sec. 1025, 1050.

²⁴ French Civil Procedure Code // Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070716/ (дата обращения: 03.05.2024). Art. 1469; Cour de Cassation, Chambre civile 1, du 30 mars 2004, 01-14.311 // Bulletin. 2004. I. No. 95. P. 76.

²⁵ English Arbitration Act, 1996 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/23/> contents (дата обращения: 03.05.2024). Sec. 43–44.

²⁶ Например, *Norbroke Laboratories Ltd v. Tank* [2006] EWHC 1055 (Comm).

²⁷ Например, German Code of Civil Procedure. Sec. 1050.

²¹ Redfern A., Hunter M. Law and Practice of International Commercial Arbitration (4th ed.). L.: Sweet & Maxwell, 2004, paras 7.01–7.03.

²² См.: Ibid., para. 7.02.

ственных судов и арбитров параллельной компетенцией²⁸; 2) наделение государственных судов вспомогательными полномочиями²⁹; 3) предоставление государственным судам исключительных полномочий³⁰.

В аспекте приведения в исполнение обеспечительных мер государственные суды могут быть наделены основной или субсидиарной функцией. В сравнительно-правовом аспекте наиболее прогрессивна в данном случае американская модель, допускающая приведение в исполнение государственными судами обеспечительных мер, принятых как арбитрами, так и чрезвычайными арбитрами³¹. При этом участие государственных судов в международном коммерческом арбитраже не должны быть безграничным. Государственные суды не должны вторгаться в компетенцию арбитров, а также дублировать процесс рассмотрения спора по существу. Разграничение компетенции государственных судов и арбитражей должно осуществляться на основе наиболее прогрессивных моделей регулирования. В отсутствие соответствующего регулирования данный вопрос следует решать с использованием различных сдерживающих механизмов.

В настоящее время большинством национальных арбитражных законов предусмотрены некоторые сдерживающие механизмы, которые ограничивают компетенцию государственного суда при оказании содействия в получении доказательств. Например, в сравнительно-правовом аспекте общей тенденцией является то, что при принятии решения об исполнении или отказе в исполнении запроса о получении доказательств государственный суд не должен оценивать истребуемое доказательство с точки зрения его от-

носимости и допустимости³². Перекрещивание компетенции государственных и третейских судов в контексте принятия обеспечительных также порождает ряд рисков, связанных с ведением параллельных разбирательств, вынесением противоречивых решений и вмешательством государственных судов в компетенцию состава арбитража. Наиболее эффективным и в большинстве случаев доступным вариантом служит косвенное решение данного вопроса сторонами в арбитражном соглашении посредством исключения действия отдельных положений применимого арбитражного законодательства, наделяющих государственные суды и арбитров параллельными полномочиями, либо ограничения соответствующих процессуальных возможностей сторон.

Таким образом, компетенция государственных судов по разрешению международных коммерческих споров берет свое начало в юрисдикции государства, которая составляет ключевой элемент государственного суверенитета. Кроме того, стороны могут в определенной степени перераспределить компетенцию государственных судов в отношении конкретного спора посредством заключения пророгационного соглашения. Если же стороны международного коммерческого спора выбирают арбитраж в качестве способа разрешения потенциального или уже возникшего между ними спора, то основой компетенции арбитров выступает заключенное сторонами арбитражное соглашение. Более того, в силу принципа «*kompetenz-kompetenz*» состав арбитража самостоятельно определяет наличие или отсутствие своей компетенции.

Вмешательство государственных судов в данный процесс ограничено. Конкретные лимиты ограничений варьируются в зависимости от юрисдикции, однако даже при признании арбитрами наличия своей компетенции в отношении международного коммерческого спора государственные суды продолжают играть важную роль в процессе рассмотрения спора в международном коммерческом арбитраже. При этом, если законодательство конкретной юрисдикции не предусматривает каких-либо полномочий государственного суда, которые действительно предполагают вторжение в компетенцию состава арбитража, либо используются эффективные

²⁸ См.: Ibid. Sec. 1033.

²⁹ См.: English Arbitration Act. Sec. 44 ; *Schaefer J. K. New Solutions for Interim Measures of Protection in International Commercial Arbitration: English, German and Hong Kong Law Compared* // Electronic Journal of Comparative Law. 1998. Vol. 2.2 ; *Gerald Metals SA v Timis* [2016] EWHC 2327 (Ch).

³⁰ См.: Arbitration Law of the People's Republic of China, 31 August 1994 // The National People's Congress of the People's Republic of China. Art. 68.

³¹ См.: *Southern Seas Navigation Ltd v. Petroleos Mexicanos of Mexico City*, 606 F.Supp. 692 (SDNY, 1985); *Pacific Reins. Mgt. Corp. v. Ohio Reins. Corp.*, 935 F.2d 1019, 1022-23 (9th Cir. 1991); *Companion Property & Casualty Insurance Co. v. Allied Provident Insurance, Inc.* 2014 WL 4804466, (S.D.N.Y. Sept. 26, 2014).

³² См.: *Münch J. Vorbemerkungen zu § 1025, 1033, 1050, 1059* // Krüger W., Rauscher T. *Münchener Kommentar zur Zivilprozessordnung : mit Gerichtsverfassungsgesetz und Nebengesetzen* (5th ed.). Band 3. München : C. H. Beck, 2017.

координационные средства, то взаимодействие государственных судов и международного коммерческого арбитража следует характеризовать положительно.

Библиографический список

Ерпылева Н. Ю. Международный коммерческий арбитраж : правовые основы функционирования // Международное право. 2013. № 1. С. 1–74.

Луниц Л. А. О международной подсудности // Актуальные вопросы советского гражданского права. 1964. № 36. С. 204–214.

Bermann G. A. The «Gateway» Problem in International Commercial Arbitration // Yale Journal of International Law. 2012. Vol. 37. Issue 1. P. 1–50.

Blackaby N., Partasides C., Redfern A. Redfern and Hunter on International Arbitration (6th ed.). Oxford University Press, 2022. 711 p.

Gaillard E., Banifatemi Y. Negative Effect of Competence-Competence : the Rule of Priority in Favour of the Arbitrators // Gaillard E., Di Pietro D., Leleu-Knobil N. (eds.) Enforcement of Arbitration Agreements and International Arbitral Awards : The New York Convention in Practice. London : Cameron May, 2008. P. 259–260.

Gaillard E., Savage J. Gaillard Fouchard Goldman on International Commercial Arbitration. Kluwer Law International, 1999, 1280 p.

Lillich R. B., Brower C. N. International Arbitration in the 21st Century : Towards 'Judicialisation' and Uniformity? N.Y. : Transnational Publishers, 1994. 302 p.

Münch J. Vorbemerkungen zu § 1025, 1033, 1050, 1059 // Krüger W., Rauscher T. Münchner Kommentar zur Zivilprozessordnung : mit Gerichtsverfassungsgesetz und Nebengesetzen (5th ed.). Band 3. München : C. H. Beck, 2017, §§ 946–1117.

Redfern A., Hunter M. Law and Practice of International Commercial Arbitration (4th ed.). L. : Sweet & Maxwell, 2004. 659 p.

Ryngaert C. Jurisdiction in International Law (2nd ed.). Oxford University Press, 2015. 262 p.

Shaw M. International Law (9th ed.). Cambridge University Press, 2021. 1308 p.

Smit R. H. Separability and Competence-Competence in International Arbitration : Ex Nihilo Nihil Fit? Or Can Something Indeed Come from Nothing? // American Review of International Arbitration. 2002. Vol. 13. 24 p.

Trakman L., Montgomery H. The «Judicialization» of International Commercial Arbitration : Pitfall or Virtue? // Leiden Journal of International Law. 2017. Vol. 30. Issue 2. 35 p.

Van Houtte J. Parallel proceedings before state courts and arbitration tribunals. Is there a transnational lis alibi pendens – exception in arbitration or jurisdiction conventions? // Karrer P.A. (ed.) Arbitral

tribunals or state courts: who must defer to whom? Zurich : ASA-IBA, 2001. P. 35–54.

References

Bermann G. A. The «Gateway» Problem in International Commercial Arbitration // Yale Journal of International Law. 2012. Vol. 37. Issue 1. P. 1–50.

Blackaby N., Partasides C., Redfern A. Redfern and Hunter on International Arbitration (6th ed.). Oxford University Press, 2022. 711 p.

Erpyleva N. Y. International Commercial Arbitration : Legal Basis of Functioning // International Law. 2013. No. 1. P. 1–74.

Gaillard E., Banifatemi Y. Negative Effect of Competence-Competence: The Rule of Priority in Favour of the Arbitrators // Gaillard E., Di Pietro D., Leleu-Knobil N. (eds.) Enforcement of Arbitration Agreements and International Arbitral Awards : The New York Convention in Practice. London : Cameron May, 2008. P. 259–260;

Gaillard E., Savage J. Gaillard Fouchard Goldman on International Commercial Arbitration. Kluwer Law International, 1999. 1280 p.

Lillich R. B., Brower C. N. International Arbitration in the 21st Century : Towards 'Judicialisation' and Uniformity? N.Y. : Transnational Publishers, 1994, 302 p.

Luntz L. A. On international jurisdiction // Actual issues of Soviet civil law. 1964. No. 36. P. 204–214.

Münch J. Vorbemerkungen zu § 1025, 1033, 1050, 1059 // Krüger W., Rauscher T. Münchner Kommentar zur Zivilprozessordnung : mit Gerichtsverfassungsgesetz und Nebengesetzen (5th ed.). Band 3. München : C. H. Beck, 2017. §§ 946–1117.

Redfern A., Hunter M. Law and Practice of International Commercial Arbitration (4th ed.). L. : Sweet & Maxwell, 2004. 659 p.

Ryngaert C. Jurisdiction in International Law (2nd ed.). Oxford University Press, 2015. 262 p.

Shaw M. International Law (9th ed.). Cambridge University Press, 2021, 1308 p.

Smit R. H. Separability and Competence-Competence in International Arbitration : Ex Nihilo Nihil Fit? Or Can Something Indeed Come from Nothing? // American Review of International Arbitration. 2002. Vol. 13. 24 p.

Trakman L., Montgomery H. The «Judicialization» of International Commercial Arbitration : Pitfall or Virtue? // Leiden Journal of International Law. 2017. Vol. 30. Issue 2. 35 p.

Van Houtte J. Parallel proceedings before state courts and arbitration tribunals. – Is there a transnational lis alibi pendens – exception in arbitration or jurisdiction conventions? // Karrer P.A. (ed.) Arbitral tribunals or state courts : who must defer to whom? Zurich : ASA-IBA, 2001. P. 35–54.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Кудинова М. В., аспирант департамента правового регулирования бизнеса факультета права

E-mail: mvkudinova@hse.ru

Поступила в редакцию: 03.05.2024

Для цитирования:

Кудинова М. В. Основы и порядок определения компетенции государственных судов и составов арбитражей по разрешению международных коммерческих споров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 102–109. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/102-109>

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Kudinova M. V., Post-graduate Student of the School of Law, Department of Legal Regulation of Business

E-mail: mvkudinova@hse.ru

Received: 03.05.2024

For citation:

Kudinova M. V. Grounds and procedure for determining the competence of state courts and arbitral tribunals to resolve international commercial disputes // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 102–109. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/102-109>

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

А. Р. Каримуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет

CONFIDENTIALITY AS A PRINCIPLE OF CONCILIATION PROCEDURES

A. R. Karimullina

Kazan (Volga Region) Federal University

Аннотация: статья посвящена исследованию принципа конфиденциальности как принципа примирительных процедур. Устанавливается место принципа конфиденциальности примирительных процедур в системе правовых принципов, дается авторское определение указанного принципа. Также предлагаются изменения в действующее законодательство, направленное на обеспечение реализации принципа конфиденциальности примирительных процедур.

Ключевые слова: конфиденциальность, примирительные процедуры, принцип конфиденциальности, гражданский процесс.

Abstract: the article is devoted to the study of the principle of confidentiality as a principle of conciliation procedures. The place of the principle of confidentiality of conciliation procedures in the system of legal principles is established, the author's definition of this principle is given. Amendments to the current civil procedure legislation aimed at ensuring the implementation of the principle of confidentiality of conciliation procedures are also proposed.

Key words: confidentiality, conciliation procedures, the principle of confidentiality, civil procedure.

Есть несколько подходов к определению «принципов права». Категория «принципы права» означает выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закреплённые в нем закономерности общественной жизни¹.

Под принципами права понимаются руководящие положения права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определявшие сущность всей системы, отрасли или института права и в силу их правового закрепления имеющие общеобязательное значение².

Принципы примирительных процедур, в свою очередь, необходимо понимать как основополагающие идеи, руководящие начала, определяющие содержание примирительных процедур и в силу их правового закрепления имеющие общеобязательное значение.

В контексте рассмотрения принципа конфиденциальности важно определить сущность примирительных процедур. Она предполагает поиск наиболее целесообразного варианта разрешения правового конфликта, результатом чего будет отказ от обращения за судебной формой защиты нарушенных прав или отказ от продолжения уже начатого судебного процесса.

Принципы права в зависимости от степени распространенности, влияния в системе права классифицируют: на общеправовые, характерные для любой из отраслей права, отраслевые, относящиеся к конкретной правовой отрасли, и межотраслевые, присущие нескольким правовым отраслям. Исходя из данной класси-

¹ См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права : в 2 т. Свердловск, 1972. С. 102–103.

² См.: Бошно С. В. Принципы права : понятие, классификация // Право и современные государства. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-pravoponyatie-klassifikatsiya> (дата обращения: 12.11.2023).

© Каримуллина А. Р., 2024

фикации, принцип конфиденциальности относится к межотраслевым, поскольку он применим к договорным отношениям субъектов, что свидетельствует о его принадлежности к гражданскому праву, а также к процессуальным отраслям, поскольку прямо закреплен в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации. Так, согласно ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ примирение сторон осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности³.

Аналогичное упоминание содержится в ч. 2 ст. 138 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой примирение сторон осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности⁴.

Содержание принципа конфиденциальности определено на уровне законодательства РФ. В частности, согласно ст. 6 Федерального закона от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» принцип конфиденциальности означает, что кредиторы не имеют права без согласия сельскохозяйственного товаропроизводителя разглашать его коммерческую и налоговую тайну⁵. В прочих нормативно-правовых актах содержание данного принципа конфиденциальности напрямую не раскрывается.

Есть и иные упоминания конфиденциальности (конфиденциальной информации) в действующем законодательстве РФ. Так, в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» конфиденциальность означает запрет на раскрытие информации третьим лицам, а также запрет на распространение персональных данных без согласия субъекта персональных данных⁶.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 24.06.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 18.03.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁵ О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей : федер. закон от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28. Ст. 2787.

⁶ О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 06.02.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

Принцип конфиденциальности также раскрывается применительно к отдельным примирительным процедурам. В частности, указанный принцип упоминается в ст. 3 Федерального закона РФ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», в соответствии с которым процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон, в том числе на основе принципа конфиденциальности⁷. В силу ст. 5 указанного закона раскрывается содержание понятия «конфиденциальной информации». В частности, при проведении процедуры медиации сохраняется конфиденциальность всей относящейся к указанной процедуре информации, кроме случаев, предусмотренных федеральными законами, и если стороны не договорились об ином.

Медиатор не вправе разглашать информацию, ставшую ему известной в ходе процедуры медиации, без согласия сторон.

Устанавливается запрет на ссылку в ходе судебного или третейского разбирательства на информацию о:

- предложении одной из сторон о применении процедуры медиации, равно как и готовности к участию в проведении данной процедуры;
- мнениях и предложениях, высказанных одной из сторон в отношении возможности урегулирования спора;
- готовности одной из сторон принять предложение медиатора или другой стороны об урегулировании спора.

Указанные ограничения устанавливаются не только в отношении участников процедуры, а также медиатора, но и сторон, организаций, обеспечивающих проведение процедуры медиации, либо иных присутствовавших при проведении процедуры лиц.

Кроме того, нельзя истребовать от медиатора и от лица, обеспечивающего проведение процедуры медиации, относящейся к процедуре медиации, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом, если стороны не договорились об ином.

Содержание принципа конфиденциальности раскрывается также на уровне правоприме-

⁷ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // Рос. газета. 2010. 30 июля ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30. Ст. 4066.

нительной практики. В частности, в ст. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения»⁸ (далее – ПП ВС № 41) указывается, что стороны вправе сами определить объем ограничения распространения информации, связанной с судебным примирением.

Более того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в ст. 6 ПП ВС № 41 устанавливает презумпцию конфиденциальности информации о судебном примирении. Стороны прямо должны договориться об ином, тогда информация не будет считаться конфиденциальной.

Раскрывая содержание принципа конфиденциальности примирительных процедур, Пленум ВС РФ в ст. 6 ПП ВС № 41 устанавливает ограничения на использование переговорных позиций сторон в судебном разбирательстве без их согласия. В частности, нельзя ссылаться на мнения или предложения, высказанные сторонами в отношении примирения, а также признания, сделанные одной из сторон в ходе процедуры, проявления готовности принять предложение о примирении, сведения, содержащиеся в документе, подготовленном исключительно для судебного примирения.

В рассматриваемой ситуации необходимо отметить, что суд может отклонить указанные доказательства как недопустимые. В то же время при принятии решения в рамках того или иного разбирательства присутствует такой фактор, как судебское усмотрение, что прямо следует из ч. 1 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Такого рода доказательства могут повлиять на судью и его решение. В связи с этим проведение процедуры судебного примирения несет в себе дополнительные риски для обеих сторон. Отчасти поэтому процедуры не пользуются большой популярностью среди участников судебных разбирательств.

Следующий аспект, на который обращает внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации в ПП ВС № 41, – это возможность использования информации о судебном примирении для научно-исследовательских, образовательных или информационных целей.

⁸ Об утверждении Регламента проведения судебного примирения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 // Рос. газета (Федер. вып. : № 254(8012)). 2019. 12 нояб.

Условием такого использования является сохранение анонимности сторон. Здесь необходимо отметить, что такая анонимность должна носить всеобъемлющий характер. Следует исключить любые, даже косвенные элементы, в том числе период разбирательства, место разбирательства, так или иначе указывающие на спор конкретных субъектов. В части судебных решений, когда их обезличивают, это происходит не всегда. К примеру, в текстах таких обезличенных копий судебных решений периодически остаются фамилии или наименования участников сторон, а также характеристики предмета спора. Данная ситуация является недопустимой и нарушает реализацию принципа конфиденциальности сторон.

Если говорить о юридическом оформлении принципа конфиденциальности примирительных процедур, недостаточно простого указания на него в законодательном акте. Для обеспечения юридической обязательности принципа конфиденциальности важно зафиксировать его в соглашении сторон о проведении соответствующей примирительной процедуры. В данном соглашении надо раскрыть, что подразумевается под конфиденциальной информацией, определить сроки ее неразглашения, а также ответственность за ее разглашение.

Указание на обязательность такого соглашения о проведении примирительной процедуры с конкретизацией его условий (в том числе о конфиденциальности) необходимо и в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации.

Под конфиденциальностью применительно к примирительным процедурам следует понимать любую информацию по судебному разбирательству, имеющую действительную или потенциальную ценность в силу ее неизвестности третьим лицам, не предназначенную для широкого распространения и/или использования неограниченному кругу лиц.

Под раскрытием конфиденциальной информации необходимо понимать несанкционированное противоположной стороной – участником примирительной процедуры – действие другой стороны или посредника (при наличии), в результате которых третьи лица получают доступ и возможность ознакомления с конфиденциальной информацией. Также разглашением может признаваться бездействие другой стороны или посредника, выразившееся в необеспечении надлежащего уровня защиты, повлекшее

го получение доступа к такой информации третьим лицом.

Таким образом, еще одним специфическим элементом соглашения о проведении примирительной процедуры, призванным обеспечить конфиденциальность информации, является его трехсторонний характер, т. е. участие в нем посредника, если это предусмотрено соответствующей примирительной процедурой.

Кроме того, в соглашении следует установить случаи, когда разглашение конфиденциальной информации в рамках примирительной процедуры допустимо и носит вынужденный характер. В частности, это могут быть:

- решение суда;
- требования действующего законодательства Российской Федерации;
- законные требования органов государственной власти Российской Федерации.

При таком разглашении сторона или посредник (при наличии) обязаны незамедлительно уведомить других участников соглашения о раскрытии соответствующей конфиденциальной информации, условиях и основаниях такого раскрытия.

Важно установить период, в течение которого стороны не могут разглашать конфиденциальную информацию, ставшую известной в результате примирительной процедуры. Это может быть любой срок, определенный сторонами, либо вовсе указание на бессрочный характер запрета на такое разглашение.

Еще одним условием реализации принципа конфиденциальности в соглашении о проведении примирительной процедуры является установление ответственности стороны или посредника за разглашение такой конфиденциальной информации. В указанном случае определение меры юридической ответственности остается на усмотрение сторон соглашения. Это могут быть и убытки, которые впоследствии нужно будет доказывать стороне, конфиденциальная информация которой была разглашена. Кроме того, это может штрафная санкция, определяемая в соответствующем соглашении, например, денежный штраф за каждый установленный судом факт раскрытия конфиденциальной информации о примирительной процедуре.

Тем более что позитивная практика относительно взыскания штрафов за раскрытие конфиденциальной информации присутствует. В частности, это подтверждается решением Суда

по интеллектуальной собственности по делу № А56-92673/2016. Так, в соответствии с соглашением между сторонами разбирательства была предусмотрена ответственность в виде штрафа в размере 400 000 рублей за раскрытие конфиденциальной информации⁹.

Судом была назначена экспертиза, которая подтвердила использование программы неограниченным кругом лиц, в связи с чем иск был удовлетворен, взыскана сумма в 400 000 рублей.

При этом необходимо отметить, что практика привлечения к ответственности в связи с нарушением условий о конфиденциальности в рамках примирительных процедур не является обширной. Однако это не означает отсутствия возможности применять указанные меры юридической ответственности за нарушения принципа конфиденциальности, допущенные сторонами при проведении примирительных процедур.

Подводя итог, необходимо отметить, что принцип конфиденциальности примирительных процедур носит межотраслевой характер.

Он упомянут в Гражданском процессуальном кодексе, но его содержание раскрыто в иных нормативно-правовых актах, а также в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения», в частности устанавливается презумпция конфиденциальности информации о судебном примирении, если стороны не договорятся об ином.

Также устанавливается ограничения на использование переговорных позиций сторон в судебном разбирательстве без их согласия. В частности, нельзя ссылаться на мнения или предложения, высказанные сторонами в отношении примирения, а также признания, сделанные одной из сторон в ходе процедуры, проявления готовности принять предложение о примирении, сведения, содержащиеся в документе, подготовленном исключительно для судебного примирения.

При этом принцип конфиденциальности примирительной процедуры необходимо пони-

⁹ Постановление суда по интеллектуальным правам по делу № А56-92673/2016 от 31 октября 2018 г. // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f5603047-72db-4d96-a9a2-2ccf2bc67061/4ab7c74e-2c27-4734-baa1-2044cacacd97/A56-92673-2016_20181031_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

мать как запрет на разглашение любой информации без согласия другого участника примирительной процедуры.

Под конфиденциальностью применительно к примирительным процедурам необходимо понимать любую информацию по судебному разбирательству, имеющую действительную или потенциальную ценность в силу ее неизвестности третьим лицам, не предназначенную для широкого распространения и/или использования неограниченному кругу лиц.

Условие о конфиденциальности необходимо устанавливать в специально заключаемом соглашении о проведении примирительной процедуры и включить его в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, а именно в ч. 5 ст. 153.1 ГПК РФ. В случае проведения примирительной процедуры с участием посредника, указанное соглашение должно носить трехсторонний характер.

В соглашение, помимо предмета, необходимо включать период его действия, а также от-

ветственность за разглашение конфиденциальной информации о примирительной процедуре. В качестве меры ответственности можно указывать как денежный штраф за факт разглашения, так и возмещение убытков за разглашение конфиденциальной информации о примирительной процедуре.

Библиографический список

Алексеев С. С. Проблемы теории права : в 2 т. Свердловск, 1972. 396 с.

Бошно С. В. Принципы права : понятие, классификация // Право и современные государства. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-prava-ponyatie-klassifikatsiya>

References

Alekseev S. S. Problems of the theory of law : in 2 t. Sverdlovsk, 1972. 396 p.

Boshno S. V. Principles of law : concept, classification // Law and modern States. 2019. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-prava-ponyatie-klassifikatsiya>

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Каримуллина А. Р., аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса

E-mail: gilmutdinowa.alsu@yandex.ru

Поступила в редакцию: 13.11.2024

Для цитирования:

Каримуллина А. Р. Конфиденциальность как принцип примирительных процедур // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 110–114. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/110-114>

Kazan (Volga Region) Federal University

Karimullina A. R., PhD Student of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure

E-mail: gilmutdinowa.alsu@yandex.ru

Received: 13.11.2024

For citation:

Karimullina A. R. Confidentiality as a principle of conciliation procedures // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 110–114. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/110-114>

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ СЕГОДНЯ: О «ПЕРЕЗРЕВШЕЙ» НЕОБХОДИМОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ И ЕГО ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ

А. В. Орлов

Воронежский государственный университет

JUSTICE OF THE PEACE TODAY: ABOUT THE «OVERRIPE» NEED FOR PROCEDURAL AND LEGAL REFORM AND ITS MAIN DIRECTIONS

A. V. Orlov

Voronezh State University

Аннотация: обозначая в качестве остроактуальной проблемы современного состояния института мировой юстиции чрезвычайно высокую судебную нагрузку, автор высказывает ряд аргументированных предложений по ее снижению путем внесения изменений в действующее гражданско-процессуальное законодательство, касающихся сокращения количества процессуальных вопросов, разрешаемых в судебном заседании с вызовом (извещением) участвующих в деле лиц.

Ключевые слова: правосудие, мировая юстиция, судебная нагрузка, гражданско-процессуальное законодательство.

Abstract: designating an extremely high judicial burden as an acute problem of the current state of the Institute of Justice of the Peace, the author makes a number of reasoned proposals to reduce it by making some changes to the current civil procedure legislation concerning reducing the number of procedural issues resolved at a court hearing with a summons (notification) of the persons involved in the case.

Key words: system of justice, Justice of the Peace, judicial burden, civil procedure legislation.

Будучи неоднократно высказываемой с самых высоких трибун, находя отражение в решениях всероссийских съездов судей¹ и публикациях руководителей органов судейского сообщества², идея совершенствования института мирового судьи, в том числе и в его процессу-

ально-правовом аспекте, не утрачивает своей актуальности.

Так, в 2023 г. мировым судьям и в районные суды Воронежской области для рассмотрения по первой инстанции поступило 10 013 уголовных дел, из них на долю мировых судей пришлось 22,5 %³.

При этом число гражданских дел и административных дел, принятых к производству мировыми судьями и районными судами

¹ Так, в Постановлении X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации», в котором прямо указывается на необходимость продолжить системное совершенствование института мировой юстиции. См.: URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/49122> (дата обращения: 30.05.2024).

² См., например: *Момотов В. В.* Мировая юстиция: состояние, проблемы, перспективы // Мировой судья. 2022. № 3. С. 2–9.

© Орлов А. В., 2024

³ Здесь и далее по тексту статьи, если иное не оговорено особо, данные приведены из официального источника – Обзора статистических данных работы мировых судей за 2023 г. Управления Судебного департамента в Воронежской области. См.: URL: <https://usd.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=159> (дата обращения: 30.05.2024).

Воронежской области по первой инстанции в 2023 г., составило 372 268 дел, и 86,2 % от названного числа приходится на мировых судей.

Иначе говоря, если номинальное количество мировых судей Воронежской области (117 единиц) разделить на общее количество указанных выше показателей мировой юстиции по поступившим уголовным, гражданским и административным делам, получится, что каждый мировой судья в год рассмотрел 2743 гражданских и административных дела и 187 уголовных. Если перевести эти параметры в месячный интервал, то средняя нагрузка составила 228 гражданских и административных дел и 15 уголовных дел в месяц.

Несколько варьируясь в зависимости от ряда аспектов, таких как городская или сельская местность, плотность населения судебного района и количество единиц мировых судей в нем, названные показатели вполне соответствуют действительности.

Если прибавить к этому нагрузку по делам об административных правонарушениях, – а за 2023 г. мировыми судьями Воронежской области рассмотрено 66 099 дел, то полученные цифры наглядно демонстрируют не просто запредельную, но не поддающуюся разумному осмыслению нагрузку на мирового судью⁴.

В совокупности с некоторыми организационно-правовыми и материально-финансовыми особенностями функционирования современной мировой юстиции тезис о должности судьи, в том числе мирового, как венце карьеры юриста в условиях сегодняшнего дня принимает как минимум неоднозначный оттенок.

Не останавливаясь на данных аспектах, исходя из реально складывающихся обстоятельств и приоритетов государственного развития, отметим, что значимой составляющей, влияющей на высокую служебную нагрузку мировых судей, является, помимо прочего, производство по материалам в порядке исполнения. Большей частью речь идет об исполнении по гражданским делам (установление правопреемства, выдача дубликатов исполнительных документов, преимущественно – судебных приказов). Количество таких материалов измеряется сотнями.

⁴ О крайне напряженной ситуации с судебной нагрузкой, говорит, в частности, и обращение внимания на данную проблему со стороны Президента РФ. См.: Путин попросил Подносову разобраться с загруженностью судов // Право.ru. 2024. 23 апр. URL: <https://pravo.ru/news/252724> (дата обращения: 30.05.2024).

Остро назревшим видится изменение установленного ГПК РФ порядка рассмотрения данных вопросов – без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле.

В настоящее время согласно ч. 3 ст. 430 ГПК РФ заявление взыскателя или судебного пристава-исполнителя о выдаче дубликата исполнительного документа рассматривается судом в судебном заседании в срок, не превышающий десяти дней со дня поступления указанного заявления в суд. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте заседания, однако их неявка не является препятствием к разрешению вопроса о выдаче дубликата. При рассмотрении заявления о выдаче дубликата исполнительного документа суд выясняет обстоятельства, свидетельствующие об утрате исполнительного документа, и исследует доказательства, подтверждающие его утрату.

Если в каждом конкретном случае мировой судья с безусловной необходимостью самостоятельно выясняет все имеющие существенное значение обстоятельства (в том числе обращается к данным общедоступного сервиса ФССП России Банк данных исполнительных производств или запрашивает конкретное подразделение ФССП; исследует соответствующее гражданское дело, включая проверку наличия доказательств получения взыскателем исполнительного документа; длительность периода с момента выдачи/получения исполнительного документа до момента обращения с заявлением о выдаче дубликата и т. д.) – целесообразность решения данного вопроса в судебном заседании, да еще и с извещением лиц, участвующих в деле, сомнительна.

Более того, в условиях нестабильной, вызывающей обоснованные нарекания работы органов почтовой связи именно уведомление участников судопроизводства и становится причиной отложений, иногда и неоднократных, рассмотрения данного вопроса.

Мы убеждены, что в каждом конкретном случае судья в состоянии самостоятельно, без проведения судебного заседания и без вызова участвующих в деле лиц, разрешить вопрос выдачи дубликата исполнительного документа.

Достаточными гарантиями защиты прав участников судопроизводства видятся обязательное направление копии определения участникам судопроизводства и иным заинтересованным лицам (органы ФССП РФ) и возможность обжалования указанного определения.

Аналогичная негативная тенденция имеется и при рассмотрении заявлений о процессуальном правопреемстве (для производства у мирового судьи характерна «бесконечная» цепочка переуступок права требования, подтвержденного судебным приказом). Разрешение не сложного, зачастую практически бесспорного, вопроса об установлении процессуального правопреемства, вынужденно откладывается из-за совершенно рудиментарных, утративших свою актуальность, требований ГПК РФ о рассмотрении данного вопроса в судебном заседании и с извещением лиц, участвующих в деле.

В условиях работы большинства мировых судей с неполным аппаратом и при той нагрузке, которая есть, каждое «лишнее», не оправдывающее себя по своему смыслу и задачам, извещение участника судопроизводства есть непозволительная роскошь, неоправданное расходование бюджетных средств (бумага, почтовые расходы), ничем не обоснованная дополнительная нагрузка на аппарат, а чаще на самого судью.

Следует согласиться и с рядом высказанных, аргументированных мнений, в том числе по вопросу нецелесообразности разрешения некоторых гражданско-правовых вопросов именно в судебном порядке и при их отнесении к подсудности мирового судьи (например, расторжение брака при отсутствии у супругов разногласий по данному вопросу, но наличии общих не-

совершеннолетних детей), и упразднения уголовно-процессуального института частного обвинения⁵.

Однако в аспекте постановки проблемы хотелось бы заявить об острой и давно назревшей необходимости «ревизии» именно норм ГПК РФ в части сокращения количества процессуальных вопросов, разрешаемых в судебном заседании с вызовом (извещением) участвующих в деле лиц и соответствующим дополнением ч. 1 ст. 203.1 ГПК РФ.

Библиографический список

Момотов В. В. Мировая юстиция : состояние, проблемы, перспективы // Мировой судья. 2022. № 3. С. 2–9.

Усольцев Е. Ю. О перспективах снижения нагрузки и развития компетенции мировой юстиции // Мировой судья. 2024. № 2. С. 19–23.

References

Momotov V. V. World justice : status, problems, prospects // Justice of the Peace. 2022. No. 3. P. 2–9.

Usoltsev E. Yu. On the prospects of reducing the burden and developing the competence of the Justice of the Peace // Justice of the Peace. 2024. No. 2. P. 19–23.

⁵ См.: *Усольцев Е. Ю.* О перспективах снижения нагрузки и развития компетенции мировой юстиции // Мировой судья. 2024. № 2. С. 19–23.

Воронежский государственный университет
Орлов А. В., кандидат юридических наук, кафедра административного и административного процессуального права
E-mail: OrlovAV@femida.vrn.ru

Поступила в редакцию: 26.11.2024

Для цитирования:

Орлов А. В. Мировая юстиция сегодня: о «перезревшей» необходимости процессуально-правового реформирования и его основных направлениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 115–117. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/115-117>

Voronezh State University
Orlov A. V., PhD in Law, Department of Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: OrlovAV@femida.vrn.ru

Received: 26.11.2024

For citation:

Orlov A. V. Justice of the peace today: about the «overripe» need for procedural and legal reform and its main directions // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 115–117. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/115-117>

УДК 349.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/118-127>

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЕМНОГО ТРУДА

С. В. Передерин

Воронежский государственный университет

STATE AND DEVELOPMENT TRENDS OF DIFFERENTIATION OF LEGAL REGULATION OF HIRED LABOR

S. V. Perederin

Voronezh State University

Аннотация: анализируются актуальные правовые проблемы дифференциации правового регулирования труда наемных работников, вносятся предложения по совершенствованию процедурного правового механизма, обеспечивающего дифференциацию правового регулирования трудовых отношений в сфере использования наемного труда, анализируются новые факторы (критерии) дифференциации труда, отмечаются пробелы и противоречия в действующем трудовом законодательстве.

Ключевые слова: дифференциация правового регулирования наемного труда, новые факторы (критерии) дифференциации, особенности дифференциации, применяемой к отдельным категориям работников и видам работодателей.

Abstract: the current legal problems of differentiation of the legal regulation of the labor of employees are analyzed, proposals are made to improve the procedural legal mechanism that ensures differentiation of the legal regulation of labor relations in the field of the use of hired labor, new factors (criteria) of labor differentiation are analyzed, gaps and contradictions in the current labor legislation are noted.

Key words: differentiation of legal regulation of wage labor, new factors (criteria) of differentiation, features of differentiation applied to certain categories of employees and types of employers.

В науке трудового права на всех этапах ее развития правовым проблемам дифференциации правового регулирования трудовых отношений уделялось и уделяется самое пристальное внимание учеными-трудовиками¹. Детальный и довольно подробный анализ теоретических правовых взглядов и воззрений на актуальные проблемы дифференциации правового

регулирования труда сделан в научной работе А. М. Лушниковой и М. В. Лушниковой «Очерки теории трудового права»².

Правовые проблемы дифференциации правового регулирования труда в прошлом веке детально и всесторонне исследовались ведущими учеными в области трудового права.

В науке трудового права на всех этапах ее развития правовым проблемам дифференциации правового регулирования труда уделялось самое пристальное внимание учеными в области трудового права.

В настоящее время указанные выше правовые проблемы рассматриваются специалистами

¹ См.: *Догодов В. М.* Очерки трудового права. М., 1927 ; *Рабинович-Захарин С. Л.* К вопросу о дифференциации советского гражданского и трудового права. М., 1952. Ч. I ; *Пашерстник А. Е.* Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. М., 1955 ; *Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П.* Советское трудовое право : вопросы теории. М., 1978 ; и др.

© Передерин С. В., 2024

² См.: *Лушников А. М., Лушников М. В.* Очерки теории трудового права. СПб., 2006. С. 426–440.

ми в области трудового права в многочисленных монографиях и научных статьях³.

В специальной юридической научной и учебной литературе дифференциация правового регулирования рассматривается в различных правовых аспектах. По мнению одних ученых, дифференциация является частью метода отрасли трудового права⁴, другие рассматривают ее в числе принципов трудового права или в качестве характерной особенности отраслевых источников права⁵, третьи полагают, что дифференциация представляет собой правовой инструмент, позволяющий учесть специфику трудовых отношений, возникающих между работниками и работодателями⁶.

Однако большинство ученых-трудовиков полагает, что под дифференциацией следует понимать установление трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права льгот, изъятий, дополнений, преимуществ, предпочтений, дополнительных гарантий и компенсаций отдельным категориям наемных работников, обу-

словленных множеством объективных и субъективных факторов (критериев), имеющих место в сфере применения несамостоятельного труда в сфере производства и оказания различного вида услуг населению.

Не вдаваясь в дискуссию о понятии и содержании дифференциации в трудовом праве, отметим лишь следующее. Нельзя сводить дифференциацию правового регулирования труда только к принятию специальных правовых норм, поскольку она предполагает и их применение с использованием конкретного правового механизма. Без наличия соответствующего правового механизма любая норма трудового права остается «мертвой», декларативной, не имеющей своего правоприменения в практической деятельности.

Полагаем, что дифференциация правового регулирования трудовых отношений, возникающих между наемными работниками и работодателями, представляет собой деятельность государства и уполномоченных им субъектов, направленную на применение материальных норм трудового права применительно к различным категориям работников с использованием специальных правовых норм процедурного характера, в целях обеспечения единства и дифференциации трудовых прав и обязанностей сторон трудовых отношений с учетом особенностей условий труда и его характера.

По нашему мнению, дифференциация является составной частью процедурно-процессуального правового механизма, обеспечивающего реализацию трудовых прав и обязанностей сторон трудовых отношений.

Процедурный правовой механизм при помощи специальных правовых процедур позволяет детализировать и конкретизировать правовые процедуры, предусмотренные трудовым законодательством: заключения, изменения и прекращения трудового договора с отдельными категориями наемных работников; использования различных режимов рабочего времени; выплаты стимулирующих и компенсационных выплат; предоставления дополнительных дней отдыха и другие в целях оптимального достижения интересов работников, работодателей и государства.

Использование специальных правовых процедур в сфере применения дифференциации труда позволяет сторонам трудовых отношений: применять общие правовые процедуры, предусмотренные трудовым законодательством, с

³ См.: Бочарникова М. А., Коршунова Т. Ю. Дифференциация правового регулирования трудовых отношений : теоретические аспекты // Рос. ежегодник трудового права. 2006. № 2. С. 237–251 ; Головина С. Ю. Трансформация трудового права в эпоху политико-экономических вызовов современности // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 3. С. 2–5 ; Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Дифференциация регулирования трудовых отношений как закономерность развития трудового права // Журнал рос. права. 2015. № 6. С. 75–87 ; Скачкова Г. С. Дифференциация в трудовом праве и Трудовом кодексе РФ // Цивилист. 2012. № 2. С. 86–99; Пармонова С. В. Предпосылки и особенности проявления дифференциации в правовом регулировании труда работников обособленных структурных подразделений организаций // Журнал рос. права. 2023. № 6. С. 23–26 ; Тимошенко Р. В. Дифференциация правового регулирования трудовых отношений в зависимости от особенностей работодателя : некоторые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3.

⁴ См.: Советское трудовое право : учебник / под ред. А. С. Пашкова Л. ; М., 1976. С. 39 ; Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П. Советское трудовое право : вопросы теории. М., 1978. С. 314–324.

⁵ См.: Трудовое право : учеб. для бакалавров / под ред. К. Н. Гусова. М., 2015. С. 70–75 ; Трудовое право / под ред. В. М. Лебедева. М., 2011. С. 65–67.

⁶ См.: Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Дифференциация регулирования трудовых отношений как закономерность развития трудового права // Журнал рос. права. 2015. № 6. С. 68–82 ; Клепалова Д. Н. Правовое регулирование рабочего времени : современные тенденции // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 4. С. 21–31.

учетом специфики трудовой деятельности наемного работника и организационно-правовой формы работодателя; обеспечивать применение общих материальных норм трудового права применительно к отдельным видам работодателей с учетом объективных и субъективных факторов имеющих место в производственной и иной предпринимательской деятельности; использовать процедурные правовые средства, установленные законодательством в целях правомерного и эффективного правового регулирования трудовых отношений; учитывать условия труда, характер выполняемой трудовой функции, исходя из объективных процессов, имеющих место в соответствующей трудовой деятельности; учитывать взаимные интересы работников, работодателей и государства; обеспечивать гибкость применения материальных норм трудового права с учетом возрастных, половых и иных.

Наличие различных форм собственности, многообразия видов работодателей, применение новых форм организации труда, внедрение новых технологий, появление новых профессий и нетипичных форм труда, а также многие другие объективные факторы вызывают необходимость расширения и совершенствования дифференциации правового регулирования наемного труда. Трудно согласиться с предложением, высказанным в научной литературе, о необходимости законодательного установления пределов осуществления дифференциации правового регулирования трудовых отношений⁷, поскольку он противоречит объективным процессам, происходящим в сфере производства и оказания различных видов услуг, оказываемых населению.

Для современного правового процедурного механизма в сфере применения дифференциации правового регулирования наемного труда

характерны следующие тенденции и направления его совершенствования.

Реализация трудовых прав и обязанностей субъектами трудовых отношений на которых распространяются специальные нормы трудового права, осуществляется с применением общих и специальных правовых процедур. Так, при заключении, изменении и прекращении трудового договора с женщинами и лицами с семейными обязанностями используются и те и другие правовые процедуры. Следует согласиться с мнением А. М. Куренного о том, что вопросы правового регулирования отношений в сфере использования наемного труда необходимо рассматривать комплексно, без отрыва от общих правовых проблем, имеющих место в существующих макро- и микроэкономиках⁸.

Помимо общепризнанных в науке трудового права объективных и субъективных факторов (критериев) и условий дифференциации в трудовом законодательстве проявились иные. К ним, в частности, относятся: виды работодателей (государственные корпорации и компании, Фонд социального обеспечения, кредитные организации и др.); чрезвычайные ситуации; цифровизация, внедрение искусственного интеллекта, нетрадиционные формы организации труда и др. Правовое регулирование трудовых отношений, возникающих при наличии таких факторов, требует осмысления и оперативного внесения изменений в трудовое законодательство⁹. В качестве оперативного решения дифференциации правового регулирования отдельных категорий работников можно приве-

⁸ См.: Куренной А. М. Право и справедливость в российской системе регулирования трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 3–7.

⁹ См.: Куренной А. М., Костян И. А. Цифровая экономика и трудовые отношения (проблемы введения электронного документооборота) // Современные информационные технологии и право : монография. М., 2019. С. 55–67 ; Лютов Н. Л., Черных Н. В. Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости. М., 2022. 256 с. ; Парамонова С. В. Предпосылки и особенности проявления дифференциации в правовом регулировании труда работников обособленных структурных подразделений организаций // Журнал рос. права. 2023. № 6. С. 130–145 ; Тимошенко Р. И. Дифференциация правового регулирования трудовых отношений в зависимости от особенностей работодателя : некоторые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3 ; Филиппова И. А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе : искусственный интеллект и трудовое право. Ниж. Новгород, 2019. 90 с.

⁷ См.: Закалюжная Н. В. Основные формы нетипичных трудовых отношений в России и за рубежом в условиях модернизации экономики : дис. ... д-ра юрид. наук, М., 2021. С. 113–153 ; Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовые права в XXI веке : современное состояние и тенденции развития. М., 2015. С. 27–75 ; Лютов Н. Л., Черных Н. В. Трудовое право в условиях больших вызовов : монография. М., 2023 ; Правовые проблемы жизни и здоровья граждан в районах с неблагоприятными климатическими условиями : монография / под ред. Т. Ю. Коршуновой, С. В. Каменской. М., 2024, 208 с. ; Чиканова Л. А. Модернизация законодательства о труде : актуальные проблемы // Журнал рос. права. 2022. № 2. С. 70–84.

сти постановление Правительства РФ от 31 декабря 2022 г. № 2571 «Об особенностях применения трудового законодательства Российской Федерации, и иных нормативных актов, содержащих нормы трудового права, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, которое закрепило специальные правовые процедуры к лицам, осуществляющим трудовую (служебную) деятельность в этих субъектах Российской Федерации»¹⁰.

Наблюдается процесс расширения дифференциации правового регулирования к различным отраслям экономики, отдельным видам работодателей и некоторым категориям работников. Так, ст. 351.6 ТК РФ предусмотрено использование работодателями специальных правовых процедур, регламентирующих допуск к трудовой деятельности работников в сфере электроэнергетики, теплоснабжения, промышленной безопасности и безопасности на гидротехнических сооружениях. Правовые нормы регулируют специальные правовые процедуры прохождения аттестации в соответствующих сферах и областях трудовой деятельности, проведения подготовки и получения допуска готовности к работе, обучения по охране труда работников, определяемых перечнями, утверждаемыми федеральными законами и иными нормативными правовыми актами¹¹.

Специальные правовые процедуры дифференциации правового регулирования труда используются для работодателей: создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами; кредитных организаций; резидентов территории опережающего развития и многих других, а также для отдельных категорий работников: медицинских, осуществляющих свою трудовую деятельность на транспорте и в сфере проведения специальной оценки условий труда; творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и

концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и(или) исполнении (экспонировании) произведений или выступающих, помощником и работником нотариуса и др.

Данный вид правовых процедур также регламентирует выплату выходных пособий, компенсаций и иных выплат в связи с прекращением трудовых договоров для отдельных категорий работников (руководителей, их заместителей и главных бухгалтеров коллегиальных исполнительных органов государственных корпораций, государственных компаний и других), и размещение информации о среднемесячной заработной плате руководителей, их заместителей и главных бухгалтеров организаций в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Анализ специальных правовых норм, обеспечивающих дифференциацию правового регулирования наемного труда свидетельствует о том, что законодатель принимает их весьма хаотично и без достаточных объективных оснований, исходя из сиюминутной ситуации. Следует согласиться с мнением, высказанным в специальной юридической литературе о том, что специальные нормы принимаются законодателем под конкретную проблему и не всегда становятся востребованными в правоприменительной практике¹². В качестве примера можно привести специальные правовые нормы, регулирующие прекращение трудового договора с помощником, работником нотариуса, особенности регулирования труда работников государственных органов и органов местного самоуправления.

В то же время за пределами дифференциации правового регулирования остаются трудовые отношения в таких важных отраслях экономики, как лесная промышленность, сельское хозяйство и др., хотя условия труда и характер выполняемых трудовых функций нуждается в специальном правовом регулировании применительно к правовым институтам рабочего времени и времени отдыха, заработной платы, охраны жизни и здоровья наемных работников, работающих в указанных выше отраслях производства. Ранее действовавшее законодательство содержало специальные правовые нормы, учитывающие специфику их труда.

¹⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 2. Ст. 524.

¹¹ См.: Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Дифференциация регулирования трудовых отношений как закономерность развития трудового права // Журнал рос. права. 2015. № 6. С. 70 ; Скачкова Г. С. Расширение сферы действия трудового права и дифференциация его норм : монография. М., 2003. С. 11–13.

¹² См.: Головина С. Ю. Дифференциация трудового права : пределы необходимости // Трудовое право : национальное и международное измерение : монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М., 2022. Т. 2. С. 112–149.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 10 декабря 2002 г. № 877 «Об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха отдельных категорий работников, имеющих особый характер работы»¹³ федеральными органами исполнительной власти разработаны и утверждены Положения об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха применительно к соответствующим отраслям экономики: транспорту, связи, рыбохозяйственному комплексу и многим другим¹⁴.

В недалеком прошлом времени особенности правового регулирования режима рабочего времени и времени отдыха рабочих и служащих, занятых на работах в лесной промышленности и лесном хозяйстве регулировались правовыми нормами, предусмотренными «Положением о режиме рабочего времени и времени отдыха рабочих и служащих, занятых на работах в лесной промышленности и лесном хозяйстве, порядок оплаты труда при удлинённых и сокращённых рабочих сменах», утверждённым постановлением Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 29 октября 1980 г. № 330/П-12¹⁵ и иных нормативных правовых актах¹⁶.

¹³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 50. Ст. 4952.

¹⁴ См.: Особенности режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда отдельных категорий работников железнодорожного транспорта общего пользования, работа которых непосредственно связана с движением поездов : утв. Приказом Минтранса России от 11 октября 2021 г. № 339 ; Особенности режима рабочего времени и времени отдыха условий труда водителей автомобилей : утв. Приказом Минтранса России от 16 октября 2020 г. № 424 ; Положение об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха членов экипажей морских судов и судов смешанного (река-море) плавания : утв. Приказом Минтранса России от 20 сентября 2016 г. № 268 ; Положение об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха отдельных категорий работников рыбохозяйственного комплекса, имеющих особый характер работы : утв. Приказом Госкомрыболовства РФ от 8 августа 2003 г. № 271 ; Положение об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха работников связи, имеющих особый характер работы : утв. Приказом Минсвязи от 8 сентября 2003 г. № 112 ; и др.

¹⁵ Бюллетень Госкомтруда СССР. 1981. № 12.

¹⁶ Об условиях труда рабочих и служащих занятых на работах в лесной промышленности и лесном хозяйстве : указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 ноября 1979 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 47. Ст. 785 ; Положение об условиях труда рабочих и служащих занятых на работах в лесной промышленности и лесном хозяйстве : утв. постановлением

Действовавшее ранее трудовое законодательство также предусматривало особенности правового регулирования труда работников сельского хозяйства, работающих в сельскохозяйственных предприятиях, созданных на основе государственной собственности. Постановлением Совета Министров СССР от 24 мая 1962 г. № 475 «О режиме рабочего времени рабочих совхозов и других государственных предприятий сельского хозяйства»¹⁷ и Разъяснением Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 15 июня 1962 г. № 11/П-15 «О режиме рабочего времени рабочих совхозов и других государственных предприятий сельского хозяйства»¹⁸ регулировались правовые процедуры увеличения рабочего времени в напряжённые периоды полевых работ (посевов, уход за посевами, заготовка кормов, уборка урожая, вспашка зяби), установления и применения суммированного учета рабочего времени, предоставления за переработку рабочего времени дополнительных дней отдыха и др.

Целесообразно разработать и принять нормативные правовые акты на отраслевом уровне, учитывающие особенности правового регулирования труда работников лесной промышленности и сельского хозяйства, которые бы устанавливали особенности режима рабочего времени и времени отдыха, оплату труда в зависимости от характера выполняемой работы (возможно увеличение выплаты заработной платы в натуре), охраны труда жизни и здоровья наемных работников.

Возрастают роль и значение локальной дифференциации правового регулирования трудовых отношений. Работодатели, с учетом своих финансовых возможностей, принимают локальные нормативные акты или включают в содержание коллективного договора специальные нормы, предоставляющие дополнительные льготы, компенсации, выплату стимулирующих и компенсационных выплат и т. п., направленных на улучшение условий труда наемных работников.

Важная роль в реализации и использовании процедурного правового механизма, обеспечивающего дифференциацию правового регулирования труда принадлежит постановлениям

Совета Министров СССР 13 ноября 1979 г. № 1014 // Свод законов СССР. 1979. Т. 2 ; и др.

¹⁷ СП СССР. 1962. № 8. Ст. 70.

¹⁸ Бюллетень Госкомтруда СССР. 1962. № 8.

Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ в своих постановлениях¹⁹ подчеркивает, что тенденция развития дифференциации правового регулирования наемного труда, обусловлена объективными процессами, происходящими в сфере экономики, что все работодатели, независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности на которой они созданы, при осуществлении правового регулирования трудовых отношений, обладают равными правами и несут равные обязанности. Использование дифференциации правового регулирования труда применительно к отдельным видам работодателей не нарушает трудовые права наемных работников. Однако при применении специальных правовых процедур, регламентирующих особенности, предусмотренные трудовым законодательством, работодателям необходимо соблюдать принципы справедливости и соразмерности, единства и дифференциации, учитывать специфику условий труда, характер труда и трудовой функции, выполняемой наемным работником²⁰.

¹⁹ См.: По делу о проверке конституционности частей второй и третьей статьи 318 Трудового кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Сергеева : постановление Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2024 г. № 54-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; По делу о проверке конституционности статьи 349 и части второй статьи 392 Трудового кодекса РФ, а также пунктов 2, 4 и 10 положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы в связи с жалобой гражданина О. И. Мицкевич : постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2024 г. № 47-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 44. Ст. 6688.

²⁰ См.: Абалдуев В. А. Трудовое право и конституционное правосудие : как обеспечить связь закона и судебной практики // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 15–18 ; Позиция Конституционного Суда РФ и пересмотр усмотренческих полномочий работодателя в нормах Трудового кодекса РФ // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 3–5 ; Маврин С. П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2010. 3 6. С. 26–28 ; Судебная практики и развитие законодательства о труде и социальном обеспечении : научно-практическое пособие / под ред. Т. Ю. Коршуновой. М., 2024. 248 с. ; Хохрякова О. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и их значение для применения трудового законодательства и законодательства о социальном обеспечении // Вопросы трудового права. 2006. № 9. С. 19.

Верховным Судом РФ в целях единообразия применения специальных правовых процедур, регламентирующих дифференциацию правового регулирования труда наемных работников, приняты постановления, регулирующие применение специальных правовых норм трудового законодательства применительно к работающим женщинам, лицам с семейными обязанностями и несовершеннолетним²¹, руководителям организации и членам коллегиального исполнительного органа организации²², спортсменам и тренерам²³, работникам, работающим у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям²⁴. Разъяснения по применению специальных процедур, которые даются в указанных выше постановлениях Пленума Верховного Суда РФ направлены на более эффективное их применение в правоприменительной практике²⁵.

В процессе реализации дифференциации правового регулирования отдельных категорий работников имеет место наличие пробелов, отсутствие четких правовых положений, обеспечивающих специальные нормы трудового права, отступление законодателя от правовых положений, содержащихся в материальных нормах трудового права в пользу расширения трудовых прав работодателей. Наиболее наглядно это проявляется в установлении дополнительных оснований прекращения трудового договора (по инициативе работодателей – физических лиц, религиозных организаций и др.) при регулировании рабочего времени и времени отдыха. В Положениях, регулирующих режимы рабочего времени и времени отдыха, содержатся правовые нормы по разному определяющие фактическое рабочее время. Одни в его содержание включают подготовительное, перед работой и заключительное, после окончания работы время, а другие только время непосредственно

²¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 4.

²² Там же. 2015. № 7.

²³ Там же. 2016. № 2.

²⁴ Там же. 2018. № 8.

²⁵ См.: Головина С. Ю., Лютов Н. Л. Верховный Суд Российской Федерации – законодатель в сфере трудового права? // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 52–67 ; Момотов В. В. Пространство права и власть технологии в журнале судебной практики: современный взгляд // Там же. 2023. № 2. С. 112–123 ; Хабриева Т. Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография. М., 2023. 384 с.

выполнения трудовой функции, например, при исчислении рабочего времени, членам воздушных экипажей гражданской авиации, применении специальных норм оплаты труда наемных работников²⁶.

Современному уровню, по нашему мнению, присущи следующие недостатки: имеет место расширение специального правового регулирования в отношении отдельных видов работодателей (религиозных организаций, микропредприятий и других); действующее трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права нередко отстают от развития общественных отношений в сфере использования наемного труда и не всегда оперативно учитывают появление новых факторов (критериев), обуславливающих принятие специальных правовых норм, регулирующих соответствующие правовые процедуры; дифференциация не учитывает такие факторы, как ум, талант, здоровье, физическую силу наемных работников, а также деловые качества работника; для характеристики дифференциации применяемой к наемным работникам законодатель использует правовые формулировки «Особенности правового регулирования труда работников» и «особенности регулирования труда других категорий работников», не указывая, в чем состоит разница между ними; отсутствует единая методология разработки и принятия нормативных правовых актов, направленных на регулирование специальных правовых процедур, учитывающих особенности правового регулирования отдельных трудовых отношений; расширяется круг субъектов, в отношении которых допускается дифференциация правового регулирования труда.

На основе анализа действующего трудового законодательства и изучения специальной юридической литературы можно сделать следующие выводы относительно функционирования дифференциации правового регулирования труда наемных работников. В современных условиях возрастают роль и значение дифференциации,

призванной обеспечить более качественное и эффективное правовое регулирование трудовых отношений отдельных категорий работников; происходит процесс формирования новых или трансформирование действующих правовых процедур, регулирующих особенности применения наемного труда; идет процесс углубления дифференциации, обусловленный появлением новых факторов (критериев), которые возникают в процессе применения новых форм организации труда и всеобщей цифровизации, а также внедрением искусственного интеллекта; дифференциация правового регулирования труда осуществляется с использованием различных правовых процедур, регулируемых специальными нормами трудового права (межотраслевого, отраслевого, территориального и локального характера); при осуществлении дифференциации сторонами трудовых отношений используются материальные и нематериальные правовые процедуры; в качестве факторов (критериев) дифференциации выступают чрезвычайные ситуации и проведение специальной военной операции.

Динамичное развитие трудовых отношений в сфере производства и оказания различных видов услуг населению способствует углублению дифференциации правового регулирования труда наемных работников, возникновению новых подходов и способов реализации специальных правовых норм.

Необходимо создание гибкого процедурного правового механизма, обеспечивающего защиту законных прав и интересов работников, работодателей и государства в сфере использования наемного труда.

Библиографический список

Абалдуев В. А. Трудовое право и конституционное правосудие : как обеспечить связь закона и судебной практики // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 15–18.

Абалдуев В. А. Позиция Конституционного Суда РФ и пересмотр усмотренческих полномочий работодателя в нормах Трудового кодекса РФ // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 3–5.

Бочарникова М. А., Коршунова Т. Ю. Дифференциация правового регулирования трудовых отношений : теоретические аспекты // Российский ежегодник трудового права. 2006. № 2. С. 237–251.

Головина С. Ю. Дифференциация трудового права : пределы необходимости // Трудовое право : национальное и международное измерение : моно-

²⁶ См.: Костян И. А. Актуальные проблемы практики применения трудового законодательства, регулирующего отдельные вопросы оплаты труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 51–54; Нуртдинова А. Ф. Судебная практика : некоторые проблемы толкования норм об оплате труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 25–29 ; № 2. С. 27–30 ; Хныкин Г. В. Проблемы правового регулирования режима рабочего времени // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 4. С. 43–46.

графия / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М., 2022. Т. 2. С. 112–149.

Головина С. Ю. Трансформация трудового права в эпоху политико-экономических вызовов современности // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 3. С. 2–5.

Головина С. Ю., Лютов Н. Л. Верховный Суд Российской Федерации – законодатель в сфере трудового права? // Журнал рос. права. 2022. № 10. С. 52–67.

Догадов В. М. Очерки трудового права. М., 1927.

Закалюжная Н. В. Основные формы нетипичных трудовых отношений в России и за рубежом в условиях модернизации экономики : дис... д-ра юрид. наук, М., 2021. С. 113–153.

Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П. Советское трудовое право : вопросы теории. М., 1978.

Клепалова Ю. И. Правовое регулирование рабочего времени : современные тенденции // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 4. С. 21–31.

Костян И. А. Актуальные проблемы практики применения трудового законодательства, регулирующего отдельные вопросы оплаты труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 51–54.

Куренной А. М. Право и справедливость в российской системе регулирования трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 3–7.

Куренной А. М., Костян И. А. Цифровая экономика и трудовые отношения (проблемы введения электронного документооборота) // Современные информационные технологии и право : монография. М. : Статут, 2019. С. 55–67.

Лушников А. М., Лушникова М. В. Очерки теории трудового права. СПб., 2006. С. 426–440.

Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовые права в XXI веке : современное состояние и тенденции развития. М., 2015. С. 27–75.

Лютов Н. Л., Черных Н. В. Трудовое право в условиях больших вызовов : монография. М., 2023.

Лютов Н. Л., Черных Н. В. Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости. М. : Проспект, 2022. 256 с.

Маврин С. П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 6. С. 26–28.

Момотов В. В. Пространство права и власть технологии в журнале судебной практики : современный взгляд // Журнал рос. права. 2023. № 2. С. 112–123.

Нуртдинова А. Ф. Судебная практика : некоторые проблемы толкования норм об оплате труда //

Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 25–29 ; № 2. С. 27–30.

Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Дифференциация регулирования трудовых отношений как закономерность развития трудового права // Журнал рос. права. 2015. № 6. С. 68–87.

Парамонова С. В. Предпосылки и особенности проявления дифференциации в правовом регулировании труда работников обособленных структурных подразделений организаций // Журнал рос. права. 2023. № 6. С. 130–145.

Пашерстник А. Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. М., 1955.

Правовые проблемы жизни и здоровья граждан в районах с неблагоприятными климатическими условиями : монография / под ред. Т. Ю. Коршуновой, С. В. Каменской. М., 2024. 208 с.

Рабинович-Захарин С. Л. К вопросу о дифференциации советского гражданского и трудового права. М., 1952. Ч. I.

Скачкова Г. С. Дифференциация в трудовом праве и Трудовом кодексе РФ // Цивилист. 2012. № 2. С. 86–99.

Скачкова Г. С. Расширение сферы действия трудового права и дифференциация его норм : монография. М., 2003. С. 11–13.

Советское трудовое право : учебник / под ред. А. С. Пашкова Л. ; М., 1976.

Судебная практика и развитие законодательства о труде и социальном обеспечении : научно-практическое пособие / под ред. Т. Ю. Коршуновой. М., 2024. 248 с.

Тимошенко Р. В. Дифференциация правового регулирования трудовых отношений в зависимости от особенностей работодателя : некоторые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3.

Тимошенко Р. И. Дифференциация правового регулирования трудовых отношений в зависимости от особенностей работодателя : некоторые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3.

Трудовое право / под ред. В. М. Лебедева. М., 2011. С. 65–67.

Трудовое право : учеб. для бакалавров / под ред. К. Н. Гусова. М., 2015. С. 70–75.

Филиппова И. А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе : искусственный интеллект и трудовое право. Ниж. Новгород, 2019. 90 с.

Хабриева Т. Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография. М., 2023. 384 с.

Хныкин Г. В. Проблемы правового регулирования режима рабочего времени // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 4. С. 43–46.

Хохрякова О. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и их значение для применения трудового законодательства и законодательства о социальном обеспечении // Вопросы трудового права. 2006. № 9. С. 19.

Чиканова Л. А. Модернизация законодательства о труде : актуальные проблемы // Журнал рос. права. 2022. № 2. С. 70–84.

References

Abalduev V. A. Labor law and constitutional justice : how to ensure the connection between law and judicial practice // Labor law in Russia and abroad. 2020. No. 3. P. 15–18.

Abalduev V. A. The position of the Constitutional Court of the Russian Federation and the revision of the discretionary powers of the employer in the norms of the Labor Code of the Russian Federation // Labor Law in Russia and Abroad. 2022. No. 3. P. 3–5.

Bocharnikova M. A., Korshunova T. Yu. Differentiation of legal regulation of labor relations : theoretical aspects // Russian Yearbook of Labor Law. 2006. No. 2. P. 237–251.

Golovina S. Yu. Differentiation of labor law : the limits of necessity // Labor law : national and international dimension : monograph / ed. S. Yu. Golovina, N. L. Lyutova. Moscow, 2022. T. 2. P. 112–149.

Golovina S. Yu. Transformation of labor law in the era of political and economic challenges of our time // Labor law in Russia and abroad. 2023. No. 3. P. 2–5.

Golovina S. Yu., Lyutov N. L. Is the Supreme Court of the Russian Federation a legislator in the field of labor law? // Journal of Russian Law. 2022. No. 10. P. 52–67.

Dogadov V. M. Essays on labor law. Moscow, 1927.

Zakalyuzhnaya N. V. The main forms of atypical labor relations in Russia and abroad in the context of economic modernization : dr. legal. sci. dis. Moscow, 2021. P. 113–153.

Ivanov S. A., Livshits R. Z., Orlovsky Yu. P. Soviet labor law : theoretical issues. Moscow, 1978.

Klepalo Yu. I. Legal regulation of working time : modern trends // Labor law in Russia and abroad. 2024. No. 4. P. 21–31.

Kostyan I. A. Current problems in the practice of applying labor legislation regulating certain issues of remuneration // Labor Law in Russia and Abroad. 2022. No. 3. P. 51–54.

Kurennoy A. M. Law and justice in the Russian system of regulation of labor relations // Labor law in Russia and abroad. 2018. No. 4. P. 3–7.

Kurennoy A. M., Kostyan I. A. Digital economy and labor relations (problems of introducing electronic document management) // Modern information technologies and law : monograph. Moscow : Statute, 2019. P. 55–67.

Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Essays on the theory of labor law. St. Petersburg, 2006. P. 426–440.

Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Labor rights in the 21st century : current state and development trends. Moscow, 2015. P. 27–75.

Lyutov N. L., Chernykh N. V. Labor law in the face of great challenges : monograph. Moscow, 2023.

Lyutov N. L., Chernykh N. V. Labor relations in the context of the development of non-standard forms of employment. Moscow : Prospect, 2022. 256 p.

Mavrin S. P. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation : nature and place in the national legal system // Journal of Constitutional Justice. 2010. № 3. 6. P. 26–28.

Momotov V. V. The space of law and the power of technology in the journal of judicial practice : a modern view // Journal of Russian Law. 2023. No. 2. P. 112–123.

Nurtdinova A. F. Judicial practice : some problems of interpretation of wage standards // Labor Law in Russia and Abroad. 2019. No. 1. P. 25–29 ; No. 2. P. 27–30.

Nurtdinova A. F., Chikanova L. A. Differentiation of regulation of labor relations as a pattern of development of labor law // Journal of Russian Law. 2015. No. 6. P. 68–87.

Paramonova S. V. Prerequisites and features of the manifestation of differentiation in the legal regulation of labor of workers of separate structural divisions of organizations // Journal of Russian Law. 2023. No. 6. P. 130–145.

Pasherstnik A. E. Theoretical issues of codification of all-Union labor legislation. Moscow, 1955.

Legal problems of life and health of citizens in areas with unfavorable climatic conditions : monograph / ed. T. Yu. Korshunova, S. V. Kamenskaya. Moscow, 2024, 208 p.

Rabinovich-Zakharin S. L. On the issue of differentiation of Soviet civil and labor law. Moscow, 1952. Part I.

Skachkova G. S. Differentiation in labor law and the Labor Code of the Russian Federation // Civilist. 2012. No. 2, P. 86–99.

Skachkova G. S. Expanding the scope of labor law and differentiation of its norms : monograph. Moscow, 2003. P. 11–13.

Soviet labor law : textbook / ed. A. S. Pashkova. Leningrad ; Moscow, 1976. P. 39.

Judicial practice and development of legislation on labor and social security : scientific and practical guide / ed. T. Yu. Korshunova. Moscow, 2024. 248 p.

Timoshenko R. V. Differentiation of legal regulation of labor relations depending on the characteristics of the employer : some aspects // Labor law in Russia and abroad. 2021. No. 3.

Timoshenko R. I. Differentiation of legal regulation of labor relations depending on the characteristics of the employer : some aspects // Labor law in Russia and abroad. 2021. No. 3.

Labor Law / ed. V. M. Lebedev. Moscow, 2011. P. 65–67.

Labor law : textbook for bachelors / ed. K. N. Gusov. Moscow, 2015. P. 70–75.

Filippova I. A. Transformation of legal regulation of labor in a digital society : artificial intelligence and labor law. N. Novgorod, 2019. 90 p.

Khabrieva T. Ya. Doctrinal foundations of practice of the Supreme Court of the Russian Federation : monograph. Moscow, 2023. 384 p.

Khnykin G. V. Problems of legal regulation of working hours // Labor law in Russia and abroad. 2023. No. 4. P. 43–46.

Khokhryakova O. S. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and their significance for the application of labor legislation and legislation on social security // Issues of labor law. 2006. No. 9. P. 19.

Chikanova L. A. Modernization of labor legislation : current problems // Journal of Russian Law. 2022. No. 2. P. 70–84.

Воронежский государственный университет
Передерин С. В., доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой трудового права
E-mail: sergey.perederin@yandex.ru

Поступила в редакцию: 27.11.2024

Для цитирования:

Передерин С. В. Состояние и тенденции развития дифференциации правового регулирования наемного труда // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 118–127. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/118-127>

Voronezh State University
Perederin S. V., Doctor of Law, Professor, Head of
the Department of Labor Law
E-mail: sergey.perederin@yandex.ru

Received: 27.11.2024

For citation:

Perederin S. V. State and development trends of differentiation of legal regulation of hired labor // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 118–127. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/118-127>

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ КАК ИСТОЧНИКА ТРУДОВОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю. С. Гусакова, О. С. Лилюкова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

SPECIFIC FEATURES OF JUDICIAL PRACTICE AS A SOURCE OF LABOR LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yu. S. Gusakova, O. S. Lilikova

Belgorod State National Research University

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и практические особенности источников трудового права. Анализируется актуальная нормативная правовая база, изучаются современные позиции ученых-правоведов в области трудового права относительно дефиниции термина «источник права». Исследуются позиции ученых относительно возможности признания статуса источника права за судебной практикой. Проводится изучение специфических особенностей судебной практики в трудовом праве, выделяются уникальные черты. Выдвигаются предположения о способах достижения единообразного подхода к определению места судебной практики в системе источников трудового права Российской Федерации.

Ключевые слова: источник трудового права, трудовое право, судебная практика, правоприменительная деятельность, правотворческая деятельность.

Abstract: the article discusses the theoretical and practical features of the sources of labor law. The current regulatory legal framework is analyzed, and the current positions of legal scholars in the field of labor law regarding the definition of the term «source of law» are studied. The positions of scientists regarding the possibility of recognizing the status of a source of law for judicial practice are examined. The study of the specific features of judicial practice in labor law is carried out, and unique features are highlighted. Suggestions are put forward about ways to achieve a uniform approach to determining the place of judicial practice in the system of sources of labor law of the Russian Federation.

Key words: source of labor law, labor law, judicial practice, law enforcement activities, law-making activities.

Вопрос об источниках правовой отрасли является фундаментальным не только для науки трудового права, но и для любой отрасли российского права. Поскольку правовая система России принадлежит к группе романо-германской правовой семьи, основным источником является нормативный правовой акт. Правильная систематизация источников трудового права играет важную роль в построении правового демократического государства. Систематизация источников трудового права России позволяет укрепить строгую иерархию правовых актов. Появление новых нормативных правовых актов оказывает влияние на систематизацию источни-

ков российского трудового права, тем самым вызывая дискуссию о статусе системы источников.

Определение правовой дефиниции термина «источник права» является одним из наиболее дискуссионных в правовой теории Российской Федерации. Несмотря на то что данное понятие – одно из самых базовых как в области научной юриспруденции, так и в правоприменительной деятельности, среди ученых-правоведов и практиков так и не сформировалось единого определения источника права. В зависимости от взглядов отдельных ученых могут представляться различные толкования данного понятия.

Вместе с тем «источник права» выступает значимой категорией для осуществления право-

вого регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними общественных отношений. Вот почему крайне важно изучить специфические особенности источников права в системе трудового права Российской Федерации.

Как отмечал в своих трудах отечественный юрист-правовед в области трудового права О. В. Смирнов, источники трудового права, в первую очередь, представляют собой совокупность результатов правотворческой деятельности уполномоченных на то органов государственной власти в области регулирования трудовых и иных связанных с ними общественных отношений, выступающих в качестве составного элемента предмета трудового права¹.

Указанная дефиниция представляется недостаточной полной, не отражая всего многообразия форм общепринятых источников трудового права. При таком подходе полностью игнорируется возможность правотворческой деятельности работодателя и трудового коллектива, закрепленная на законодательном уровне.

Другие отечественные правоведы, например А. М. Куреннин и И. К. Дмитриев, под источниками трудового права понимают результаты нормотворческой деятельности органов государства, а также совместного правотворчества работников и работодателей в сфере регулирования общественных отношений, составляющих предмет трудового права². На наш взгляд, данное толкование рассматриваемого термина более верно, однако оно не учитывает специфических особенностей нормотворческой деятельности муниципальных органов в области регулирования трудовых отношений.

Исходя из ранее отмеченного, мы можем прийти к выводу о том, что внешней формой выражения источника трудового права выступает какой-либо юридический акт, устанавливающий совокупность субъективных прав и юридических обязанностей работника и работодателя, исходящий от уполномоченного на его принятие лица, а также в результате коллективной деятельности работника и работодателя.

Что примечательно, отечественный законодатель легально закрепляет действующую си-

стему источников трудового права. Так, в содержании ст. 5 Трудового Кодекса Российской Федерации³ (далее – ТК РФ) установлена система трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. В содержании отмеченной статьи закрепляется принцип иерархии юридической силы актов трудового законодательства, при котором в случае правовой коллизии между нормативными правовыми актами в сфере труда применению подлежит норма, содержащаяся в акте высшей юридической силы.

На наш взгляд, наиболее значимым и спорным является вопрос о сущности и правовой природе судебной практики как источника трудового права. Отметим, что особенности правового обычая как источника трудового права будут рассмотрены далее, поскольку тесно связаны со сложившейся правоприменительной практикой.

В общеправовой теории сложилось два основных подхода к определению термина «судебная практика». Под судебной практикой понимается, во-первых, совокупность правоприменительных действий органов судебной власти, во-вторых – формализованная в виде правоприменительных актов (решений, постановлений) деятельность судебных органов по толкованию и применению норм материального права в сфере трудовых отношений.

Разумеется, при рассмотрении нами вопроса о сущности судебной практики как источника мы будем исходить именно из второго подхода к указанному определению.

В этом случае для нас будут иметь особенное значение акты, принимаемые всеми структурными элементами судебной системы РФ: судами общей юрисдикции разных звеньев, арбитражными судами, если предметом рассмотрения стали отношения, тесно связанные с трудовыми, Верховным Судом РФ, а также Конституционным Судом РФ.

В теории трудового права не имеется единства в вопросе определения возможности признания статуса источника права за судебной практикой, данный вопрос сохраняет свою актуальность уже продолжительное время. На ос-

¹ См.: Демидов, Н. В. Трудовое право : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 35.

² См.: Трудовое право России : учеб. для студ. / А. А. Бережнов, И. К. Дмитриева, Е. Ю. Забрамная [и др.] ; под ред. А. М. Куренного. 4-е изд., испр. и доп. М., 2020. С. 57.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ст. 3.

новании Конституции Российской Федерации⁴ мы можем говорить о строгом разграничении функций государства в соответствии с системой разделения ветвей государственной власти. Законодатель, формируя правовой фундамент государственной системы современной Российской Федерации, исходил из представления о том, что судебная ветвь власти должна быть сфокусирована на правоприменительной деятельности, основываясь лишь на положениях правовых норм, устанавливаемых законодательной ветвью власти.

Суд осуществляет свои полномочия в рамках правоприменительной деятельности, которая, в отличие от правотворческой деятельности, имеет ряд специфических особенностей. Правоприменительная деятельность носит казуистический характер, т. е. направлена на применение правовых норм в конкретном индивидуальном случае, правоприменительная деятельность не создает общеобязательных правил поведения, в отличие от нормотворческой деятельности.

Заключительным этапом правоприменительной деятельности выступает принятие или издание специализированного правоприменительного акта, действие которого, пусть и носит общеобязательный характер, однако распространяется на малочисленный и строго определенный круг субъектов по строго определенным условиям и в условиях индивидуализации каждой конкретной ситуации.

Важно отметить, что сложившаяся практика совершенно неоднозначна в вопросе соответствия указанных положений требованиям закона. Трудовое право – одна из тех отраслей, где вопрос признания судебной правоприменительной практики в качестве источника права является одним из самых спорных. Безусловно, судебная ветвь власти выступает в качестве главного правоприменителя со стороны государства, именно решения судебных органов заключительные по всем спорным вопросам.

Судебным органам власти, в отличие от, например, правоприменительных органов испол-

нительной власти, предоставлены куда более серьезные и значимые полномочия в области регулирования общественных отношений. Именно судам и исключительно им, в соответствии с положениями Конституции РФ, предоставлена возможность осуществлять специфическую правоприменительную деятельность в виде правосудия – решения вопросов о наличии или отсутствии спорных материальных правоотношений между физическими и юридическими лицами от имени Российской Федерации.

В связи с указанными выше особенностями мы полагаем целесообразным изучение актуальных позиций в области теории трудового права по вопросу возможности отнесения судебной практики к источникам трудового права.

Первая группа ученых-правоведов указывает на то, что согласно действующему законодательству правоприменительная деятельность судебных органов не может и не должна признаваться в качестве источника права. Так, отечественным правоведом Н. В. Демидовым отмечалось, что акты судебных органов государственной власти носят толковательный, правоприменительный и формально разъяснительный характер и, как следствие, за источник права приниматься не могут в теоретическом понимании, однако при анализе действующей практики можно прийти к выводу о том, что они являются «нормоустанавливающими» актами.

Вторая группа ученых отмечает, что в вопросе определения возможности признания за судебной практикой статуса источника права крайне важно разделять отдельные виды правоприменительной практики.

Так, российский юрист В. И. Миронов указывает на то, что нельзя приравнивать всю правоприменительную деятельность судов к понятию «судебная практика». Согласно его позиции, постановления Пленума Верховного Суда РФ носят специфический характер: они направлены на неоднократное применение и не носят индивидуального характера, т. е. могут применяться к множеству лиц, они носят обязательный характер для нижестоящих правоприменительных субъектов и, как следствие, должны иметь специфический подход к рассмотрению при возможности признания их как источника трудового права⁵.

⁴ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022, № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁵ См.: *Миронов В. И. Трудовое право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 43.*

Третья группа ученых полагает, что за судебной практикой может быть признано значение источника трудового права, однако и в этом случае остается место для споров.

Евгений Борисович Хохлов справедливо отмечал, что судебные акты общего характера, к которым мы можем отнести постановления Верховного Суда РФ и постановления Конституционного Суда РФ, содержат в себе неперсонифицированные нормы, обязательные для соблюдения всеми субъектами трудового права, что по своим признакам очень схоже с чертами нормативных правовых актов в области трудового права. Однако автор также отмечает, что нормотворческая деятельность высших органов судебной ветви власти не должна выходить за допустимые рамки, не следует и допускать появления противоречий между положениями действующего законодательства и актов толкования права со стороны упомянутых органов⁶.

На наш взгляд, упомянутая позиция ученого-правоведа наиболее правильна и соответствует как со стороны сложившейся практики, так и со стороны обеспечения наиболее точной реализации принципов трудового права, заложенных изначально законодателем.

Среди правоведов, признающих за судебной практикой значение источника трудового права, имеется и мнение о том, что акты судебных органов могут восприниматься таким образом только в случаях, когда в их содержании содержатся нормы исправительного толкования, которые не устанавливают новые общеобязательные правила поведения, а незначительно детализируют отдельные положения или толкуют нормы права, невозможные для реализации на практике в связи с недостаточным уровнем проработки юридической техники составления нормативных актов.

Четвертая группа ученых выдвигает суждение о том, что признание за судебной практикой статуса источника права не только не допустимо, но и представляет существенную опасность для стабильности всей правовой системы государства.

Среди сторонников такого подхода можно выделить В. А. Свечкаренко. Отечественным ученым отмечается, что в содержании многих актов в области трудового права Верховный Суд РФ су-

щественно выходит за пределы толковательных полномочий, напрямую создавая новые нормы права, изначально не определенные законодателем. В большинстве своем, по мнению автора, данные дополнения не имеют практического обоснования и формируются именно исходя из представлений суда о том, каким образом наиболее правильно урегулировать те или иные отношения – фактически перекладывая на себя законодательные полномочия. Ученый отмечает, что данная тенденция может существенно нарушить действующую систему разделения ветвей власти, установленную Конституцией РФ, система сдержек и противовесов также перестает действовать, что в своей сущности создает угрозы для конституционного строя Российской Федерации⁷.

Полагаем, что для формирования наиболее полной картины сложившейся в правоприменительных кругах ситуации нам необходимо рассмотреть несколько знаковых примеров, в рамках которых судебные органы существенно выходили за рамки своих полномочий, полноценно создавая новые правовые нормы.

Ранее нами уже упоминалось, что в легальном перечне источников трудового права, закрепленном в ТК РФ, не упоминается правовой обычай как источник трудового права. В связи с этим обстоятельством считаем крайне важным рассмотреть определение Верховного Суда РФ от 13 июля 2020 г. № 16-КГ20-5⁸. Так, Верховный Суд РФ рассмотрел трудовой спор в порядке надзора: женщина была уволена за прогул. Со слов работника, она покинула рабочее место за пару часов до конца работы, так как у нее был день рождения. Она предупредила непосредственного руководителя и ссылалась на то, что в день рождения работники традиционно могут уйти с работы раньше установленного времени. Нижестоящие инстанции отказали в восстановлении на работу, отмечая, что никаких правовых оснований для ухода у нее не име-

⁷ См.: Головина С. Ю., Лютов Н. Л. Верховный Суд Российской Федерации – законодатель в сфере трудового права? // Журнал рос. права. 2022. Т. 26, № 10. С. 62.

⁸ О признании незаконными акта о проведении служебного расследования и приказа о прекращении трудового договора, восстановлении в должности, взыскании компенсации морального вреда : определение Верховного Суда РФ от 13 июля 2020 г. № 16-КГ20-5. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&b ase=ARB&n=634911&cacheid=E218ABE3E6A8B60535D709D572F9D0F9&mode=splus&rnd=F0WQWwTEb9P647H71#HraQWwT2xsa2aIZp> (дата обращения: 24.11.20223).

⁶ См.: Трудовое право России : учеб. для вузов : в 2 т. / Е. Б. Хохлов [и др.] ; отв. ред. Е. Б. Хохлов, В. А. Сафонов. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2023. Т.: 1. Общая часть С. 59.

лось ни на уровне федерального законодательства, ни на уровне локальных нормативных актов. Верховный Суд РФ решение отменил, отметив, что нижестоящие суды не оценили фактическую обстановку дела, приняв решение только исходя из формальных положений.

Фактически Верховный Суд РФ своим решением установил в качестве полноценного источника трудового права правовой обычай. Более того, на наш взгляд, именно «формальный подход» нижестоящих инстанций и соответствует тем основам, которые были заложены в основу принципа разделения ветвей власти.

Стоит заметить, что сложившаяся тенденция к нарастанию правоприменительно-нормотворческой деятельности Верховного Суда РФ в области трудовых правоотношений существенно расширяет права работников и накладывает обязанности на работодателя. Так, исходя из положений «Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя» от апреля 2021 г.⁹, можно заметить, что суд расширяет обязанности работодателя при применении дисциплинарного увольнения работника. Работодателю при применении данной меры необходимо провести ряд мероприятий, направленных на: установление тяжести проступка работника, обстоятельств совершения проступка, учитывать стаж работы конкретного работника у этого работодателя, возможность применения к нему иных видов дисциплинарных взысканий.

Как нам представляется, данная позиция имеет неоднозначный характер. С одной стороны, правоприменитель старается добиться баланса между характером дисциплинарного проступка и следующей за ней меры ответственности. Однако, как нам кажется, подобные действия должны осуществляться строго в соответствии с положениями действующего законодательства. Верховный Суд РФ обладает правом законодательной инициативы и, как следствие, может решить данный вопрос в установленном законом порядке.

Говоря об актах высших органов судебной ветви власти, мы не можем не упомянуть постановления Конституционного Суда РФ. Основываясь на положениях ст. 79 Федерального

конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹⁰, акты, признанные судом неконституционными, утрачивают свою силу и не могут применяться при отправлении правосудия, в том числе и по трудовым спорам.

Подводя итог сказанного выше, мы должны отметить, что сложившаяся ситуация в теории и практике трудового права относительно места судебной практики в системе источников трудового права является сложной и неоднозначной. Среди ученых-теоретиков преобладает представление о том, что судебный прецедент не должен и не может рассматриваться в качестве источника права по целому ряду причин. Более того, принадлежность правовой системы нашего государства к романо-германской правовой семье также говорит о том, что сложившаяся практика не совсем соответствует тому, что изначально закладывалось в основы конституционного строя России.

Несмотря на то что на легальном уровне в положениях ТК РФ была закреплена система источников трудового права, до сих пор остается ряд вопросов к относимости отдельных правовых конструкций к таковым. Если вопрос относимости судебной практики был нами рассмотрен и является достаточно актуальным, то проблемы отнесения к этому перечню правовых обычаев остается мало разработанным. Обращаясь к приведенным ранее примерам, мы можем говорить о том, что эти два претендента на статус источника права тесно связаны между собой. Именно в положениях постановления Верховного Суда РФ указывается на существование данного источника и обязательность его применения при решении трудовых споров.

Полагаем, что в данный момент можно говорить о том, что судебная практика, а именно акты высших органов судебной ветви власти, является полноценным источником трудового права, устанавливая субъективные права, юридические обязанности и даже виды новых источников права – что было рассмотрено нами в примерах выше.

На наш взгляд, данная ситуация не является благоприятной для конституционного строя государства и существенно нарушает систему

⁹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 9 декабря 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4

¹⁰ О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 31.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

сдержек и противовесов между ветвями государственной власти.

Считаем, что у высших органов судебной власти достаточно полномочий для улучшения действующего законодательства способами, не выходящими за рамки их компетенций. К числу таких, например, можно отнести право обращения в законодательный орган государства с законодательной инициативой по рассматриваемому вопросу.

Не менее важным является и деятельность законодателя по анализу судебной практики и своевременному внесению изменений в положения законодательства в целях оптимизации отправления правосудия и целесообразному применению правовых норм, учитывающих интересы как работника, так и работодателя.

Библиографический список

Головина С. Ю., Лютов Н. Л. Верховный Суд Российской Федерации – законодатель в сфере трудового права? // Журнал рос. права. 2022. Т. 26, № 10. С. 52–67.

Демидов Н. В. Трудовое право : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 185 с.

Миронов В. И. Трудовое право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. 992 с.

Трудовое право России : учеб. для студ. / А. А. Бережнов, И. К. Дмитриева, Е. Ю. Забрамная [и др.] ; под ред. А. М. Куренного. 4-е изд, испр. и доп. М. : Проспект, 2020. 672 с.

Трудовое право России : учеб. для вузов : в 2 т. / Е. Б. Хохлов [и др.] ; отв. ред. Е. Б. Хохлов, В. А. Сафонов. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. Т.: 1. Общая часть. 233 с.

References

Golovina, S. Yu., Lyutov N. L. Supreme Court of the Russian Federation – a legislator in the field of labor law? // Journal of Russian Law. 2022. Т. 26, No. 10. P. 52–67.

Demidov N. V. Labor law : textbook for universities. 2nd ed., revised. and additional. Moscow : Yurayt Publishing House, 2023. 185 p.

Mironov V. I. Labor law : textbook. 3rd ed., revised. and additional. Moscow : Prospekt, 2020. 992 p.

Labor law of Russia : a textbook for students / A. A. Berezhnov, I. K. Dmitrieva, E. Yu. Zabramnaya [and others] ; ed. by A. M. Kurenno. 4th ed., rev. and additional. Moscow : Prospekt, 2020. 672 p.

Labor law of Russia : textbook for universities : in 2 vol. / E. B. Khokhlov [etc.] ; responsible editors E. B. Khokhlov, V. A. Safonov. 9th ed., revised. and additional. Moscow : Yurayt Publishing House, 2023. Vol. 1 : General part. 233 p.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Гусакова Ю. С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права

E-mail: gusakova@bsu.edu.ru

Лиликова О. С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права

E-mail: Strebkova@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию: 01.12.2023

Для цитирования:

Гусакова Ю. С., Лиликова О. С. Специфические черты судебной практики как источника трудового права Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 128–133. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/128-133>

Belgorod State National Research University
Gusakova Y. S., Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Labor and Business Law
E-mail: gusakova@bsu.edu.ru

Lilikova O. S., Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Labor and Business Law
E-mail: Strebkova@bsu.edu.ru

Received: 01.12.2023

For citation:

Gusakova Yu. S., Lilikova O. S. Specific features of judicial practice as a source of labor law of the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 128–133. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/128-133>

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

В. В. Васюков

Воронежский государственный университет

ORGANIZATIONAL PRINCIPLES OF SOCIAL PROCEDURES

V. V. Vasyukov

Voronezh State University

Аннотация: рассматривается, какие организационные принципы социальных процедур существуют.

Ключевые слова: правовая процедура, юридическая процедура, процедура в праве, принципы права, организационные принципы.

Abstract: it is examines what organizational principles of social procedures exist.

Key words: legal procedure, legal procedure, procedure in law, principles of law, organizational principles.

При осуществлении государственными органами своей деятельности они руководствуются различными принципами. Принципы – это основные начала деятельности любого органа.

В науке административного права существует классификация принципов на конституционные и организационные. Эта классификация касается административного права, государственной службы и государственного управления. Можно ли эту классификацию перенести на сферу социальных процедур? Да, можно, так как эти принципы относятся и к деятельности государственных органов в сфере социального обеспечения. Л. А. Мицкевич со ссылкой на труды ученых-административистов отмечает, что учеными выделяются следующие группы принципов государственного управления¹:

1) конституционные (социально-политические), «которые установлены Конституцией РФ и обусловлены по содержанию конституционно-правовыми и иными законодательными нормами»²;

2) организационные (организационно-структурные, принципы организации системы органов исполнительной власти), «характеризующие организационные связи между различными звеньями системы государственного управления»³;

3) организационно-функциональные (принципы деятельности органов исполнительной власти).

Ю. Н. Старилов пишет: «При классификации принципов государственной службы, как и при изучении принципов государственного управления, целесообразно выделять конституционные и организационные принципы»⁴. Отдельно нужно рассмотреть, как в административном праве понимают эти виды принципов. Ю. Н. Старилов, говоря об указанной в этом абзаце классификации, отмечает: «Конституционные принципы обусловлены положениями Конституции РФ, которые конкретизируются в соответствующих законодательных актах. Организационные принципы отражают механизм построения и функционирования государственной службы, государственного аппарата и его звеньев, разделения управленческого труда, обеспечения эффективной административной деятельности в госу-

¹ См.: Мицкевич Л. А. Очерки теории административного права : современное наполнение : монография. М., 2015. С. 64.

² Там же.

© Васюков В. В., 2024

³ Там же.

⁴ Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж, 2016. Ч. 1. 2016. С. 384.

дарственных органах»⁵. Это объяснение сущности конституционных и организационных принципов можно экстраполировать на объяснение сущности принципов социальных процедур.

По мнению автора данной научной статьи, принципы социальных процедур можно разделить на конституционные и организационные. Конституционные принципы закреплены в Конституции РФ и федеральных законах, использующих конституционные принципы. Организационные принципы содержатся в иных федеральных законах либо не закреплены в законодательстве, а выводятся из практики органа государственной власти.

В рамках данной работы органы государственной власти РФ и субъектов РФ будут именоваться органами социального обеспечения, а лица, обращающиеся в эти органы, – заявителями или обратившимися физическими лицами. При этом, говоря о принципах деятельности государственных органов в целом, эти органы будут именоваться органами государственной власти или органами власти.

Первоначально нужно отметить, что существуют принципы, закрепленные в ст. 4 Федерального закона «Об основах обязательного социального страхования». В рамках данного исследования можно выделить следующие – государственная гарантия соблюдения прав застрахованных лиц на защиту от социальных страховых рисков и исполнение обязательств по обязательному социальному страхованию независимо от финансового положения страховщика; паритетность участия представителей субъектов обязательного социального страхования в органах управления системы обязательного социального страхования; обеспечение надзора и общественного контроля⁶.

К. В. Давыдов выделяет принцип языка административной процедуры, который означает, что процедурное производство осуществляется, как правило, на государственном языке страны, где реализуется административная процедура, а если обратившееся в государственный орган физическое лицо не владеет государственным языком, то ему назначается переводчик⁷.

⁵ Там же.

⁶ Об основах обязательного социального страхования : федер. закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ // Рос. газета. 1999 21 июля.

⁷ См.: Давыдов К. В. Административные процедуры : российский и зарубежный опыт : монография / отв. ред.

Составленные на иностранном языке документы, которые представляются обратившимся в орган социального обеспечения физическим лицом, должны быть переведены на русский язык, а сам перевод должен быть нотариально заверен. Следует затронуть вопрос о злоупотреблениях со стороны органа социального обеспечения и со стороны обратившегося физического лица. Представим, что произошло следующее: обратившееся физическое лицо владеет русским языком, но не хочет разговаривать на последнем по определенным причинам. Есть ли здесь злоупотребление со стороны физического лица? Нет, так как каждому предоставлено право на общение на родном языке, поэтому даже при владении русским языком физическое лицо имеет право на переводчика. А если физическое лицо решило общаться на вымышленном языке (синдарин, клингонский и т. д.)? В таком случае мы видим пример злоупотребления, поскольку эти языки были придуманы лишь для вымышленных миров и в реальной жизни они могут применяться только в среде фанатов произведений, ради которых был создан язык.

Есть другой вопрос. Представим, что сотрудник отделения Фонда пенсионного и социального страхования РФ, куда обратилось физическое лицо, владеет тем иностранным языком, на котором говорит это физическое лицо. Можно ли доверить сотруднику отделения Фонда перевод документов и общение с обратившимся физическим лицом? Нет, нельзя, так как в данной ситуации сотрудник органа социального обеспечения является заинтересованным лицом.

К. В. Давыдов выделяет презумпцию достоверности. Согласно его позиции, представленные заявителем документы, иные сведения и материалы считаются достоверными до момента, пока не будет установлено иное, а если есть обоснованные сомнения в представленном документе, то тогда проверка за свой счет осуществляется должностным лицом, административным органом⁸. К. В. Давыдов отнес эту

Ю. Н. Стариков. Новосибирск, 2020. С. 145 ; *Его же*. Специальные принципы административных процедур // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 127.

⁸ См.: Давыдов К. В. Административные процедуры : российский и зарубежный опыт. С. 155 ; *Его же*. Принципы административных процедур : функции, система, перспективы развития // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2017. № 2 (29). С. 137.

презумпцию к административным процедурам, но ее можно отнести и к социальным процедурам. Также из вышеуказанной презумпции можно выделить презумпцию достоверности перевода, согласно которой перевод, который был осуществлен переводчиком в рамках социальных процедур, считается достоверным до момента признания перевода неправильным судом или органом власти.

Следующий принцип – это принцип соблюдения норм современного русского литературного языка. Его можно выделить из ч. 3 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», которая закрепляет обязанность соблюдения указанных ранее норм, в сферах, определенных ч. 1 ст. 3 указанного федерального закона⁹. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 3 этого закона соблюдение норм современного русского литературного языка обязательно в деятельности рассматриваемых в данной работе федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ. Также соблюдение вышеуказанного принципа обязательно в следующих сферах деятельности органов власти:

- 1) ведение делопроизводства;
- 2) взаимоотношения федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ;
- 3) официальные взаимоотношения и официальная переписка организаций всех форм собственности с гражданами РФ, иностранными гражданами, лицами без гражданства.

Следующая категория принципов закреплена в ст. 4 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования». Обратить внимание следует на следующие принципы¹⁰:

- 1) единство и федеральный характер обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования в Российской Федерации;
- 2) всеобщность и обязательность учета сведений о застрахованных лицах;

3) доступность для каждого зарегистрированного лица сведений о нем, которыми располагают органы Фонда пенсионного и социального страхования РФ, осуществляющие индивидуальный (персонифицированный) учет.

Важным является принцип обязательности исполняемых актов – любой акт, который принят органом государственной власти РФ или органом государственной власти субъекта РФ, обязателен к исполнению в порядке, который предусмотрен законодательством РФ. В одном из судебных актов Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала, что существует принцип обязательности судебных актов, который предусматривает обязанность стороны исполнить требование суда под угрозой применения судом мер ответственности¹¹. Однако можно говорить и об обязательности актов других органов государственной власти, а за неисполнение актов этих органов предусмотрена ответственность, закрепленная в законодательстве.

Не менее важен принцип соблюдения процедурных сроков. Руководствуясь данным принципом, все юридические процедуры выполняются в предусмотренные законодательством РФ сроки.

Следующий принцип – принцип государственного контроля. Этот принцип выделяют ученые-административисты. Некоторые ученые-административисты относят этот принцип к конституционным¹², но государственный контроль основывается на положениях не только Конституции РФ, но и федеральных законов, а потому относить этот принцип нужно к организационным принципам. Ю. Н. Старилов называет этот принцип принципом обязательности для государственных служащих решений, принятых вышестоящими государственными органами и руководителями в пределах их полномочий и в соответствии с законодательством РФ (также этот принцип можно называть принципом подконтрольности и подотчетности государственных органов и деятельности государственных служащих) и относит его к организационно-функциональным принципам¹³, с чем согласен автор настоящей научной статьи. Принцип государственного контроля можно применить не

⁹ О государственном языке Российской Федерации : федер. закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ // Рос. газета. 2001. 20 дек.

¹⁰ Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования : федер. закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ // Рос. газета. 1996. 10 апр.

¹¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2024 г. № 301-ЭС23-17393. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См.: Мицкевич Л. А. Указ. соч. С. 65.

¹³ См.: Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. С. 390.

только к административным, но и к социальным процедурам. Государственный контроль в отношении нижестоящих органов государственной власти должен проводиться со стороны вышестоящих органов государственной власти. А контроль за деятельностью как нижестоящих, так и вышестоящих государственных органов должен проводиться также правоохранительными органами и судом (последний только в случае, если физическое лицо, обратившееся в орган социального обеспечения, решит обратиться в суд). Упомянутый выше принцип подконтрольности заключается также в том, что нижестоящие органы власти обязаны подчиняться вышестоящим. Если вышестоящий орган принял решение о признании акта нижестоящего органа недействительным, то нижестоящий орган обязан подчиниться этому решению. Ю. Н. Старилов так описывает принцип подконтрольности: «Принцип подконтрольности может быть раскрыт, по сути, в двух главных положениях: во-первых, нижестоящие (подотчетные лица) государственные служащие обязаны исполнять принятые вышестоящими государственными органами и руководителями решения; во-вторых, эти решения должностных лиц должны быть законными (не должны противоречить законам), т. е. принятыми специальными субъектами в пределах их компетенции и полномочий»¹⁴.

Принцип охраны благополучия граждан заключается в том, что органы государственной власти обязаны избегать любых ошибок в своей деятельности, чтобы благополучие граждан не ухудшилось в результате осуществления органами государственной власти своей деятельности.

Следующий принцип – это принцип ответственности органов государственной власти за совершение правонарушений в сфере социального обеспечения. Этот принцип можно выделить на основании научных работ Ю. Н. Старилова, который называет рассматриваемый принцип следующим образом: «Принцип ответственности государственных служащих за подготавливаемые и принимаемые решения, неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей»¹⁵. Органы государственной власти обязаны отве-

чать за неправомерность своих действий, которые приводят к нарушению прав заявителей.

Отдельно важно отметить принцип обеспечения сочетания общего и индивидуально-го подходов к лицам, которые получают пенсию. В чем заключается смысл этих подходов? Первый, общий подход представляет собой обязанность относиться к обратившемуся в орган государственной власти физическому лицу с пониманием и вежливостью. Второй, индивидуальный подход заключается в том, что рассмотрение каждого заявления должно осуществляться по-разному в зависимости от того, какой профессией занималось обратившееся физическое лицо до достижения пенсионного возраста (этот подход также тесно связан с тем, что при выполнении работы сотрудник органа власти обязан исходить из эмоционального или психического состояния обратившегося физического лица).

Рассмотреть необходимо еще один принцип – принцип соблюдения права каждого на получение достоверной информации в сфере социального обеспечения. Этот принцип можно выделить исходя из положений абз. 6 п. 5 административного регламента предоставления Пенсионным фондом РФ (ныне – Фонд пенсионного и социального страхования РФ) государственной услуги по установлению страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению. Согласно этой норме, если невозможно ответить на вопросы, которые озвучил гражданин во время телефонного звонка, сотрудник органа государственной власти обязан переадресовать (перевести) вызов на другого сотрудника либо сообщить обратившемуся гражданину номер телефона, по которому можно получить всю необходимую для обратившегося информацию¹⁶.

Из указанного выше принципа возможно выделить еще два принципа: принцип доступности информации, связанной с социальным обеспечением, и принцип организации и развития правовой культуры населения. Эти принципы схожи между собой тем, что регулируют возможность любого лица получить необходи-

¹⁴ Общее административное право. Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. С. 390–391.

¹⁵ Общее административное право. Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. С. 393.

¹⁶ Об утверждении Административного регламента предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации государственной услуги по установлению страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению : постановление Правления Пенсионного фонда РФ от 23 января 2019 г. № 16п. URL: <https://sfr.gov.ru/order/adminreg/~4561>

мую информацию о социальном обеспечении в Российской Федерации.

Важно также отметить, что в двух вышеуказанных абзацах принципы соответствуют положениям ч. 4 ст. 29 Конституции РФ о праве на свободное получение информации¹⁷, но тут можно говорить, что эти принципы относятся и к конституционным принципам, и к организационным.

Отдельно нужно упомянуть принцип гласности (открытости) органов государственной власти, согласно которому за каждым органом государственной власти закреплена обязанность предоставлять информацию о своей деятельности и не скрывать ее от общества и средств массовой информации. Этот принцип описан в трудах таких ученых-административистов, как Ю. Н. Старилов («принцип гласности в осуществлении государственной службы»)¹⁸ и К. В. Давыдов¹⁹. Некоторые ученые-административисты тоже выделяют этот принцип²⁰. К. В. Давыдов считает, что принцип гласности реализуется еще в том, что в рамках процедуры могут присутствовать третьи лица, «если это, конечно, не нарушает прав участников процесса и/или не противоречит законодательству, в том числе об охране информации»²¹. В рамках социальной процедуры возможно присутствие лишь представителя заявителя (представитель в таком случае не является третьим лицом, а представляет интересы одного из участников социальной процедуры). Также важно отметить, что вышеуказанные ученые-административисты по-разному видят сущность этого принципа – некоторые ученые-административисты относят этот принцип к конституционным²², а Ю. Н. Старилов и К. В. Давыдов – к организационным (организационно-функциональным)²³.

¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: *Общее административное право*. : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. С. 392.

¹⁹ См.: *Давыдов К. В. Административные процедуры : российский и зарубежный опыт*. С. 148.

²⁰ См.: *Мицкевич Л. А. Указ. соч.* С. 65.

²¹ *Давыдов К. В. Специальные принципы административных процедур*. С. 128.

²² См.: *Мицкевич Л. А. Указ. соч.* С. 65.

²³ См.: *Общее административное право. Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. С. 392 ; Давыдов К. В. Административные процедуры : российский и зарубежный опыт. С. 148.*

Существует принцип независимости работы Фонда пенсионного и социального страхования РФ от других органов государственной власти, согласно которому Фонд имеет право самостоятельно осуществлять свою деятельность в тех пределах, каковые закреплены законодательством РФ. Однако есть исключение – правоохранительным органам гарантировано право вмешаться в деятельность Фонда, если осуществление деятельности противоречит законодательству РФ (т. е. осуществляется принцип ответственности).

Деятельность Фонда пенсионного и социального страхования РФ, а также его отделений является абсолютно бесплатной. В связи с этим можно говорить о принципе бесплатности оказания этим органом власти государственных услуг.

Сама же деятельность Фонда пенсионного и социального страхования РФ заключается в функционировании пенсионной системы РФ. Из этого можно выделить принцип обеспечения устойчивого существования пенсионной системы РФ.

В ходе осуществления своей деятельности органу власти необходимо пользоваться различными законодательными актами. При этом может возникнуть ситуация, когда сотруднику органа социального обеспечения необходимо выбрать между актами, которые регулируют одни и те же правоотношения, но различны по своей юридической силе. В таких случаях применяется акт, который выше по своей юридической силе. Исходя из этого, можно выделить принцип использования акта более высокой юридической силы.

Деятельность органа социального обеспечения заключается в том, чтобы каждый обратившийся имел возможность получить необходимую правовую помощь. Отсюда вытекает принцип полноценной помощи заявителю, смысл которого в том, что сотрудники органа социального обеспечения обязаны оказать обратившемуся физическому лицу помощь в тех вопросах, касающихся социального обеспечения, в которых он не разбирается.

К. В. Давыдов выделяет принцип экономичности (процессуальной экономии)²⁴. Принцип экономичности – это один из тех принципов, который хотят реализовать как принцип административных процедур и который важен для со-

²⁴ См.: *Давыдов К. В. Административные процедуры : российский и зарубежный опыт. С. 143–144.*

циальных процедур. Смысл этого принципа в том, что в делопроизводстве органа социального обеспечения необходимо осуществлять наименьшее количество затрат. Важным является то, что качество оказываемых государственных услуг не должно ухудшаться в связи с такой экономичностью. К. В. Давыдов пишет, что «традиционно такая манифестация означает как минимум более сжатые сроки и упрощенность порядка слушания дела вплоть до отказа от вызова участников процедуры»²⁵.

Принцип доступности государственных услуг заключается в том, что каждое обратившееся в орган социального обеспечения лицо имеет право на получение необходимых государственных услуг в сфере социального обеспечения.

Принцип цифровизации – это принцип, согласно которому некоторые составляющие процедуры (например, подача заявления) происходят в онлайн-формате.

Таким образом, все указанные выше принципы социальных процедур составляют отдельную систему принципов и являются важными для правоприменительной практики.

Библиографический список

Давыдов К. В. Административные процедуры : российский и зарубежный опыт : монография ; отв. ред. Ю. Н. Старилов. Новосибирск : Академиздат, 2020. 519 с.

²⁵ Давыдов К. В. Специальные принципы административных процедур. С. 126.

Давыдов К. В. Принципы административных процедур : функции, система, перспективы развития // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2017. № 2 (29). С. 125-143.

Давыдов К. В. Специальные принципы административных процедур // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 125–133.

Мицкевич Л. А. Очерки теории административного права : современное наполнение : монография. М. : Проспект, 2015. 296 с.

Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересм. и доп. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. Ч. 1. 760 с.

References

Davydov K. V. Administrative procedures : Russian and foreign experience : monograph / K. V. Davydov; editor-in-chief Yu. N. Starilov. Novosibirsk : Akademizdat, 2020. 519 p.

Davydov K. V. Principles of administrative procedures: functions, system, development prospects // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2017. No. 2 (29). P. 125-143.

Davydov K. V. Special principles of administrative procedures // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2020. No. 2. P. 125-133.

Mitskevich L. A. Essays on the Theory of Administrative Law: Modern Content : monograph. Moscow : Prospect, 2015. 296 p.

General administrative law : textbook : in 2 parts / edited by Yu. N. Starilov; Voronezh State University. – 2nd ed., revised. and add. – Voronezh : Publishing house of VSU, 2016. Part 1. 2016. 760 p.

Воронежский государственный университет
Васюков В. В., аспирант кафедры трудового права юридического факультета
E-mail: iamviktorvasyukov@gmail.com

Поступила в редакцию: 15.10.2024

Для цитирования:

Васюков В. В. Организационные принципы социальных процедур // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 134–139. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/134-139>

Voronezh State University
Vasyukov V. V., Post-graduate Student of the Department of Labor Law of Faculty of Law
E-mail: iamviktorvasyukov@gmail.com

Received: 15.10.2024

For citation:

Vasyukov V. V. Organizational principles of social procedures // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 134–139. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/134-139>

УДК 349.41

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/140-145>

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛЕСНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С. В. Тищенко

*Российский государственный университет правосудия,
Приволжский филиал (Нижний Новгород)*

А. В. Кирсанова

Министерство лесного хозяйства и охраны животного мира Нижегородской области

FOREIGN EXPERIENCE IN THE LEGAL REGULATION OF FOREST RELATIONS

S. V. Tishchenko

Russian State University of Justice, Volga Branch (Nizhny Novgorod)

A. V. Kirsanova

Ministry of Forestry and Wildlife Protection of the Nizhny Novgorod region

Аннотация: статья посвящена сравнительно-правовому анализу правового регулирования лесных отношений в России и некоторых зарубежных странах. Исследованы вопросы правового регулирования лесопользования, охраны, защиты лесов и сохранения биологического разнообразия в России и ряде зарубежных стран. Отлаженный механизм системы государственного контроля и надзора является значимым элементом в лесных отношениях. По итогам анализа зарубежного опыта в сфере лесных отношений авторы отмечают разные подходы зарубежных стран к решению проблемы защиты лесных богатств. Заимствуя опыт некоторых стран, можно идентифицировать и адаптировать лучшие практики, проверенные временем и условиями различных экологических и экономических обстановок. Внедрение успешных зарубежных моделей управления и защиты лесов в российское законодательство будет активизировать улучшение экологической ситуации и создание устойчивой системы лесопользования в России.

Ключевые слова: леса, лесные отношения, охрана лесов, управление лесами, лесное хозяйство.

Abstract: the article is devoted to the comparative legal analysis of the legal regulation of forest relations in Russia and some foreign countries. The issues of legal regulation of forest management, protection, protection of forests and conservation of biological diversity in Russia and a number of foreign countries are studied. The well-established mechanism of the state control and supervision system is an important element in forest relations. Based on the results of the analysis of foreign experience in the field of forest relations, the authors note different approaches of foreign countries to solving the problem of protecting forest resources. By borrowing the experience of some countries, it is possible to identify and adapt best practices that have been tested by time and conditions of various environmental and economic situations. The introduction of successful foreign models of forest management and protection into Russian legislation will enhance the improvement of the environmental situation and the creation of a sustainable forest management system in Russia.

Key words: forests, forest relations, forest protection, forest management, forestry.

Зарубежный опыт правового регулирования лесных отношений и защиты имущественных прав государств может послужить ценным руководством для разработки и улучшения национального законодательства Российской Федерации.

Так, Швеция обладает значительным опытом в области правового регулирования лесных отношений, который может быть полезным для Российской Федерации. В Швеции около 69 % территории покрывает лес, что делает его управление и охрану критически важными. Шведская модель управления лесами основана на принципах устойчивого развития, долговечности и многогранности использования лесных ресурсов¹.

Центральной частью шведского опыта является строгая правовая база. Лесной кодекс Швеции («Skogsvårdslag»)² наряду с другими нормативными актами регулирует вопросы, связанные с лесопользованием, защитой лесов и сохранением биоразнообразия. Кодекс определяет обязательства лесопользователей по устойчивому ведению лесного хозяйства и имеет в своем составе строгие требования по восстановлению лесов. Например, после вырубki леса собственники обязаны произвести новые посадки, что способствует сохранению лесной площади.

Значимым элементом шведского подхода является также система государственного контроля и надзора. Деятельность лесопользователей жестко контролируется, и несправедливое использование лесных ресурсов может привести к существенным штрафам и другим санкциям. Государственные органы активно мониторят состояние лесов, охватывая оценку лесных ресурсов и мониторинг негативных воздействий, таких как заболевания и вредители.

Сравнивая ситуации в Швеции и России, можно отметить некоторые полезные компоненты, которые могли бы быть применены в российской практике. Внедрение строгих требований по восстановлению лесов после рубок могло бы значительно улучшить лесное хозяйство в России, помогая избежать деградации лес-

ных экосистем. Регулярное мониторингирование и жесткий контроль со стороны государственных органов помогли бы повысить прозрачность и ответственность лесопромышленных компаний.

Шведский опыт демонстрирует важность вовлечения всех заинтересованных сторон, охватывая общественность, в процесс принятия решений в области лесного хозяйства. Принцип открытости и прозрачности позволяет избежать конфликтов и создает предпосылки для устойчивого управления лесными ресурсами. Обсуждения и консультации с местными жителями, экологическими организациями и другими участниками поспособствовали бы более эффективному и устойчивому использованию лесов в России.

Опыт Канады в правовом регулировании лесных отношений представляет собой уникальный пример обстоятельного подхода к управлению природными ресурсами, включающего как охрану окружающей среды, так и защиту имущественных прав. Канадская правовая система в этой области опирается на федеративное устройство страны, что подразумевает разделение полномочий между федеральными, провинциальными и местными властями³.

Чертой канадской системы является наличие строгих законодательных норм, регулирующих использование и охрану лесов. На федеральном уровне действуют такие законы, как Закон о лесных ресурсах и Закон о защите видов на грани исчезновения, которые создают общие рамки для всех провинций. Вместе с тем каждая провинция разрабатывает собственные законодательные акты и правила, адаптированные к специфическим местным условиям и потребностям, что позволяет учитывать разнообразие экосистем.

Практическое применение этих законов подразумевает обязательное проведение экологических оценок перед началом любых крупных лесохозяйственных проектов. Приведенное имеет в своем составе оценку воздействия на флору и фауну, водные ресурсы и местные сообщества. Кроме того, канадская правовая система активно использует концепцию устойчивого развития, требуя от компаний, занимающихся лесопользованием, выполнения планов по восстановлению лесов.

³ См.: Савеня Д. Н. Зарубежный опыт развития лесного комплекса в современных условиях // Аллея науки. 2018. Т. 2, № 10 (26). С. 87.

¹ См.: Гаврилюк М. Н. Зарубежный опыт развития института частной собственности на леса : возможна ли его интеграция в российское законодательство? // Вестник Рос.-Армян. (Славянского) ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1(37).

² Лесной кодекс Швеции («Skogsvårdslag»). Данные ресурса «Природа России». URL: <http://www.priroda.ru/> (дата обращения: 17.09.2024).

Имущественные права в сфере лесных отношений также детально регламентированы. Земельные участки и леса находятся как в государственной, так и в частной собственности. В случае частной собственности владельцы имеют право на эксплуатацию лесных ресурсов, однако обязательны к выполнению строгие экологические стандарты. Государственные земли часто сдаются в аренду частным компаниям, что практикуется на основе долгосрочных контрактов с обязательствами по поддержанию экологической устойчивости и социально-экономической ответственности.

Анализ зарубежного опыта Канады может быть весьма полезен для Российской Федерации, учитывая сравнимое лесное многообразие и масштабы территорий. Внедрение аналогичных механизмов экологической оценки и мониторинга может значительно повысить эффективность природоохранной деятельности в России. Практика долгосрочной аренды лесных участков с обязательствами по восстановлению и устойчивому управлению может стимулировать ответственный бизнес и содействовать сохранению лесного фонда.

Канада демонстрирует успешные примеры общественного участия в процессе принятия решений, связанных с лесоустройством. Вовлечение местных сообществ и коренных народов в управление лесными ресурсами не только способствует социальной стабильности, но и помогает сохранить традиционные экологические знания и практики.

Канадский подход к правовому регулированию лесных отношений представляет собой ценный ресурс для России. Он предлагает проверенные временем механизмы защиты имущественных прав, экосистемного равновесия и устойчивого развития, которые адаптируются и внедряются в российский контекст для улучшения управления лесными ресурсами.

Финляндия имеет богатый опыт в правовом регулировании лесных отношений, и этот опыт может быть очень полезен для России. В Финляндии леса занимают основное место в экономике и культуре страны, поэтому правовая система, регулирующая лесные отношения, тщательно проработана и сбалансирована. Существует несколько уровней законодательства, которые регламентируют лесные отношения: национальные законы, региональные постановления и международные соглашения.

Основным законодательным актом является Лесной закон (Forest Act)⁴, который устанавливает принципы устойчивого управления лесами и определяет права и обязанности собственников лесов. Закон предусматривает обязательные лесохозяйственные планы, что обеспечивает рациональное использование лесов и предотвращает чрезмерную вырубку.

Особое внимание в Финляндии уделяется защите имущественных прав в области лесных отношений. Право частной собственности на леса защищено законом, и государство активно поддерживает собственников через различные программы субсидирования и стимулов для ведения устойчивого лесного хозяйства. В случае возникновения споров касательно прав собственности или использования лесов предусмотрены эффективные механизмы разрешения, охватывая специализированные суды⁵.

Также важным компонентом финской системы является активное участие общественности и заинтересованных сторон в процессе принятия решений. Общественные слушания и консультации – стандартная практика при разработке лесохозяйственных планов и проектов, что способствует повышению прозрачности и ответственности.

Финская модель устойчивого управления лесами может быть адаптирована для применения в российских условиях, что поможет обеспечить рациональное использование и сохранение лесных ресурсов. Внедрение прозрачных и эффективных механизмов защиты имущественных прав в области лесных отношений может значительно снизить уровень конфликтов и улучшить инвестиционный климат в лесном секторе.

Финский опыт в области общественного участия и консультаций при принятии решений по вопросам управления лесами может служить примером для повышения эффективности и прозрачности подобных процессов в России.

Германия обладает богатым опытом в правовом регулировании лесных отношений и защи-

⁴ Лесной закон (Forest Act). Данные ресурса «Природа России». URL: <http://www.priroda.ru/> (дата обращения: 17.09.2024).

⁵ См.: *Большедворская В. К.* Анализ зарубежного опыта государственного регулирования и платности лесопользования // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 28–29 апреля 2022 г., п. Молодежный; Иркут. гос. аграрный ун-т им. А. А. Ежевского). Иркутск, 2022. С. 518.

те имущественных прав в этой области, что делает ее примером для изучения и потенциального применения в других странах, охватывая Российскую Федерацию. Германией разработана комплексная система управления лесными ресурсами, включающая строгое правовое регулирование, многоуровневую организацию лесного хозяйства и активное участие общественности в охране и использовании лесов.

В Германии лесное законодательство имеет несколько уровней: федеральный, земельный и местный. Основой правового регулирования лесных отношений является Федеральный лесной закон (Bundeswaldgesetz)⁶, который устанавливает общие правила и принципы управления лесами, охраны их биологического разнообразия и устойчивого использования ресурсов. Законодательство на уровне земель уточняет и конкретизирует федеральные нормы в зависимости от региональных особенностей и потребностей. Таким образом, обеспечивается гибкость и адаптивность регулирования лесных отношений.

В Германии осуществляется строгое соблюдение принципов устойчивого лесопользования. Приведенное имеет в своем составе охрану лесов, предотвращение их деградации и восстановление лесных площадей. Нарушение данных принципов влечет за собой серьезные санкции, что стимулирует лесопользователей к ответственному ведению хозяйства. Важным элементом этой системы является инвентаризация лесных ресурсов, которая проводится регулярно и позволяет отслеживать состояние лесов в динамике.

Защита имущественных прав в Германии также организована на высоком уровне. Собственники лесов, будь то государственные, муниципальные или частные, имеют четко определенные права и обязанности, закрепленные в законодательстве. При этом государство осуществляет строгий контроль за соблюдением этих прав и исполнением обязанностей. В случае конфликтов между собственниками и пользователями лесов предусмотрены эффективные механизмы их разрешения⁷.

⁶ Федеральный лесной закон (Bundeswaldgesetz). Данные ресурса «Природа России». URL: <http://www.priroda.ru/> (дата обращения: 17.09.2024).

⁷ См.: Марьин Е. В. Зарубежный опыт правовой реализации принципа «загрязнитель платит» // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 10. С. 350.

Немецкая модель правового регулирования лесных отношений может служить эталоном системного подхода, который имеет в своем составе все уровни власти и обеспечивает единообразие и преемственность принимаемых решений. Немецкая практика устойчивого лесопользования и охраны лесов может быть взята за основу для улучшения национального законодательства России в части охраны окружающей среды.

Японское законодательство в области лесных отношений насыщено специализированными нормами, которые регулируют использование и охрану лесов. Важно отметить, что Правительственная лесная политика Японии направлена на достижение гармоничного сосуществования между лесами и обществом. Основой правовой системы является Лесной кодекс Японии, который был принят в 1951 г. и с тех пор претерпел множество изменений с целью совершенствования и адаптации к современным условиям. Этот кодекс регулирует все компоненты управления лесными ресурсами, охватывая их защиту, использование и воспроизводство.

В Японии леса разделены на государственные, частные и муниципальные, и для каждой категории предусмотрены свои правила управления и регулирования. Собственники частных лесов обязаны придерживаться строгих норм и правил, направленных на сохранение и улучшение состояния лесов, что поддерживается государственным контролем и инспекциями.

Значительным элементом является система лицензирования и контроля за вырубкой лесов. Все виды лесохозяйственной деятельности, охватывая рубки, требуют получения разрешений, а само осуществление работ подлежит строгому контролю со стороны государственных органов. Приведенное помогает предотвратить незаконную рубку и способствует устойчивому управлению лесами.

Также стоит обратить внимание на меры правовой защиты экологической функции лесов, внедряемые в Японии. Лесные территории защищаются как природные заповедники или национальные парки, что подразумевает дополнительные ограничения на хозяйственную деятельность и применение специальных мер охраны природы⁸.

⁸ См.: Углова А. С. Зарубежный опыт управления лесным хозяйством и возможности его использования в России // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов : управленческий,

Российское лесное законодательство может извлечь уроки из подхода Японии к лицензированию и строгому контролю лесохозяйственной деятельности, что может помочь усилить борьбу с незаконной вырубкой лесов и улучшить управление лесными ресурсами. Адаптация системы правовой защиты экологических функций лесов может способствовать лучшей охране биологического разнообразия и экологической стабильности.

По итогам анализа зарубежного опыта в сфере лесных отношений мы можем отметить, что разные страны выбрали различные подходы к решению проблемы защиты лесных богатств, и исследование этих подходов может предоставить ценные идеи для разработки более эффективной и устойчивой политики в России.

Применяя канадский опыт, Россия могла бы уделить больше внимания развитию региональных структур управления лесными ресурсами и внедрению прозрачной системы мониторинга. Финская модель акцентирует внимание на инвентаризации лесов и строгом соблюдении плана их использования. Внедрение таких методов в России может повысить эффективность управления лесными ресурсами и снизить риски их деградации. Включение германского принципа постоянного пользования в российскую политику лесного хозяйства поспособствовало бы более рациональному использованию лесных ресурсов.

Таким образом, заимствуя опыт некоторых стран, можно идентифицировать и адаптировать лучшие практики, проверенные временем и условиями различных экологических и экономических обстановок. Представляется, что внедрение успешных зарубежных моделей управления и защиты лесов в российское законодательство будет активизировать улучшение экологической ситуации и создание устойчивой системы лесопользования в России.

Библиографический список

Большедворская В. К. Анализ зарубежного опыта государственного регулирования и платности лесопользования // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 28–29 апреля 2022 г., п. Молодежный, Иркут. гос. аграрный ун-т им. А. А. Ежевского). Иркутск, 2022. С. 518.

правовой и социально-экономический аспекты : материалы XVII Всерос. студ. науч.-практ. конф. : в 2 ч. (Челябинск, 25–26 апреля 2019 г.) / отв. ред. С. В. Нечаева. Челябинск, 2019. Ч. 1. С. 106.

Гаврилюк М. Н. Зарубежный опыт развития института частной собственности на леса: возможна ли его интеграция в российское законодательство? // Вестник Рос.-Армян. (Славянского) ун-та. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1(37).

Марьин Е. В. Зарубежный опыт правовой реализации принципа «загрязнитель платит» // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 10-2. С. 350.

Савеня Д. Н. Зарубежный опыт развития лесного комплекса в современных условиях // Аллея науки. 2018. Т. 2, № 10(26). С. 87.

Углонова А. С. Зарубежный опыт управления лесным хозяйством и возможности его использования в России // Актуальные вопросы устойчивого развития России в исследованиях студентов : управленческий, правовой и социально-экономический аспекты : материалы XVII Всерос. студ. науч.-практ. конф. : в 2 ч. (Челябинск, 25–26 апреля 2019 г.) / отв. ред. С. В. Нечаева. Челябинск : Челяб. филиал Рос. акад. нар. хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, 2019. Ч. 1. С. 106.

References

Bolshedvorskaya V. K. Analysis of foreign experience of state regulation and payment for forest use // Climate, ecology, agriculture of Eurasia : materials of the XI International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, April 28–29, 2022. n. Molodezhny : Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Ezhevsky, 2022. P. 518.

Gavrilyuk M. N. Foreign experience in the development of the institution of private ownership of forests : is it possible to integrate it into Russian legislation? // Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University : humanities and social sciences. 2021. No. 1(37).

Maryin E. V. Foreign experience in the legal implementation of the “polluter pays” principle // Issues of Russian and international law. 2020. T. 10, No. 10-2. P. 350.

Savenya D. N. Foreign experience in the development of the forest complex in modern conditions // Alley of Science. 2018. T. 2, No. 10(26). P. 87.

Uglanova A. S. Foreign experience in forestry management and the possibilities of its use in Russia // Current issues of sustainable development of Russia in student research : managerial, legal and socio-economic aspects : Materials of the XVII All-Russian Student Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Chelyabinsk, April 25–26, 2019 / Executive editor S. V. Nechaeva. Volume Part 1. Chelyabinsk : Chelyabinsk branch of the federal state budgetary educational institution of higher education “Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation”, 2019. P. 106.

Российский государственный университет правосудия, Приволжский филиал (Нижний Новгород)

Тищенко С. В., кандидат юридических наук, доцент, член Ассоциации юристов России, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
E-mail: stischenko@yandex.ru

Министерство лесного хозяйства и охраны животного мира Нижегородской области

Кирсанова А. В., главный специалист отдела земельных отношений и государственного кадастрового учета
E-mail: kirsanjva.nastya2014@yandex.ru

Поступила в редакцию: 16.10.2024

Для цитирования:

Кирсанова А. В., Тищенко С. В. Зарубежный опыт правового регулирования лесных отношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 140–145. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/140-145>

Russian State University of Justice, Volga Branch (Nizhny Novgorod)

Tishchenko S. V., Candidate of Law, Associate Professor, Member of the Association of Lawyers of Russia, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
E-mail: stischenko@yandex.ru

Ministry of Forestry and Wildlife Protection of the Nizhny Novgorod Region

Kirsanova A. V., Chief Specialist of the Department of Land Relations and State Cadastral Registration
E-mail: kirsanjva.nastya2014@yandex.ru

Received: 16.10.2024

For citation:

Tishchenko S. V., Kirsanova A. V. Foreign experience in the legal regulation of forest relations // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 140–145. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/140-145>

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Н. В. Галицкая

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROVISION OF FOOD SECURITY IN RUSSIA

N. V. Galitskaya

*Northwestern Institute of Management of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Аннотация: Продовольственная безопасность является одним из важнейших видов безопасности. Ее изучение предполагает всестороннее исследование системы продовольственной безопасности Российской Федерации и ее элементов. В статье анализируются позиции ученых по определению системы, управления, функций управления, субъектов управления, объектов управления, целей, задач, координации, планирования и контроля. Определяются элементы системы продовольственной безопасности. Формулируется авторское определение административно-правового обеспечения системы продовольственной безопасности России.

Ключевые слова: система, продовольственная безопасность, государственное управление, субъект, объект, цели.

Abstract: food security is one of the most important types of security. Its study involves a comprehensive study of the food security system of the Russian Federation and its elements. The article analyzes the positions of scientists on the definition of the system, management, management functions, management subjects, management objects, goals, objectives, coordination, planning and control. The elements of the food security system are determined. The author's definition of administrative and legal support for the food security system of Russia is formulated.

Key words: system, food security, public administration, subject, object, goals.

Сегодняшние подходы к обеспечению продовольственной безопасности позволяют вести речь о ее системности, выражающейся в интеграции в эти процессы большого количества государственных и частных структур, производителей, посредников, логистических организаций, торговых точек, элементов государственного и общественного контроля и т. д.

По мнению А. М. Волкова, «административно-правовое обеспечение государственной деятельности тесно связано с государственным управлением». Указанная категория представляет собой системную деятельность субъектов

управления, направленную на поддержание, сохранение надлежащего, закрепленного правовыми нормами порядка управления, совокупность системных гарантий беспрепятственной реализации государственной управленческой деятельности¹. Таким образом, для полного раскрытия содержания обозначенной дефиниции необходимо исследовать такие понятия, как «система», «управление» и «государственное управление».

Под системой в общеполитическом смысле понимается «объединение определенного раз-

нообразия в гармоничное, сочетающее части между собой целое, элементы которого упорядочены и занимают строго отведенное им место-положение»². По мнению А. Ю. Соколова, «элементы системы объединены и зависят от своего места и функций внутри целого, собранные воедино элементы, образуя систему, обладают рядом специфических черт и особенностей»³. А. В. Колесников отмечает, что «системы могут включать в себя подсистемы и входить в состав других систем», а «система как категория характеризуется внутренними, внешними связями и границами»⁴.

В системе административно-правового обеспечения продовольственной безопасности присутствуют управляющие субъекты и управляемые объекты. Термин «управление» является одним из ключевых понятий, используемых учеными при раскрытии сущности государственной деятельности вообще и темы настоящего исследования в частности. Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский и Ю. Н. Стариков под управлением понимают «планомерное и упорядоченное воздействие субъектов управления на объекты управления в целях поддержания эффективно функционирующей системы на основе информационных связей и субординационных отношений»⁵.

Субъектами управления в вопросах обеспечения продовольственной безопасности в рассматриваемом случае будут органы государственного управления, обеспечивающие продовольственную безопасность, как на федеральном, так и на региональном уровне. В их числе орган общей компетенции – Правительство РФ, и специальной – Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство сельского хозяйства РФ, Федеральная служба по контролю за алкогольными и табачными рынками, Федеральное медико-биологическое агент-

ство и другие. Многочисленные полномочия по обеспечению безопасности продуктов питания рассредоточены практически между всеми органами исполнительной власти федерального уровня. На региональном уровне управляющими субъектами в анализируемой сфере являются компетентные органы, действующие в пределах субъекта Федерации⁶.

Под объектами системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности можно понимать то, на что направлено управленческое воздействие. Это юридически и организационно оформленные коллективы людей: организации, осуществляющие деятельность, связанную с безопасностью производства, хранения, перевозки, распространения, продуктов питания.

Представляется важным обратить внимание на позиции отдельных авторов, пишущих о наличии в системе определенных элементов. Так, Р. И. Айзман, М. В. Иашили и С. В. Петров среди последних выделяют целеполагание, координирование распределения различных ресурсов, формы и методы предотвращения угроз, контроль исполнения⁷. В свою очередь, И. В. Бобренева в числе анализируемых элементов называет постановку целей и задач, методологию противодействия, централизованное планирование, установку властных запретов и ограничений⁸.

В качестве методов системы Н. В. Конин выделяет «средства и возможности, которыми наделяются управляющие субъекты с целью осуществления организующего воздействия на подчиненные группы и отдельно взятых лиц»⁹. По мнению Т. М. Ярковой, в анализируемой системе можно выделить национальные интересы в области продовольственной безопасности, риски и угрозы снижения обеспеченности продовольственными ресурсами, информирование,

² Большой энциклопедический словарь : философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. Минск, 2002. С. 741.

³ Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : монография. М., 2015. С. 109–110.

⁴ Колесников А. В. Толкование категорий «система» и «структура» органов местного самоуправления : теория и практика // Труды Ин-та государства и права Рос. акад. наук. 2021. Т. 16, № 3. С. 41–68.

⁵ Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право. М., 2008. С. 19–20.

⁶ См., например: Об утверждении Положения о Министерстве экономического развития и промышленности Владимирской области : указ Губернатора Владимирской области от 27 декабря 2022 г. № 285.

⁷ См.: Айзман Р. И., Иашили М. В., Петров С. В. Экологическая и продовольственная безопасность : учеб. пособие. М., 2018. С. 23.

⁸ См.: Бобренева И. В. Безопасность продовольственного сырья и пищевых продуктов : учеб. пособие. 2019. С. 40.

⁹ Конин Н. М. Административное право России в вопросах и ответах : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 156.

планирование, контроль, правовое обеспечение защищенности населения от некачественных продуктов питания¹⁰.

Исследуемая нами система изначально ставит определенные цели, которые преследуют субъекты и управляемые ими объекты. Категория цели может рассматриваться как «заданная модель требующегося в будущем результата, ориентированного на удовлетворение имеющихся потребностей при имеющимся наборе ресурсов и средств, совокупности выработанных по результатам опыта поэтапных действий»¹¹.

Продолжая рассматривать данную категорию как системный элемент, отметим ее универсальность и содержательное совпадение с целями права и, в частности, с целями административного права. Е. А. Мызникова говорит о том, что правовая цель в современном обществе выполняет огромное предназначение, поскольку эта категория и законность тесно связаны. Именно правовая цель, направленная на соблюдение всеобщей законности, выступает социально значимым ориентиром, который способен повысить авторитет государственного управления, возвести правосознание граждан в новую степень. Цель в праве и ее исследование априори являются уделом философской науки, которая в конечном итоге и определяет содержание бытия, место и роль человека в мире¹². Необходимо отметить, что цель в праве и правовая цель в специальной литературе соотносятся как абстрактный и конкретный способы регламентации социальной сферы вообще и жизнедеятельности индивидуумов в частности¹³. А. П. Алексин и А. А. Кармолицкий полагают, что «цели в праве есть зеркальное отражение общественных потребностей и интересов, которые имеют наибольшее значение в определенный промежуток времени, при этом их достижение возможно только с помощью право-

вых целей»¹⁴. Формулирование данных целей, а также их планомерное воплощение в реальность гарантируются государством в лице органов, реализующих властные управленческие полномочия.

Думается, ввиду постоянно изменяющихся и совершенствующихся технологий в сфере производства пищевой продукции процесс управления анализируемой сферой носит творческий характер. По этой причине исследование содержания целей системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности позволяет раскрыть весь потенциал этой системы, сгенерировать новые идеи, а также использовать весь арсенал средств социального управления, разработанный в течение длительного времени.

Следует обозначить, что в управленческой науке существует устойчивая тенденция исследовать целеполагание через призму «древа целей». Этот метод представляет собой схематичное распределение целей, которое конкретизировано и дает возможность их максимального практического применения. Подобный подход предполагает многоступенчатое деление анализируемых целей на подцели, а также позволяет формировать разноуровневые цели¹⁵. В этом аспекте М. С. Кузьмина высказывается о том, что этот метод может функционировать в двух противоположных направлениях¹⁶. Согласно первому варианту, целеполагание представляет собой ствол дерева, от которого, подобно ветвям, отходят цели более мелкого формата, от которых в свою очередь, отделяются еще более мелкие цели. Таким образом, достижение генеральной цели предполагает последовательное достижение нескольких подцелей. При этом генеральная цель не может быть достигнута до тех пор, пока не будут воплощены в реальность цели более мелких уровней. «Древо целей» в данном случае представляет собой сложное соотношение подцелей между собой и с генеральной целью. Второй вариант трактования этого подхо-

¹⁰ См.: Яркова Т. М. Продовольственная безопасность : российский опыт и зарубежная практика : монография. Пермь, 2019. С. 132.

¹¹ Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект) : монография. М., 2015. С. 23.

¹² См.: Мызникова Е. А. Цели в праве : теоретико-правовой анализ : дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 102–103.

¹³ См.: Алексеев А. А. Инновационный менеджмент : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 145.

¹⁴ См.: Алексин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации : учебник. М., 2000. С. 67.

¹⁵ См.: Сухарев О. С. Институциональные факторы и макромодель экономического роста // Инвестиции в России. 2015. № 11. С. 28–35.

¹⁶ См.: Кузьмина М. С., Акимов Б. Ж. Управление затратами предприятия (организации) : учеб. пособие для бакалавров. М., 2015. С. 51–52.

да представляет собой объединение в различные тематические массивы разноуровневых и разнопорядковых целей. Такая группировка позволяет группировать цели для удобства достижения главной цели. Благодаря этому достигается балансировка целей, устраняется их дублирование и достигается возможность выбора оптимального темпа для достижения главной цели. При этом в зависимости от выбранной стратегии их достижения, а также от избранных средств и способов, направленных на воплощение их в реальность цели из одной категории, могут перейти в другую, потерять актуальность, просто исчезнуть ввиду изменения общественно-экономической формации.

В контексте настоящего исследования необходимо указать, что ликвидация недостатка обеспечения продовольствием, как одна из целей функционирования системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности в России, тесно связана с целями экономического стимулирования производства натуральных и качественных продуктов питания, формирования работоспособных организационно-правовых механизмов, направленных на доведение этих продуктов до конечных потребителей.

Отметим, что современные законодательные акты не признают существование недостатка продовольствия в нашей стране и не ставят целью его устранение. Федеральные законы «О качестве и безопасности пищевых продуктов»¹⁷, «О развитии сельского хозяйства»¹⁸ вообще не определяют каких-либо целей в обозначенной сфере. Указанное выше наглядно свидетельствует о том, что цели системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности в России со стороны федерального законодателя остались нераскрытыми.

Не менее важно в системе обеспечения продовольственной безопасности и планирование, именно благодаря планированию возможно реализовать поставленные цели и задачи на системной основе. Планирование позволяет облегчить их воплощение в реальность, внедрить конкретные показатели, определить этапы реализации,

необходимые для поддержания высокого качества и максимальной доступности продуктов питания. Планирование – это неотъемлемая часть управленческой деятельности, которая определяет перспективы развития субъектов и объектов системы управления, дающая возможность избежать воздействие негативных ситуаций на складывающиеся внутрисистемные отношения, а также устранить либо снизить отрицательное воздействие внешних факторов, мешающих двигаться к заданным целям. А. Ф. Ноздрачев высказывается о том, что планирование представляет собой набор административно-правовых действий, которые выступают стратегическими ориентирами для оптимизации управленческих процессов. В их число входит стратегия грамотного и полезного манипулирования материальными и людскими ресурсами во имя достижения общественно-полезной цели¹⁹. Здесь нужно отметить решающее значение определения круга проблем как важнейшего элемента планирования. Для достижения целей планирования нужны проработка пошаговой стратегии и мониторинг возможных проблем, направленный на их выявление и устранение.

Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации в этом аспекте использует риск-ориентированный подход, определяющий реальные и потенциальные угрозы, которые не способствуют реализации ее основных положений²⁰. Так, согласно п. 14 обеспечение продовольственной безопасности сопряжено с рисками и угрозами, которые могут существенно ее снизить. Такие риски и угрозы относятся к следующим категориям: а) экономические риски; б) технологические риски; в) климатические и агроэкологические угрозы. Думается, подобный подход во многом оправдан, поскольку позволяет изначально определить те факторы, которые могут оказать существенное влияние на обеспечение жителей нашей страны продуктами питания и которые неизбежно следует принимать во внимание при решении продовольственных проблем.

При рассмотрении конкретных цифр в планировании управленческой деятельности в рас-

¹⁷ О качестве и безопасности пищевых продуктов : федер. закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 2. Ст. 150.

¹⁸ О развитии сельского хозяйства : федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 27.

¹⁹ См.: Ноздрачев А. Ф. Административная реформа : российский вариант // Законодательство и экономика. 2005. № 8–9. С. 9–21.

²⁰ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 4. Ст. 345.

смаатриваемой сфере необходимо отразить, что указанная Доктрина не содержит четких показателей, которые планируется достичь в определенные промежутки времени. Данный документ лишь указывает на общие критерии увеличения перечня показателей продовольственной независимости: «зерном – не менее 95 %, сахаром – не менее 90 %, растительным маслом – не менее 90 %, мясом и мясoproдуктами – не менее 85 %». Подобное не позволяет определить, в какие временные рамки следует достичь этих значений, в Доктрине не отражено, какие данные по указанным пищевым продуктам были до 2020 г., а также на момент ее принятия в 2020 г. В связи с этим невозможно проследить динамику развития управленческой деятельности в области продовольственной безопасности и спланировать достижение количественных показателей к определенному временному интервалу.

В качестве функции управления, по мнению Ю. Н. Старилова, выступает координация, ее он считает важнейшей составляющей любой системы²¹. При этом важно отметить, что координация не может существовать отдельно от иных элементов управления, в обязательном порядке присутствующих в каждой системе управления. Координация сводит воедино их деятельность, в результате чего высвобождаются новые ресурсы и более адресно используются уже имеющиеся. Анализируемый элемент требует мотивации персонала, четкого планирования и организации, контроля исполнения. Данный процесс должен протекать исключительно в правовом русле и быть зафиксирован в основополагающих правовых документах, посвященных государственному управлению.

По справедливому замечанию А. П. Коренева, конкретное выражение сущности деятельности задействованных в управлении органов и должностных лиц является материализованной формой государственного управления²². В. М. Манохин высказывался о том, что анализируемая категория представляет собой определенную функциональную часть органа, наделенного исполнительными и распорядительными полномочиями, которая сформирована на основе практического опыта, заимствований, са-

мостоятельных изысканий, к примеру, принятия решения. Важным является то, что вся работа органов исполнительной власти неразрывно связана с формами управленческой деятельности. Однако каждая форма имеет определенные признаки, индивидуальные особенности, которые отличают ее от других управленческих форм. При этом часть форм может быть закреплена в нормативных актах как федерального, так и регионального и муниципального уровней (в виде приказов, распоряжений, указаний и т. д.), но многие формы не могут быть ими охвачены. Форма управления также может быть представлена в виде конкретного волеизъявления должностного лица применительно к определенной ситуации. Индивидуализация управленческих форм не происходит бесконечно и оканчивается решением возникшей проблемы²³.

Представляется, что все имеющиеся формы административно-правового обеспечения – это взаимозависимые категории, которые в определенных случаях могут дополнять и взаимозамещать друг друга. Такая тенденция обусловлена тем, что стоящие перед государственными органами задачи требуют адресных и нестандартных подходов, направленных на оптимальное решение проблем граждан.

В настоящее время актуальным при исследовании системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности является выделение прямых и косвенных методов²⁴. Представляется, что подобный подход максимально полно отражает весь спектр способов и приемов государственного воздействия со стороны управляющих субъектов на управляемые объекты²⁵. По своей правовой природе использование прямых методов – это непосредственная прерогатива государственного управления. Косвенные методы – это категория, широко применяемая при государственном регулировании.

Между тем, говоря о проблемах в данной отрасли, следует отметить, что в сфере применения прямых методов государственного воздей-

²³ Манохин В. М. Советское административное право : курс лекций. Саратов, 1968. С. 154.

²⁴ См.: Дашков Л. П., Памбухчиянц В. К., Памбухчиянц О. В. Организация, технология и проектирование предприятий (в торговле) : учеб. для бакалавров. М., 2015. С. 12.

²⁵ См.: Тихомиров Ю. А. Новые векторы регулирования – «другое» право? // Журнал рос. права. 2016. № 4. С. 5–15.

²¹ См.: Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учеб. для вузов. 4-е изд., пересм. и доп. М., 2015. С. 100.

²² См.: Корнев А. П. Административное право : учебник : в 3 ч. М., 1996. Т. 1. С. 155.

ствия на исследуемые отношения задействовано множество компетентных органов и должностных лиц. При этом их деятельность не систематизирована, носит порой разрозненный характер и не покрывает полный цикл оборота пищевых товаров, начиная от производства сырья и заканчивая передачу продукции конечным потребителям. Важнейшим элементом анализируемой системы является контроль.

В заключение представляется возможным сформулировать следующее определение. Система административно-правового обеспечения продовольственной безопасности – это упорядоченная совокупность элементов (цели, задачи, планирование, координация, формы, методы, контроль), с помощью которых субъекты управления (органы исполнительной власти) осуществляют прямое воздействие на объекты управления (юридические и физические лица), направленное на сохранение, развитие и совершенствование механизмов обеспечения населения продуктами питания, достижение продовольственной независимости, поддержание здорового питания и здорового образа жизни, высоких стандартов качества производимой и импортируемой пищевой продукции, всестороннее обеспечение продовольственной безопасности, ориентированное на развитие экономического потенциала отечественной пищевой промышленности, повышение качества и безопасности продуктов питания, оптимизацию деятельности по их производству и распространению, а также стимулирование работы юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, задействованных в этой сфере.

Библиографический список

- Алексеев А. А. Инновационный менеджмент : учеб. и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 259 с.
- Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации : учебник. М., 2000. 672 с.
- Айзман Р. И., Иашвили М. В., Петров С. В. Экологическая и продовольственная безопасность : учеб. пособие. М., 2018. 239 с.
- Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право. М., 2008. 800 с.
- Бобренева И. В. Безопасность продовольственного сырья и пищевых продуктов : учеб. пособие. СПб., 2019. 56 с.
- Волков А. М. Административное право : учеб. для вузов. М., 2023. С. 56.

Дашков Л. П., Памбухчиянц В. К., Памбухчиянц О. В. Организация, технология и проектирование предприятий (в торговле) : учеб. для бакалавров. М., 2015. 510 с.

Колесников А. В. Толкование категорий «система» и «структура» органов местного самоуправления : теория и практика // Труды Ин-та государства и права Рос. академии наук. 2021. Т. 16, № 3. С. 41–68.

Конин Н. М. Административное право России в вопросах и ответах : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2010. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

Коренев А. П. Административное право : учебник : в 3 ч. М., 1996. Т. 1. 268 с.

Кузьмина М. С., Акимова Б. Ж. Управление затратами предприятия (организации) : учеб. пособие для бакалавров. М., 2015. 312 с.

Манохин В. М. Советское административное право : курс лекций. Саратов, 1968. 232 с.

Мызникова Е. А. Цели в праве : теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 214 с.

Ноздрачев А. Ф. Административная реформа : российский вариант // Законодательство и экономика. 2005. № 8-9. С. 7–23.

Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. М. : Юрид. норма : НИЦ ИНФРА-М, 2015. 320 с.

Сухарев О. С. Институциональные факторы и макромодель экономического роста // Инвестиции в России. 2015. № 11. С. 28–35.

Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект) : монография. М., 2015. 192 с.

Тихомиров Ю. А. Новые векторы регулирования – «другое» право? // Журнал рос. права. 2016. № 4. С. 5–15.

Яркова Т. М. Продовольственная безопасность : российский опыт и зарубежная практика : монография. Пермь, 2019. 192 с.

References

- Alekseev A. A. Innovative management : textbook and workshop for universities. 2nd ed., revised. and additional. Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. 259 p.
- Alekhin A. P., Karmolitsky A. A., Kozlov Yu. M. Administrative law of the Russian Federation : textbook. Moscow, 2000. 672 p.
- Aizman R. I., Iashvili M. V., Petrov S. V. Environmental and food security : textbook. Moscow, 2018. 239 p.
- Bakhrakh D. N., Rossinsky B. V., Starilov Yu. N. Administrative law. Moscow, 2008. 800 p.
- Bobreneva I. V. Safety of food raw materials and food products : textbook. Saint Petersburg. 2019. 56 p.

Volkov A. M. Administrative law : textbook for universities. Moscow, 2023. 56 p.

Dashkov L. P., Pambukhchiyants V. K., Pambukhchiyants O. V. Organization, technology and design of enterprises (in trade) : Textbook for bachelors. Moscow, 2015. 510 p.

Kolesnikov A. V. Interpretation of the categories «system» and «structure» of local governments : theory and practice // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 16, No. 3. P. 41–68.

Konin N. M. Administrative law of Russia in questions and answers : studies. stipend. 3rd ed., reprint. and additional. Moscow : Prospect, 2010. Legal system «Garant».

Korenev A. P. Administrative law : textbook : in 3 hours. Moscow, 1996. Т. 1. 268 p.

Kuzmina M. S., Akimova B. Zh. Cost management of an enterprise (organization) : textbook for bachelors. Moscow, 2015. 312 p.

Manokhin V. M. Soviet administrative law : Lecture course. Saratov, 1968. 232 p.

Myznikova E. A. Goals in law : theoretical and legal analysis : dis. ... cand. legal sci. Krasnodar, 2011. 214 p.

Nozdrachev A. F. Administrative reform : Russian version // Legislation and economics. 2005. No. 8–9. P. 7–23.

Sokolov A. Yu. Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses. Moscow : Yur. Norma : Research Center INFRA-M, 2015. 320 p.

Sukharev O. S. Institutional factors and macromodel of economic growth // Investments in Russia. 2015. No. 11. P. 28–35.

Talapina E. V. Public administration in the information society (legal aspect) : monograph. Moscow, 2015. 192 p.

Tikhomirov Yu. A. New vectors of regulation – «different» law? // Journal of Russian Law. 2016. No. 4. P. 5–15.

Yarkova T. M. Food security : Russian experience and foreign practice : monograph. Perm, 2019. 192 p.

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Галицкая Н. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права

E-mail: ngalitskaya@hse.ru

Поступила в редакцию: 10.09.2024

Для цитирования:

Галицкая Н. В. Характерные особенности системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 146–152. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/146-152>

Northwestern Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Galitskaya N. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, of the Department of Constitutional and Administrative Law

E-mail: ngalitskaya@hse.ru

Received: 10.09.2024

For citation:

Galitskaya N. V. Characteristic features of the system of administrative and legal provision of food security in Russia // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 146–152. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/146-152>

РАССМОТРЕНИЕ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

О. С. Мухтарова

Арбитражный суд Московской области

CONSIDERATION BY COMMERCIAL COURTS OF CASES ON CHALLENGING DECISIONS OF ADMINISTRATIVE BODIES ON BRINGING NON-PROFIT ORGANISATIONS TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

O. S. Mukhtarova

Arbitration Court of the Moscow Region

Аннотация: рассматриваются особенности законодательства, а также судебная практика, касающиеся дел об оспаривании привлечения к ответственности по нормам КоАП РФ некоммерческими организациями. Приводятся наиболее типичные примеры, встречаемые в судебных постановлениях, а также перечисляются вопросы, с которыми сталкиваются некоммерческие организации как заявители по данной категории споров. В заключение указывается на ряд нормативных проблем, по мнению автора, мешающих объективному рассмотрению дел о привлечении к ответственности, в том числе: отсутствие правовых механизмов, позволяющих восстанавливать целевые финансовые средства НКО; отсутствие механизмов, позволяющих самостоятельно включать НКО в реестр социально ориентированных; крайне редкое применение судами норм о незначительности правонарушений в отношении НКО в рамках ст. 2.9 КоАП РФ; возможность осложнения правоотношения властными полномочиями, в том числе по делам, возбуждаемым государственными организациями; а также признаки нарушения принципа равенства перед законом.

Ключевые слова: некоммерческие организации, административные правонарушения, нецелевое использование, социальная ориентированность, малозначительность правонарушений, российское право.

Abstract: it is discusses the features of legislation, as well as judicial practice regarding cases of challenging the imposition of liability under the norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation by non-profit organisations. The author provides the most typical examples found in court rulings, as well as lists the issues faced by non-profit organisations as applicants in this category of disputes. The conclusion points to a number of regulatory problems, in the author's opinion, that impede the objective consideration of cases of prosecution, including: the lack of legal mechanisms that allow the restoration of targeted financial resources of non-profit organisations; lack of mechanisms that allow non-profit organisations to be independently included in the register of socially oriented ones; extremely rare application by the courts of the rules on the insignificance of offences in relation to non-profit organisations within the framework of Article 2.9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; the possibility of complicating the legal relationship with powers, including in cases initiated by state organisations; as well as signs of violation of the principle of equality before the law.

Key words: non-profit organisations, administrative offenses, misuse, social orientation, insignificance of offenses, Russian law.

Судебная практика по данной категории споров имеет свои особенности, заключающиеся в нормах, регулирующих деятельность некоммерческих организаций. На сегодняшний день разница между постановлениями, принимаемыми в отношении коммерческих и некоммерческих юридических лиц, достаточно очевидна, поэтому необходимость в попытке систематизации подобных вопросов составляет безусловную актуальность данного исследования.

Научную новизну исследования составляют предложения, касающиеся необходимости введения правовых механизмов, позволяющих легально восстанавливать целевые финансовые средства НКО при первичном нецелевом использовании.

Практическая значимость статьи заключается в возможности использования данного материала при подготовке законопроектов, касающихся контроля за деятельностью НКО.

Основными методами, используемыми при написании статьи, выступили формально-юридический научный метод, а также метод юридической герменевтики.

Проблемы, связанные с оспариванием привлечения к административной ответственности некоммерческих организаций по нормам КоАП РФ, обусловлены, во-первых, необходимостью строгого соответствия деятельности уставам, во-вторых, более детальным в сравнении с коммерческими организациями контролем за целевыми расходами, в-третьих, некоммерческим статусом, что подразумевает безусловную социальную значимость как для государства, так и для общества.

По общему правилу ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее по тексту – ФЗ № 7) НКО не извлекают прибыли для реализации целей, предусмотренных уставом. Предпринимательская деятельность все-таки возможна, но без распределения прибыли между учредителями¹. В этом смысле НКО могут извлекать прибыль, но несистематически. Систематическое извлечение прибыли подразумевает получение дохода более одного раза в год от одного источника за выполнение одной и той же операции².

¹ О некоммерческих организациях : федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 26.02.2024) // Рос. газета. 1996. № 14.

² См.: Ермолова А. П. Соотношение понятий предпринимательской и приносящей доход деятельности не-

ненадлежащее формирование капитала НКО, в том числе явное занятие систематическим извлечением прибыли путем предпринимательской деятельности, формирование капитала за счет нереализованных субсидий, может являться основанием не только для возбуждения административного дела, но и для принудительной ликвидации организации³.

Типичным примером в контексте обвинения несоответствия деятельности НКО выступает дело Арбитражного суда Красноярского края, в котором Краевое государственное автономное учреждение «Красноярская база авиационной и наземной охраны лесов» оспаривало привлечение к ответственности по ч. 3 ст. 7.32.2 КоАП РФ⁴. Суть претензии заключалась в нецелевом использовании средств государственной субсидии. Суд, отказывая в удовлетворении жалобы отметил, что услуги, оказанные заявителем в рамках исполнения договора, не относятся к видам деятельности последнего. Заявитель в рамках заключенных соглашений должен был оказывать услуги по тушению пожаров с помощью авиационной техники, в то время как суд определил, что авиационное патрулирование к таковым не относится⁵. Интересно, что в решении суда первой инстанции детально не упоминались доводы заявителя. Отметим, что даже незначительное отклонение от деятельности, предусмотренной уставом некоммерческой организации, может выступать в качестве причины привлечения к ответственности по нормам КоАП РФ. Для российского законодателя вопросы соблюдения устава НКО представляются достаточно острыми, поэтому дальнейшая цифровизация проверки уставов на этапе регистрации может стать одним из путей развития законода-

коммерческих организаций // Вопросы рос. юстиции. Екатеринбург, 2023. № 24. С. 166–175.

³ См.: Дегтярева Л. Н. О некоторых проблемах правового регулирования административной ответственности некоммерческих организаций // Центральный научный вестник. 2019. URL: <http://cscb.su/n/0405s01/0405s01036.htm> (дата обращения: 20.04.2024).

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 06.04.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁵ Решение от 20 октября 2023 г. по делу № А33-23145/2023 Арбитражного суда Красноярского края (АС Красноярского края). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YqBQytHxICmc/> (дата обращения: 30.04.2024).

тельства, регулирующего порядок регистрации юридических лиц⁶.

При привлечении к административной ответственности учитываются особенности, установленные ст. 4.1 КоАП РФ. Норма ч. 2 ст. 4.1 КоАП РФ подразумевает снижение размера административного штрафа на 50 % для юридических лиц, содержащихся в реестре социально ориентированных НКО. При этом размер административного штрафа исчисляется с учетом минимально и максимально возможных санкций, если штраф является фиксированным⁷. Идея создания данного реестра заключается в помощи для действительно нуждающихся организаций, поэтому снижение размеров штрафов – важная составляющая поддержки НКО⁸.

Как показывает судебная практика, нахождение в реестре социально ориентированных НКО должно быть подтверждено заявителями при подаче жалобы⁹. Данная информация размещается на официальном сайте Министерства экономического развития РФ, поэтому отсутствие соответствующих приложений в виде скриншотов может рассматриваться в качестве основания отказа в удовлетворении жалобы¹⁰. Примером такого дела выступают материалы Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда, в постановлении которого суд указал на обязанность

заявителя предоставить соответствующие сведения¹¹.

Некоммерческие организации выступают в качестве особых субъектов права не только ввиду более высоких требований к созданию и расходованию капитала, но и благодаря наделению некоторых из них квазивластными полномочиями, либо частью властных полномочий (если речь идет о государственных НКО)¹². Подобное положение данного вида правовых субъектов создает процессуальную конструкцию, при которой и заявитель, и ответчик обладают властными полномочиями¹³. Наличие властных полномочий у ряда организаций свидетельствует о развитии административного права и укреплении системы сдержек и противовесов государственного управления¹⁴.

Подобный статус может быть напрямую закреплён в КоАП РФ. Пример такой нормы можно встретить в п. 5 ч. 11 ст. 28.3, где упоминаются представители госкорпорации «Росатом». Перечень таких должностных лиц утвержден внутренним документом «Росатома» – Приказом от 20 января 2011 г. № 1/19-П¹⁵. В данном контексте наличие у субъекта властного полномочия, во-первых, не является препятствием для привлечения к ответственности и оспаривания такого привлечения, во-вторых, *de jure* не может влиять на разрешение спора.

⁶ См.: *Соболева Ю. В.* Оптимизация контроля (надзора) Минюста России в отношении некоммерческих организаций в условиях применения цифровых технологий // Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества : электронный сб. статей Междунар. круглого стола (Новополоцк, 15 апреля 2022 г.). С. 60–62.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.

⁸ См.: *Ларионов А.* Реестр социально ориентированных НКО как инструмент их поддержки и мониторинга // Журнал исследований социальной политики. 2023. № 21. С. 693–708.

⁹ О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций (вместе с «Положением о порядке ведения реестра социально ориентированных некоммерческих организаций») : постановление Правительства РФ от 30 июля 2021 г. № 1290 (в ред. от 17.01.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 32. Ст. 6023.

¹⁰ Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/all> (дата обращения: 30.04.2024).

¹¹ Постановление от 4 октября 2023 г. по делу № А64-1219/2023 Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда (19 AAC). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SasfJ3UGlTZH/> (дата обращения: 30.04.2024).

¹² См.: *Спиридонов П. Е.* Особенности административно-процессуального статуса некоммерческих организаций // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сб. статей по материалам Ежегодной всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23 марта 2018 г.). СПб., 2018. С. 257–261.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате // Вестник Конституционного Суда РФ. № 5. 1998.

¹⁴ *Айдаров А. Ч.* Административно-правовой статус некоммерческих организаций и их место в системе субъектов административного права // Вестник магистратуры. Йошкар-Ола, 2023. № 11-2. С. 62–63.

¹⁵ Об утверждении Перечня должностных лиц Госкорпорации «Росатом», имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях : приказ Госкорпорации «Росатом» от 20 января 2011 г. № 1/19-П (в ред. от 15.05.2017) : зарег. в Минюсте России 18 марта 2011 г. № 20176) // Рос. газета. 2011. № 78.

Наличие властного полномочия по составлению протоколов у «Росатома» либо у какой-либо другой госкорпорации не является препятствием к возбуждению дела в рамках КоАП РФ. Например, «Росатому» было отказано в удовлетворении жалобы по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ, хотя сам он активно выступает заявителем, возбуждая дела в отношении других некоммерческих организаций¹⁶.

В главе II № 7 перечисляются различные формы некоммерческих организаций, поэтому остановимся на наиболее распространенных НКО и проблемах, связанных с контролем их деятельности¹⁷.

Административная ответственность религиозных объединений – предмет пристального надзора со стороны правоохранительных органов. Ярким примером в данном контексте выступает постановление по делу № А53-29154/2019, в котором заявителю было отказано в удовлетворении жалобы, оспаривавшей привлечение к ответственности по п. 6 ст. 18.9 КоАП РФ («Нарушение правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства») и назначение наказания в виде штрафа в 400 000 рублей. Суть претензии Министерства внутренних дел в адрес заявителя заключалась в недостоверности сведений, указанных при оформлении приглашения гражданину Соединенных Штатов. Согласно материалам вышеуказанного дела, приглашение было оформлено для ведения религиозной деятельности в Ростове-на-Дону, в то время как, по мнению МВД деятельность являлась преподавательской и осуществлялась в другом городе – Новороссийске (Краснодарский край). Различия между преподаванием английского языка и ведением миссионерской деятельности, как и разница между нахождением в разных регионах РФ, очевидна, однако из материалов постановления не следует, что была проведена какая-либо экспертиза либо административное расследование, подтверждающее занятие именно препода-

вательской деятельностью¹⁸. Кроме того, хотя изменение цели прибытия на территории РФ противозаконно и в данном случае из объяснения гражданина США следует, что из Ростова-на-Дону в Новороссийск он отправился на следующий день после приезда, однако отсутствие негативных последствий позволяет утверждать также и об отсутствии минимальной социальной опасности для общества. Внимание правоохранительных органов к религиозным организациям в целом достаточно высокое, особенно в случаях осложнения субъектного состава правонарушения иностранным элементом. Следует отметить переоценку судом опасности в содеянном правонарушении: суды первой и второй инстанций отказались применять правило малозначительности правонарушения. Малозначительность при этом, как указано в п. 18, 18.1 постановления Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10, должна быть мотивирована судом и не зависит от той или иной статьи КоАП РФ¹⁹. Предотвращение правонарушений в сфере миграционного законодательства, в числе прочего, может заключаться в более тесном взаимодействии МВД, Прокуратуры РФ и некоммерческих организаций при подготовке тех или иных приглашений²⁰.

Фонды также выступают одной из самых распространенных форм НКО и выполняют различные социально значимые функции. Ввиду того что фонды, как правило, занимаются распределением средств, привлечения к административной ответственности данных организаций очень часто связываются с претензиями, касающимися нецелевого расходования. Обращаясь к соответствующим примерам, под нецелевым расходованием могут пониматься статьи расходов, связанные с деятельностью фонда, но не связанные с той или иной субсидией, а также расходования, при которых не достигаются цели межбюджетных соглашений (например, между федеральным и региональным бюджетом). Как от-

¹⁶ Решение от 18 мая 2023 г. по делу № А40-1281/2023 Арбитражного суда города Москвы (АС города Москвы). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/h84gpr3BUAgJ/> (дата обращения: 01.05.2024); Решение от 12 апреля 2023 г. по делу № А40-52730/2023 Арбитражного суда города Москвы (АС города Москвы). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/wT0kxCFV4dJ1/> (дата обращения: 01.05.2024).

¹⁷ О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 26.02.2024) // Рос. газета. 1996. № 14.

¹⁸ Постановление от 31 мая 2020 г. по делу № А53-29154/2019 Арбитражного суда Северо-Кавказского округа (ФАС СКО). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/h8qqCSRAooNO/> (дата обращения: 01.05.2024).

¹⁹ О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: постановление Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 (в ред. от 21.12.2017) // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.

²⁰ См.: Ковалев А. А. Взаимодействие прокуратуры с религиозными организациями // Право и политика. 2023. № 5. С. 37–50.

мечается в исследовании И. Б. Лагутина, подобная правоприменительная практика нивелирует само понимание нецелевого расходования²¹.

Из материалов Арбитражного суда Якутии следует, что «Фонд капитального ремонта многоквартирных домов Республики Саха» обратился с заявлением о признании незаконным Министерства финансов Республики Саха о привлечении к ответственности, предусмотренной ст. 15.14 КоАП РФ («Нецелевое использование бюджетных средств»). Под нецелевым расходованием в данном случае понималось несоответствие соглашению о субсидии между региональным Минфином и фондом. Субсидия была предоставлена на оказание деятельности фонда, в то время как суть обвинений заключалась в указании на ряд расходов, связанных с деятельностью организации, но не связанных с соглашением о субсидии. Как указывается в решении суда, к ним относились: негосударственная экспертиза проектной документации, представительские расходы, приобретение инструментов для организации работ по строительному контролю, расходы на услуги по закупкам, оплата штрафов, в том числе за нарушение законодательства. Размер субсидии при этом составлял 71 195 694 руб., размер расходов, по которым были предъявлены претензии, – 890 341 рубль 36 копеек (примерно 1/80 часть). Позиция заявителя заключалась в указании, что вышеуказанные средства были в итоге восстановлены, однако суд со ссылкой на постановление ВС РФ от 7 октября 2016 г. № 304-АД16-12516 отметил, что «доводы заявителя не могут быть приняты во внимание»²². Суд также определил, что применение нормы, позволяющей признать правонарушение незначительным, не представляется возможным, так как невозможно определить исключительность правонарушения²³.

²¹ См.: *Лагутин И. Б.* К вопросу о системе ответственности за нарушение бюджетного законодательства в Российской Федерации // Вестник Белгород. юрид. ин-та МВД России им. И. Д. Путилина. 2023. № 2. С. 4–8.

²² Постановление Верховного Суда РФ от 7 октября 2016 г. № 304-АД16-12516 по делу № А45-20757/2015. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=484678&cacheid=474135AA23795C0B49884BEB9E16797B&mode=spl&rnd=kUJWBU3Y586Th58#g54CXBURQUNSupf9> (дата обращения: 01.05.2024).

²³ Решение от 14 декабря 2020 г. по делу № А58-7405/2020 Арбитражного суда Республики Саха (АС Республики Саха). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/iKkcQu8EPyIT/> (дата обращения: 01.05.2024).

Указанный выше пример показывает высокую степень контроля со стороны государства за государственными фондами, поэтому оспаривание подобных правонарушений не может основываться на доводах о дальнейшем пополнении и выделении средств. Как отмечается в исследовании И. В. Бит-Шабо, контроль за деятельностью фондов следует рассматривать в качестве «бюджетного принуждения»²⁴, поэтому при подаче соответствующих заявлений об оспаривании заявителям следует подготавливать достаточную доказательственную базу, не ограничиваясь доводами о неправильном применении норм материального права. Данный аспект особенно важен, если учитывать специфику судебного разбирательства, осложненного властными субъектами²⁵.

Обращаясь к примеру автономных некоммерческих организаций (далее по тексту – АНО), необходимо отметить, что данный вид НКО крайне разнообразен по декларируемым в уставах видам деятельности, поэтому и дела, рассматриваемые в рамках КоАП РФ, имеют достаточно широкий спектр по составам правонарушений. Как показывает анализ судебной практики 2020–2023 гг., среди дел, возбуждаемых в отношении АНО, к наиболее распространенным квалификациям относятся следующие: ст. 13.9 КоАП РФ («Самовольные строительство или эксплуатация сооружений связи»); статьи, связанные с недобросовестной конкуренцией; незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ч. 1, 2 ст. 14.10 КоАП РФ) и другие составы, рассматриваемые в целом в качестве общих для любых негосударственных организаций.

Одним из наиболее ярких примеров нарушения интеллектуальных прав со стороны АНО выступает дело Арбитражного суда г. Москвы, в котором Московская академия народного хозяйства и государственной службы (МАНХиГС) пыталась обжаловать привлечение к ответственности, квалифицируемое по ч. 1 ст. 14.33 КоАП РФ.

²⁴ См.: *Бит-Шабо И. В.* Актуальные вопросы юридической ответственности государственных социальных внебюджетных фондов // Вопросы экономики и права. 2015. № 82. С. 26–29.

²⁵ См.: *Федорова Т. В.* Новые подходы к содержанию доказательств в административном процессе // Вопросы развития государства и права: теория, история и практика: сб. науч. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Симферополь, 9 ноября 2022 г.). Симферополь, 2022. С. 311–317.

Правонарушение в данном случае выражалось в использовании в названии организации бренда, близкого до степени смешения к РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы). Заявитель пытался признать незаконным постановление о привлечении к ответственности по вышеуказанной статье, в том числе посредством проведения «Социально-психологического исследования по изучению взаимного сходства во внешнем виде официальных символов (логотипов) внутри одной категории научно-исследовательских и образовательных учреждений (академий)», однако административный ответчик предоставил суду результаты исследования Роспатента, а также собственной внутренней комиссии. В итоге суд отказал в удовлетворении требований и также не признал правонарушение малозначительным, обязав выплатить штраф в 250 000 рублей. Доводы заявителя о том, что АНО «давно» оказывает образовательные услуги и ранее не привлекалось к ответственности за данное правонарушение суд счел несостоятельными²⁶.

Штрафы, назначаемые в отношении любых НКО, могут быть снижены до половины минимального размера в рамках ст. 4.1 КоАП РФ, однако для этого организация должна быть включена в специальный реестр социально ориентированных НКО. В связи с этим возникает резонный вопрос: а допустимо ли в принципе задаваться вопросом о критериях социальной ориентированности НКО? Ведь сама суть подобных организаций заключается в разрешении тех или иных социальных вопросов, пусть и определяемых учредителями и фактически под контролем Минюста. Несмотря на данные аспекты, законодатель указывает на ряд критериев, которым соответствует организация: она должна выступать получателем финансовой/имущественной поддержки (субсидий или грантов) на федеральном уровне; поставщиком социальных услуг, получателем грантов Президента Российской Федерации либо исполнителем общественно полезных услуг (ИОПУ); кроме того, к таким НКО относятся благотворительные и частные образовательные организации.

Действующий правовой механизм не предполагает подачи заявлений о включении в ре-

естр представителями НКО, данная операция отнесена к компетенции исполнительной власти и государственных органов: федеральному органу власти; уполномоченному региональному органу власти; Фонду Президентских грантов, Фонду культурных инициатив; Минюсту России; а также Рособнадзору²⁷.

Таким образом, к проблемам рассмотрения дел по оспариванию привлечения к административной ответственности, инициируемых некоммерческими организациями, относятся следующие:

- отсутствие правовых механизмов, позволяющих восстанавливать целевые финансовые средства НКО: наличие подобной нормы смогло бы вывести из сферы правового оборота случайные транзакции, а также исключить привлечения к административной ответственности за нецелевое использование финансовых средств без явно негативных последствий для государства, экономики и общества,

- отсутствие механизмов, позволяющих самостоятельно включать НКО в реестр социально ориентированных, что в целом следует рассматривать как основание для снижения штрафных санкций, вплоть до 50 % от минимальных размеров;

- крайне редкое применение судами норм о незначительности правонарушений в отношении НКО в рамках ст. 2.9 КоАП РФ;

- возможность наличия властных полномочий как у заявителя, так и у административного ответчика, что в целом снижает политическое значение института оспаривания;

- дифференциация контроля со стороны государственных органов в отношении разных форм НКО: подобную практику следует рассматривать как нарушение принципа равенства перед законом, предусмотренного ст. 4.1 КоАП РФ.

Решение указанных проблем будет содействовать повышению эффективности применения мер административного принуждения в целом и, прежде всего, применительно к делам об административных правонарушениях, совершенных субъектами предпринимательства,

²⁶ Решение от 30 августа 2023 г. по делу № А40-83202/2023 Арбитражного суда города Москвы (АС города Москвы). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/yy639Me4hprT/> (дата обращения: 02.05.2024).

²⁷ О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций (вместе с «Положением о порядке ведения реестра социально ориентированных некоммерческих организаций»): постановление Правительства РФ от 30 июля 2021 г. № 1290 (в ред. от 17.01.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 32. Ст. 6023.

а также на процессуальной стадии их оспаривания.

Один из путей развития законодательства, касающегося оспаривания привлечения к ответственности по нормам КоАП РФ некоммерческих организаций, может заключаться во внесении изменений в ст. 14.15 КоАП РФ дополнением следующего абзаца:

«В случаях, если целевые бюджетные средства впоследствии восстанавливаются на расчетном счете некоммерческой организации за счет других источников, вовремя достигая своего целевого назначения, и при условии, что данное правонарушение совершается впервые, некоммерческая организация освобождается от административной ответственности».

Подобное изменение смогло бы понизить вероятность привлечения к ответственности за данный вид административного правонарушения в случаях, когда фактически отсутствуют негативные последствия содеянного.

Библиографический список

Айдаров А. Ч. Административно-правовой статус некоммерческих организаций и их место в системе субъектов административного права // Вестник магистратуры. Йошкар-Ола, 2023. № 11-2. С. 62–63.

Бит-Шабо И. В. Актуальные вопросы юридической ответственности государственных социальных внебюджетных фондов // Вопросы экономики и права. М., 2015. № 82. С. 26–29.

Дегтярева Л. Н. О некоторых проблемах правового регулирования административной ответственности некоммерческих организаций // Центральный научный вестник. 2019. URL: <http://cscb.su/n/0405s01/0405s01036.htm> (дата обращения: 20.04.2024).

Ермолова А. П. Соотношение понятий предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Вопросы российской юстиции. Екатеринбург, 2023. № 24. С. 166–175.

Ковалев А. А. Взаимодействие прокуратуры с религиозными организациями // Право и политика. 2023. № 5. С. 37–50.

Лагутин И. Б. К вопросу о системе ответственности за нарушение бюджетного законодательства в Российской Федерации // Вестник Белгород. юрид. ин-та МВД России им. И. Д. Путилина. 2023. № 2. С. 4–8.

Ларионов А. Реестр социально ориентированных НКО как инструмент их поддержки и мониторинга // Журнал исследований социальной политики. 2023. № 21, С. 693–708.

Соболева Ю. В. Оптимизация контроля (надзора) Минюста России в отношении некоммерческих организаций в условиях применения цифровых технологий // Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества: электронный сборник статей Междунар. круглого стола (Новополоцк, 15 апреля 2022 г.). Новополоцк, 2022. С. 60–62.

Спиридонов П. Е. Особенности административно-процессуального статуса некоммерческих организаций // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 23 марта 2018 г.). СПб., 2018. С. 257–261.

Тарасенко О. А. О предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Юрист. 2014. № 23. С. 15–18.

Федорова Т. В. Новые подходы к содержанию доказательств в административном процессе // Вопросы развития государства и права: теория, история и практик: сб. науч. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Симферополь, 9 ноября 2022 г.). Симферополь, 2022. С. 311–317.

References

Aidarov A. C. Administrative-legal Status of Non-Profit Organisations and Their Place in the System of Subjects of Administrative Law // Bulletin of Magistracy. Yoshkar-Ola. 2023. No. 11-2. P. 62–63.

Bit-Shabo I. V. Actual Issues of Legal Responsibility of State Social Extra-Budgetary Funds // Issues of Economics and Law. No. 82. 2015. P. 26–29.

Degtyareva L. N. On Some Problems of Legal Regulation of Administrative Responsibility of Non-Profit Organisations. 2019. URL: <http://cscb.su/n/0405s01/0405s01036.htm> (date of access: 20.04.2024).

Ermolova A. P. Correlation of the Concepts of Entrepreneurial and Income-Generating Activities of Non-Profit Organisations // Issues of Russian Justice. 2023. No 24. P. 166–175.

Kovalev A. A. Interaction of the Prosecutor's Office with Religious Organisations // Law and Politics. 2023. № 5. P. 37–50.

Lagutin I. B. On the Question of the System of Responsibility for Violation of Budget Legislation in the Russian Federation // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2023. No. 2. P. 4–8.

Larionov A. Register of Socially Oriented NGOs as a Tool for Their Support and Monitoring // Journal of Social Policy Studies. 2023. No. 21, 4. P. 693–708.

Soboleva Y. V. Optimisation of Control of the Ministry of Justice of Russia in Relation to Non-Profit Organisations in the Context of the Use of Digital Technologies. Round table (Novopolotsk, April 15, 2022). P. 60–62.

Spiridonov P. E. Features of the Administrative-procedural Status of Non-Profit Organisations // Actual Problems of Administrative and Administrative Procedural Law : Collection of articles based on the materials of the Annual All-Russian Scientific and Practical conference (St. Petersburg, March 23, 2018). St. Petersburg, P. 257–261.

Tarasenko O. A. On Entrepreneurial and Profitable Activities of Non-Profit Organisations. 2014. No. 23. P. 15–18.

Fedorova T. V. New Approaches to the Content of Evidence in the Administrative Process // Issues of Development of State and Law: Theory, History and Practice : collection of scientific articles on the materials of the All-Russian Scientific and Practical conference (Simferopol, November 9, 2022). Simferopol. P. 311–317.

Арбитражный суд Московской области
Мухтарова О. С., помощник судьи
E-mail: 8032222@mail.ru

Поступила в редакцию: 19.09.2024

Для цитирования:

Мухтарова О. С. Рассмотрение арбитражными судами дел об оспаривании постановлений административных органов о привлечении к административной ответственности некоммерческих организаций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 153–160. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/153-160>

Arbitration Court of the Moscow Region
Mukhtarova O. S., Assistant Judge
E-mail: 8032222@mail.ru

Received: 19.09.2024

For citation:

Mukhtarova O. S. Consideration by commercial courts of cases on challenging decisions of administrative bodies on bringing non-profit organisations to administrative responsibility in Russia // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 153–160. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/153-160>

О ПОНИЖЕНИИ ОЧЕРЕДНОСТИ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ЗАЛОГОВОГО КРЕДИТОРА В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. Э. Шайхразиев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

REDUCTION OF THE PRIORITY OF SATISFYING THE CLAIMS OF THE SECURED CREDITOR IN THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. E. Shaikhraziev

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: анализируется позиция СКЭС ВС РФ от 2020 и 2021 гг., согласно которой из средств, вырученных от реализации предмета залога при банкротстве залогодателя, в первую очередь должны погашаться требования по налогу на добавленную стоимость, связанные с предметом залога, как часть издержек на реализацию предмета залога. Автор приходит к выводу о том, что новая позиция СКЭС ВС РФ противоречит текущему законодательству и игнорирует предшествующую судебную практику, в связи с чем необоснованно ущемляет кредиторов (как залоговых, так и кредиторов первой и второй очередей), дополнительно понижая их в очередности удовлетворения требований.

Ключевые слова: банкротство, залог, НДС, удовлетворение требований, залоговый приоритет.

Abstract: the author of this article is analyzing the position of Supreme Court of the Russian Federation from 2020 and 2021, according to which, in case of insolvency of the pledgor after the pledged item is sold, first of all, VAT claims related the pledged item must be paid. And only after such payment claims of other creditors can be satisfied. The author comes to the conclusion that this new position contradicts the current legislation, ignores previous judicial practice and unreasonably infringes on creditors, further lowering them in the priority of satisfying claims.

Key words: insolvency, pledge, VAT, satisfaction of requirements, pledge priority.

Институт банкротства одной из своих целей предполагает наиболее справедливое распределение имущества несостоятельного должника между его кредиторами. Об этом нам говорят не только современные авторы¹, но и классики отечественной цивилистики². Недавняя судеб-

ная практика показала, что поиск ответа на издавна поставленный вопрос всё еще актуален.

Верховным Судом Российской Федерации (ВС РФ) был предложен новый подход в вопросе о распределении расходов на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах: в части выплаты имущественных налогов, особенно налога на добавленную стоимость (НДС).

Общее правило легально зафиксировано в п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве³, согласно которому расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет средств, поступивших от реали-

¹ См.: Смирных А. Г. Рецепция иностранного права и реформирование законодательства о банкротстве // *Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес»*. 2018. № 3. С. 12 ; Ланг П. П. Злоупотребление правом в сфере несостоятельности (банкротства) // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2022. № 9. С. 43 ; Суханов Е. А. *Гражданское право*. М., 2006. Т. 1. С. 132.

² См.: Шершеневич Г. Ф. *Конкурсный процесс*. М., 2000. С. 87 ; Генкин Д. М. *Конкурсный процесс* // *Вестник Высшего Арбитражного Суда*. 1993. № 11. С. 123.

© Шайхразиев В. Э., 2024

³ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерация*. 2002. № 43. Ст. 4190.

зации предмета залога, до распределения этих средств в пользу кредиторов.

Это правило было закреплено в Законе о банкротстве Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ⁴. Такая норма была закреплена в законе впервые. В предшествующих редакциях Закона о банкротстве норма, каким-то образом регулирующая подобный вопрос, отсутствовала.

Кажется, что закрепленное правило элементарно и логично: прежде выплаты средств кредиторам необходимо погасить расходы на содержание предмета залога. Однако на практике обнаружилась конкуренция указанной нормы с содержанием п. 1 и п. 2 той же статьи, согласно которым, по общему правилу, залоговый кредитор получает 70 % «из средств, вырученных от реализации предмета залога» (либо 80 % в случае, если залогом обеспечиваются требования по кредитному договору).

В 2020 и 2021 гг. ВС РФ вынес два определения, которые касаются распределения налогового бремени в отношении заложенного имущества должника.

Так, в одном из споров конкурсный управляющий ООО «Группа Техмаш» просил суд обязать ПАО «Сбербанк России» исполнить платежные поручения о перечислении в бюджет сумм НДС по четырем платежам на общую сумму 279 334 рубля.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций оставили заявление без удовлетворения. Суд первой инстанции в своем решении указал, что между должником и арендатором был заключен договор аренды недвижимого имущества. ПАО АКБ «Абсолют Банк» было признано залоговым кредитором должника в отношении переданного имущества по указанному договору. Конкурсный управляющий заключил со Сбербанком договор о ведении специального банковского счета для реализации предмета залога. На этот счет поступила плата за аренду заложенного имущества от арендатора. Указанная плата включала в себя и сумму НДС.

Конкурсный управляющий направил в Сбербанк платежные поручения о списании с залогового счета и перечислении в бюджет сумм НДС, на что Сбербанк сообщил, что пла-

тежные документы не соответствуют особому режиму счета.

Нижестоящие суды посчитали, что расходы, связанные с уплатой НДС, не отвечают признакам затрат, упомянутых в п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве (т.е. не являются расходами на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах), а уплата обязательных платежей из средств, размещенных на залоговом счете, противоречит установленной законодательством о банкротстве очередности удовлетворения требований кредиторов. По мнению судов, требование залогового кредитора имеет приоритет перед налоговым требованием, в связи с чем требование конкурсного управляющего противоречит установленной законом очередности, а также нарушает права залогового кредитора.

Верховный Суд Российской Федерации нижестоящие судебные акты отменил⁵, указав, что, несмотря на наличие залогового приоритета, установленного законом, такой приоритет «...не означает, что вся сумма арендной платы, перечисленной должнику, в отношении которого открыто конкурсное производство, направляется на удовлетворение обеспеченного залогового требования».

По мнению Судебной коллегии, правило, закрепленное в п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, имеет общий характер и применяется не только при продаже предмета залога, но и при получении доходов от аренды этого предмета залога. В ином случае, по мнению ВС РФ, все расходы на содержание предмета залога легли бы на всех кредиторов, но вся выручка от реализации такого предмета залога досталась бы лишь залоговому кредитору. ВС РФ указывает, что в таком случае создается дисбаланс в объеме прав залогодержателя и остальных кредиторов.

Схожая правовая позиция была сформулирована применительно к обстоятельствам другого спора, рассмотренного в рамках дела о банкротстве ООО «Электрощит». Конкурсный управляющий (заявитель по обособленному спору) утверждал, что распределение должно быть следующим: сначала расходы на реализацию залогового имущества (без учета налога на имущество и земельного налога), после чего денежные

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1. Ст. 35.

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС20-10152 от 19 октября 2020 г. по делу № А40-46117/2019.

средства направляются залоговому кредитору (95 %, так как у должника отсутствовали кредиторы 1-й и 2-й очередей), а в конце – судебные расходы по делу о банкротстве. Налоговый орган, в свою очередь, считал, что вместе с погашением расходов на реализацию (до выплаты средств залоговому кредитору) должны быть также учтены налог на имущество и земельный налог.

Нижестоящие суды приняли позицию конкурсного управляющего, аргументировав это тем, что требование залогового кредитора имеет приоритет перед текущими требованиями, в том числе и налоговыми. Также суды указали, что денежные средства, вырученные от реализации залогового имущества, не представляют собой отдельную налогооблагаемую базу, в связи с чем не подлежат распределению в составе расходов на проведение торгов. Иной подход, по мнению судов, нарушил бы принцип приоритета залогового кредитора.

Точку поставил ВС РФ⁶: акты нижестоящих судов были изменены, установлено, что расходы на уплату текущей задолженности по земельному налогу и налогу на имущество в отношении предмета залога покрываются за счет выручки от реализации заложенного имущества до начала расчетов с залоговым кредитором. Судом при этом, как видится, сделаны системные выводы в отношении всякого налогового бремени на предмет залога: указано, что залоговый приоритет реализуется в формате обособленной процедуры при реализации залогового имущества. Подобный формат подразумевает «погашение за счет ценности этого имущества обязательств перед залоговым кредитором за минусом всевозможных издержек, связанных собственно с этим имуществом». Тем самым ВС РФ применил п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве к имущественным налогам на залоговое имущество. Тут же Судебная коллегия указывает, что противоположный подход, который был применен нижестоящими судами, приводит к дисбалансу в объеме прав кредиторов, ведь налоговое бремя в отношении залогового имущества (что является видом расходов на содержание) ложится на имущество, не находящееся в залоге у соответствующего кредитора, т. е., на необеспеченных кредиторов. В это время сам залоговый креди-

тор получает лишь выгоду от реализации залогового имущества. Судебная коллегия называет такую ситуацию «явной несправедливостью».

Из указанных выше актов ВС РФ следует, что после реализации залогового имущества в первую очередь должны быть погашены все расходы, связанные с бременем содержания такого имущества, а также все налоговые обязательства, связанные с предметом залога. И только потом оставшаяся сумма должна быть распределена в соответствии с п. 1 и п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве. Налоговые издержки при этом, несмотря на то что являются текущими, подлежат погашению сразу, а не в рамках соответствующей очередности уплаты текущих платежей (в силу обособленности процедуры реализации залогового имущества должника). Позиция была также закреплена определениями ВС РФ об отказе в передаче кассационных жалоб к рассмотрению. Например, в определении ВС РФ от 24 ноября 2022 г. № 305-ЭС22-21664.

Ранее, как до появления п. 6 в ст. 138 Закона о банкротстве, так и после, в судебной практике господствовала иная позиция, согласно которой налоговые платежи, которые возникли в связи с реализацией предмета залога при банкротстве залогодателя, относились к текущим платежам и удовлетворялись в соответствующей очереди, без приоритета по отношению к самому залоговому кредитору⁷. Более того, 25 июня 2019 г. ВС РФ вынес отказное определение № 305-ЭС19-8761, согласно которому налоговые платежи не имеют приоритета по отношению к требованиям залогового кредитора⁸. Нынешняя же позиция в судебной практике ранее также присутствовала⁹,

⁷ Постановления : Седьмого Арбитражного апелляционного суда № 07АП-7453/11 от 29 сентября 2011 г. по делу № А27-13822/2009, ФАС Московского округа от 12 сентября 2011 г. по делу № А41-16704/09, ФАС Центрального округа от 10 октября 2013 г. по делу № А48-2725/2010, ФАС Уральского округа от 20 октября 2011 г. № Ф09-7602/10 по делу № А50-25406/2009, ФАС Поволжского округа от 3 мая 2012 г. по делу № А65-9085/2010, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 января 2019 г. № Ф03-5915/2018 по делу № А51-4827/2015, Арбитражного суда Московского округа от 26 ноября 2019 г. № Ф05-10757/2017 по делу № А40-26384/2017.

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 305-ЭС19-8761 по делу № А40-229988/2016.

⁹ Постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 25 марта 2011 г. по делу № А67-6184/2009, ФАС Уральского округа от 19 мая 2011 г. № Ф09-4618/09-С4 по делу № А60-41103/2008-С14, Арбитражного суда Восточно-

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС20-20287 от 8 апреля 2021 г. по делу № А40-48943/2015.

но была скорее исключением, а на уровне ВС РФ или ВАС РФ отражения не находила. Вместе с тем в периодике того времени отмечается, что налоговые органы считали, что сумма НДС, полученная в результате реализации предмета залога, не входит в конкурсную массу и подлежит незамедлительному перечислению в бюджет арбитражным управляющим¹⁰.

Что означает новая практика для участников оборота? Согласно новой позиции ВС РФ, расчет денежных средств, причитающихся залоговому кредитору, производится не из суммы реализации залогового имущества, а из суммы реализации залогового имущества за вычетом имущественных налогов на соответствующее залоговое имущество. Разница между новой позицией ВС РФ и старой судебной практикой наглядно была продемонстрирована в одном из дел Уральского округа¹¹, где суд не нашел признаков незаконных действий по перечислению в пользу залогового кредитора конкурсным управляющим 67,79 % от денежных средств, вырученных от реализации предмета залога, вместо 80 % (конкурсным управляющим была исключена сумма НДС из стоимости реализованного залогового имущества). Залоговый кредитор, таким образом, не получил тех 80 % от суммы реализации, которые предписывает закон. Конкретно в рассмотренном споре эта сумма составила 220 431,66 рублей.

Думается, что новая позиция ВС РФ, в отличие от старой, не имеет под собой нормативного обоснования.

Если вернуться к самому началу (к п. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве), мы увидим, что расчет процентов распределения денежных средств закон предполагает именно исходя из вырученной от реализации суммы, а не от какого-либо иного финансового показателя, будь то чистая прибыль, доход и т. д. При расчете процентов не учитываются расходы, которые были понесены должником на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию предмета залога – это правило из п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве.

Сибирского округа от 16 августа 2019 г. по делу № А58-3479/2015.

¹⁰ См.: Певницкий С. Г., Буравчиков А. А. Некоторые вопросы уплаты налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника в процедурах банкротства // *Налоги*. 2011 № 4. С. 23.

¹¹ Постановление ФАС Уральского округа от 18 октября 2010 г. № Ф09-3664/10-С4 по делу № А47-3891/2009.

Другими словами, закон однозначно указывает на следующую формулу расчета суммы, причитающейся залоговому кредитору (для упрощения ограничимся ситуацией, когда залог представлен не в обеспечение кредитного договора, а у должника имеются кредиторы первой и второй очередей со значительной общей суммой требований):

$$\begin{aligned} & (\text{Сумма от реализации} - \text{Расходы} \\ & \text{на сохранность и реализацию}) \times 70 \% = \\ & = \text{Сумма для залогодержателя} \end{aligned}$$

На этом этапе может возникнуть справедливый вопрос: не является ли имущественный налог расходом на реализацию? Однако согласно п. 6 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом ВС РФ 20 декабря 2016 г.) объект налогообложения формируется применительно к совокупности соответствующих операций (фактов), совершенных (имевших место) в течение налогового периода, и является сформировавшимся к моменту окончания налогового периода, из чего можно сделать вывод о том, что имущественный налог (в частности НДС) не является бременем отдельного имущества или отдельной операции¹².

Фактически новая судебная практика лишает залоговых кредиторов тех средств, которые определены в п. 1 ст. 138 Закона о банкротстве, а также дополнительно понижает приоритетность залоговых требований. Видится, что это вступает в противоречие с самой сутью залога, закрепленной в п. 2 ст. 334 Гражданского кодекса Российской Федерации¹³, согласно которой залогодержатель удовлетворяет свое требование преимущественно перед другими кредиторами.

Новая позиция ВС РФ, указывая на обособленность процедуры удовлетворения требований залогового кредитора и на погашение всех издержек, связанных с этим имуществом, за счет предмета залога, входит в противоречие

¹² Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 декабря 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2023).

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательств Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

не только с Законом о банкротстве, но и с нормами НК РФ¹⁴: согласно абз. 10 п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 25 января 2013 г. № 11 «Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом»¹⁵, исходя из положений ст. 163 НК РФ и п. 4 ст. 166 НК РФ, налог на добавленную стоимость в отношении операций по реализации имущества (в том числе предмета залога) должника, признанного банкротом, исчисляется должником как налогоплательщиком по итогам налогового периода, т. е. исходя из совокупности операций за весь период, а не за каждую операцию отдельно. Также видится, что ВС РФ игнорирует ст. 5 Закона о банкротстве, определяющую, что платежи, которые возникли после даты принятия заявления о признании должника банкротом, относятся к текущим. Закон прямо относит к таким платежам и обязательные платежи, куда безусловно входят и налоговые обязательства, при этом какие-либо исключения не называются. Учитывая, что, согласно НК РФ, обязанность по уплате НДС возникает по итогам налогового периода, т. е. точно после возбуждения дела о банкротстве, НДС, возникший в связи с реализацией предмета залога, должен быть отнесен к текущим обязательствам должника и удовлетворяться в соответствующей очереди.

Кроме того, новая позиция ВС РФ не учитывает, что законом уже предусмотрено направление части выручки от продажи предмета залога на налоговые платежи:

– в случае если на погашение текущих платежей, поименованных в п. 1 ст. 138 Закона о банкротстве, ушло менее 10 % от выручки от реализации предмета залога, то оставшаяся часть в пределах этих 10 процентов направляется на погашение иных текущих платежей (к которым, как указано выше и относятся текущие налоговые обязательства);

– в случае если требования первой и второй очередей полностью погашены (либо отсутствуют вовсе), оставшиеся от 20 % выручки средства

направляются сперва на погашение неудовлетворенных требований залогового кредитора, а после – на погашение текущих требований.

Таким образом, новая позиция Верховного Суда РФ противоречит текущему банкротному и налоговому регулированию и не имеет под собой достаточного нормативного обоснования. Некоторые авторы задают обоснованные практические вопросы, например о превышении налоговых требований стоимости залогового имущества или о возможности учета будущих платежей¹⁶. Разъяснения, приведенные Верховным Судом РФ в 2020 и 2021 гг. не позволяют преодолеть того массива нормативной базы, ранее обосновывающего противоположную позицию как нижестоящих судов, так и самого Верховного Суда Российской Федерации. Подобное решение необоснованно ущемляет кредиторов (не только залоговых, но и кредиторов первой и второй очередей), дополнительно понижая их в очередности удовлетворения требований.

Библиографический список

Генкин Д. М. Конкурсный процесс // Вестник Высшего Арбитражного Суда. 1993. № 11. С. 122–128.

Ланг П. П. Злоупотребление правом в сфере несостоятельности (банкротства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 9. С. 42–46.

Певницкий С. Г., Буравчиков А. А. Некоторые вопросы уплаты налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника в процедурах банкротства // Налоги. 2011. № 4. С. 23–25.

Смирных А. Г. Рецепция иностранного права и реформирование законодательства о банкротстве // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 3. С. 12–16.

Стадченко А. В. Расходы на обеспечение сохранности и реализацию предмета залога в процедурах банкротства : анализ судебной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 27–28.

Суханов Е. А. Гражданское право. М. : Волтерс Клувер, 2006. Т. 1. 720 с.

Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. М. : Статут, 2000. 475 с.

References

Genkin D. M. Competitive process // Bulletin of Supreme Arbitration Court. 1993. No. 11, P. 122–128.

¹⁶ Стадченко А. В. Расходы на обеспечение сохранности и реализацию предмета залога в процедурах банкротства. Анализ судебной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 27–28.

¹⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собр. законодательств Рос. Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

¹⁵ Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2013 г. № 11 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 3.

Lang P. P. Abuse of law in insolvency (bankruptcy) // Arbitrazh-civil procedure. 2022. No. 9. P. 42–46.

Pevnitskij S. G., Buravchikov A. A. Certain issues of payment of value added tax in realization of property of debtor in procedures of bankruptcy // Taxes. 2011. No. 4. P. 23–25.

Shershenevich G. F. Competition process. Moscow : Statut, 2000 475 p.

Smirnykh A. G. Reception of foreign law and reformation of the bankruptcy legislation // Law and business. 2018. No. 3, P. 12–16.

Stadchenko A. V. Expenses for Ensuring Security and Sale of a Pledged Item in Bankruptcy Procedures : an Analysis of the Judicial Practice // Arbitrazh-civil procedure. 2021. No. 12. P. 27–28.

Sukhanov E. A. Civil law: textbook. Moscow : Wolters Kluwer. 2006. 720 p.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Шайхразиев В. Э., Аспирант Департамента частного права

E-mail: shaikhraziev@gmail.com

Поступила в редакцию: 08.07.2023

Для цитирования:

Шайхразиев В. Э. О понижении очередности удовлетворения требований залогового кредитора в практике Верховного Суда Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 161–166. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/161-166>

National Research University «Higher School of Economics»

Shaikhraziev V. E., Post-graduate Student of School of Private Law

E-mail: shaikhraziev@gmail.com

Received: 08.07.2023

For citation:

Shaikhraziev V. E. Reduction of the priority of satisfying the claims of the secured creditor in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 161–166. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/161-166>

РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО ПРАВИЛА «ЛИЦО, ИМЕЮЩЕЕ ФАКТИЧЕСКОЕ ПРАВО НА ДОХОД» В МЕЖДУНАРОДНЫХ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А. В. Николаев

Сибирский федеральный университет

THE ROLES OF THE DOMESTIC RULE «THE PERSON WHO HAS THE ACTUAL RIGHT TO INCOME» IN INTERNATIONAL TAX RELATIONS

A. V. Nikolaev

Siberian Federal University

Аннотация: правило ст. 7 НК РФ «лицо, имеющее фактическое право на доход» не является репликой договорного правила «бенефициарный собственник» из ст. 10–12 модельной конвенции ОЭСР. В силу ряда причин неоправданно использовать правило ст. 7 для толкования термина «лицо, имеющее фактическое право на доход» налоговых соглашений с российским участием. Но данное правило обладает потенциалом внутреннего общего правила против избежания налогов для отношений, урегулированных налоговыми соглашениями.

Ключевые слова: бенефициарный собственник, лицо, имеющее фактическое право на доход, избежание налогов, договорное специальное правило против избежания налогов, внутреннее общее правило против избежания налогов.

Abstract: the rule «the person who has the actual right to income» from Article 7 of the Tax Code of the Russian Federation is not a replica of the treaty rule «beneficial owner» from Articles 10–12 of the MC OECD. For a number of reasons, it is unjustified to use the rule from Article 7 to interpret the term «the person who has the actual right to income» from tax treaties with Russian participation. However, in relationships governed by tax treaties, the rule from Article 7 has the potential to act as a domestic general anti-avoidance rule.

Key words: beneficial owner, the person who has the actual right to income, tax avoidance, treaties special anti-avoidance rule, domestic general anti-avoidance rule.

Прошло десятилетие с момента появления в ст. 7 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) правила о лице, имеющем фактическое право на доход (далее – ЛИФПД)¹. При рождении от новелл ждали, с неизбежными оговорками, преодоления неопределенности договорного термина ЛИФПД из соглашений об избежании двойного

налогообложения (далее – СИДН) с российским участием². Такой договорной термин соответствует договорному термину «бенефициарный собственник» из ст. 10–12 Модельной конвенции Организации экономического сотрудничества и развития в отношении налогов на доходы и капитал (далее – МК ОЭСР).

¹ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций) : федер. закон от 24 ноября 2014 г. № 376-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48. Ст. 6657.

© Николаев А. В., 2024

² См.: например: Брук Б. Я. Перспективы кодификации концепции бенефициарного собственника в российском налоговом законодательстве // Закон. 2014. № 8. С. 43–57 ; Хаванова И. А. К вопросу о понятии «фактическое право на доход» в налоговом праве // Финансовое право. 2014. № 11. С. 32–37 ; Ее же. Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве // Журнал рос. права. 2014. № 12. С. 50–60.

Бенефициарный собственник проник во внутреннее налоговое право стран общего права естественным ходом вещей. Будучи обиходным инструментом имущественных отношений, порождающих события и факты, значимые для налогообложения, бенефициарная собственность в налоговых правоотношениях «может предоставлять лицу определенные права и льготы, но в то же время служить основанием для оспаривания сделок»³. Относящиеся к этой семье права Соединенное Королевство и США доминировали в международном хозяйственном обороте XX в., когда происходило становление международного налогового права, а значит, было трудно избежать внесения ими в международные налоговые правоотношения инструментов внутреннего налогового права.

В 1925 г., в ходе работы Лиги Наций над проектами моделей налоговых соглашений, комитет ее экспертов обеспокоился возможной ситуацией, когда налогоплательщик государства, заключившего налоговое соглашение, становится владельцем доли активов, приносящей доход, но только на период, необходимый для получения налоговых льгот на доход, реальную выгоду от которого получает другое лицо, не имеющее прав на льготы по налоговому соглашению. В проектах моделей конвенций, разработанных под эгидой Лиги Наций, средств против этого не имелось⁴, но для устранения таких рисков договорная практика государств породила правило о предоставлении у источника дохода льгот, предусмотренных налоговым соглашением, только тому бенефициарному собственнику дохода, кто является резидентом другого договаривающегося государства. Первым стало американо-канадское соглашение 1942 г., за ним последовали британо-американское соглашение 1945 г. и британо-канадское 1946 г. Правило о бенефициарном собственнике заняло прочное место в налоговых соглашениях благодаря британской систематичной договорной практике начиная с протоколов 1966 г. к соглашению

с США 1946 г. и к соглашению со Швейцарией, соглашений 1966 г. с Новой Зеландией и 1967 г. с Нидерландами, протоколов 1968 г. к соглашениям с Антигуа, Данией и Швецией, соглашений 1969 г. с Финляндией и 1975 г. с Испанией. Далее правило о бенефициарном собственнике стало рядовой практикой в налоговых соглашениях с участием стран общего права: Ирландия включила его в налоговое соглашение 1968 г. с Францией, Австралия – в налоговые соглашения с Японией 1969 г. и Германией 1972 г. и т. д.

Опираясь на продолжительный опыт, британская делегация настояла на включении правила о бенефициарном собственнике в проект МК ОЭСР и оно появилось в ст. 10–12 МК ОЭСР 1977 г.⁵, а в 1980 г. было воспроизведено в ст. 10–12 Типовой конвенции ООН об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами⁶ (далее – ТК ООН). Из обоих документов правило проникло в подавляющее число СИДН, заключаемых странами мира, и даже отсутствуя в текстах СИДН оно не единожды признавалось правилом, подразумеваемым договаривающимися государствами по-умолчанию⁷. Но неопределенность значения договорного термина «бенефициарный собственник» стала общепризнанной проблемой, ее устранение на десятилетия стало лейтмотивом реформ Комментариев к ст. 10–12 МК ОЭСР и ТК ООН, а также регулятивных усилий властей ряда государств.

Уже в 1986 г. ОЭСР признала проблему и наметила увязать статус бенефициарного собственника с полномочиями лица в отношении

³ См.: Гидирим В. А. Основы международного корпоративного налогообложения. М., 2016. 1088 с.

⁴ О всеобщем намерении согласовать в рамках Лиги Наций меры устранения двойного налогообложения и о желании немногих государств увязать это с выработкой мер против избежания налогов при реализации мер устранения двойного налогообложения см.: Jogarajan S. Double Taxation and The League of Nations. Cambridge University Press, 2018. Р. 30–31 и далее.

⁵ OECD (1977), Model Tax Convention on Income and on Capital : Report of the OECD Committee on Fiscal Affairs 1977, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264055919-en> (дата обращения: 21.08.2024).

⁶ United Nation Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries (1980). New York, 1980. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/13957> (дата обращения: 21.08.2024).

⁷ См., например: Conseil d'État, 3ème et 8ème sous-sections réunies, 29/12/2006, 283314, Publié au recueil Lebon. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriAdmin.do?oldAction=rechJuriAdmin&idTexte=CETATEXT000018004870&fastReqId%20=108794529&fastPos=1.19> (дата обращения 21.08.2024) ; Sentencia 14 de agosto de 2013: Tribunal Fiscal de la Nación. Capital Federal, Ciudad Autónoma de Buenos Aires. Id SAIJ: FA13998197. URL: <http://www.saij.gob.ar/tribunal-fiscal-nacion-nacional-ciudad-autonoma-buenos-aires-molinos-rio-plata-recurso-apelacion-fa13998197-2013-08-14/123456789-791-8993-1ots-eupmocsollaf> (дата обращения: 21.08.2024).

дохода, налогооблагаемого у источника⁸. В 1998 и 2002 гг. появились новеллы⁹, ставшие текстом Комментариев к ст. 10–12 МК ОЭСР 2003 г.¹⁰, но не давшие удовлетворительного дефиниции бенефициарного собственника. Лишь стартовавшая в 2011 г. реформа Комментариев породила утвержденные в 2014 г. положения, что статус бенефициарного собственника определяется не фактом владения активами, приносящими доход, не статусом лица по внутренним или международным актам как осуществляющего конечный контроль над объектами или активами, а исключительно наличием у лица полномочий свободно пользоваться и распоряжаться полученным доходом при отсутствии у него юридических обязательств или обязательств из фактов и обстоятельств передать полученный платеж другому лицу¹¹. Впоследствии ООН сочла подход ОЭСР эффективным, воспроизведя те же положения в Комментариях к ТК ООН 2021 г.¹².

Отсутствие в СИДН дефиниции термина «бенефициарный собственник» и неопределенность правового статуса Комментариев к МК ОЭСР подвели власть ряда государств к идее «о необходимости закрепить значение термина в авторитетном источнике права. Многие страны пошли по вполне очевидному и, казалось

бы, логичному пути: закрепить определение во внутреннем законодательстве», так поступили Израиль, КНР, Индонезия и др.¹³, включая Российскую Федерацию.

Термины СИДН с российским участием, соответствующие термину «beneficial owner» («bénéficiaire effectif») из ст. 10–12 МК ОЭСР и ТК ООН, не единообразны, но отечественный концепт принято именовать «фактическим правом на доход» (далее – ФПД) а получатель дохода, имеющий право на льготу по СИДН с российским участием, известен как ЛИФПД¹⁴. Первую дефиницию термина находим в методике 2003 г. применения главы 25 НК РФ к обложению доходов нерезидентов у источника в Российской Федерации¹⁵. Но дефиниция оказалась бесперспективной, а функция раскрытия значения термина перешла к рекомендательным разъяснениям Минфина РФ и ФНС РФ по вопросам применения норм СИДН в конкретных обстоятельствах¹⁶. Разъяснения отсылали к Комментариям к МК ОЭСР, суды оперировали такими разъяснениями, что делало их непременно источником в налоговых спорах. «Вершиной» подхода стало письмо Минфина РФ от апреля 2014 г.¹⁷, с одной стороны, опиравшееся на действующие Комментарии к ст. 10–12 МК ОЭСР 2003 г., с дру-

⁸ OECD (2019), Double Taxation Conventions and the Use of Conduit Companies, in Model Tax Convention on Income and on Capital 2017 (Full Version), OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/df2b24ed-en> (дата обращения: 21.08.2024).

⁹ OESD (1998), Harmful Tax Competition : an Emerging Global Issue, OECD Publishing, Paris. URL: DOI:<https://dx.doi.org/10.1787/9789264162945-en> (дата обращения: 21.08.2024); OESD (2019), Restricting the Entitlement to Treaty Benefits, in Model Tax Convention on Income and on Capital 2017 (Full Version), OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/870062c1-en> (дата обращения: 21.08.2024).

¹⁰ OECD (2003) Model Tax Convention on Income and on Capital : Condensed Version 2003, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2003-en (дата обращения: 21.08.2024).

¹¹ OECD (2014), Model Tax Convention on Income and on Capital : Condensed Version 2014, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2014-en (дата обращения: 21.08.2024); OECD (2017), Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2017-en (дата обращения: 21.08.2024).

¹² United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries : 2021 Update. New York, 2021. URL: <https://doi.org/10.18356/9789210001007> (дата обращения: 21.08.2024).

¹³ См.: Гидирим В. А. Указ. соч.

¹⁴ О терминологических проблемах подробнее см.: Хаванова И. А. Толкование и применение соглашений об избежании двойного налогообложения в условиях действия многосторонней Конвенции. М., 2022. С. 275 и далее.

¹⁵ См.: Пункты 8-8.3 Методических рекомендаций налоговым органам по применению отдельных положений главы 25 Налогового кодекса Российской Федерации, касающихся особенностей налогообложения прибыли (доходов) иностранных организаций : утв. Приказом МНС РФ от 28 марта 2003 г. № БГ-3-23/150 // Бухгалтерский учет. 2003. № 9.

¹⁶ Примеры таких разъяснений см.: Ахметшин Р. И. Налоговые аспекты деофшоризации : мировые тенденции в зеркале российской действительности // Закон. 2014. № 6. С. 40–46 ; Мачехин В. Фактическое право на доход в налоговом праве России : основные этапы развития // The XX International Scientific Conference Functioning of Investments Financed from State Resources and from Other Sources in The Countries of Central And Eastern Europe, 23–24 September 2021. Editors S. Moroz, U. K. Zawadzka-Pak. Białystok, 2022. S. 128–130.

¹⁷ Письмо Минфина РФ от 9 апреля 2014 г. № 03-00-РЗ/16236 «О применении льгот, предусмотренных международными соглашениями об избежании двойного налогообложения» // ЭИЖ (Бухгалтерское приложение). 2014. № 16.

гой – фактически воспроизводившее ряд позиций о бенефициарном собственнике и о кондуктивной компании из «прецедентных» решений иностранных судов¹⁸.

Правительство РФ обозначило намерение законодательно закрепить правило о ЛИФПД в 2011 г., наметив в Основных направлениях налоговой политики внести в НК РФ норму, основанную на статье МК ОЭСР и запрещающую применение льгот и преференций, предусмотренных СИДН с российским участием, к конечному бенефициару, не являющемуся резидентом договаривающихся государств. Это было повторено в 2012 г., а в 2013 г. в Основных направлениях налоговой политики было объявлено о предстоящем внесении в НК РФ поправок, устанавливающих «понятие фактического получателя дохода (лица, имеющего фактическое право на доход), что ... позволит использовать некоторые инструменты противодействия уклонению от налогообложения в международных налоговых отношениях».

Первым шагом к реализации заявленного Правительством РФ намерения внести поправки в НК РФ стал проект 27-05-2014 Федерального закона от Минфина РФ¹⁹, но воплощение получил законопроект № 630365-6, внесенный группой депутатов Госдумы в октябре 2024 г.²⁰. Законодательная инициатива воплотилась оперативно, без многолетней публичной дискуссии с отечественными предпринимателями, налого-

ведами, юристами²¹ и уже 1 января 2015 г. свежие нормы ст. 7 НК РФ вступили в силу. За этим последовали оценки новелл налоговедами в сопоставлении с Комментариями к ст. 10–12 МК ОЭСР 2014 г.

Новеллы не копировали эти Комментарии, новеллы были сходны с упомянутым выше письмом Минфина РФ от апреля 2014 г., но дополнены специфичным определением ЛИФПД, которое мы будем вынуждены разобрать далее. Осторожная оценка новелл полагала, что при всем «незначительном расхождении» дефиниции НК РФ с Комментариями к МК ОЭСР 2014 г., характеристика ЛИФПД в целом соответствует Комментариям, провозглашающим применение термина в свете объекта и целей СИДН, включая предотвращение избежания налогов или уклонения от их уплаты²².

Резкое мнение состояло в том, что вопреки подходам Комментариев к МК ОЭСР 2014 г., мировой науки и практики в п. 2 ст. 7 НК РФ смешались созвучные по названию, но разные по сути международная налоговая концепция «бенефициарного собственника дохода» и концепция «бенефициарного собственника компаний из сферы противодействия отмыванию доходов»²³. Под концепцией «из сферы противодействия отмыванию доходов» подразумевался внесенный в 2013 г. в ст. 3 закона о противодействии незаконным финансовым операциям²⁴ термин «бенефи-

¹⁸ Обзор таких «прецедентных» решений судов см.: Демин А. В., Николаев А. В. Доктрина бенефициарного собственника в налоговом праве. М., 2021. С. 143–165. Воспроизведенную в письме позицию, что бенефициарный собственник это тот, кто вправе пользоваться и распоряжаться полученным доходом, им не является получатель дохода, обязанный перечислить полученную сумму другому лицу, не имеющему права на льготы по применимому СИДН, мы затем встретим в Комментариях к ст. 10–12 МК ОЭСР 2014 г. Но воспроизведенная в письме позиция, что при квалификации резидента другого договаривающегося государства в качестве бенефициарного собственника учитываются выполняемые им функции и принимаемые риски, в Комментарии не попала.

¹⁹ См.: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=21807-proekt_federalnogo_zakona_o_vnesenii_izmenenii_v_chasti_pervuyu_i_vtoruyu_nalogovogo_kodeksa_rossiiskoi_federatsii_v_chasti_nalogooblozheniya_pribyli_kontroliruemymkh_inostrannykh_kompanii_i_dokhodov_inostrannykh_organizatsii (дата обращения: 21.08.2024).

²⁰ См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/630365-6> (дата обращения: 21.08.2024).

²¹ Критическому анализу успели подвергнуть лишь законопроект Минфина РФ (см.: Брук Б. Я. Указ. соч. ; Микрюков В. А. Концепция бенефициарной собственности и бремя деофшоризации российской экономики // Законодательство и экономика. 2014. № 7 ; Хаванова И. А. К вопросу о понятии «фактическое право на доход» в налоговом праве). Между тем ОЭСР провела многолетнее публичное обсуждение проекта новелл Комментариев к ст. 10–12: представители интернациональных сообществ предпринимателей, налоговиков и юристов публично выразили опасения, чаяния и предложения о содержании и формулировках документов ОЭСР, рабочая группа ОЭСР публично с обоснованием отклонила их или внесла изменения в проект текста Комментариев (см.: Обзор публичного обсуждения см.: Демин А. В., Николаев А. В. Указ. соч. С. 40–63).

²² См.: Гидирим В. А. Указ. соч.

²³ См.: Балакина З. В. Правовые проблемы интерпретации концепции бенефициарного собственника дохода в российском налоговом законодательстве // Рос. юрид. журнал. 2015. № 6 (105). С. 188–190.

²⁴ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 7 августа 2001 г.

циарный владелец», определяемый как «физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 % в капитале) клиентом – юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента»²⁵. Автор приводимого резкого мнения увидела воспроизведение этой дефиниции в формулировке п. 2 ст. 7²⁶, что ЛИФПД «признается лицо, которое в силу прямого и (или) косвенного участия в организации, либо контроля над организацией, либо в силу иных обстоятельств имеет право самостоятельно пользоваться и (или) распоряжаться этим доходом».

В двух спорах судьи также трактовали норму НК РФ как равенство ЛИФПД лицу, прямо или косвенно владеющему организацией либо контролирующему ее действия. В деле ООО «Голд» судьи пришли к мнению, что в формулировке понятия ЛИФПД НК РФ «используется косвенно понятие бенефициара» ст. 3 закона о противодействии незаконным финансовым операциям²⁷. В деле ПАО «Высочайший» отмечено, что для классификации получателя дохода в качестве ЛИФПД используются альтернативные критерии: статус лица как контролирующего деятельность иностранной компании либо право лица самостоятельно пользоваться и (или) распоряжаться доходом, полученным этой компанией²⁸. Это специфичное определение ЛИФПД в п. 2 ст. 7 НК РФ для нас остается загадкой: оно намеренно противопоставлено фискальной категории «бенефициарный собственник», оно порождено непониманием принципа действия данной фискальной категории или причина в стиле письма, неудачно передающего смысл послания?

ЛИФПД ст. 7 НК РФ – внутреннее правило против избежания налогов, оно не обязано соответствовать значению договорного терми-

на «бенефициарный собственник», раскрытому в Комментариях к ст. 10–12 МК ОЭСР 2014 и 2017 гг. Но акцент в Комментариях на полномочиях получателя дохода, а не на осуществлении им конечного контроля над объектами или активами (как прочитывается в п. 2 ст. 7 НК РФ), имеет основополагающее значение. Так, признание акционера иностранной компании ЛИФПД только «в силу прямого и (или) косвенного» его участия в организации упускает из виду, что конечным распорядителем доходов, связанных с этой компанией (дивидендов и не только), может быть третье лицо, прямо или косвенно в ней не участвующее. Участие конкретного лица в организации может определяться его правом на получение налоговых льгот, недоступных в этих обстоятельствах конечному распорядителю дохода, и отождествление ФПД с участием лица в организации (или с его контролем над ее действиями) упрощает избежание налогов, делая дефиницию ЛИФПД п. 2 ст. 7 НК РФ дефектным правилом против того.

Установленные в ст. 3 закона о противодействии незаконным финансовым операциям квалифицирующие признаки бенефициарного владельца (участие в капитале клиента или контроль его действий), повторение которых видится в формулировке п. 2 ст. 7 НК РФ, не соответствуют цели противодействия избежанию налогов. Для дефиниции ЛИФПД квалифицирующим признаком должно быть право лица свободно распоряжаться и пользоваться доходом иностранной организации, возникающее в силу открытого перечня причин, и участие в капитале иностранной организации или контроль над ее действиями является лишь одной из таких причин не первого порядка. По прошествии 10 лет дефиниция ЛИФПД в п. 2 ст. 7 всё еще нуждается в исправлении ошибки построения предложения или ошибки понимания квалифицирующих признаков, имеющих значение для фискальных целей.

Вынесенный ОЭСР в 2011 г. на публичное обсуждение проект поправок Комментариев к ст. 10–12 МК ОЭСР, отдавая преимущество договорному значению термина «бенефициарный собственник», оговаривал: «...из этого не следует, что значение “бенефициарного собственника” по национальному праву автоматически не применимо для толкования термина в контексте статьи: значение национально-го права применимо в той степени, в какой оно

№ 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

²⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям : федер. закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 26. Ст. 3207.

²⁶ Эта формулировка и есть упомянутое ранее дополнение к подходу письма Минфина РФ от апреля 2014 г.

²⁷ Постановление 7 ААС от 28 ноября 2019 № 07АП-12397/18(3) по делу № А03-17553/2018.

²⁸ Постановления ФАС ЗСО от 22 декабря 2022 г. № Ф04-5617/2022 по делу № А27-19778/2021 и от 16 марта 2023 г. № Ф04-143/2023 по делу № А27-1908/2022.

согласуется с общим руководством настоящего Комментария». Дискутанты (за двумя исключениями) увидели в этом риск неопределенности и угрозу дополнительных ограничений для налогоплательщиков, поскольку некоторые правительства идут в интерпретации гораздо дальше, чем допускают комментарии ОЭСР. Поэтому в Комментариях к МК ОЭСР 2014 и 2017 гг. и к ТК ООН 2021 г. за термином «бенефициарный собственник» ст. 10–12 МК ОЭСР и ст. 10–12 в ТК ООН окончательно закрепилось исключительно договорное значение, без возможности придания ему значения по внутреннему праву страны, применяющей СИДН.

Между тем новеллы ст. 7 НК РФ о ЛИФПД изначально предназначались для целей НК РФ и СИДН. Внесенные в 2016 г. поправки²⁹ оставили применение дефиниции ЛИФПД п. 2 лишь для целей НК РФ, сохранив для целей СИДН п. 3, излагающий, кто не признается ЛИФПД. Изъяло ли это на практике из-под действия норм п. 2 налоговые правоотношения, урегулированные СИДН? Нет.

Практика применения п. 2 судами редка, но из доступной видно, что к этой норме суды прибегают как в спорах о применении НК РФ к российским резидентам³⁰, так и в спорах о реализации СИДН с российским участием. В последнем случае – в контексте применения у источника дивидендов и процентов к доходу иностранной организации договорных льгот³¹ и льгот,

установленных НК РФ³². Также Минфин РФ, отвечая на вопросы о порядке применения СИДН при налогообложении у источника в Российской Федерации дивидендов, процентов и роялти, еще как минимум в 2022 г. регулярно ссылаясь на дефиницию ЛИФПД из п. 2 ст. 7, гораздо реже обращаясь к п. 3 той же статьи.

В отношении п. 3 также справедливо замечание о редком его использовании судами, доступные примеры исчерпываются спорами о правомерности предоставления (отказа в предоставлении) льгот, предусмотренных статьями СИДН о налогообложении процентов и дивидендов у их источника³³.

Хотя и не повсеместное, но использование термина ЛИФПД ст. 7 НК РФ для токования термина ЛИФПД из статей СИДН с российским участием о налогообложении дивидендов, процентов и роялти, видится неоправданным. Если придерживаться подхода судов, что термин ЛИФПД в тексте СИДН с российским участием имеет договорное значение а Комментарии к МК ОЭСР есть дополнительное средство толкования СИДН³⁴, то договорное значение договорного термина ЛИФПД выражает не ст. 7 НК РФ, а

новление ФАС МО от 9 июня 2021 г. № Ф05-11475/2021 по делу № А40-244218/2019).

³² Дела ПАО «Высочайший» (постановления ФАС ЗСО от 22 декабря 2022 г. № Ф04-5617/2022 по делу № А27-19778/2021 и от 16 марта 2023 г. № Ф04-143/2023 по делу № А27-1908/2022).

³³ Дела ПАО «МДМ-Банк» и ЗАО «Кредит Европа Банк» (решения АС г. Москвы от 29 октября 2015 г. по делу № А40-116746/15 и от 11 июля 2016 г. по делу № А40-442/15-39-2), АО «Южуралзолото Групп Компаний» (постановление 18 ААС от 19 мая 2021 г. № 18АП-3136/2021 по делу № А76-5391/2020), ООО «Манхэттен Девелопмент» (постановление 12 ААС от 23 июня 2016 г. № 12АП-3064/2016 по делу № А12-47731/2015), ООО «Северное золото» и ПАО «Уральский банк реконструкции и развития» (постановления 9 ААС от 26 февраля 2021 г. № 09АП-4182/2021 по делу № А40-244218/2019 и от 26 декабря 2022 № 09АП-79451/2022 по делу № А40-121109/2022), ООО «Краснобродский Южный» (постановления 7 ААС от 11 апреля 2017 г. № 07АП-10987/2016 по делу № А27-20527/2015 и от 10 мая 2017 г. по делу № А27-16584/2016). Также см. пункт 9 Обзора практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды, утв. Президиумом ВС РФ 13 декабря 2023 г. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/33229/> (дата обращения: 21.08.2024).

³⁴ Статья 32 Венской Конвенции о праве международных договоров : заключена в Вене 23 мая 1969 г. // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

²⁹ Статья 1 Федерального закона от 15 февраля 2016 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в Федеральный закон “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)” // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 7. Ст. 920.

³⁰ Дела ООО «Голд» (постановление 7 ААС от 28 ноября 2019 г. № 07АП-12397/18(3) по делу № А03-17553/2018) и ООО «Сибирские жилые кварталы» (постановление ФАС ЗСО от 31 октября 2022 г. № Ф04-4761/2022 по делу № А45-30593/2021).

³¹ Дела ОАО «Кучуксульфат» (постановления 7 ААС от 10 декабря 2021 г. № 07АП-9979/2020(2,3) по делу № А03-2893/2020, ФАС ЗСО от 1 июля 2021 г. № Ф04-1542/2021 по делу № А03-2893/2020 и от 7 декабря 2021 г. № Ф04-7536/2021 по делу № А03-10399/2020), ООО «Новострой» (постановление 7 ААС от 22 января 2019 г. № 07АП-10796/18, 07АП-10796/18(2) по делу № А27-13314/2018), ZAPARDIEL TRADING LIMITED (постановление ФАС МО от 4 марта 2016 г. № Ф05-20502/2015 по делу № А40-79854/2015) и ООО «Северное золото» (поста-

положения Комментариев к ст. 10–12 МК ОЭСР и к ст. 10–12В ТК ООН. Ведь в силу отмеченных расхождений дефиниции ЛИФПД ст. 7 НК РФ и дефиниции бенефициарного собственника МК ОЭСР толкование термина ЛИФПД из СИДН с российским участием в соответствии с дефиницией ЛИФП ст. 7 придаст договорному термину значение по внутреннему праву, отличающееся от договорного значения термина «бенефициарный собственник» по МК ОЭСР и ТК ООН.

Ко всему прочему, толкование ФНС РФ правила о ЛИФПД иллюстрирует оправданность опасений, прозвучавших при обсуждении в 2011–2014 гг. новелл Комментариев к ст. 10–12 МК ОЭСР, что правительства в интерпретации бенефициарного собственника выходят за рамки, очерченные ОЭСР. В Комментариях к МК ОЭСР 2014 и 2017 гг. и ТК ООН 2021 г. говорится, что правило бенефициарного собственника введено для разъяснения смысла слов «уплаченных ... резиденту» в п. 1 ст. 10–11 МК ОЭСР и ТК ООН и в п. 2 ст. 12–12В ТК ООН, а также для разъяснения того, как ст. 12 МК ОЭСР применяется к выплатам посреднику. Его значение в том, что государство источника дохода не обязано отказываться от налогообложения дивидендов, процентов и роялти, а также платы за техническое обслуживание и дохода от автоматизированных цифровых услуг, только потому, что такой доход выплачивается непосредственно резиденту другого договаривающегося государства. Правило применяется в оговоренных МК ОЭСР, ТК ООН и СИДН случаях – в отношении статей о налогообложении дивидендов, процентов и роялти, а также платы за техническое обслуживание и дохода от автоматизированных цифровых услуг, против схем избежания налогов, когда прямой получатель дохода обязан передать полученный платеж кому-либо другому. Оно не касается других случаев злоупотребления, таких как определенные формы *treaty shopping*. Для предотвращения злоупотреблений в случаях, не входящих в зону ответственности правила о бенефициарном собственнике, а также если получатель дохода признан бенефициарным собственником дивидендов, процентов и роялти, а также платы за техническое обслуживание и дохода от автоматизированных цифровых услуг, используются другие правила против избежания налогов³⁵.

³⁵ В настоящее время – положения о LOB и PPT ст. 29 МК ОЭСР 2017 г. и ТК ООН 2021 г. а также принципы разделов «Ненадлежащее использование Конвенции»

Напротив, ФНС РФ в письме от 17 мая 2017 г. № СА-4-7/9270@ ФНС РФ описала ЛИФПД как широкое правило против избежания налогов, применимое не только в отношении пассивных доходов, но и к различным видам доходов, выплачиваемых иностранной организацией. При применении СИДН термин ЛИФПД понимается с учетом таких основных принципов договоров, как предотвращение злоупотребления положениями договора и преобладание сущности над формой³⁶. Затем в письме от 28 апреля 2018 г. № СА-4-9/8285@ ФНС РФ назвала правило о ЛИФПД универсальным инструментом против злоупотребления СИДН в рамках BEPS (схем «по выводу из-под налогообложения доходов от деятельности на территории Российской Федерации путем перевода в оффшорные или низконалоговые юрисдикции»), решающим вопрос оценки «деловой цели и правильной квалификации существа совершенных сделок (операций)», после чего для целей налогообложения проценты переквалифицируются в дивиденды или совокупность сделок переквалифицируется в гибридные схемы с применением внутренних правил против выведения дохода из-под налогообложения³⁷.

Оба разъяснения стали руководством для ряда судебных решений. А российские юристы истолковали позицию ведомства так, что применимое в рамках СИДН правило о ЛИФПД есть частный случай внутреннего общего правила против избежания налогов (GAAR) – целевого теста, известного по п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53³⁸ и закрепленного в п. 2 ст. 54.1 НК РФ³⁹. Но не было

комментариев к статье 1 МК ОЭСР 2017 г. и «Ненадлежащее использование налоговых соглашений» комментариев к статье 1 ТК ООН 2021 г.

³⁶ Письмо ФНС РФ от 17 мая 2017 г. № СА-4-7/9270@ «О практике рассмотрения споров по вопросу неправомерного применения налоговыми агентами льготных условий налогообложения при взимании налога на прибыль с доходов иностранных организаций».

³⁷ Письмо ФНС РФ от 28 апреля 2018 г. № СА-4-9/8285 «О практике рассмотрения споров по применению концепции лица, имеющего фактическое право на доход (бенефициарного собственника)».

³⁸ Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

³⁹ См.: TaxAlert № 90. Taxology, 31 мая 2018 г. URL: <https://taxology.ru/alert90> (дата обращения: 21.08.2024); Крохина Ю. А. Имплементация концепции бенефициар-

отмечено, что если придание договорному правилу ЛИФПД из СИДН с российским участием значения GAAR недопустимо, то предложенный ФНС РФ подход приложим к внутреннему правилу ЛИФПД из ст. 7 НК РФ.

Полагаем, что и по прошествии десяти лет фискальные органы, суды, практикующие юристы и налоговеды-теоретики не видят разницы в правовой природе правила бенефициарного собственника (ЛИФПД) МК ОЭСР, ТК ООН и СИДН с российским участием и правила ЛИФПД ст. 7 НК РФ. Первое есть договорное специальное правило против избежания налогов (SAAR) с договорным значением. Значение второго правила как внутреннего правила против избежания налогов определяется российским налоговым законодательством. Сфера его действия в п. 2–3 ст. 7 НК РФ обозначена как «в целях» самого НК РФ и применения СИДН, что позволяет говорить о нем как о внутреннем GAAR, применимом не только в отношении полученных нерезидентами дивидендов, процентов и роялти, облагаемых налогом у источника в Российской Федерации, но и к другим различным видам доходов нерезидентов, налогообложение которых урегулировано СИДН с российским участием.

До сих пор остается не оцененной роль правила о ЛИФПД ст. 7 НК РФ быть внутренним GAAR при предоставлении льгот, предусмотренных теми положениями СИДН, что не содержат правила о ЛИФПД. Допустимо ли это? Да. Еще в п. 9.1 Комментариев к ст. 1 МК ОЭСР 2003 г. было пояснено, что СИДН не касаются закрепленных в законодательстве договаривающегося государства правил установления фактов, определяющих налоговые обязательства, а внутренние правила против избежания налогов – часть таких правил. Поэтому и с учетом руководящего принципа (guiding principle) внутренние правила против избежания налогов договаривающегося государства не вступят в конфликт с СИДН с его участием⁴⁰, но государство должно скрупулезно соблюдать обязательства по устранению двойного налогообложения пока не будет

ного собственника в целях привлечения к ответственности за уклонение от уплаты налогов // *Налоги*. 2022. № 2. С. 38–42.

⁴⁰ Так, если применение внутренних правил приведет к новой квалификации дохода или к выявлению реального получателя дохода, который должен стать налогоплательщиком вместо подставного его получателя, то СИДН применяется с учетом произошедших изменений.

однозначно установлено, что имеет место злоупотребление СИДН.

В свое время к отношениям, урегулированным СИДН, применялось внутреннее GAAR п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53⁴¹. Тот же путь в качестве GAAR открыть перед ЛИФПД ст. 7 НК РФ, но прежде потребуются уяснить и разъяснить его содержание как внутреннего GAAR, в том числе через призму проблем, обозначенных в нашей статье.

Библиографический список

Ахметшин Р. И. Налоговые аспекты деофшоризации : мировые тенденции в зеркале российской действительности // *Закон*. 2014. № 6. С. 40–46.

Балакина З. В. Правовые проблемы интерпретации концепции бенефициарного собственника дохода в российском налоговом законодательстве // *Рос. юрид. журнал*. 2015. № 6 (105). С. 185–196.

Брук Б. Я. Перспективы кодификации концепции бенефициарного собственника в российском налоговом законодательстве // *Закон*. 2014. № 8. С. 43–57.

Гидирим В. А. Основы международного корпоративного налогообложения. М. : Человек слова, 2016. 1088 с.

Крохина Ю. А. Имплементация концепции бенефициарного собственника в целях привлечения к ответственности за уклонение от уплаты налогов // *Налоги*. 2022. № 2. С. 38–42.

Мачехин В. Фактическое право на доход в налоговом праве России : основные этапы развития // *The XX International Scientific Conference Functioning of Investments Financed from State Resources and from Other Sources in The Countries of Central And Eastern Europe*, 23–24 September 2021. Editors S. Moroz, U. K. Zawadzka-Pak. Białystok, 2022. S. 123–134.

Микрюков В. А. Концепция бенефициарной собственности и бремя деофшоризации российской экономики // *Законодательство и экономика*. 2014. № 7.

⁴¹ См. постановления: 9 ААС от 19 марта 2019 г. № 09АП-8093/2019 по делу № А40-185141/18; 15 ААС от 13 марта 2017 г. № 15АП-17143/2016 по делу № А32-18982/2016; АС СКО от 19 мая 2017 г. № Ф08-2660/2017 по делу № А32-18982/2016; 15 ААС от 24 октября 2017 г. № 15АП-14500/2017 по делу № А53-25996/2015; АС СКО от 1 марта 2018 г. № Ф08-11502/2017 по делу № А53-25996/2015; АС МО от 5 апреля 2018 г. № Ф05-3523/2018 по делу № А40-73573/2017; 9 ААС от 14 сентября 2023 г. № 09АП-48880/2023 по делу № А40-168206/2022; 9 ААС от 26 января 2015 г. № 09АП-53771/2014 по делу № А40-100177/13.

Хаванова И. А. К вопросу о понятии «фактическое право на доход» в налоговом праве // Финансовое право. 2014. № 11. С. 32–37.

Хаванова И. А. Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 50–60.

Хаванова И. А. Толкование и применение соглашений об избежании двойного налогообложения в условиях действия многосторонней Конвенции. М. : Прометей, 2022. 338 с.

Jogarajan S. Double Taxation and The League of Nations. Cambridge University Press, 2018. 341 p.

References

Akhmetshin R. I. Tax aspects of deoffshorization : global trends in the mirror of Russian reality // Law. 2014. No. 6. P. 40–46.

Balakina Z. V. Legal problems of interpretation of the concept of beneficial owner of income in Russian tax legislation // Russian Law Journal. 2015. No. 6 (105). P. 185–196.

Brook B. Ya. Prospects for codifying the concept of beneficial owner in Russian tax legislation // Law. 2014. No. 8. P. 43–57.

Gidirim V. A. Fundamentals of International Corporate Taxation [Electronic resource]. Moscow : Chelovek slova, 2016. 1088 p.

Krokhina Yu. A. Implementation of the concept of beneficial owner for the purpose of bringing to justice for tax evasion // Taxes. 2022. No. 2. P. 38–42.

Machekhin V. Actual right to income in the tax law of Russia : the main stages of development // The XX International Scientific Conference Functioning of Investments Financed from State Resources and from Other Sources in The Countries of Central And Eastern Europe, 23–24 September 2021. Editors S. Moroz, U. K. Zawadzka-Pak. Białystok, 2022. P. 123–134.

Mikryukov V. A. The concept of beneficial ownership and the burden of deoffshorization of the Russian economy // Legislation and Economics. 2014. No. 7.

Khavanova I. A. On the issue of the concept of «actual right to income» in tax law // Financial Law. 2014. No. 11. P. 32–37.

Khavanova I. A. The concept of beneficial owner (proprietor) in tax law // Journal of Russian Law. 2014. No. 12. P. 50–60.

Khavanova I. A. Interpretation and application of agreements on avoidance of double taxation in the context of a multilateral Convention. Moscow : Prometey, 2022. 338 p.

Jogarajan S. Double Taxation and The League of Nations. Cambridge University Press, 2018. 341 p.

Сибирский федеральный университет

Николаев А. В., старший преподаватель кафедры коммерческого, конкурентного и финансового права Юридического института

E-mail: nikolaev_aleksei@mail.ru

Поступила в редакцию: 14.10.2024

Для цитирования:

Николаев А. В. Роль внутреннего правила «лицо, имеющее фактическое право на доход» в международных налоговых отношениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 167–175. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/167-175>

Siberian Federal University

Nikolaev A. V., Senior Lecturer of the Department of Entrepreneurial, Competition and Financial Law of the Law Institute

E-mail: nikolaev_aleksei@mail.ru

Received: 14.10.2024

For citation:

Nikolaev A. V. The roles of the domestic rule «the person who has the actual right to income» in international tax relations // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 167–175. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/167-175>

УДК 343.9.01

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/176-183>

ОБ «ИСКАЖЕНИЯХ» В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТРАНСПОРТНОЙ (АВТОТРАНСПОРТНОЙ) ПРЕСТУПНОСТИ

С. А. Маркунцов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ON THE «DISTORTIONS» IN THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISATION OF TRANSPORT (ROAD TRANSPORT) CRIMINALITY

S. A. Markuntsov

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: анализируются «искажения», имеющие место в современной учебной литературе, связанные с криминологической характеристикой транспортной (автотранспортной) преступности, касающиеся, прежде всего, ее отнесения к неосторожной преступности и характеристики ее структуры. Делается вывод о том, что традиция рассмотрения автотранспортной (транспортной) преступности в рамках учебников по криминологии исключительно как неосторожной преступности, искажающая объективную реальность, является анахронизмом, не отражающим изменения, произошедшие в рамках уголовного закона.

Ключевые слова: транспортная преступность, автотранспортная преступность, неосторожная преступность, транспортные преступления, структура транспортной преступности.

Abstract: the article analyses the «distortions» in the modern educational literature related to the criminological characterisation of transport (motor transport) criminality, primarily concerning its attribution to reckless criminality and the characteristics of its structure. It is concluded that the tradition of considering motor transport (transport) criminality in criminology textbooks exclusively as reckless criminality, which distorts the objective reality, is an anachronism that does not reflect the changes that have occurred in the criminal law.

Key words: transport criminality, motor transport criminality, reckless criminality, transport crimes, structure of transport criminality.

Криминологическая характеристика транспортной (автотранспортной) преступности раскрывается далеко не во всех современных учебниках по криминологии, несмотря на то что она составляет существенную часть в структуре общей российской преступности и обладает значительной общественной опасностью. Более того, она во многом выступает интереснейшим объектом для исследования, так как транспортная преступность – это самостоятельный, исторически изменчивый и структурно сложный вид преступности.

Указанное обстоятельство отчасти объясня-

ется тем, что по своему содержанию транспортная преступность во многом пересекается с неосторожной преступностью, точнее, значительная ее часть (как правило, ученые-криминологи пишут об автотранспортной преступности¹)

¹ Справедливости ради отметим, что в одной из многих монографических работ, посвященных исследованию соответствующей проблемы, ее авторы используют в качестве родового – понятие «дорожно-транспортная преступность», отмечая, что «дорожно-транспортные преступления в этом случае представляют собой подсистему транспортных преступлений, выделяемых по признаку образования дорожно-транспортного происшествия в связи с эксплуатацией механических транспортных средств... мы придерживаемся позиции ученых, рассматривающих до-

рассматривается в качестве составной части более широкой совокупности преступлений – неосторожной преступности.

В частности, Р. А. Сорочкин, выделяя в рамках самостоятельной темы о неосторожной преступности отдельный параграф, посвященный рассмотрению автотранспортной преступности, указывает на то, что «в общем объеме неосторожных преступлений наибольшую долю (до 75 %) составляют автотранспортные. Автотранспортные преступления – собирательное криминологическое понятие, охватывающее нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями; приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения; нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта»². Весьма интересным представляется тот факт, что при раскрытии понятия автотранспортных преступлений происходит перечисление преступных деяний, предусмотренных ст. 264, 266, 267 и 268 УК РФ, при том, очевидно, что три последние преступления из числа перечисленных могут совершаться не только в сфере дорожного движения (функционирования автотранспортных средств). Более того, к числу автотранспортных, являющихся составной частью неосторожных, относится такое преступление, как приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ), которое в чистом виде нельзя отнести к числу неосторожных преступлений. В силу указанных обстоятельств предложенное определение автотранспортных преступлений представляется дискуссионным.

В. П. Ревин, отмечая, что «в общей структуре преступности, неосторожная преступность со-

ставляет незначительную часть, ее доля из года в год колеблется в пределах 10–12 %. Но неосторожные преступления лидируют по тяжести последствий... Неосторожное преступное поведение проявляется во многих сферах человеческой деятельности»³, далее перечисляет указанные сферы, называя среди них эксплуатацию транспортных средств, являющихся источником повышенной опасности. Вместе с тем в дальнейшем также выделяет только автотранспортные преступления, указывая, что они «являются наиболее распространенным видом неосторожных преступлений» и детально их характеризует⁴.

И. Я. Козаченко и К. В. Корсаков указывают, что «особое место в массиве неосторожных преступлений по традиции занимают автотранспортные происшествия преступного характера. Их доля составляет около 3/4 от общего числа неосторожных преступлений...»⁵.

Ю. М. Антонян отмечает, что «статистический учет неосторожных преступлений очень сложен, поскольку они разбросаны по различным разделам уголовного закона... Среди таких преступлений примерно три четверти занимают те, которые выражаются в нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (гл. 27 Уголовного кодекса РФ)»⁶. Интересным представляется тот факт, что, давая схожие оценки масштабов этого вида неосторожной преступности, также как и другие ученые из числа рассмотренных выше, не используя понятия транспортная преступность, Ю. М. Антонян вполне обоснованно в этом контексте не использует и понятие автотранспортные преступления. Вместе с тем из указанной формулировки до конца не очевидно, какие именно преступления, предусмотренные гл. 27 УК РФ, относятся указанными учеными к числу неосторожных. Дело в том, что, например, преступления, предусмотренные ст. 264¹–264⁵ УК РФ, выражающиеся в нарушении правил безопасности движения

рожно-транспортную преступность, во-первых, как систему, во-вторых, интегрированный компонент системы более высокого порядка (метасистемы)». См.: Дорожно-транспортная преступность : закономерности, причины, социальный контроль / А. Ю. Кравцов, А. И. Сирохин, Р. В. Скоморохов, В. Н. Шиханов ; под ред. В. В. Лунеева. СПб., 2011. С. 24, 30.

² Сорочкин Р. А. 17.5 «Автотранспортная преступность: криминологическая характеристика этих преступлений и лиц, их совершающих, причины и методы предупреждения» темы 17 «Преступления, совершаемые по неосторожности и их предупреждение» // Криминология : учеб. для вузов / под ред. В. И. Авдеевского, Л. А. Букалериной. 3-е изд., перераб и доп. М., 2024. С. 330.

³ Подробнее см.: Ревин В. П. Тема 20. Неосторожная преступность // Криминология. Особенная часть : учебник для вузов / Ю. С. Жариков, В. П. Ревин, В. Д. Малков, В. В. Ревина. 2-е изд. М., 2024. С. 147.

⁴ Подробнее см.: Там же. С. 148–149.

⁵ Козаченко И. Я., Корсаков К. В. Глава 13. Криминологическая характеристика и предупреждение неосторожной преступности // Криминология : учебник и практикум для вузов. М., 2024. С. 184.

⁶ Антонян Ю. М. Глава 18. Неосторожная преступность // Антонян Ю. М. Криминология : учебник для вузов. 3-е изд., перераб и доп. М., 2024. С. 361.

и эксплуатации транспорта, являются умышленными преступлениями.

М. П. Клейменов, отмечая, что «наиболее распространенные неосторожные преступления в сфере транспорта», далее предлагает в виде таблицы детальную («постатейную») статистику неосторожной преступности, в том числе транспортных преступлений, среди которых приводится и статистика по преступлению, предусмотренному ст. 267 УК РФ⁷. В данном случае это является оправданным в силу того, что в обозначенный период указанная статья действовала в прежней редакции, не содержащей указания на умышленный характер ряда действий («умышленная блокировка»), признаваемых преступными в соответствии с ч. 1 ст. 267 УК РФ в действующей редакции. Впрочем, справедливости ради отметим, ученый по всей видимости «по традиции» продолжает относить данное преступление к числу неосторожных, отмечая в более позднем издании учебника, что «неосторожные преступления чаще всего совершаются в сферах: транспорта (ст. 263, 264, 266–268, 271¹, 350–352). Их доля в неосторожной преступности оставляет около 77 %»⁸.

Тенденция неиспользования в отечественной криминологии более общего понятия транспортная преступность и замена его понятием автотранспортная преступность (или автотранспортные преступления) во многом объяснима исходя из имевшихся терминологических споров в доктрине советского уголовного права и анализа структуры транспортной преступности, в рамках которой подавляющее большинство преступлений – это, действительно, автотранспортные преступления. Вместе с тем, исходя из понимания того, что одно преступное деяние на железнодорожном или воздушном транспорте может повлечь существенно более тяжкие последствия, чем аналогичное автотранспортное преступление, а также из представления о возможном постепенном изменении структуры транспортной преступности в контексте развития новых видов транспорта (например, ввиду расширения использования беспилотного воздушного транспорта), в этом контексте более обоснованным представляется использование более широкого понятия – транспортная преступность.

⁷ Подробнее см.: Клейменов М. П. Криминология : учебник. М., 2008. С. 426, 427.

⁸ Клейменов М. П. Криминология : учебник. 4-е изд., перераб и доп. М., 2024. С. 406,

Такой подход вполне соотносится с предложенной, в частности В. Е. Эминовым, и по сути общепризнанной классификацией неосторожных преступлений. «В зависимости от сферы деятельности можно выделить четыре основные группы преступлений, совершаемых по неосторожности:

1) в быту (без использования технических средств);

2) в сфере взаимодействия человека с техникой (курсив мой. – С. М.);

3) в сфере профессиональной деятельности, не связанной с использованием управленческих функций или технических средств. Здесь имеются в виду преступления, связанные с ненадлежащим исполнением человеком своих профессиональных обязанностей, причиняющих вред обществу;

4) в сфере осуществления должностных (управленческих) функций»⁹. При этом, по мнению ученого, «наиболее опасными по тяжести последствий и системе вероятности их наступления являются неосторожные преступления в сфере взаимодействия человека с техникой»¹⁰. Указанная классификация с некоторыми вариациями в названиях групп (например, Ю. М. Антонян называет эту группу – «техническая преступная неосторожность»¹¹) в качестве основной или одной из основных воспроизводится во многих современных учебниках и учебных пособиях по криминологии¹². Отдельные ученые, предлагая несколько видоизмененный вариант рассматриваемой классификации, выделяя только три группы таких преступлений, на первое место ставят группу преступлений, обозначаемую как техническая неосторожность, а затем – профессиональная неосторожность и бытовая неосторожность¹³. Ряд ученых (Ю. М. Антонян, Р. А. Сорочкин и др.) преступления, обусловленные технической неосторожно-

⁹ Эминов В. Е. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. С. 252.

¹⁰ Там же. С. 252.

¹¹ Антонян Ю. М. Указ. соч. С. 362.

¹² См.: Афанасьева О. Р., Решетников А. Ю. Тема 15. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых по неосторожности // Решетников А. Ю., Афанасьева О. Р. Криминология : учеб. пособие для вузов. М., 2024. С. 141; и др.

¹³ Подробнее см.: Сулина Е. В. Тема 15. Неосторожная преступность // Криминология : учеб. пособие. Стандарт третьего поколения / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. СПб., 2013. С. 205.

стью, дополнительно подразделяются на нарушения правил безопасности в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и нарушения правил безопасности эксплуатации и движения транспорта¹⁴.

Предлагая, на первый взгляд, более простую базовую классификацию (по количеству групп) неосторожных преступлений и далее детализируя ее в рамках дополнительных, О. В. Старков, по сути, более точно определил место преступлений, «совершаемых в сфере действия или с использованием технических средств либо источников повышенной опасности», в структуре неосторожной преступности. Так, изначально указывая, что «в зависимости от сферы жизнедеятельности людей и свойств лиц, совершающих неосторожные преступления, могут быть выделены два вида (П. С. Дагель, О. Л. Дубовик, А. Э. Жалинский)»¹⁵, описывал только профессиональную и бытовую неосторожность¹⁶. Однако далее бытовые неосторожные преступления он делил на два вида, а профессиональные неосторожные преступления – на четыре. Технические преступления, совершаемые в сфере действия или с использованием технических средств либо источников повышенной опасности, в качестве самостоятельного вида выделялись им как в рамках первой, так и в рамках второй группы преступлений. В подтверждение обозначенной позиции были приведены примеры того, что в бытовой сфере могут быть совершены, в частности, преступления, предусмотренные ст. 264, 268 УК РФ, а в профессиональной, например,

ст. 263 и 264 УК РФ¹⁷. Отмечая оригинальность приведенной О. В. Старковым классификации и грамотно подобранные примеры, считаем необходимым сделать некоторые общие выводы исходя из анализа обозначенной проблематики во всех учебниках и учебных пособий по криминологии. Представляется, что традиция рассмотрения автотранспортной (транспортной) преступности в рамках учебников по криминологии исключительно как неосторожной преступности, искажающая объективную реальность, является анахронизмом, не отражающим изменения, произошедшие в рамках уголовного закона (имеется в виду, не столько выделение самостоятельной гл. 27 УК РФ, изначально предусматривающей не только неосторожные преступления, но и существенное ее расширение в последнее время за счет таких умышленных преступных деяний, предусмотренных ст. 264¹-264³, 267¹ УК РФ), и даже в какой-то мере фикцией. Косвенным подтверждением этому является, например, ошибочное отнесение некоторыми учеными-криминологами к числу автотранспортных (неосторожных) такого преступления, как приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения, что, очевидно, исходя из диспозиции ч. 1 ст. 267 УК РФ.

Справедливости ради отметим, что если в проанализированных учебниках и учебных пособиях по криминологии транспортные преступления (в ряде случаев – с акцентом на автотранспортные) рассматриваются хотя бы в рамках раскрытия вопросов неосторожной преступности¹⁸, то в ряде других – речь не идет даже об

¹⁴ Подробнее см.: *Антонян Ю. М.* Указ. соч. С. 362 ; *Сорочкин Р. А.* Указ. соч. С. 319.

¹⁵ *Дагель П. С.* Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977 ; *Квашиш В. Е.* Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986 ; *Дубовик О. Л., Жалинский А. Э.* Причины экологических преступлений / отв. ред. О. С. Колбасов. М., 1988 ; *Жулев В. И.* Предупреждение дорожно-транспортных происшествий. М., 1989 и др.

¹⁶ См.: *Старков О. В.* Криминология : Общая, Особенная и Специальная части : учебник. СПб., 2012. С. 375–376. Отметим, что именно преступления, предусмотренные ст. 263, 264 и 268 УК РФ, приведенные в качестве примеров О. В. Старковым, по мнению авторов коллективной монографии «Дорожно-транспортные преступления», относятся «к преступлениям, связанным с дорожно-транспортными происшествиями». См.: *Мешков В. М., Маханек А. Б., Тарасова В. И.* Дорожно-транспортные преступления : монография / под общ. ред. В. М. Мешкова. М., 2014. С. 34.

¹⁷ Подробнее см.: Там же. С. 376.

¹⁸ В этом смысле отдельно хотелось бы отметить ранее упомянутый учебник по криминологии М. П. Клейменова, в котором справедливо отмечая, что «количество видов преступности, которые выделяются криминологами, постоянно растет, об этом свидетельствуют «пухнувшие» объемы учебников по криминологии» и предлагая в рамках своего учебника криминологическую характеристику только 5 отдельных (по всей видимости, по мнению ученого, наиболее важных, о которых должен знать любой студент, изучивший курс криминологии) видов преступности, среди которых рассматривается и неосторожная преступность. Подробнее см.: *Клейменов М. П.* § 6. Криминологическая характеристика и предупреждение неосторожной преступности главы 14 Криминологическая характеристика и предупреждение отдельных видов преступности // *Клейменов М. П.* Криминология : учебник. М., 2008. С. 345, 425–439.

этом¹⁹. Такое положение отчасти поясняет фраза Е. В. Суслиной, с которой начинается раскрытие темы про неосторожную преступность: «Преступлениям, совершаемым по неосторожности, традиционно уделяется весьма незначительное внимание, поскольку принято считать, что удельный вес этого вида преступности в структуре преступности невысок, и степень общественной опасности неосторожных посягательств несопоставима с умышленными преступлениями»²⁰. В действительности, как было изначально отмечено, транспортная (а тем более неосторожная) преступность составляет существенную часть в структуре общей российской преступности (в этом смысле все познается в сравнении) и обладает значительной общественной опасностью, а по мнению ряда ученых, «неосторожная преступность (особенно связанная с использованием техники)... стремительно растет и по своим разрушительным последствиям давно опередила умышленную»²¹.

В 2023 г. было зарегистрировано 75 195 транспортных преступлений (преступлений, содержащихся в гл. 27 УК РФ), что составило почти 4 % (точнее, 3,86 %) от общего количества зарегистрированных в России преступлений (1 947 161)²². По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 г. за совершение преступлений, предусмотренных гл. 27 УК РФ, было осуждено 57 782 лица, что составляет более 10 % (точнее – 10,4 %) от общего количества осужденных за этот период (555 743 лица)²³.

¹⁹ См., например: Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. О. С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024 ; Хайрусов Д. С. Криминология : учеб. пособие для среднего профессионального образования. М., 2024. Интересно, что даже в классическом учебнике по криминологии А. И. Долговой, в рамках раздела V (в главах с 16 по 34) которого анализируются 19 (!) отдельных видов преступности криминологической характеристики неосторожной преступности внимание не уделяется. Подробнее см.: Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 529–1007.

²⁰ Суслина Е. В. Указ. соч. С. 204.

²¹ Шевелева С. В. 6. Предупреждение преступности и преступлений // Криминология : учеб. пособие / отв. ред. А. А. Гребеньков. Курск, 2011. С. 82.

²² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года – официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 31.09.2024).

²³ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год – форма № 10.1 «Отчет о

В целях определения истинных масштабов технической преступной неосторожности, связанной с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (транспортной преступности), рассмотрим ее отдельные криминологические показатели (состояние, динамику, структуру).

Исходя из количества зарегистрированных транспортных преступлений в развитии транспортной преступности можно условно выделить три периода. Первый период – с 1997 по 2003 г., когда показатели зарегистрированных преступлений, содержащихся в гл. 27 УК РФ, варьировались от 50 845 (минимум 1997 г.) до 61 590 (максимум 2002 г.) случаев, в среднем в этот период совершалось 57 313 преступлений в год. Второй, очевидно просматривающийся на диаграмме, наиболее длительный период – с 2004 по 2014 г., когда показатели рассматриваемых преступлений колебались от 24 488 (минимум 2008 г.) до 29 749 (максимум 2012 г.) случаев, в среднем за указанные 11 лет совершалось 27 225 преступных деяний в год. Третий период – с 2015 по 2023 г., когда показатели рассматриваемых преступлений варьировались от 68 088 (минимум 2015 г.) до 107 459 (максимум 2016 г.), в среднем совершалось 88 812 преступлений в год.

Причины существенного изменения показателей зарегистрированных транспортных преступлений (в сравнении первого и второго периодов) удачно прокомментировал М. П. Клейменов. В частности, приводя статистику зарегистрированных «неосторожных преступлений в сфере транспорта» за 2007 г. отмечая, что «ранее их совершалось как минимум в два раза больше», пишет о том, что «в 2003 г. была декриминализована уголовная ответственность за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем, либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью человека»²⁴ (отметим, что декриминализовано было и оставление места дорожно-транспорт-

числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» // Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 31.09.2024).

²⁴ Клейменов М. П. Криминология : учебник. М., 2008. С. 426–428.

ного происшествия (ст. 265 УК РФ) – С. М.). По мнению ученого, это наглядный пример того, как можно «эффективно бороться с преступностью» – путем устранения уголовной ответственности за совершение общественно опасного посягательства. М. П. Клейменов приходит к выводу о том, что «декриминализация уголовно-правового запрета, который активно применяется, оправдана в случае, когда это сопровождается улучшением криминологической обстановки. Криминологическая ситуация на дорогах продолжает оставаться сложной»²⁵. Время показало, что такие выводы ученого оказались более чем справедливым.

В 2015 г. произошла обратная ситуация – в связи с криминализацией управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264¹ УК РФ), не только произошел «всплеск» (с 28 737 зарегистрированных преступлений в 2014 г., до 68 088 – в 2015 г. соответственно, рост год к году более чем в два раза) общего количества зарегистрированных преступлений, содержащихся в гл. 27 УК РФ.

В контексте рассмотренных примеров криминализации/декриминализации и изменения показателей «неосторожных преступлений в сфере транспорта» приведем цитату В. Е. Квашиса о том, что «содержание понятия «неосторожная преступность» зависит от состояния уголовного законодательства, от перечня предусмотренных в нем неосторожных преступлений и признаков, их характеризующих»²⁶. В данном контексте, безусловно, возникает в памяти и утверждение Я. И. Гишинского о том, что преступность «всегда является результатом субъективной воли законодателя»²⁷, и его определение: «под преступностью здесь понимается относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе»²⁸.

²⁵ Там же. С. 428.

²⁶ Квашис В. Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986. С. 10. Цит. по: Эминов В. Е. Указ соч. С. 252.

²⁷ Гишинский Я. И. Криминология : теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2014. С. 52.

²⁸ Там же. С. 52–53.

Относительно структуры транспортной преступности необходимо отметить, что на протяжении всего периода существенную часть в структуре этой преступности занимало нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ). Если проанализировать статистику регистрации данного преступления сквозь призму обозначенных выше периодов, выходит, что оно в среднем занимало в структуре транспортной преступности: в первый период – 92,75 %, во второй период – более 99 % (точнее – 99,07 %), в третий период – 23,94 %. Отметим, что в 2023 г. количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, было близко к обозначенным средним статистическим значениям за третий период и составило 23,76 %. Вместе с тем укажем, что структура транспортной преступности, как и ее динамика, претерпела значительные изменения в зависимости от проанализированных ранее процессов криминализации/декриминализации преступлений, содержащихся в гл. 27 УК РФ, что особенно заметно при сопоставлении статистики зарегистрированных преступлений за второй и третий период. Наибольшее количество зарегистрированных преступлений в третьем периоде (в отличие от второго) приходится на управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, – от 60,52 % («минимум» в 2015 г., соответствующий уголовно-правовой запрет был введен только с 1 июля этого года) до 79,34 % (абсолютный максимум 2016 г.), в среднем за обозначенный период – 75,4 %. Отметим, что в 2023 г. количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 264¹ УК РФ (54 768), было близко к обозначенным средним статистическим значениям за третий период и составило 72,83 %. В своей совокупности зарегистрированные преступления, предусмотренные ст. 264 и 264¹ УК РФ, в структуре транспортной преступности в рассматриваемый период составляли абсолютное большинство – в период с 2015 по 2021 г.: даже более 99,5 %, в 2022 г. – 99,28 %, а в 2023 г. – 96,59 %. Такие характеристики структуры транспортной (автотранспортной) преступности лишь подтверждают вывод о фиктивном характере положений, излагаемых во многих современных учебниках и учебных пособиях по криминологии, ее неосторожном характере и/или структуре.

В контексте рассмотрения указанных «искажений», имеющих место в современной учебной литературе, связанных с криминологической характеристикой транспортной (автотранспортной) преступности, касающихся, прежде всего, ее отнесения к неосторожной преступности и характеристики ее структуры, лишь вспоминается относительно недавняя дискуссия о том, должна ли криминология быть «служанкой уголовного права»? Д. А. Шестаков писал по этому поводу, что «наука о преступности не должна быть “служанкой уголовного права”... криминологии надлежит направлять путь уголовного законодательства»²⁹. Возможно, даже отчасти разделяя обозначенную позицию в том смысле, что, на наш взгляд, ни одна из наук (ни уголовное право, ни криминология) не должна находиться в прямой зависимости от другой науки, но они должны постоянно дополнять и взаимобогащать друг друга в рамках плодотворного сотрудничества. Вместе с тем представляется, что ответ на вопрос, должна ли криминология учитывать уголовно-правовые реалии как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях, очевидно, должен быть положительным.

Библиографический список

- Антонян Ю. М. Криминология : учеб. для вузов. 3-е изд., перераб и доп. М. : Юрайт, 2024. 388 с.
- Гилинский Я. И. Криминология : теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. : Алеф-Пресс, 2014. 574 с.
- Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М. : Юрид. лит., 1977. 144 с.
- Дорожно-транспортная преступность : закономерности, причины, социальный контроль / А. Ю. Кравцов, А. И. Сирохин, Р. В. Скоморохов, В. Н. Шиханов ; под ред. В. В. Лунеева. СПб. : Юрид. центр-Пресс, 2011. 474 с.
- Жулев В. И. Предупреждение дорожно-транспортных происшествий. М. : Юрид. лит., 1989. 224 с.
- Квашис В. Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 192 с.
- Клейменов М. П. Криминология : учебник. 4-е изд., перераб и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 416 с.

²⁹ Шестаков Д. А. Чего я жду от криминологии уже завтра? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4 (31). С. 25.

Козаченко И. Я., Корсаков К. В. Криминология : учебник и практикум для вузов М. : Юрайт, 2024. 277 с.

Криминология. Особенная часть : учеб. для вузов / Ю. С. Жариков, В. П. Ревин, В. Д. Малков, В. В. Ревина. 2-е изд. М. : Юрайт, 2024. 206 с.

Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010.

Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. О. С. Капинус. 2-е изд., перераб и доп. – М. : Юрайт, 2024. 1132 с.

Криминология : учеб. для вузов. / под ред. В. И. Авдийского, Л. А. Букалериной. 3-е изд., перераб и доп. М. : Юрайт, 2024. 339 с.

Мешков В. М., Маханек А. Б., Тарасова В. И. Дорожно-транспортные преступления : монография / под общ. ред. В. М. Мешкова. М. : Юрлитинформ, 2014. 152 с.

Старков О. В. Криминология : Общая, Особенная и Специальная части : учебник. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2012. 1048 с.

Шестаков Д. А. Чего я жду от криминологии уже завтра? // Криминология : вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4 (31). С. 21–25.

Эминов В. Е. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М. : Юрист, 1997. 512 с.

References

- Antonyan Y. M. Criminology : textbook for universities. 3rd ed., revision and additions. Moscow : Yurait Publ., 2024. 388 p.
- Gilinsky Ya. I. Criminology : theory, history, empirical base, social control. 3rd ed., revision and add. St. Petersburg : Alef-Press, 2014. 574 p.
- Dagel P. S. Negligence. Criminal-legal and criminological problems. Moscow : Yurid. lit., 1977. 144 p.
- Road-transport crime : regularities, reasons, social control / A. Yu. Kravtsov, A. I. Sirokhin, R. V. Skomorokhov, V. N. Shikhanov ; ed. by V. V. Lunev. St. Petersburg : Yurid. centre Press, 2011. 474 p.
- Zhulev V. I. Preventing road traffic accidents. Moscow : Yurid. lit., 1989. 224 p.
- Kvashis V. E. Criminally negligent behaviour. Socio-legal and criminological problems. Vladivostok : Publ. of Far-Eastern University, 1986. 192 p.
- Kleimenov M. P. Criminology : textbook. 4th ed. Moscow : Norma : Infra-M Publ., 2024. 416 p.
- Kozachenko I. Y., Korsakov K. V. Criminology : textbook and practice for universities. Moscow : Yurait Publ., 2024. 277 p.
- Criminology. Special part : textbook for universities / Y. S. Zharikov, V. P. Revin, V. D. Malkov, V. V. Revina. 2nd ed. Moscow : Yurait Publ., 2024. 206 p.

Criminology : textbook / ed. by A. I. Dolgova. 4th ed. Moscow : Norma : Infra-M Publ., 2010.

Criminology : textbook for universities / ed. by O. S. Kapinus. 2nd ed. Moscow : Yurait Publ., 2024. 1132 p.

Criminology : textbook for universities / ed. by V. I. Avdisky, L. A. Bu-kaleroval. 3rd ed. Moscow : Yurait Publ., 2024. 339 p.

Meshkov V. M., Makhanev A. B., Tarasova V. I. Road traffic offences : a monograph / ed. by V. M. Meshkov. Moscow : Yurlitinform Publ., 2014. 152 p.

Starkov O. V. Criminology : General, Special and Special Parts : textbook. : Yurid. centre Press, 2012. 1048 p.

Shestakov D. A. What do I expect from criminology tomorrow? // Criminology : yesterday, today, tomorrow. 2013. No. 4 (31). P. 21–25.

Eminov V. E. Criminology : textbook / ed. by V. N. Kudryavtsev, V. E. Eminov. Moscow : Yurist Publ., 1997. 512 p.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Маркунцов С. А., доктор юридических наук, доцент, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики

E-mail: smarkuntsov@hse.ru

Поступила в редакцию: 30.10.2024

Для цитирования:

Маркунцов С. А. Об «искажениях» в криминологической характеристике транспортной (автотранспортной) преступности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 176–183. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/176-183>

National Research University «Higher School of Economics»

Markuntsov S. A., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics

E-mail: smarkuntsov@hse.ru

Received: 30.10.2024

For citation:

Markuntsov S. A. On the «distortions» in the criminological characterisation of transport (road transport) criminality // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 176–183. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/176-183>

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ
ПО КОНТРОЛЮ И НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ**

В. В. Семенчук

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова

В. Д. Ларичев

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

**FEATURES OF USING OF THE RESULTS
OF OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY IN THE
IMPLEMENTATION OF POWERS OF THE TAX AUTHORITIES
TO CONTROL AND SUPERVISE COMPLIANCE
WITH LEGISLATION ON TAXES AND FEES**

V. V. Semenchuk

Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov

V. D. Larichev

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы правового регулирования и практики использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) при реализации полномочий налоговых органов по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах. Отмечается, что в связи с представлением результатов ОРД в справочной форме снижается их доказательственное значение. Предложены изменения ведомственной регламентации порядка представления результатов ОРД налоговым органам. Другая проблема состоит в том, что в связи с длительностью процедур использования результатов ОРД налоговыми органами истекают сроки давности уголовного преследования по налоговым преступлениям. На научно-практическое обсуждение выносятся идея разработки правового института специальных налоговых проверок.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, результаты оперативно-розыскной деятельности, налоговые органы, налоговые правонарушения, выездные налоговые проверки.

Abstract: in the article describes the problems of legal regulation and practice of using the results of operative-investigative activity (hereinafter referred to as OIA) in the implementation of the powers of tax authorities to control and supervise compliance with legislation on taxes and fees. It is noted that in connection with the presentation of the results of OIA in reference form, their evidentiary value is reduced. The authors proposed changes to the departmental regulation of the procedure for presenting the results of OIA to tax authorities. Another problem is that, due to the length of the procedures for using the results of OIA by tax authorities, the statute of limitations for criminal prosecution for tax crimes expires. In this regard, the idea of developing a legal institution of special tax audits is submitted for scientific and practical discussion.

Key words: operative-investigative activity, results of operative-investigative activity, tax authorities, tax offenses, on-site tax audits.

В 2013 г. был расширен перечень субъектов – получателей результатов ОРД за счет включения в него налоговых органов¹. Это стало результатом длительного взаимодействия налоговых органов и субъектов ОРД в процессе противодействия налоговым правонарушениям.

Актуальность представления результатов ОРД налоговым органам возросла после введения специального повода для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям (ст. 198–199.2 УК РФ)². В качестве такового теперь могут выступать только материалы, направленные налоговыми органами в подразделения Следственного комитета Российской Федерации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

С учетом изложенного достижение задачи ОРД в части выявления и раскрытия налоговых преступлений находится в зависимости от эффективности использования результатов ОРД налоговыми органами при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах.

Порядок представления результатов ОРД регламентирован ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) и Приказом от 29 мая 2017 г. МВД России № 317, ФНС России № ММВ-7-2/481@³ (далее – Приказ МВД России № 317).

В целом при подготовке приказа МВД России № 317 был учтен опыт ведомственной регламентации представления результатов ОРД в уголовное судопроизводство⁴.

Существенное отличие состоит в форме представления результатов ОРД. Такие сведения направляются в форме справки с изложением информации без раскрытия способов, тактики и методики ее получения, а также видов ОРМ, в ходе которых она была получена.

Налоговое законодательство, ФЗ об ОРД и приказ МВД России № 317 не ограничивают представления результатов ОРД какими-то определенными этапами:

- полученные сведения могут использоваться в стадии планирования налоговых ВНП и принятия решения об их проведении. При этом до официального направления в порядке, предусмотренном приказом МВД России № 317, встречается практика предварительного ознакомления налоговых органов с результатами ОРД с целью определения их необходимости (достаточности – примечание наше) для проведения ВНП⁵;

- результаты ОРД могут представляться в ходе проведения ВНП или камеральной налоговой проверки (далее – КНП), а также в рамках проведения дополнительных мероприятий налогового контроля (например, имело место получение фонограмм прослушивания телефонных переговоров из материалов уголовного дела⁶);

- в стадии обжалования решения налогового органа в вышестоящем налоговом органе.

Так, в п. 78 постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 57⁷, сделан вывод, что право налогового органа осуществлять сбор доказательств предоставляется на всех стадиях осуществления налогового контроля вплоть до вынесения вышестоящим налоговым органом

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям : федер. закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности налоговому органу : приказ МВД России, ФНС России от 29 мая 2017 г. № 317/ММВ-7-2/481@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.

Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См. пример: Решение Арбитражного суда Архангельской области от 23 июня 2022 г. по делу № А05-14921/2021 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024).

⁶ См. пример: Решение Арбитражного суда Республики Алтай от 19 апреля 2023 г. по делу № А02-1437/2022 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.08.2024).

⁷ О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 57. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

решения по жалобе налогоплательщика на решение о привлечении (отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения.

В последующем при судебном обжаловании решений налогового органа получение результатов ОРД возможно по ходатайству налогового органа в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 66 АПК РФ.

В целом правовая регламентация сняла ряд вопросов, касающихся представления результатов ОРД налоговыми органами и их последующего использования. Например, до этого их использование при проведении ВНП, в том числе при доказывании нарушения налогового законодательства, часто негативно воспринималось судами при обжаловании решений о привлечении к налоговой ответственности⁸.

Вслед за внесением изменений в ст. 11 ФЗ об ОРД, доказательственное значение результатов ОРД при обжаловании решений налоговых органов в судебном порядке было признано Высшим арбитражным судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ).

Так, было указано, что при исследовании и оценке доказательственной базы по налоговым делам судам надлежит исходить из того, что материалы, полученные в результате осуществления ОРМ, могут использоваться налоговыми органами в числе других доказательств при рассмотрении материалов налоговой проверки или при осуществлении производства по делу о налоговых правонарушениях, если ОРМ проведены и материалы оформлены согласно требованиям, установленным ФЗ об ОРД⁹.

Это разъяснение можно распространить и на обоснование решений налоговых органов.

Конституционный суд Российской Федерации (далее – КС РФ) также занял более благоприятную позицию, чем по отношению к использованию результатов ОРД в уголовном судопроизводстве.

⁸ См. Подробнее: *Семенчук В. В.* Проблемные вопросы участия оперативных подразделений органов внутренних дел в выявлении налоговых преступлений // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2013. № 1 (23). С. 67–74.

⁹ О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 57. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При рассмотрении жалоб на участие оперативных сотрудников ОВД в проведении ВНП и использование результатов ОРД для установления налогового правонарушения при вынесении налоговым органом решения и в процедурах его последующего обжалования высший судебный орган отмечал, что участие ОВД в проведении ВНП направлено на качественный и полный сбор доказательственной базы по налоговым правонарушениям в рамках межведомственного взаимодействия¹⁰.

Судебная практика также свидетельствует о том, что документы, полученные в ходе ОРМ, в целом рассматриваются как относимые и допустимые доказательства по делу¹¹.

Наконец, ФНС России в разъяснениях также обращала внимание на возможность использования результатов ОРМ в доказывании умысла налогоплательщика совершить налоговое правонарушение в ходе ВНП¹². Так, в качестве возможного прямого доказательства умысла были отмечены результаты прослушивания телефонных и иных переговоров. С целью доказывания отдельных налоговых схем, преимущественно связанных с использованием фиктивных организаций, также предлагалось использовать результаты ОРМ.

Несмотря на признание относимыми и допустимыми доказательствами, результаты ОРД

¹⁰ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 14-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Определение Конституционного суда Российской Федерации от 17 июля 2018 г. № 1683-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См. примеры: постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10 апреля 2023 г. по делу № А79-7076/2021 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024) ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13 июля 2023 г. по делу № А65-27849/2022 // Там же. ; апелляционное определение Ростовского областного суда от 27 июля 2022 г. по делу № 33а-11372/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 25 января 2023 г. по делу № А73-17749/2021 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.08.2024).

¹² О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленных на неуплату налогов (сборов) : письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

несколько ограничены в контексте критерия достаточности. Судами акцентируется внимание, что документы, полученные в ходе ОРМ, не являются единственным доказательством совершения налогового правонарушения¹³.

Представленная позиция не отвергает их доказательственное значение, но из нее следует, что решение о наличии налогового правонарушения не может обосновываться налоговым органом только на основании сведений, содержащихся в результатах ОРД. Для этого также следует использовать сведения, полученные в ходе проведения мероприятий налогового контроля.

Несмотря на в целом положительные тенденции, следует выделить ряд проблемных аспектов, возникающих при использовании результатов ОРД в рассматриваемом направлении.

1. Затянутость сроков реализации результатов ОРД налоговыми органами препятствует достижению задачи ОРД, связанной с выявлением и раскрытием преступлений.

Для формирования специального повода для возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям, требуется проведение налоговой проверки. Результаты ОРД могут быть использованы для инициирования ВНП или в рамках доказывания по уже начатым ВНП, в том числе проводимым с участием сотрудников ОВД.

Однако, с учетом сроков проведения ВНП, рассмотрения их результатов, вступления в силу решения, времени на добровольное погашение задолженности, к моменту направления в следственные органы материалов в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 32 НК РФ, могут истечь сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Так, по оценкам ученых от момента начала проверки до поступления материалов в органы следствия может пройти до 30 месяцев¹⁴.

Возникает ситуация, что проведение ОРМ, направленных на решение задачи ОРД, связанной с выявлением и раскрытием налогового преступления, оказывается бессмысленным в связи с невозможностью ее достижения. При этом по налоговым преступлениям небольшой тяжести это может быть очевидно уже в начале их проведения.

К данной проблеме следует подойти с *двух позиций*.

Во-первых, с позиции ускорения налоговых проверок.

В контексте повода для возбуждения таких уголовных дел, учеными отмечалось, в законе нет прямого указания на то, что это должны быть материалы со вступившим в законную силу решением налогового органа. Налоговые органы могут использовать п. 3 ст. 82 НК РФ для направления любых материалов, в том числе и до вступления в силу решения о привлечении¹⁵.

Случаи возбуждения уголовных дел с применением такого подхода имеют место на практике¹⁶.

Однако впоследствии по данному вопросу иную позицию заняла Генпрокуратура России. Согласно п. 2.9 Приказа от 24 октября 2023 г. № 736¹⁷ прокурорам предписывается исходить из того, что в соответствии с ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в порядке ч. 3 ст. 32 НК РФ.

Хотя в ст. 140 УПК РФ столь категоричный подход не применяется, возможны ситуации с негативной оценкой прокуратурой фактов возбуждения уголовных дел по материалам, направленным в порядке, предусмотренном ст. 82, а не ст. 32 НК РФ.

¹³ См., например: постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10 апреля 2023 г. по делу № А79-7076/2021 ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13 июля 2023 г. по делу № А65-27849/2022 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 апреля 2023 г. по делу № А40-178804/2022 ; постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 25 января 2023 г. по делу № А73-17749/2021 ; решение Арбитражного суда Алтайского края от 18 июня 2021 г. по делу № А03-3675/2018. Тексты указанных документов см.: Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (даты обращения: 08.08.2024; 09.08.2024).

¹⁴ Ларичев В. Д., Милякина Е. В., Панкратьев А. Н. Взаимодействие налоговых органов с органами внутрен-

них дел и следственными органами при возбуждении уголовных дел по налоговым преступлениям // Lex russica. 2023. Т. 76, № 12. С. 80–91.

¹⁵ Взаимодействие подразделений ЭБиПК органов внутренних дел с налоговыми органами и органами предварительного следствия при возбуждении уголовных дел по налоговым преступлениям : аналитический обзор с предложениями / В. Д. Ларичев, Е. В. Милякина, О. А. Хлыстова, А. Н. Панкратьев. М., 2023. С. 31.

¹⁶ Крючкова Е., Галиева Д. Следователей попросят не торопиться // Коммерсантъ. 2023. № 65. С. 2.

¹⁷ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере : приказ Генпрокуратуры России от 24 октября 2023 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем даже при ускоренном направлении материалов осуществляется только частичная экономия времени и не исчезает принципиальная необходимость проведения налоговой проверки по поступившим результатам ОРД.

Если государственная воля состоит в том, что уголовные дела по налоговым преступлениям могут возбуждаться только по результатам налоговым проверок (об этом свидетельствует уже вторичное введение в УПК РФ специального повода для этого), следует пересмотреть взгляды к использованию результатов ОРД в рамках их проведения.

Приоритетным является разработка института специальных налоговых проверок, основанных на использовании результатов ОРД.

Безусловно, результаты ОРД имеют разное информационное значение, в том числе в зависимости от их формы.

В некоторых случаях это может быть справка с некоторыми обобщенными данными, в другом результаты отдельного ОРМ (например, опроса), указывающего только на отдельное обстоятельство налогового правонарушения. Такие сведения вряд ли позволят налоговому органу быстро прийти к выводу о наличии налогового правонарушения и аргументировать его.

По-другому выглядят результаты комплексного документирования налоговых преступлений, которые в недавнем прошлом рассматривались в качестве достаточного основания для возбуждения уголовных дел, и как основа доказывания по ним. Для ВНП такие сведения обладают большим информационным значением.

Возникает вопрос, требуется ли проведения комплексной ВНП, если возможно осуществить оценку обстоятельств, изложенных в результатах ОРД, в том числе путем проведения мероприятий налогового контроля, и удостоверить наличие налогового правонарушения?

Еще до «второго» введения специального повода для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям В. Ю. Стельмахом отмечалось, что особая роль налогового органа заключается только в компетентном и квалифицированном подтверждении наличия признаков преступления с использованием специальных знаний представителей налогового органа в определении размера налоговой массы и размера недоимки. Подобная деятельность схожа с функциями специалиста¹⁸.

¹⁸ Стельмах В. Ю. Особенности процессуального порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступ-

При оценке результатов ОРД налоговый орган мог бы выполнить роль специалиста несколькими способами.

Первый из них уже имел место в законодательстве (ст. 144 УПК РФ до внесения изменений в 2022 г.), – это подготовка заключения налогового органа. В правоприменительной практике такой способ удостоверения налогового правонарушения оказался нежизнеспособным, в том числе потому, что порядок подготовки заключения не был предусмотрен налоговым законодательством.

В качестве другого способа можно предложить проведение специальных налоговых проверок на основании результатов ОРД.

В связи с этим представляет интерес предложение В. М. Зарипова ввести в налоговое законодательство институт специальной налоговой проверки на основании обращения следователя со сроком проведения в один месяц на основе налоговых деклараций (расчетов), документов, представленных налогоплательщиком, документов и иных доказательств, представленных следственным органом, а также других документов о деятельности налогоплательщика, имеющихся у налогового органа¹⁹.

Подобный подход можно было бы распространить на проверку результатов ОРД – в случае, если в них содержатся достоверные и достаточные сведения о нарушении налогового законодательства.

С необходимостью создания правового института специальных налоговых проверок, предназначенного для оперативного принятия решения о привлечении налогоплательщика к ответственности за совершение налогового правонарушения, обстоятельства которого достоверно отражены в результатах ОРД, согласились 65,6 % опрошенных сотрудников налоговых органов²⁰.

Такая процедура, ускорила бы время проверки результатов ОРД и принятия решения. Вместе с тем для ее реализации требует разработка отдельного института в налоговом праве.

плениях // Вестник Удмурт. ун-та. Серия: Экономика и право. 2021. Т 31, № 1. С. 139.

¹⁹ Зарипов В. М. Современные проблемы ответственности за налоговые преступления // Закон. 2018. № 10. С. 50–60.

²⁰ В 2021 г. проведено анкетирование 1391 сотрудника налогового органа (налоговые органы Республики Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Белгородской, Иркутской и Сахалинской областей).

Во-вторых, оценка эффективности ОРД может осуществляться не только через призму решения задачи, связанной с выявлением и раскрытием преступлений, но и задачи, связанной с возмещением ущерба.

В системе МВД России, исходя из показателей ведомственной статистической оценки территориальных ОВД по субъектам МВД России²¹ и показателей статистической оценки территориальных органов МВД России по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции, оценка подразделений ЭБиПК осуществляется исходя из деятельности по раскрытию преступлений и возмещению материального ущерба по уголовным делам.

В связи с изменениями, внесенными Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 202-ФЗ, возмещение ущерба по преступлениям приобрело еще большую актуальность, в связи с уточнением соответствующей задачи ОРД.

Хотя реализация такой задачи напрямую связана с уголовно-процессуальными отношениями, в контексте налоговых преступлений ее необходимо рассматривать и через погашение выявленной задолженности по налогам и сборам.

Такой вывод можно обосновать, во-первых, тем, что в случае погашения ущерба бюджетной системе уголовное преследование прекращается в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ, и, во-вторых, тем, что направление результатов ОРД в налоговые органы основывается на положениях ст. 11 ФЗ об ОРД, а с учетом приложения 3 к приказу МВД России № 317 их использование осуществляется, в том числе для погашения недоимки по налогам и сборам.

В контексте противодействия налоговым правонарушениям учеными также выделяется задача выявления (установление) имущества и денежных средств, на которые может быть обращено взыскание²².

В связи с этим для справедливой оценки эффективности осуществления ОРД в рассматриваемом направлении, мотивирования сотрудников ЭБиПК, считаем целесообразным предусмотреть количественные показатели оценки, отражающие результативность данной деятельности по

таким направлениям, как: инициирование ВНП на основании результатов ОРД; вынесение решения о привлечении к налоговой ответственности по результатам проведения ВНП; погашение недоимки по результатам ВНП.

В случае введения таких показателей, даже если представители налогоплательщика не будут привлечены к уголовной ответственности, деятельность сотрудников оперативных подразделений, занимающихся выявлением и раскрытием налоговых преступлений, может быть оценена положительно.

О значимости деятельности по возмещению ущерба бюджетной системе говорят и результаты опроса сотрудников подразделений ЭБиПК. Так, на вопрос «Что должно быть более приоритетным в деятельности подразделений ЭБиПК?» 30,6 % опрошенных ответили «Создание условий для погашения задолженности по налогам и сборам, в том числе на стадии выездной налоговой проверки», а 56,5 % – «Привлечение должностных лиц налогоплательщика к уголовной ответственности за совершение налогового преступления». При этом при иных вариантах ответа 9,3 % опрошенных склонялись к важности обоих направлений²³.

С учетом предлагаемых изменений соотношение позиций могло бы измениться.

2. Форма представления результатов ОРД оказывает негативное влияние на их доказательственное значение.

Повторимся, что согласно п. 1.8 приказа МВД России № 317 результаты ОРД направляются в налоговый орган в форме справки²⁴. По тексту приказа упоминаются «носители сведений, составляющих государственную тайну» (1.3.1, 1.7, 1.7.1, приложение № 2), что косвенно указыва-

²³ В 2021 г. проведено анкетирование 108 сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по линиям противодействия налоговым преступлениям, преступлениям в финансово-кредитной сфере и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем (территориальные органы внутренних дел республик Бурятия и Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Иркутской, Магаданской и Сахалинской областей).

²⁴ Аналогичным образом результаты ОРД предоставляются при взаимодействии таможенных и налоговых органов. См. приказ ФНС России и ФТС России от 20 ноября 2017 г. № ММВ-7-2/950@/1815 «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности налоговому органу». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040. Доступ из справ.-правовой системы «Юрист».

²² Взаимодействие подразделений ЭБиПК... С. 59.

ет на результаты отдельных ОРМ, в первую очередь негласного характера.

Вместе с тем представление результатов отдельных ОРМ не в полной мере соответствует запрету на представление информации о видах ОРМ, в ходе проведения которых была получена передаваемая информация. Передача результатов отдельных ОРМ без их наименования (например, фонограмм прослушивания телефонных переговоров) вряд ли позволит соблюсти такой запрет.

В целом строгое соблюдение положений п. 1.8 Приказа МВД России № 317 ведет к тому, что передаваемые сведения будут иметь справочную форму. Однако, отсутствие реальных носителей доказательственной информации (результатов отдельных ОРМ) вкупе с документами, на основании которых такие ОРМ проводились, существенно снижает доказательственное значение такой справки.

Как было отмечено ранее, одним из критериев использования результатов ОРД в рассматриваемой сфере является установление того, что соответствующие ОРМ проведены и материалы оформлены согласно требованиям, установленным ФЗ об ОРД²⁵.

Обладая только справкой и не располагая результатами отдельных ОРМ, налоговый орган не может прийти к такому заключению, как и судебные органы при последующем обжаловании решений налоговых органов.

В письме ФНС России от 17 июля 2013 г. № АС-4-2/12837 по данному вопросу было указано, что при использовании результатов ОРД в качестве доказательств по делу о налоговом правонарушении необходимо учитывать, что, если они не отвечают требованиям, предъявляемым арбитражным и гражданским процессуальным законодательством к доказательствам, необходимо их закрепление в надлежащей форме путем проведения мероприятий налогового контроля²⁶.

²⁵ О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 57. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁶ О рекомендациях по проведению мероприятий налогового контроля, связанных с налоговыми проверками : письмо ФНС России от 17 июля 2013 г. № АС-4-2/12837. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

На необходимость соблюдения указания ВАС РФ также обращается внимание и судебными органами. Так, в одном из решений отмечалось, что «возможность направления результатов ОРД в налоговые органы для использования при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах (абз. 3 ст. 11 ФЗ об ОРД) не только не отменяет указанных требований к оформлению доказательств, но и накладывает дополнительные ограничения»²⁷.

Таким образом, результаты ОРД, представленные только в виде справки без результатов конкретных ОРМ, для налоговых, а впоследствии и судебных органов, будут иметь ориентирующее, а не доказательственное значение.

Использование такой информации возможно в качестве оснований для проведения мероприятий налогового контроля, что ведет к затягиванию сроков ВМП в связи с необходимостью совершения повторных действий.

Использование же справки в качестве доказательства может повлечь негативную оценку суда при обжаловании результатов ВМП.

В одном из судебных решений отмечалось, что постановление о представлении результатов ОРД налоговому органу и справка, подписанная старшим оперуполномоченным по ОВД, не могут рассматриваться в качестве доказательства налогового правонарушения. В справке содержатся не достоверные, а предполагаемые сведения о том, что в ходе проведения ОРМ получены сведения о возможном нарушении налогового законодательства. Непосредственных доказательств справка не содержит²⁸.

Другая проблема в использовании в доказывании результатов ОРД может возникнуть в связи с оценкой законности проведения ОРМ.

Так, в рамках рассмотрения искового заявления налогового органа о привлечении ряда лиц к субсидиарной ответственности, судом проводилось исследование представленных налоговым органом результатов прослушивания телефонных переговоров, полученных из материа-

²⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 апреля 2023 г. по делу № А40-178804/2022 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024).

²⁸ См. подробнее: решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26 апреля 2023 г. по делу № А56-51294/2021 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.08.2024).

лов уголовного дела. Одним из аргументов суда в признании результатов ОРД недопустимыми доказательствами, явилось отсутствие судебного решения на проведение ОРМ²⁹.

Аналогичное замечание может возникнуть и при использовании таких сведений в справочной форме без представления копии судебного решения на проведение ОРМ.

Можно прийти к выводу, что справка без подтверждающих документов не может рассматриваться в качестве достаточного доказательства налогового правонарушения.

Результаты опроса сотрудников оперативных подразделений ЭБиПК при этом свидетельствуют об отсутствии единообразия в понимании того, в какой форме целесообразно представлять результаты ОРД в налоговые органы: 52,8 % опрошенных – за обобщенную справку, 40,7 % – за результаты конкретных ОРМ.

Более однозначную позицию занимают сотрудники налоговых органов: 83,4 % опрошенных настроены на получение результатов конкретных ОРМ и только 13,9 % – на получение обобщенной справки.

При этом с целью придания результатам ОРД большего доказательственного значения, на практике в налоговые органы помимо справки направляются результаты отдельных ОРМ³⁰.

Представление результатов гласных ОРМ является не столь проблематичным, так как не возникает вопрос о необходимости их рассекречивания, а угроза расшифровки сведений, указанных в ст. 12 ФЗ об ОРД, а также интересам данной деятельности в целом ниже, чем при представлении результатов негласных ОРМ.

В качестве примера, приведем можно привести практику представления и последующего использования в доказывании результатов

гласного ОРМ «опрос» в виде объяснений, протоколов опроса³¹.

Другим примером является представление налоговым органам результатов гласного ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»³², в том числе копий распоряжения о проведении ОРМ, протокола изъятия и изъятых документов³³.

Необходимо обратить внимание на сложности, которые могут возникнуть в случае представления налоговым органам оригиналов документов, предметов, материалов и сообщений, изъятых в ходе реализации права, предусмотренного ст. 15 ФЗ об ОРД.

Согласно правовой позиции КС РФ изъятие имущества органами, осуществляющими ОРД, носит временный характер, не приводит к его отчуждению и не порождает перехода права собственности к государству³⁴.

Согласно ст. 15 ФЗ об ОРД право производить изъятие является элементом права на проведение ОРМ, а для этого необходимо обладать соответствующими основаниями и соблюдать условия, предусмотренные законом (ст. 7 и 8 ФЗ об ОРД).

Основания для проведения ОРМ преимущественно связаны с противодействием преступности. При этом нацеленность на получение информации для последующего использования налоговыми органами нельзя рассматривать как самостоятельное основание для проведения ОРМ.

²⁹ См. подробнее: постановление тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 октября 2021 г. по делу А56-56442/2020 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024); постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 февраля 2022 г. по делу А56-56442/2020 // Там же. (дата обращения: 09.08.2024).

³⁰ Применение результатов оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел при производстве по делам об административных и налоговых правонарушениях: аналитический обзор с предложениями / А. М. Субботин, П. В. Ремизов, Н. М. Макарейко, А. В. Красненкова. Н. Новгород, 2021. С. 23–24.

³¹ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 февраля 2022 г. по делу № А79-10673/2019 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024); решение Арбитражного суда Республики Карелия от 13 апреля 2023 г. по делу № А26-8066/2021 // Там же (дата обращения: 08.08.2024); постановление первого арбитражного апелляционного суда от 27 сентября 2023 г. по делу № А39-7806/2022 // Там же (дата обращения: 09.08.2024).

³² См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 февраля 2022 г. по делу № А56-53885/2021 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024); постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 апреля 2023 г. по делу № А50-19495/2022 // Там же (дата обращения: 09.08.2024).

³³ См.: Решение Арбитражного суда Архангельской области от 23 июня 2022 г. по делу № А05-14921/2021 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024).

³⁴ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 15 июля 2004 г. № 304-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Даже для участия в проведении совместной ВВП запрос налогового органа на привлечение сотрудников ОВД должен содержать основания для проведения ОРМ. При этом обычный запрос налогового органа о предоставлении информации таким основанием не является³⁵ (если в нем не указаны признаки преступления – примечание наше).

В рассматриваемом контексте основаниями для проведения ОРМ, как правило, будут являться сведения о признаках налоговых и связанных с ними преступлений, ставшие известными органам, осуществляющим ОРД.

Однако в силу особенностей возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям результаты проведенных ОРМ используются не напрямую, а с учетом их использования в доказывании налоговых правонарушений налоговыми органами с акцентом на последующие уголовно-процессуальные отношения.

В свою очередь, Приказ МВД России № 317 не предусматривает передачу документов, предметов, материалов и сообщений, изъятых в ходе проведения ОРМ, налоговым органам. Соответственно, ответственность за такие предметы до их поступления в уголовное судопроизводство будет лежать на осуществивших их изъятие оперативных подразделениях.

В практической плоскости такой подход находит проявление в части отдельных манипуляций с электронными носителями информации, изъятыми в ходе ОРМ и представленными в налоговые органы. Так, судебный орган пришел к выводу, что осуществление технических действий с такими носителями (их «вскрытие», извлечение, копирование информации) находится в компетенции оперативных подразделений, осуществивших их изъятие³⁶.

В связи с этим для обеспечения сохранности изъятых предметов, в том числе последующего использования в доказывании по уголовным делам, следует минимизировать представление их оригиналов в адрес налоговых органов.

С этой целью следует ограничиться представлением заверенных копий изъятых доку-

ментов (в том числе с электронных носителей информации), фото- и видеоизображений изъятых предметов и материалов, а также результатов их исследований. Представление таких сведений в форме, обеспечивающей проверку их достоверности, облегчит процесс доказывания для налоговых органов, в том числе за счет исключения избыточной переписки по согласованию снятия копий и совершения иных действий с изъятым.

Представление оригиналов изъятых предметов допустимо в исключительных случаях, когда другим образом доказать обстоятельства налогового правонарушения не представляется возможным, в том числе в рамках процедуры обжалования решения налогового органа в рамках истребования доказательств судом (ч. 4 ст. 66 АПК РФ).

В этом случае оперативное подразделение должно контролировать своевременность их возврата налоговым органом.

Далее стоит рассмотреть вопросы по представлению результатов негласных ОРМ налоговым органам.

Хотя приказом МВД России № 317 и содержится упоминание о возможности рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, но отсутствует указание на возможность представления результатов отдельных ОРМ, а п. 1.8 носит скорее запретительный характер.

Также, в Приказе МВД России № 317 не урегулирован вопрос согласования представления результатов оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий, как это сделано в п. 13 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

С учетом приведенных сложностей в правоприменительной практике имеют место различные варианты поступления результатов негласных ОРМ к налоговым органам.

Вариант 1. Получение результатов ОРМ из уголовных дел, находящихся в производстве следственных органов.

Правовые основания для этого содержатся в п. 3 ст. 82 НК РФ, предусматривающей возможность информационного обмена налоговых и правоохранительных органов.

Практика свидетельствует о том, что налоговыми органами на основании запросов осуществляется ознакомление с материалами уго-

³⁵ См.: Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 10 мая 2023 г. по делу № А63-8469/2022 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024).

³⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 февраля 2022 г. по делу № А56-53885/2021 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024).

ловных дел, содержащих результаты негласных ОРМ (например, ПТП)³⁷, либо истребование копий таковых³⁸.

При этом в п. 27 постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 57 разъясняется, что налоговый орган, руководствуясь нормой абз. 2 п. 4 ст. 101 НК РФ, при рассмотрении материалов налоговой проверки вправе исследовать также документы, полученные в установленном НК РФ порядке до момента начала соответствующей налоговой проверки.

Указанные документы могут использоваться для подтверждения выводов налогового органа.

Существует практика, когда результаты негласных ОРМ используются уже в стадии обжалования решения налогового органа. С этой целью налоговым органом в соответствии с ч. 4 ст. 66 АПК РФ заявляется ходатайство об истребовании доказательств у следственного органа, после чего судом получают соответствующие сведения³⁹.

В целом в рамках рассматриваемого варианта отсутствует прямое представление результатов ОРД от оперативных подразделений к налоговым органам. Их использование опосредуется предварительным вовлечением в уголовное судопроизводство, что, как правило, также влечет рассекречивание.

В случае признания результатов ОРД доказательствами в уголовном судопроизводстве, они рассматриваются аналогичным образом и в арбитражном процессе. Так, согласно позиции КС РФ доказательства, полученные в уголовно-процессуальном порядке, могут быть использованы в арбитражном процессе для установления наличия или отсутствия обстоятельств, обосновывающих требования и возращения лиц, участвующих в деле при условии, если арбитражный суд признает их относимыми

ми и допустимыми⁴⁰. Данная позиция была поддержана и ВАС РФ⁴¹.

Вместе с тем после изменения повода для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям, получение результатов ОРД из их материалов затруднительно. Теперь получение рассматриваемых материалов скорее возможно при расследовании иных преступлений, связанных с налоговыми (например, преступлений, предусмотренных ст. 172, 173.2, 173.2 УК РФ).

Вариант 2. Предоставление сведений о негласных ОРМ в форме справки с последующей передачей носителей информации по запросу суда.

В качестве примера, приведем представление оперативным подразделением в ходе ВМП справки, составленной в соответствии с п. 1.8 приказа МВД России от 29 мая 2017 г. № 317, содержащей результаты беседы двух лиц. Видеозапись данного разговора была представлена в суд оперативным подразделением в порядке ч. 4 ст. 66 АПК РФ уже на стадии обжалования решения налогового органа⁴².

Использование рассмотренного варианта исключает необходимость представления результатов отдельных ОРМ налоговому органу, в том числе их рассекречивания. Тем самым обеспечивается большая защита сведений в сфере ОРД. Но за счет формы представления результатов ОРД уменьшается их доказательственное значение на стадии ВМП, что требует проведения мероприятий налогового контроля, направленных на проверку такой информации.

Вариант 3. Прямое представление результатов негласных ОРМ в налоговые органы.

Одним примером является представление налоговому органу по его запросу результатов ОРМ «наблюдение» с использованием средств

³⁷ См.: Постановление седьмого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2023 по делу № А03-5647/2023 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024).

³⁸ См.: Постановление девятого арбитражного апелляционного суда от 9 февраля 2016 г. по делу № А40-126825/14 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024); решение арбитражного суда Алтайского края от 18 июня 2021 г. по делу № А03-3675/2018 // Там же. (дата обращения: 09.08.2024).

³⁹ См.: Решение Арбитражного суда Брянской области от 24 мая 2018 г. по делу № А09-10118/2017 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024).

⁴⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 273-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 июня 2014 г. № 3159/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴² См.: Постановление восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 марта 2019 г. по делу № А34-780/2018 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024); постановление Арбитражного суда Уральского округа от 3 июля 2019 г. по делу № А34-780/2018 // Там же. (дата обращения: 09.08.2024).

негласной аудио-, видеозаписи⁴³. Другим примером выступает представление справки с приложением результатов ОРМ «снятие информации с технических каналов связи», проведенного с электронных почтовых ящиков⁴⁴.

С точки зрения возможности использования в доказывании, данный вариант является наиболее приемлемым, так как налоговые органы располагают не только справочной информацией, но и фактическими данными, подтверждающими налоговое правонарушение.

Однако для более полного применения рассмотренного подхода требуется нормативная регламентация процедуры представления результатов ОРД: возможность передачи результатов отдельных ОРМ; согласование представления с подразделениями, осуществлявшими проведение соответствующих ОРМ.

В результате длительного периода взаимодействия субъектов ОРД и налоговых органов были выработаны направления использования результатов ОРД, связанные с обеспечением устойчивого пополнения бюджетной системы. Современная правоприменительная практика указывает на то, что сведения, содержащиеся в результатах ОРД, рассматриваются в качестве доказательств налоговых правонарушений.

Для более эффективного использования результатов ОРД в рассматриваемом направлении, соблюдения интересов субъектов ОРД и налоговых органов, следует разрешить ряд вопросов:

- по оптимизации процедуры проверки результатов ОРД и принятия решения по ним налоговыми органами;
- по оптимизации формы представления результатов ОРД налоговым органам.

В связи с этим предлагается внести изменения в приказ МВД России № 317:

- включить норму, предусматривающую право направлять в налоговые органы в качестве приложений к справке результаты ОРМ, подтверждающие выявленные правонарушения;
- предусмотреть обязанность согласования представления результатов оперативно-техниче-

ских и оперативно-поисковых мероприятий с подразделениями, являющихся их исполнителями;

- предусмотреть, что в случае, когда результаты ОРД содержат документы, предметы, материалы и сообщения, изъятые в ходе проведения ОРМ, в налоговые органы могут быть предоставлены заверенные копии изъятых документов (в том числе с электронных носителей информации), фото- и видеоизображений изъятых предметов и материалов, а также результатов их исследований.

Представление оригиналов перечисленных объектов допускается в исключительных случаях, когда другим образом доказать обстоятельства налогового правонарушения не представляется возможным, с их обязательным возвратом в представивший орган внутренних дел.

Библиографический список

Взаимодействие подразделений ЭБиПК органов внутренних дел с налоговыми органами и органами предварительного следствия при возбуждении уголовных дел по налоговым преступлениям: аналитический обзор с предложениями / В. Д. Ларичев, Е. В. Милякина, О. А. Хлыстова, А. Н. Панкратьев. М. : ВНИИ МВД России, 2023. 70 с.

Зарипов В. М. Современные проблемы ответственности за налоговые преступления // Закон. 2018. № 10. С. 50–60.

Крючкова Е., Галиева Д. Следователей попросят не торопиться // Коммерсантъ. 2023. № 65.

Ларичев В. Д., Милякина Е. В., Панкратьев А. Н. Взаимодействие налоговых органов с органами внутренних дел и следственными органами при возбуждении уголовных дел по налоговым преступлениям // Lex russica. 2023. Т. 76, № 12. С. 80–91.

Применение результатов оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел при производстве по делам об административных и налоговых правонарушениях : аналитический обзор с предложениями / А. М. Субботин, П. В. Ремизов, Н. М. Макарейко, А. В. Красненкова. Н. Новгород : Нижегород. академия МВД России, 2021. 33 с.

Семенчук В. В. Проблемные вопросы участия оперативных подразделений органов внутренних дел в выявлении налоговых преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1 (23). С. 67–74.

Стельмах В. Ю. Особенности процессуального порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31, № 1. С. 133–141.

⁴³ См.: Постановление тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 июня 2021 г. по делу № А21-10365/2020 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2024).

⁴⁴ См.: Постановление шестого арбитражного апелляционного суда от 25 января 2023 г. по делу № А73-17749/2021 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.08.2024).

References

Interaction of the economic security and anti-corruption units of the internal affairs bodies with the tax authorities and preliminary investigation bodies when initiating criminal cases for tax crimes: an analytical review with proposals / V. D. Larichev, E. V. Milyakina, O. A. Khlystova, A. N. Pankratyev. Moscow : All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 70 p.

Zaripov V. M. Modern problems of liability for tax crimes // Law. 2018. No. 10. P. 50–60.

Kryuchkova E., Galieva D. Investigators will be asked not to rush // Kommersant newspaper. 2023. No. 65.

Larichev V. D., Milyakina E. V., Pankratyev A. N. Interaction of tax authorities with internal affairs bodies and investigative bodies in initiating criminal cas-

es for tax crimes. Lex russica. 2023. Vol. 76, No. 12. P. 80–91.

Application of the results of operational-investigative activity of operational units of internal affairs bodies in proceedings on administrative and tax offenses: an analytical review with proposals / A. M. Subbotin, P. V. Remizov, N. M. Makareiko, A. V. Krasnenkova. Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 33 p.

Semenchuk V. V. Problematic issues of participation of operational units of internal affairs bodies in identifying tax crimes // Legal science and law enforcement practice. 2013. No. 1 (23). P. 67–74.

Stelmakh V. Yu. Features of the procedural order of initiating criminal cases on tax crimes // Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2021. Vol. 31, No. 1. P. 133–141.

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шиловой

Семенчук В. В., кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса
E-mail: semenchuk_ord@mail.ru

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

Ларичев В. Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник НИЦ № 3
E-mail: larichev48@mail.ru

Поступила в редакцию: 08.10.2024

Для цитирования:

Семенчук В. В., Ларичев В. Д. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности при реализации полномочий налоговых органов по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4(59). С. 184–195. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/184-195>

The Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov

Semenchuk V. V., PhD in Economic, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure
E-mail: semenchuk_ord@mail.ru

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation

Larichev V. D., PhD in Law (Doctor of Juridical Sciences), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of Research Center No. 3
E-mail: larichev48@mail.ru

Received: 08.10.2024

For citation:

Semenchuk V. V., Larichev V. D. Features of using of the results of operative-investigative activity in the implementation of powers of the tax authorities to control and supervise compliance with legislation on taxes and fees // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 4 (59). P. 184–195. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/4/184-195>

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Общие положения

1.1. К публикации принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций (форумов, семинаров).

1.2. Содержание присылаемых в редакционную коллегию журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям (см. сайт журнала: <http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/>; <http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html>).

1.3. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по электронной почте или через личный кабинет пользователя на сайте журнала (<https://journals.vsu.ru/law>).

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов);
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает (или занимает соответствующую должность);
- дата направления материала в редакцию журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках;
- текст статьи;
- библиографический список на русском и английском языках, который составляется в порядке алфавита из научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо прислать в редакцию жур-

нала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или краткий отзыв научного руководителя с рекомендацией опубликования статьи.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Требования к оформлению материалов, направляемых в редакционную коллегию журнала для опубликования

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц (к сведению: 22 страницы, или 40 000 знаков, включая пробелы и знаки препинания, составляют один печатный лист).

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная.

2.5. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.7. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.8. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (ко-

лонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, то приводится полностью его название.

2.9. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.10. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg.

3. Рецензирование материалов, поступающих в редакцию

3.1. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, соответствующие его тематике, подвергаются рецензированию с целью их экспертной оценки.

3.2. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов.

3.3. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции журнала в течение 5 лет.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

4. Решение о публикации и отказ в публикации

4.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

4.2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

4.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и поясняющее все произведенные в статье изменения.

4.4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания;
- несоответствия статьи предъявляемым требованиям к оформлению материалов.

4.5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

4.6. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. General provisions

1.1. To the publication the materials containing the results of scientific researches issued in the form of full articles, short messages, reviews are accepted. Reviews and materials reviews of the held scientific conferences (forums, seminars) can be published in the journal.

1.2. The content of the materials sent to the editorial board of the journal and their arrangement must conform to the established requirements (see website: <http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/>; <http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html>).

1.3. Materials should be sent to the editorial board by e-mail or through the user's personal account on the journal's website (<https://journals.vsu.ru/law>).

1.4. The text of the publication signed by the author (coauthors) should be made out by one file which contains the following information and structure:

- UDC identifier;
- article heading in Russian and in English;
- author's (coauthors') initials and surnames;
- name of educational, scientific or other organization where the author (coauthors) works (or holds any appointment);
- date of directing materials to the editorial board of the journal;
- summary of the article in Russian and in English;
- key words in Russian and in English;
- text of article;
- list of bibliography (this list shall be prepared in alphabetical order and contain names of scientific sources mentioned in footnotes);
- data on the author (coauthors) in Russian and in English with the full indication of a surname, name, middle name, academic degree, academic status, primary place of employment, post, e-mail.

1.5. For postgraduate students and degree-seeking students it is also necessary to send an extract from the minutes of chair (sector, division of the organization) about the recommendation of the sent material to publication in the journal or a short response of the research supervisor with the recommendation of publication of article to editorial board of the journal.

1.6. Articles sent to the editorial board shall be reviewed, and in case of the positive review – scientific and control correcting.

1.7. The decision on the publication of the article is made by the editorial board of the journal.

1.8. The publication of articles is free of charge.

2. Requirements to arrangement of the materials directed to the editorial board of the journal for publication

2.1. The text is printed in a text editor of WinWord; font – Times New Roman; size – 14th; interval – 1,5.

2.2. All page-sides shall be 2 centimeters.

2.3. The volume of article shouldn't exceed 16–18 pages (note: 22 pages, or 40 000 symbols, including gaps and punctuation marks, make one printed page).

2.4. References are made out page by page. Numbering goes through.

2.5. References are arranged according to state standard specification 7.0.5 – 2008 "The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up". In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

2.6. All pages of the manuscript should be numbered.

2.7. Names of the organizations, public authorities, institutions, international organizations aren't reduced. All abbreviations and reductions, except for well-known, shall be deciphered at the first use in the text.

2.8. All tables shall be mentioned in the text. Each table is printed on the separate page and numbered according to its first mention in the text. Each column must have short heading (reductions and abbreviations can be used there). Explanations of terms, abbreviations are located in references (notes), but not in the table headings. The symbol – * is applied for references. If data from other published or unpublished source are used, its heading has to be named completely.

2.9. Schemes and charts shall be numbered and submitted in separate files.

2.10. Illustrations (photos) can be black-and-white or colored, scanned with the dimension of 300 dots per inch and kept in the separate file in the tif or jpg format.

3. Reviewing of the materials coming to edition

3.1. All materials sent to editorial office of the magazine, corresponding to its subject are exposed to reviewing for the purpose of their expert assessment.

3.2. All reviewers are recognized specialists in subject of the reviewed materials.

3.3. Reviews are stored in the publishing house and in editorial office of the magazine within 5 years.

3.4. Editorial office of the magazine sends the copy of reviews or motivated refusal to authors of the presented materials.

4. The decision to publish and to refuse publication

4.1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

4.2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of law is necessary to make decision on the publication.

4.3. According to the recommendation of the editorial board completion (quality improvement) of article by the author is in some cases possible. Article sent to the author to completion has to be returned in the corrected form together with its initial version in the shortest terms. The author (co-authors) needs to attach the letter containing answers to the remarks made by edition and explaining all changes made in article to the processed manuscript.

4.4. Refusal in the publication is possible in cases:

- article's discrepancy to a profile and specifics of the journal;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- article's discrepancy to scientific level and practical usefulness criteria;
- negative conclusion of the editorial board;
- the article (or identical materials) is published or submitted for publication in other printed editions;
- non-compliance of the article with the requirements for the design of materials.

4.5. Manuscripts submitted for publication are not returned.

4.6. The opinion of the editorial board does not always coincide with the author's point of view.

**ВЕСТНИК
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

СЕРИЯ: ПРАВО. 2024. № 4 (59)

Дата выхода в свет 25.02.2025

Ведущий редактор *Ю. С. Гудкова*
Компьютерная верстка *Е. Н. Попуга*

Формат 60×84/8.
Уч.-изд. л. 24,8. Усл. п. л. 23,3. Тираж 100 экз. Заказ 528

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3